ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №2 | 2023

Валерий Кудринский | Таймыр — край удивительный | 2003

Валерий Кудринский | Первый снег

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №2 | 2023

В номере

ДиН публицистика

Галина Ульянова
3 Нет мне ответа…

Александр Ломтев
7 Встречи в пути

ДиН краеведение

Геннадий Карпов
17 Два Михаила

ДиН память

21 Красноярск. День поэзии. 1967

Георгий Граубин
114 Сахара

Виталий Шлёнский
193 Нагулял козлёнок волчий аппетит

ДиН стихи

Николай Ерёмин
29 Надежда на потом

Наталья Макеева
32 Призрак войны

Инна Кучерова
36 О любви с любовью

Игорь Голубь
112 Мелодия большого света

Мария Муравьёва
115 Колыбельная для ангела

Елена Гусева
117 В земном полнозвучии

Дмитрий Филиппенко
119 Ступени

Валерий Сухов
122 Родным повеяло издалека

Елена Кириллова
124 Кто-то легко окликает меня

ДиН проза

Вадим Наговицын
38 Невозвратный долг

Сергей Кузичкин
61 Сны Пиноккио

Мосты над облаками

Сергей Ахметов
78 Воскресенье

Библиотека современного рассказа

Михаил Смирнов
87 И настанет день

Светлана Бутусова
96 Не шути с лесом

Вячеслав Нескоромных
102 Старая прялка

Игорь Герман
105 Подарок

ДиН детям

Дарья Назарова
101 Магнит для счастья

Марина Саввиных
170 Завещание «Минотавра»

ДиН ревю

Елена Басалаева
116 Гены

Дмитрий Косяков
121 Смотреть в будущее

Сергей Кузнечихин
143 Никола зимний

ДиН полемика

Татьяна Янковская
127 Три статьи о проблемах языка

ДиН взгляд

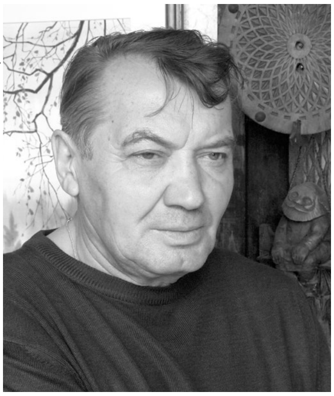
Рустам Мавлиханов
144 Страсти по Европе

Синяя тетрадь

191 Светить всегда!

194 Красноярский литературный лицей: *Сны и мечты*

196 ДиН авторы



ДиН галерея

Сила и нежность Валерия Кудринского

6 марта 2023 года после продолжительной тяжёлой болезни ушёл из жизни выдающийся российский художник *Валерий Кудринский*.

«Валерия Иннокентьевича Кудринского — талантливого, яркого художника с могучим сибирским характером — с нами больше нет, — в тот же день сообщил журналистам губернатор Красноярского края Александр Усс. — Год назад мы отметили его 75-летие. До своего очередного дня рождения он не дожил несколько дней. Тяжело болел, но продолжал работать. Его картины стали неотъемлемой частью нашей культуры, гордостью и достоянием Красноярского края. Акварели Кудринского хранятся во многих музеях России и за рубежом, украшают частные коллекции. В них — сила и энергия, но в то же время — пронзительная нежность и грусть. Мастер и Человек с большой буквы. Спасибо ему за всё!»

Картины Валерия Кудринского хорошо знакомы читателям «ДиН» по всему русскому безрубежью. Не раз они становились частью художественного пространства нашего журнала, оттеняя и углубляя смысл опубликованных литературных произведений. Размещая на обложке апрельского номера «ДиН» репродукции картин Валерия Кудринского, редколлегия и редакция журнала отдают дань памяти великого труженика и гениального художника, нашего земляка.

Галина Ульянова

Нет мне ответа…

В. П. Астафьев о В. М. Шукшине

Могучий он был человек —
и духа могучего, и таланта!
Валентин Распутин
о Викторе Астафьеве

У меня в руках бесценная книга с притягивающим к себе названием «Нет мне ответа». Эпистолярный дневник. Виктор Астафьев (М.: Эксмо, 2012.— 896 с. Большая книга).

Первое, что приходит в голову: посмотреть, нет ли среди всех писем хотя бы одного письма к В. Шукшину или от Шукшина Астафьеву. Сразу читаю содержание: нет… Жаль… Смотрю «Указатель имён» и нахожу: «Шукшин Василий Макарович, прозаик, актёр, режиссёр, Москва…» Дальше указаны страницы, на которых упоминается известное имя. Конечно, читаю сначала письма и строчки о В. М. Шукшине.

Приглашаю это сделать, уважаемые читатели, вместе со мной. Есть интересные и малоизвестные, а то и вовсе не известные строки выдающегося писателя двадцатого века о своём «собрате по перу», как он называет В. Шукшина.

В двадцати письмах, написанных в разное время и разным адресатам, упоминается В. М. Шукшин. Во многих случаях отзыв большого русского писателя интересен, необычен, практически не был известен до выхода этой книги. Заслуживают внимания и размышления о судьбах русских писателей, судьбах нелёгких, подчас трагических, как и судьба нашей многострадальной Родины — матушки-России.

Первый отзыв-воспоминание о Шукшине В. П. Астафьев написал ещё в 1979 году:

«Во время съёмок „Калины красной“ он бывал у меня дома в Вологде. Сидел он за столом, пил кофе, много курил. И меня поразило некоторое несоответствие того, как о нём писали… Его изображали таким мужичком… Есть такое, как только сибиряк — так или головорез, или мужичок такой… И сами сибирячки ещё любят подыграть… Так вот, за столом передо мной сидел интеллигент, не только в манерах своих, в способах общения, но и по облику… Очень утончённое лицо… В нём всё было как-то соответственно. Он говорил немного, но был как-то активно общителен… У меня было ощущение огромного счастья от общения с человеком очень интересным… Вот такой облик во мне запечатлелся и таким запечатлелся навсегда…»

В свою очередь, Шукшин в письме к В. Белову написал: «Вите Астафьеву — привет. Скажи ему мой совет: пусть немного обозлится».

В письме к В. Юровских 6 ноября 1974 года Виктор Петрович пишет:

«…В один день пришли письма от тебя и Вити Потанина. Очень я рад, что всё у вас так хорошо пошло. Я безвылазно сидел в деревне, нога зажила, раскачиваюсь, начинаю работать, собирал боровые плоды, бруснику, удил — хорошо окунёк берёт.

Выехал на съезд книголюбов, и в Москве меня подсекла весть о смерти Василия Макаровича Шукшина — земляка моего, которого я сильно любил и гордился им. Вот уж не везёт русским талантам и самородкам в особенности!

Мысли кислые какие-то. И нет их, мыслей-то. Снова еду завтра в деревню — мне работа в горе первое лекарство…»

Пространные комментарии к письму, по-моему, излишни: два слова объясняют отношение старшего писателя к рано ушедшему младшему «собрату» — «подсекла весть» и «горе».

В письме В. Я. Курбатову от 13 ноября 1974 года читаем:

«Ах ты! Ах ты! Живёшь, живёшь! В праздник погиб у нас на своей машине Коля Бурмагин, прекрасный график. Разбился весь, изуродовался, а в гробу лежит — мальчик мальчиком, только борода седая. Меня оторопь берёт от наблюдения последних десяти лет — все покойники, даже пропойцы, стали выглядеть в гробу красивыми и успокоенными. Коля Рубцов остановил на губах ироническую улыбочку: что, дескать, взяли? Я-то отмучился!

А Вася Шукшин лежал в гробу с выражением некоего лёгкого упрёка. Ну, я уж совсем на минор перешёл, а мне ведь сегодня ещё работать!..»

В марте 1975 года Астафьев пишет Николаю Волокитину:

«Дорогой Коля!

Что же это ты стал так часто и тяжело болеть? Молодой ведь ещё. Надо тебе всерьёз заняться своим здоровьем. Писателю современному нужно

много здоровья, чтобы работать и выносить всё, что вокруг и внутри литературы творится…»

Заканчивает письмо Виктор Петрович наказом:

«Шлю горькое и поучительное последнее интервью Шукшина — почитайте все. Полезно!»

Речь, конечно же, об интервью В. Шукшина корреспонденту «Литературной газеты» Г. Цитриняку летом 1974 года во время съёмок фильма «Они сражались за Родину». Опубликовано 13 ноября этой газетой под заголовком «Ещё раз выверяя свою жизнь…». И дополнения к данному интервью, сделанные болгарским корреспондентом Спасом Поповым в газете «Народна култура».

В. Шукшин в этом интервью определяет свою позицию в литературе, кинематографе, своё отношение к писателям и писательскому труду…

7 апреля 1975 года Астафьев пишет письмо Ю. Алексеевой и Е. Капустину. Это даже не письмо, а мини-рассказ, если возможно так назвать. Прекрасное описание реки, художественное, как умел это делать Виктор Петрович, реки, только что освободившейся от зимнего льда, вырвавшейся на волю:

«Я пошёл домой, оглянулся, река всё дышала, чуть растерянная, ещё не привыкшая к наготе. Я вспомнил Шукшина, его „Калину“ и подумал, что вот так, наверное, как он сыграл, выходит арестант из-под конвоя на волю, делает выдох, удаляя из себя спёртый горький воздух неволи, и, громко топая, вслушиваясь в вольные шаги, пока ещё не веря себе, идёт и идёт, сам не зная куда, лишь бы идти, лишь бы слышать свои шаги, дышать своей грудью вольно!

Ничего не знаю прекрасней реки, она заставляет жить, думать, куда-то стремиться…»

И снова письмо Валентину Курбатову 2 декабря 1977 года (писем В. Я. Курбатову много, и письма обстоятельные):

«Увёз книгу в Москву. Думаю, пока читают в издательстве, хоть в театры похожу. Куда там! Навалилось какое-то воронье из газет, из полудрузей, просто людей любопытных, и спать-то не дают, а тут ещё с кино надо было помогать, да и друзей-то хоть немного повидать. Трижды выступал, редколлегия журнала была и ещё какие-то дела. И все в голос: „Вы должны!“ Я уж в Академии общественных наук, выступая, ляпнул, что всё время и всем должен, а мне почему-то никто и ничего…

Было пятилетие со дня кончины Я. В. Смелякова, узким кругом ездили на Новодевичье. Шёл проливной дождь, а хотелось и Александру Трифоновичу (Твардовскому) поклониться, и к Василию Макаровичу (Шукшину) завернуть. Завернул, спрашиваю: „Ты чего ж, Макарыч, в такую сиротскую зиму здесь один лежишь? Зачем тебе это нужно?..“ Молчит, смотрит с портрета печально, как бы говоря: „А что делать, земляк? И ты ляжешь. Между прочим, здесь нисколько не хуже, чем у вас, даже потише маленько, и все, воистину, равны…“»

Круг общения писателя был очень широк: это не только собратья по перу, но и критики, издатели, режиссёры, актёры…

Так, в письме к народному артисту СССР Михаилу Ульянову в декабре 1977 года Астафьев пишет:

«Вчера я Вас видел по телевидению в „Театральных встречах“, откуда и узнал, что Вы начали работать над шукшинским „Разиным“. Я знал Василия Макаровича, он бывал у нас дома, и рад, что самый дорогой ему материал попал в Ваши, а не в какие-то другие руки. Рад, что Пугачёва (думаю, что это ошибка редакторов: речь-то идёт о Разине. — *Авт.*) будет играть Матвеев, манит исторический материал, слово Шукшина, звучное и неистовое, поворотит его на назначенную Богом стезю и уведёт из придворья».

Спектакль по роману В. М. Шукшина «Я пришёл дать вам волю» состоялся в 1979 году в театре имени Вахтангова. В роли Степана Разина был народный артист СССР Михаил Ульянов. После каждого спектакля актёр терял два килограмма веса.

В этом же письме Виктор Петрович сочувствует людям, создающим кино:

«Сняли на „Мосфильме“ и первую картину по моей повести „Перевал“. Фильм называется „Сюда не залетали чайки“. К картине отношение хорошее — она очень скромная, но сделана с большим уважением к нашим людям и земле. Побывал я на съёмках. Ну и хлеб киношный! Уж наш вроде бы нелёгок и с полынью пополам, а этот не знаю с чем и сравнить. Разве что с солдатским, фронтовым — столь много надо самоотверженности, преданности и любви к этому шебутному делу».

В письме от 14 апреля 1979 года Михаилу Шламову (другу детства. — *Авт.*):

«…Знаешь ли ты, что нынче юбилей нашего незабвенного города детства? Да, 29 июня Игарке отмечается её пятидесятилетие. Многие старые игарчане собираются туда. Собираюсь и я. С 1959 года не бывал в Игарке. Хорошо бы поехать вместе. С начала июня я буду в родной деревне — час езды от Красноярска, в деревне найти меня легко. Там пробуду до начала июля, а потом, видимо, поеду на Алтай, на юбилей покойного собрата по перу — Василия Макаровича Шукшина».

14 сентября того же 1979 года написано письмо Вадиму Летову, в котором, кроме горестных слов по поводу смерти своего отца, неприятностей семейных (развод дочери), пишет:

«Бывал я на чтениях Шукшина. Ну и места, ну и природа! Красотища, и климат крымский. Народу было — тьма» (отмечалось пятидесятилетие В. М. Шукшина. — *Авт.*).

В очередном письме В. Я. Курбатову 1 ноября 1983 года Астафьев пишет о своей работе над

романом о ВОВ, обращается за советом и помощью, там же — о планах:

«А поеду-ка я на курорт в Белокуриху отдохнуть. Очень устал. Надо отдохнуть и сил набраться для дальнейшей работы. Здесь отдыха не получается, звонят кому не лень, и спасенье ещё в том, что телефон плохо работает. Кроме того, в Алтайском крае живёт мой фронтовой дружок, и в самом Барнауле — семья погибшего товарища, надо навестить и того, и других. Может, и к Шукшину удастся съездить без толпы».

1 ноября 1984 года — опять В. Курбатову:

«В Москве на этот раз как-то непонятно провели время. Два раза были в театре, и оба раза в Малом, и оба раза удачно. Навестили любезных моему сердцу художников, чудесных русских братьев Ткачёвых, Алёшу и Сергея, пробыли у них почти целый незабываемый день. Побывали дома у Анатолия Дмитриевича Папанова, навестили дома больного Михаила Ульянова и повидались с Толей Заболоцким, с Лёвой Дуровым и со всеми приятными нашему сердцу людьми…

Письмо твоё о смерти отца пришло как раз в момент эпопеи с печкой, я ничего не мог писать, даже в Ленинград на конференцию по Шукшину не поехал, что вызвало, конечно же, кривотолки и раздражение некоторых „борцов“, более любящих своих собратьев вдогонку, да и не угодить мне всем-то, а погреться надо было».

Интересное письмо Евгению Носову отправлено в августе 1992 года. Во-первых, о съезде писателей того года:

«Съезд, или то, что было названо съездом, было последним позорищем, достойным нашего времени и писателей, которые это позорище устроили. Раньше как-то незаметней было. А тут сивые, облезлые старые неврастеники, ещё более пьяные и дурные, чем прежде, дёргаются, орут кто во что горазд, видя впереди одну жалкую цель, чтобы им остаться хоть в каком-то Союзе, возле хоть какой-то кормушки. О Господи! Более жалкого зрелища я, кажется, ещё не видел в своей жизни…»

А далее опять об Алтае:

«А мы с внучкой съездили на Алтай, в деревню, что напрямую в 30 километрах от шукшинских Сросток…

Ездил я на Шукшинские чтения, это уже второй год подряд, и второй год говорю: *„Не надо каждый-то год“, — на Пикете скоро совсем не останется травы, да и село покоя не знает от праздно-патриотического народа. Опять было многолюдно, торговля с машин на горе бойкая шла, торговали всем, вплоть до спиртного, и ни единой книжки, ни бумажки, ни открыточки Шукшина нету, и вообще это дело превратилось в дежурное мероприятие…*

Был я и в Смоленском, где Толя Соболев лежит… Тут было всё поскромнее и потише».

Книги-то Шукшина на чтениях продавались, но их, как правило, не хватало всем желающим, и разбирали всё с раннего утра. Люди приезжали часов в шесть-семь, занимали места поближе к сцене и к киоскам с книгами В. М. Шукшина. Так что Виктор Петрович просто не видел очередей за книгами, а делегации писателей и артистов подвозили к началу программы, когда действительно всё уже было распродано.

А вот со словами писателя о том, что чтения превратились «в дежурное мероприятие», я полностью согласна. Особенно это стало заметно в последние годы: дежурные, как правило, хвалебные речи в адрес краевых властей, перемежающиеся выступлениями актёров и некоторых коллективов, больше из краевой столицы… Теперь серьёзных вопросов, как было раньше и к чему призывал В. Г. Распутин, обращаясь к высоким властям и к людям, нет. «Здесь, на Пикете, надо говорить о главном, слушать лучшее», — вот его наказ. Иногда кажется, что приехали хвалить друг друга, забыв, к кому явились, зачем здесь собрались…

Да, простят меня читатели за лирическое отступление от темы.

Интересны, обстоятельны и высокохудожественны письма В. П. Астафьева Евгению Носову. 31 октября 1993 года пишет:

«Взялись, Женя, и за меня товарищи коммунисты, руками крысиного зверолова Буйлова по наущению и под руководством писательского начальства и других защитников русского народа пишут всякую слякоть, но я не читаю, разумеется, ихних изданий и никогда не отвечаю, так домой звонят. И каков же уровень защитников чистоты морали и высот патриотизма! Поля — внучка — взяла трубку, а та давай ей что-то про деда лепить, а она, бедная, лепечет: мол, я всё равно деда уважаю и буду уважать. Потом взяла куклу, причёсывает её и ворчит: „Какая некультурная женщина, а ещё читательшей себя называет…“

Я, конечно, помню, как в Блуднове взашей гнали из избы Яшина тех, кто его травил, и запретили им являться к могиле покойного поэта. Помню и Фёдора Абрамова, как он тряс своим чубом, увидев подпись родного дяди под письмом в „Правду“, как он ему говорил: „Ты чё, дурак, хоть понимаешь, чего подписал?“ — „Дак, я пьяной был, говорят, мол, тут про Фёдора надо подписать. Откуль же я знал, чё там писано?“»

Тут сразу приходят на память слова В. М. Шукшина: «Ни ума, ни силы, ни одной живой мысли. Да с помощью чего же они правят нами? Остаётся одно — с помощью нашей собственной глупости».

А дальше в этом же письме к Носову Астафьев продолжает:

«А как Василия Макаровича на родине честили, а теперь заливаются, слюнями брызгая: „Наш великий земляк! Наш знаменитый земляк!..“

А Василя Быкова как брали в оборот? В стогу сена за городом ночевал мужик. Дома сделалось жить невозможно. Мальчишка-школьник, плача, спрашивал: „Почему тебя, папа, все называют врагом народа?“

Один Володя Карпов стоял грудью против всех, так его так устряпали, что в последний раз я его едва узнал…

Ну что ж, „хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспоривай глупца…“. Вон когда сказано-то! И кем!..»

Примерно так же Василий Шукшин успокаивает свою мать по поводу глупой и несправедливой критики его фильма «Печки-лавочки», да и рассказов, на малой родине, то есть на Алтае: «Ты там не расстраивайся из-за глупой критики: не всякий же, кто ощерился, тот и сказал умное слово. Я делаю свои картины не для дураков. Обидно только, что за них же, идиотов, вступаешься (у них ведь жрать-то нечего), и они же намерены в тебя грязью кинуть. Но, видно, это всегда так было. Я спокоен».

Продолжая письмо, Виктор Петрович пишет:

«Видел, в „Москве“ объявлены твои новые рассказы, буду ждать. Там же начала печататься совершенно изумительная повесть Ивана Шмелёва „Нянька из Москвы“—и от такой литературы мы были отторгнуты, читали шедевры Панфёрова, Кочетова, Кожевникова и прочих! Ах ты, Господи!»

Горький итог деревенской прозе подвёл Виктор Петрович Астафьев, также внёсший в неё свой весомый вклад:

«Мы отпели последний плач—человек пятнадцать нашлось плакальщиков о бывшей деревне. Мы и воспевали её одновременно. Как говорится, восплакали хорошо, на достойном уровне, достойном нашей истории, нашей деревни, нашего крестьянства. Но это кончилось. Сейчас идут только жалкие подражания книгам, которые были созданы двадцать-тридцать лет назад. Подражают те наивные люди, которые пишут про уже угасшую деревню.

Литература теперь должна пробиваться через асфальт».

В самом деле, во второй половине двадцатого века в русской, или, хотите, в советской, литературе сложился мощный кулак писателей-патриотов, куда входили Виктор Астафьев и Василий Шукшин. Этого не скажешь о современной литературе, хотя остались единицы писателей, которые пытаются сохранить светлые идеалы и традиции настоящей русской литературы и борются, как могут, за честь и достоинство русского человека.

Хочется верить, что борьба их не пройдёт бесследно, приведёт к победе, сплочению, и родится ещё более мощный «кулак» в нашей литературе, который сможет «пробиваться через асфальт».

Хочется надеяться и верить, как верил В. Шукшин, как верил В. Астафьев, глядя с высоты шукшинского Пикета на Родину:

«Пройдут годы, всё так же будут шуметь берёзы, всё так же будет катить воды Катунь, всё так же будут стоять Сростки, но я уверен, что слава этого человека, облик его будет в годах всё более благороден и светел».

P. S.

Совсем недавно в мои руки попала книга ещё одного нашего писателя—патриота в полном смысле этого слова, который продолжает традиции В. Астафьева, В. Распутина, В. Шукшина… «Уроки русского»—так называется книга очерков о русском языке, русской литературе, истинно русских писателях двадцатого—начала двадцать первого веков Владимира Личутина. Один из очерков посвящён памяти Василия Шукшина и назван «Сон сбылся».

«Я познакомился с Василием Макаровичем в день его смерти, будучи в Архангельске, за тысячи вёрст от Шукшина. По-мирски случай необъяснимый. Он явился ко мне в сон, улыбчивый, ясноликий, по-братски дружественный; он вёл себя так искренне и доверительно, будто мы век были знакомы или считаемся за родню. Всю ночь мы вели задушевную беседу, потом Шукшин раскланялся и ушёл. Я проснулся с ощущением праздника, помня каждое его слово, словно бы слова зубилом вычеканились в памяти. С чувством душевной радости я включил телевизор; и тут России сообщили, что писателя не стало…» Это начало очерка.

А вот и концовка:

«…Шукшин сражался за родину всю свою жизнь. Городское „болото“ заталкивало Шукшина в диссиденты, а он, вступая в коммунисты, искренне писал в анкете: „От линии партии никогда не отклонялся“.

…Наверное, слава Богу, что Шукшин не дожил до срама и глума девяностых годов, до безумной вакханалии бескорневых орд, той нежити, что, увы, не пропала в ночи и после „третьих петухов“, а взялась с усердием царевать на России. У этого вспыльчивого, больного Россией, искреннего человека оставалось бы, наверное, два выхода: или бросить гранату через „кремлёвскую стену“, или застрелиться».

И всё-таки, несмотря на трудности в нашей жизни, в литературе русской, хочется верить, что сможет она вновь «пробиться через асфальт» и обрести, занять достойное место в мировой литературе. Появятся и в двадцать первом веке таланты, как писатели-классики девятнадцатого века, как писатели советской литературы двадцатого века, такие как Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Фёдор Абрамов, Василий Белов, Василий Шукшин и многие другие… Нам есть чем гордиться и есть что помнить…

Александр Ломтев

Встречи в пути

Из дневников провинциального журналиста

Грех с удовольствием?

Самолёт резко накренился и едва ли не спикировал на окружённый водой аэропорт. Пограничный таможенный досмотр, штамп в паспорт—и вот небольшая толпичка путешественников приволокла свои чемоданы к катеру, который, рассекая воды Венецианского залива, помчался к «плавающему» городу.

Запах тухлой воды, мусор на тротуарах и худые кошки быстро снизили градус романтических ожиданий… Нет, вид с моря—захватывающий (архитектуру я имею в виду), а уж островки, мимо которых пролетал катер, были просто восхитительны: коттеджик в апельсиновых деревьях и пальмах, собственный причал и обязательный катер или яхта—мне б так жить! Впрочем, времени на осмотр достопримечательностей и катание на гондолах практически не было. В порту Сан-Базилио нас ждал теплоход «Atgean Odyssey» («Эгейский Одиссей»), на котором мы отправились в плаванье через семь морей.

После прошлогоднего неудачного полёта на дельталёте сломанная нога ещё не очень-то восстановилась, и я плёлся в самом хвосте. Рядом со мной плёлся ещё один не слишком молодой полноватый гражданин. Он сказал что-то ироничное по поводу наших физических возможностей, я поддакнул; пока доплелись до теплохода, разговорились. Мусор на тротуарах и голодные кошки под ногами ему тоже не понравились. Только через день, уже во время плаванья, я узнал, что собеседник мой—епископ Женевский и Западноевропейский Михаил.

Идея этого морского похода была в следующем. Подходило девяностолетие со дня исхода русской эскадры из Севастополя, Гражданская война белыми была окончательно проиграна. С этой эскадрой уходили в Бизерту люди разных сословий—от князей до казаков. И Фонд Андрея Первозванного решил провести символическое «возвращение» эмигрантов первой волны, организовав морской поход в обратном направлении—из Бизерты в Севастополь…

И вот—лазурная Адриатика, лёгкий ветерок, чайки, завтрак на открытой палубе; за моим столом князья Шаховской и Трубецкой, граф, фамилию которого я ещё не знаю. За соседними столами—прямые потомки русских эмигрантов первой волны: Чавчавадзе, Нарышкины, Головины, российские общественные и государственные деятели, деятели искусства—известные писатели, художники и журналисты.

Мне, недавнему советскому человеку, и странно, и смешно.

— Князь, будьте добры, передайте солонку. Граф, вам красного или белого?

Матросы драят и без того чистую палубу. Команда филиппинская, все одинаковые, смешливые и доброжелательные. *«Вайн ред, сэр?»* Нет, мне чаю, ти, ти… *«Ти, тшай, са-мо-уар»*…

Я всё как-то не решался подойти к моему давешнему «попутчику», возле него всё время крутились «начальники» и московские журналисты, но он сам, заметив меня, подошёл поздороваться, и тут я, естественно, напросился на беседу.

Разговор получился долгим и обстоятельным, да и позже удавалось несколько раз поговорить. Оказалось, что собеседник мой—из донских казаков, хоть и родился в Париже, но окружён был русской речью и русскими обычаями.

— У нас дома говорили только по-русски, а ещё родную речь помогала сохранить Церковь, я практически рос при храме с самого детства. Священники, кстати, не только учили нас молитвам, но и играли с нами в футбол.

Меня-то, конечно, в первую очередь интересовало, кто же, на его взгляд, прав, кто виноват—белые ли красные.

— И те, и другие правы, и те, и другие виноваты. Как бы там ни было, у нас одно прошлое… Да, в СССР храмы превращали в гаражи, а в эмиграции гаражи превращали в храмы… История сложилась так, как она сложилась, но! Без нас Господь нас не спасает; доля ответственности самого человека очень велика… Самый страшный грех—отказ от любви… А тяжесть греха в том, что грех человек вершит с удовольствием…

И мне вдруг вспомнилась другая недавняя встреча, совсем в другом месте и с другим священником. Однажды журналистские извилистые дорожки занесли меня в мордовский лагерь для

иностранных зеков (кажется, в Потьме), где на территории тюрьмы открывали католическую церковку. Горели свечи, непонятно, но очень убедительно звучала молитва священника, прихожане и прихожанки — большей частью чернокожие — в серых арестантских бушлатах истово молились, некоторые плакали, видимо, сожалея о том, что некогда грешили с удовольствием…

После церемонии мы пили чай в красном уголке, и когда люди в погонах оставили нас наедине с католическим епископом Клеменсом Пиккелем, мы разговорились. Он очень интересно рассказывал о том, что сам пожелал поехать в Россию, что лично знаком с самим Папой. В завершение беседы я (намекая на возможность и самому ему когда-нибудь стать Папой) полушутя спросил:

— Отец Клеменс, а какие у вас дальнейшие планы?

Отец Клеменс задумался лишь на секунду:

— Если буду всё делать правильно, то при благоприятном стечении обстоятельств попаду в рай!

По дороге с войны

Ночь. «Баргузин» бодро бежит по дороге, удаляясь от Моздока. Мы только что отвезли в Чечню гуманитарный груз, а на обратном пути прихватили двух офицеров-попутчиков, возвращавшихся из полугодовой командировки в Гудермесе. Офицеры пили коньяк, а когда он закончился — водку, вспоминали недавнее…

Потом один из них, Феликс, перебрался на переднее сиденье и начал занимать меня, чтобы в сон не клонило, разговорами (я был за рулём). О многом мы в ту ночь переговорили. Одна вещь почему-то врезалась в память.

— Знаешь, каждый мужик должен побывать на войне! — очень убеждённо сказал он.

— Почему? — спросил я, ожидая, что он заведёт разговор о Родине, о патриотизме и так далее.

Но он сказал:

— Чтобы ценили своих жён. Я там спать ложусь и считаю: ещё на один день ближе к жене. Я её сейчас знаешь как люблю!.. Ну, пройдёт полгода, привыкну, как-то всё притрётся. Но всё равно… Кто под пулями вдали от семьи, от жены походил…

Фраза эта: «Я её сейчас знаешь как люблю!» — не раз вспоминалась мне позже, когда я сам провёл в Чечне не одну неделю…

Охота на Ельцина

Саров — федеральный ядерный центр, щит Родины, а, пожалуй, и меч. Горбачёв ушёл, пришёл Ельцин. В стране разруха, разброд и шатание. Привычные к сытой, вольготной жизни за тремя рядами колючей проволоки лучшие учёные и инженеры страны почувствовали, как почва уходит у них из-под ног. Зарплату не платят месяцами, продукты дорожают, в некогда тихой заводи растёт преступность. Дело дошло до митингов. И вот в Саров прилетает сам Ельцин.

Аэродром, толпа чиновников у трапа, за спинами чиновников толпа журналистов — московских и местных. Я шепчу своему фотокору Андрею Синельщикову:

— Андрюша, помни: снимок на первую полосу! Крупно и качественно…

На ступеньки трапа ступает президент России, и журналисты напирают на ряд «официальных лиц», и если бы не крепкие вежливые ребята среди них, просто облепили бы трап. Щёлкают фотокамеры, суетятся телеоператоры, из-за шей чиновников тянутся диктофоны.

— Борис Николаевич, Борис Николаевич!

Настроение падает, сделать в такой толчее хороший кадр — это вряд ли. Ельцин ответил на два-три вопроса, и его повели к выходу с аэродрома, а журналистов, как стадо гусей, погнали в сторону. И тут я заметил, как Андрей, пользуясь суетой, проскользнул в густой кустарник, что рос как раз вдоль дорожки, по которой поведут к машине Ельцина.

Мне стало не по себе. Дело-то рискованное. Нас уже оттеснили к выходу, когда одна из саровских журналисток взяла ближайшего секьюрити за локоть и с обидой в голосе сказала:

— А чего это нам нельзя близко, а Синельщикову можно?

— Какому Синельщикову? — опешил охранник. — Где?!

— Да вон в кустах сидит!

Естественно, Андрюшу тут же извлекли из кустов и прогнали к остальным журналистам. Я услышал, как один из охранников тихонько сказал ему, показывая на крышу одного из аэродромных строений:

— Видишь, кто там сидит? Понимаешь, что он мог подумать, увидев в кустах блеск твоего объектива?

Так что хоть Андрей очень обижался на выдавшую его коллегу, я-то для себя решил, что ему, возможно, очень повезло.

Ельцин пробыл в Сарове целый день, побывал в ядерном центре, ходил по улицам и даже зашёл в продуктовый магазин, в который по этому случаю завезли всякой всячины и было не протолкнуться. На Ельцина тогда надеялись, ему ещё верили…

А снимок на первую полосу у Андрея получился замечательный.

Что такое звёзды?

Север Каракумов, с одной стороны — синяя линия чинков Устюрта, по другую — озеро-море Сарыкамыш, вокруг — пески. По заданию зоологов МГУ мы проверяем вероятность существования азиатского гепарда, который то ли вымер в Средней Азии, то ли ещё нет. Лагерь-времянка гидрогеологов на странном озере посреди Каракумов. День угас,

и бархатное небо пересёк широкий Млечный Путь. Первая ночная свежесть, крыша вагончика, нагретые за день матрасы, тявканье шакалов где-то за барханом. Все гидрогеологи ушли в двухдневный маршрут по берегу Сарыкамыша, и нас приютил на ночь в лагере молодой туркмен Бахтияр. «Я тут сторожу потихоньку…»

Мы смотрим в небо, слушаем стрекот цикад, вдыхаем бездонный воздух пустыни. Наш неугомонный и разговорчивый приятель Валера потихоньку болтает с гостеприимным сторожем о том о сём.

Бахтияр:

— Звёзды всё падают и падают, а меньше их на небе почему-то не становится…

Валера:

— Бахтияр, ты разве не знаешь, что это не звёзды, а метеориты?!

Бахтияр:

— Не-а. А что такое метеориты?

Валера:

— Ну, это осколки небесных тел, комет, например…

Бахтияр:

— А что такое кометы?

И Валера, вспоминая что можно из школьной астрономии, учительским тоном, гордясь своим кругозором, прочитал Бахтияру целую лекцию. Бахтияр только крякал и восклицал:

— Да ну? Не может быть! Ух ты!..

Утром вернулись гидрогеологи, угостили нас свежепойманной сомятиной, рассказали, как встретились с крупным вараном. Потом проводили к берегу Сарыкамыша, вдоль которого нам предстояло идти по горячим барханам десятки километров. Уже у озера мы спохватились:

— Чёрт! Со сторожем не попрощались!

— С каким сторожем?

— С Бахтияром.

— С Бахтияром Исламовичем? Это не сторож, это начальник нашей партии, доктор наук. Самый молодой в республике, между прочим…

Мы шли по барханам, и наши лица горели не хуже поднимающегося над пустыней солнца. Эх, гордыня человеческая…

Мандариновый рай

Ждать пришлось несколько дней. Сначала у него случился незапланированный перелёт в Москву, потом происшествие — в Гальском районе грузинские диверсанты убили трёх абхазских милиционеров, ещё потом — делегация из Сербии. Но встреча была мне твёрдо обещана, и я терпеливо ждал. И хотя терпения особого не требовалось, поскольку в Абхазии я был впервые, всё здесь интересовало и волновало меня, всё же прошла почти неделя, прежде чем зазвонил, наконец, телефон и я услышал в трубке:

— Сергей Васильевич ждёт вас завтра в восемь утра.

Сергей Васильевич — Багапш, президент Абхазии…

На абхазское название республики — Апсны — хочется ответить: будьте здоровы! Впрочем, перевод весьма романтичен — Страна души… Сухум вызывал противоречивые чувства. Красивые заиндевелые (декабрь на дворе) горы, шикарные платаны и эвкалипты, озябшие пальмы и бескрайнее море… И — разбитое, обгорелое здание правительства, раненные пулями и осколками старинные дома с замысловатыми балкончиками (один дом зацепил особенно: уцелели стены, но нет крыши, и в окна видно, как внутри жилья буйно разрослась растительность — кусты, деревца, оплетённые лианами, а на уцелевшем трёхногом стуле — кукла); лёгкая тревога словно разбавленная в йодистом прозрачном воздухе, и беззаботные старички, играющие в шахматы на Брехаловке.

И мандарины, мандарины, мандарины. Оранжевые развалы на всех рынках, на перекрёстках, на трассе в Сочи, в грузовиках, фурах, прицепах саровского автопрома ещё легковушек и в самих легковушках, на границе. Каждое утро я начинал с похода к ближайшему рынку. На третий день и потом до конца командировки абхазская тётушка на ближайшем рынке, едва я подходил, уже протягивала мне пакет с двумя килограммами мандаринов. И я ел их, наслаждаясь и вкусом, и ароматом, и самим процессом освобождения от мягкой терпкой кожуры; абхазские мандарины не сравнятся ни с какими марокканскими…

Беседа с президентом оставила в душе странный след. С такой горьковатой ноткой вины. За Россию. На мой вопрос, не считает ли он, что русские в 1992 году бросили абхазов в беде, Багапш ответил жёстко:

— Так по большому счёту и было. Мы не раз обращались и к вашему президенту, и к российскому парламенту с просьбой остановить агрессию. Владислав Ардзинба (первый президент Абхазии. — *Авт.*) неоднократно пытался выйти на Ельцина, но с ним лично «никак не могли» связаться: то он купается, то в море удит рыбу. А ведь ему достаточно было стукнуть кулаком по столу и сказать: «Стоп!» Знаете, очень больно, когда надеешься на страну, которую уважаешь, к которой стремишься, в которой хочешь быть, а тебя просто-напросто…

Президент вздохнул и замолчал. Ровно через два года я услышу такие же слова в Белграде от серба Николы Живковича, возвратившись из только что захваченного албанцами Косова…

Багапш мне понравился. Он не старался меня «агитировать», не приукрашивал и не жаловался на жизнь республики, был спокоен и уверен, по всему — не пылал идеей мщения грузинам, при нём в Абхазию вернулось более шести тысяч

грузинских беженцев, а ведь я знал, что он был ранен во время первых этнических стычек… Да и обиды на Россию по большому счёту не держал, трезво осознавая, что его маленькой стране не на кого больше опереться.

Интервью получилось большим и сочным, его в разных вариантах опубликовали потом и региональные, и федеральные СМИ. Но у меня так и остался этот горький привкус: могли помочь — но не помогли…

Я не уехал сразу после интервью, как планировал сначала. Побывал в гостях у российских миротворцев и взял интервью у командующего генерал-майора Чабана, побродил по Новому Афону, полюбовался Новоафонским водопадом, который быстрые на язык журналисты назвали Афонской Ниагарой. И не забывал про мандарины.

Потом мне долго снились эти мандариновые развалы и, что удивительно, снился даже аромат мандаринов, перемешанный с запахом моря…

Труженик

Каждые выходные мы с друзьями выезжали из города на парапланёрные полёты. Останавливались на какой-нибудь горе, разбрасывали по склону свои пёстрые крылья и, поймав в купол восходящий поток и оторвавшись от склона, парили разноцветными лепестками в синем небе. Рассказывать об ощущениях бесполезно — нужно пробовать. Однажды ранней зимой мы приехали на склон возле большого мордовского села Якстерь Тяште. Уже не припомню, как это переводится, что-то вроде «Светлый путь» или «Путь к коммунизму» — в этом роде. Была суббота, село занималось повседневной работой. Где-то резали поросёнка, кололи дрова, тарахтел трактор. И тут из чиста поля, продвигаясь по пояс в снегу «противолодочным зигзагом», на склон вышел совершенно пьяный колхозник. Он долго смотрел на то, как наши пилоты взлетают, носятся вдоль склона, как ветер бросает их то вверх, то к склону.
— А сложиться эта штука может? — спросил он наконец, слегка покачиваясь.
— Может.
— И упасть может?
— Вообще-то может.

Колхозник вдруг нахмурился и, укоризненно качая головой, сказал:
— Вы, городские, насмерть убиться готовы, только бы не работать!.. — и, качаясь на ветру, побрёл к деревне.

Человек-амфибия в Мордовском заповеднике

Странные странности происходят порой в жизни. Почему-то именно на глухом кордоне в Мордовском заповеднике я познакомился с человеком, который вместе с легендарным Кусто бороздил подводные миры, и с человеком, побившим рекорд продолжительности пребывания в космосе.

Соратник Кусто Даниель Мерсье приехал на какой-то международный симпозиум в Саранск, откуда его и привезли на денёк в заповедник, и я по чистой случайности оказался там как раз в эти дни.

На зелёной лужайке у большого дома, от которого пахло тёплым деревом, сушёными травами и мёдом, стоял самодельный стол, рядом отцветала сирень, на струганых скамьях лежали плетёные цветастые мордовские половички, на бревенчатой стене избы висела полосатая шкура барсука; где-то за сиренью несла свои воды речка Мокша.

Мы с аппетитом хлебали свежую, с дымком, уху и пили водку — за Россию, за гостеприимных мордовских хозяев, за чистую воду и, конечно, за дружбу…

Седой, обаятельный, с любознательными весёлыми глазами, полноватый француз, энергично гоняя комаров, болтал без умолку, охотно отвечая на любые вопросы…
— Вы, русские, в отличие от других народов, умеете создавать атмосферу дружбы, приятельства; мне нравится, что вы собираетесь вместе, пьёте водку, это всегда так весело.
— Даниель, говорят, Кусто был диктатором…
— Может быть. Но мне в этом смысле больше запомнилась его жена — Симона Кусто, замечательная женщина. Именно она смогла найти деньги на финансирование «Калипсо», именно она занималась организацией всех путешествий. Можно сказать, что она была очень хорошим экономистом. Однажды при мне Кусто спросили, кто является капитаном «Калипсо». Симона, решительно отодвинув Кусто в сторону, ответила: «Я — капитан!..» О, она была первой французской ныряльщицей, была женщиной с твёрдым характером и в то же время сохраняла сдержанность при всех обстоятельствах; до конца скрывала от всех свою неизлечимую болезнь.

О море месье Мерсье мог говорить без остановки.
— Море так же непредсказуемо, как женщина. Конечно, под водой случаются разные трудности, но если вы в хорошей физической форме, если вы дружите с головой, то можно всё преодолеть. Кроме того, я много занимался спортом в горах и даже одно время мечтал стать гидом. И я им фактически стал, но только в море. По своему опыту я знаю, что люди, которые гибнут либо в горах, либо в море, — это чаще молодые люди. А вот как только доживаешь до сорока лет, то достигаешь такой физической формы, кроме того, у тебя есть бесценный опыт… Здесь ещё подключается осознание того, что ты уже выжил, и от этого хочется ещё больше жить. Жить, встречать красивых женщин, любить… У вас очень много

богатых людей, но живут они недалеко от меня. Например, в квартале, где я живу, моим соседом является Абрамович. Признаться, меня всегда интересовало: где богатые русские берут деньги, чтобы жить в таком месте?

Да, это многим жителям России интересно…

Здесь же, на заповедной заимке, не за этим ли самым столом, наверное, годом позже привелось мне беседовать с человеком противоположного «вектора». Космонавт Валерий Поляков — рекордсмен по непрерывному пребыванию в космосе. Он во всём отличался от француза; был сдержан, разговаривал мало, хотя охотно отвечал на вопросы, не налегал на закуски, да и водочку пил в меру. Впрочем, общее у них, конечно же, было — страсть к своему делу. У одного — к глубинам океанов, у другого — к глубинам космоса.

Поразило меня тогда его признание:

— Без космоса человечеству невозможно, космос — это наше будущее. Я хотел бы полететь на Марс. Даже в один конец…

Двойные стандарты

Почему именно меня позвали на международный симпозиум в Республику Сербскую (Босния и Герцеговина), я не знаю. Возможно, кого-то из организаторов заинтересовали мои очерки из разных «горячих точек». Как бы там ни было, после долгих переездов и перелётов я обнаружил себя в Бане-Луке в пёстрой компании политиков и публицистов из разных стран: берлинский немец, похожий на постаревшего Алена Делона, девяностолетний еврей из Иерусалима, два американца, осетин, сербы из Гааги, — в общем, с бору по сосенке. Тема — двойные стандарты современной политики. Животрепещущая тема. Только вот беда — стандарты все понимали по-своему.

Удивительное это образование — Босния и Герцеговина: государство, в котором сами по себе, обособленно, проживают хорваты-католики, мусульмане и православные сербы, а управляет этим образованием Высокий представитель мирового сообщества, действующий по мандату оон (видел я этого Высокого представителя — невысокий полноватый мужичок). Впрочем, президент в Республике Сербской всё же имелся, и мне удалось к нему пробиться. Райко Кузьманович был очень доброжелателен, не раз подчеркнул, что русские и сербы — братья. Говорил, однако, крайне осторожно, видимо понимая, что старшие братья не очень-то склонны сейчас вступаться за младших.

— Нам сейчас нужно учится слушать и слышать друг друга, чтобы не привести мир к новой «холодной войне». Необходимо приходить к пониманию равной ответственности сторон…

В общем, президент Республики Сербской напоминал мне кота Леопольда из мультфильма: «Ребята, давайте жить дружно». Я его, конечно, понимал: давно ли сша бомбили Белград, а Россия смолчала?..

Куда жёстче был премьер-министр Милорад Додик, с которым удалось поговорить через пару дней.

— Хорваты, мусульмане и сербы воевали, убивали друг друга, а теперь их заставили жить в одном государстве — абсурд ситуации настолько очевиден, что его не прикрыть никакой словесной эквилибристикой. Двойные стандарты? Да вот пример: бывшего президента Республики Сербской Биляну Плавшич в Гааге приговорили к одиннадцати годам тюрьмы за «командную ответственность», хотя она занималась чисто гуманитарными вопросами, а бывшего командующего армией боснийских мусульман, истребившего тысячи мирных сербов, — к трём годам, а позже вообще оправдали…

И всё же я печёнкой чувствовал, что все, с кем мне довелось встретиться и поговорить, — и владыка Баня-Лукский Ефрем, и настоятельница старинного монастыря Гомионица матушка Ефимия, и старый партизан Милдраг — все они жили надеждой, что времена справедливости вернутся, что вернётся в строй новая и сильная Россия, которая сломает, наконец, эти злосчастные двойные стандарты.

Русский

Восьмидесятые. Купе поезда Москва — Алма-Ата. В купе, кроме меня, старик-казах, русская древняя старуха и её сын. Старик говорит что-то в открытую дверь купе своему спутнику, стоящему в коридоре у раскрытого окна. Старуха изумлённо и жалостливо смотрит старику в рот. Потом поворачивается к сыну и громким шёпотом спрашивает:

— Он что, больной?

— Почему? — удивляется сын.

— Ну что это он вместо разговора всё «берген» да «берген»?..

— Мам, да он по-казахски говорит, не русский он. Помнишь, я в институте учился, английский язык изучал? Ну вот и тут так же…

— Что ж он — иностранец, что ли, англичан? — не понимает старуха.

Вскоре выяснилось, что старик едет под Курск, проведать могилу друга, с которым участвовал там в танковом сражении.

— Ну вот! — укоризненно говорит старуха сыну. — А ты говоришь — не русский. Раз воевал — стало быть, русский…

Храбрый горец Тасик

Дорога всё круче забирала вверх, завинчиваясь по склонам предгорий Кавказа. Непроглядная южная ночь накрыла землю, и мы видели только чёрную ленту нового, недавно уложенного шоссе с белёсыми гравийными обочинами впереди да

мелькающие по бокам дорожные знаки. Ехать было ещё далеко, и скорость снижать не хотелось, но по бокам замелькала какая-то строительная техника, отчего-то стало подсасывать под ложечкой, и я сбросил-таки скорость. И в этот момент дорога кончилась. Вот только что был асфальт—и вдруг пропал; мы почувствовали, что легковушка летит в темноту! В пропасть?! Сколько это длилось—секунду, две? Нам показалось—вечность. Машина плашмя ударилась оземь, и мы застыли не столько от удара, сколько в ожидании—не покатится ли авто вниз. Нет, машина стояла недвижно, и мы, кряхтя, выбрались из неё. Дорога действительно кончалась, словно обрубленная; в свете красных фонарей можно было увидеть её структуру в разрезе—песчаная насыпь, гравий, асфальт. До обрыва глубиной метров в триста было метров десять. Почему не был установлен предупреждающий знак, почему не было указателя на объезд—спросить было не у кого, вокруг ни души.

Так наша командировка в Южную Осетию могла завершиться досрочно, но нам повезло, машина не пострадала, люди, не считая пары синяков и шишки на голове, тоже…

…До Цхинвала мы добрались-таки. С окраины города видна едва ли не вся Южная Осетия. Мы бродим по остаткам двухэтажного здания—казармы российских миротворцев; под ногами хрустит битое стекло, ошмётки штукатурки и кирпича, стреляные автоматные и пулемётные гильзы. Много гильз.

—Во-он оттуда они шли,—показывает рукой в проём окна Садык Наструддинов—оставшийся в живых миротворец, старший лейтенант.—Утром мы увидели первую колонну, насчитали девять танков, двенадцать БМП и человек пятьсот на грузовиках и пикапах. Потом узнали, что там не только грузины были—ещё украинцы, прибалты и даже негры. Я тогда понял, почему вдруг накануне вечером грузинский наблюдатель ушёл. Говорит, срочное дело, и ушёл. А с этими в колонне было полно журналистов—с камерами, с фотоаппаратами. Они вон на той горке расположились и ждали начала, как в театре…

Я бродил среди руин и вспоминал Цхинвал советских времён—чистый бело-зелёный город, скверики и сады, живописные курортные горы за окраинами… Теперь это город-призрак. В сквере наткнулся на памятник: осетинский мыслитель Абаев сидит нога на ногу на постаменте, но мыслить ему нечем—грузинские солдаты его расстреляли, а потом отбили голову. Рядом в руинах играет обломками кирпичей, словно кубиками, мальчишка лет пяти. Незнакомые люди с фотоаппаратами и видеокамерами его напугали, но он не заплакал. Храбрый маленький горец. Подождав, когда коллеги разойдутся, подсел к нему. От смущения он уткнулся взглядом в грязные ладошки, но детское любопытство победило, и спелые смородины из-под пушистых ресниц заблестели на моё: «Привет, я дядя Саша».

—Было страшно,—почти шепчет Тасик.—Мы с папой и мамой и тётей Мадиной прятались вон в том подвале, а там вон стреляли.

—И долго прятались?

Тасик делает серьёзное лицо и разводит руки. Насколько может.

—Во-от сколько!

И всё же Цхинвал оживал, люди восстанавливали жильё, налаживали быт, с благодарностью принимая помощь России; на расстрелянной стене—афиша концерта маэстро Гергиева, рядом другая—спектакля волгоградского театра «Любовь до гроба». Через улицу колышется на ветру растяжка «Дни дружбы Южной Осетии и Приднестровья», то и дело видишь плакаты, на которых приднестровский и осетинский президенты стоят рядом. Плечом к плечу.

Вопросы для президента Южной Осетии Эдуарда Кокойты я заготовил заранее и до последнего надеялся на обещанную встречу. Но—не случилось.

Ночь здесь начинается неожиданно и быстро. Падает, словно пальто с вешалки, укрывая и город, и горы, и асфальтовый серпантин. Только крупные звёзды бриллиантовой россыпью над головой да дорожная разметка прихотливыми изгибами в свете фар. Дорога домой…

А интервью всё же состоялось. В заочном формате: свои вопросы я оставил министру печати республики Ирине Гаглоевой, которая передала их «шефу», и, уже вернувшись домой, я получил обстоятельные и подробные ответы на каждый из них.

Философия

О, эта загадочная русская душа! Общий вагон, второй час ночи, с одной стороны—богатырский храп разметавшегося во сне дембеля, с другой—тоненький плач цыганского ребёнка. За окном то летящий снег в непроглядной темени, то жёлтые огни на полустанках. Двое не спали и вели негромкую, но жаркую полемику. Один—в ватной фуфайке, в ватных же штанах, из-под ворота—тельняшка. То ли питерский «митёк», пустившийся по России в поисках новых впечатлений, то ли сезонный работяга. Другой—не тутошний: добротное пальто, дорогие очки и немятые брюки,—непонятно, в общем, почему в общем вагоне. Наверное, с билетами не повезло. Они пили водку, закусывали огурцами и спорили на дикую по месту и времени тему.

—Фашизм хуже коммунизма,—утверждал «митёк».

—Это практически одно и то же,—не соглашался интеллигентный.

— Нет, фашизм принципиально хуже!
— Почему?
— Вот смотри. Первое. Коммунисты делят людей на своих и чужих по идеологическому принципу. И у противника коммунизма, в принципе, есть возможность выжить, формально подстроившись под коммунистическую идеологию (даже внутренне не принимая её). Коммунисты не делят людей по расовой или национальной принадлежности. Они формально интернационалисты. Фашисты же делят людей по физиологическим признакам, по признакам расы и национальности. Физиологию не изменишь, цвет кожи не поменяешь, национальность скрыть не всегда можно. То есть если от коммунистического террора хоть как-то можно спастись, то от фашистского — почти невозможно. Второе. Коммунисты хотят равенства и счастья для всех. Возьми израильские кибуцы. Те же коммуны. Слова «коммунист» нет, а идеология при этом коммунистическая. Тяга людей к равенству и братству была, есть и будет всегда. Это естественное стремление. Понимаешь, коммунизм, как христианская идеология, естественен. Фашисты желают счастья лишь для избранных. Для избранной нации. Это неестественно…

Интеллигентный раздумчиво пожал плечами, а «митёк» опрокинул очередные «пятьдесят» и смачно захрустел огурцом…

Михаил Сергеевич и Гераклит

Нет, он уже не был президентом СССР, поскольку не было уже и самого СССР. И всё же я шёл на встречу с первым президентом СССР, пусть даже и с приставкой «экс»…

Мы беседовали часа полтора. Странные ощущения оставила в памяти та беседа. Он задумал организовать новую социал-демократическую партию, партию социализма с человеческим лицом. Зачем? Объяснял Михаил Сергеевич по обыкновению длинно и витиевато. И всё время сбивался на своё противостояние с Ельциным. Словно бы оправдывался. Мол, всё задумывалось вовсе не так, как в итоге получилось. Его не поняли, его не поддержали, а в конечном итоге — предали. Я спрашивал, он отвечал. Но отвечал не столько на мои вопросы, сколько на свои, которые, видимо, не переставали мучить его. Смесь обиды и сожаления слышал я в интонациях его голоса. И желание всё исправить.

Самое забавное, что он говорил всё очень правильно. И задумка сама по себе была верной. Народ уже подустал от Ельцина и от того бедлама, что тот организовал в стране. Но при этом было совершенно ясно, что всё это — пустое. Именно оттого, что исходило от Горбачёва. Всё же прав был мудрый грек Гераклит Эфесский. Утекла та вода, которая вынесла на крутой берег истории ставропольского комбайнёра; и когда выбросило её бешеное течение на отмель, то все попытки вновь нырнуть в бурные волны большой политики оказались напрасными. Мало кому это удалось… Ни у шустрого Немцова не получилось, ни у упрямого Явлинского, ни даже у такой глыбы, как де Голль… Из больших политиков непотопляемым оказался, пожалуй, лишь Уинстон Черчилль, которого не раз выбрасывало из стремнины, а он возвращался…

Я слушал бывшего президента, поглядывал на диктофон — хватит ли плёнки, записывал кое-что в блокнот, а сам всё думал: осознаёт ли этот человек, какой след оставил в истории огромного государства, понимает ли, где, когда и в чём ошибся? И вдруг понял: он ни разу не сказал об ошибках и, похоже, не считает, что ошибался в чём-то принципиальном. Не на тех людей положился — да, не тем политикам поверил — да, проявил мягкость — да. Но курс был верным! Просто поневоле вспоминался товарищ Дынин из очень советского фильма «Добро пожаловать, или Посторонним ход воспрещён»: «Товарищи, я хотел как лучше! Чтобы дети поправлялись, чтобы дисциплина была… Как же, товарищи?» Верил ли я в добрые намерения Горбачёва? Утверждают, что французский монах Бернард Клервосский в 1150 году написал, что «ад полон благими желаниями и намерениями». Так он хотел подчеркнуть двуличность человека и его помыслов. Люди, которые напоказ стараются делать добро, на самом деле творят злодеяния.

Интервью с Горбачёвым я в итоге написал. Большое интервью получилось, подробное, честное. И главное, что из него следовало, что старался Горбачёв показать себя человеком будущего, но было абсолютно ясно, что он безнадёжно человек прошлого. В общем, неприятный осадок остался у меня после той долгой, но, в общем-то, пустой беседы: всё поверхностно, всё в лишних словах и ненужных оправданиях. Он, как мне кажется, так и не осознал, отчего его «благие намерения» разрушили огромную державу…

Король испанский

Узнав о возможности побывать «в гостях» у испанского короля Филиппа VI, я, конечно, обрадовался. За годы в журналистике мне довелось встречаться (а то и брать интервью) с семью президентами, включая Бориса Ельцина, Михаила Горбачёва, Сергея Багапша или, скажем, президента Республики Сербской Райко Кузьмановича. А вот с монархами — как-то не довелось.

Дворец Сарсуэла расположен в северо-западном пригороде Мадрида, на горе Монте-эль-Пардо, и принадлежит не королевской семье, а Испании. Предместье дворца встретило нас… оленями. Группами и поодиночке они паслись вдоль дороги под сенью кудрявых южных сосен, каштанов и акаций, совершенно не обращая внимания на растянувшийся по узкой дороге сановный кортеж.

Временами перелески пропадали, и тогда взору открывался ну совершенно сервантесовский пейзаж, в который очень естественно вписались бы две-три ветряных мельницы и парочка наездников — один, как вы понимаете, на костлявой лошади, а другой — на пузатом ослике. Впрочем, почти у самого дворца я вдруг увидел стайку осин, совсем как где-нибудь у нас на Нижегородчине, трепещущих под едва ощутимым ветерком красно-жёлтой листвой.

Как написал один журналист, рассказывая о Сарсуэле, «*короля Испании… его предки Бурбоны засмеяли бы. Дело в том, что в качестве основной королевской резиденции он выбрал не роскошный дворец в центре Мадрида, а всего лишь „охотничий домик“ — скромный загородный дворец Сарсуэла. Его и дворцом-то назовёшь с натяжкой. Так, особнячок…*» В общем, недалеко от истины, если, конечно, не брать во внимание внутреннее убранство дворца. В зале, где проходила официальная видео-фотосессия встречи короля и главы российского МИДа, журналисты, ожидая министра и монарха, принялись делать селфи на фоне интерьера. А мне вдруг вспомнился любимый Гоголь — «Записки сумасшедшего»: «*Странные дела делаются в Испании. Я даже не мог хорошенько разобрать их. Пишут, что престол упразднён и что чины находятся в затруднительном положении о избрании наследника и оттого происходят возмущения. Мне кажется это чрезвычайно странным. Как же может быть престол упразднён? Говорят, какая-то донна должна взойти на престол. Не может взойти донна на престол. Никак не может. На престоле должен быть король. Да, говорят, нет короля, — не может статься, чтобы не было короля*». Был король, был, и мы ждали его с минуты на минуту.

Конечно, никто не ожидал, что король выйдет в мантии и со скипетром в державной руке, но всё же хотелось какой-то особой торжественности. Но нет. В одну дверь в зал вошёл Сергей Лавров, в другую — король, высокий, стройный мужчина в официальном костюме (между прочим, самый молодой монарх в Европе); они с улыбкой пожали друг другу руки и повернулись к нам. Зажужжали телекамеры, защёлкали фотоаппараты, забликовали фотовспышки, и… всё. Ни вопросов — ни ответов. Король пригласил российского министра в свои покои, и они удалились на переговоры с глазу на глаз.

Да, подумалось мне, времени на аудиенцию было отведено чуть больше, чем понадобилось бы, чтобы произнести полное имя короля: Фелипе Хуан Пабло Альфонсо де Тодос лос Сантос де Бурбон и Гресия…

Слегка разочарованный, я смотрел в окно автобуса на красивые предместья Мадрида, на стандартный пригород, на почти советские спальные районы, и вдруг — невероятная вывеска на обочине: «*Magadan*». Магадан в Мадриде?! «Странные дела делаются в Испании. Я даже не мог хорошенько разобрать их…»

Однажды ночью

…Сквозь редкие ветви прямо в лицо сияли неправдоподобные звёзды. Только в пустыне можно увидеть такие. От арыка приятно тянуло сыростью, кто-то попискивал в кустах, пахло чем-то пряным и сладким. На станции Оазис тоскливо вскрикивал маневровый паровозик.

— Пойдём угрей ловить.

Я обернулся. В отблесках вокзального света он выглядел странно. Рваная тельняшка, безразмерные брюки, подтянутые потрескавшимся лакированным ремнём. Коротко стриженные волосы — торчком.

— Пойдём, поезд только под утро. И наловить успеем, и пожарить.

В руках палка с примотанной на конец вилкой и матерчатая сумка, подозрительно оттопырившая бок и подрагивавшая. Бич. Бывший интеллигентный человек. Он всё время живёт так, как я могу позволить себе жить только во время отпуска. Сколько ему лет? Время оставило на нём массу отметин: морщины, шрамы, синие письмена татуировок… У таких людей физический возраст никогда не совпадает с истинным, с тем, который несмываемым отпечатком ложится на душу…

Он вдруг повернулся, замер и резко наклонился над арыком. Мелькнул блик по чёрной воде, плеснуло, завозилось и что-то мокрое и длинное шмякнулось с конца палки в сумку… Он улыбнулся, и я разглядел корявые останки зубов…

Я не пошёл за ним вдоль арыка, только проводил взглядом его полосатую спину. И потом долго об этом жалел. Мы хотим приключений, тянемся к необычному, но когда оно приходит, пасуем…

«Зо айне шёнхайт!»

Какое яркое солнце будило нас по утрам, какой вольный ветер овевал чело, какая нестерпимо сверкающая, ослепительная дорожка тянулась по пёстрым волнам! Рыбачья лодка, попадая в неё, на секунду совсем растворялась, исчезала из поля зрения.

«Василий Поярков» бодро бежал по широкому Амуру от излучины к излучине, лихо разворачиваясь мимо бакенов, подгоняемый быстрым течением. А за широкой полосой воды высились заросшие зелёной шкурой тайги сопки Сихотэ-Алиня.

Ближние горы — тёмно-зелёные, подальше — салатовые, ещё дальше — голубые, а на самом горизонте — едва видимый серый хребетик. Одним словом — Рерих.

— Надеюсь, вы националист?! — строго спросил меня в первый же вечер за ужином в корабельном

ресторане большой толстый турист, которого я принял было за немца, но ошибся.—По лицу вижу, что вы порядочный человек.

Я как-то замялся, но ответа и не потребовалось, поскольку «националист» тут же выложил боль души по поводу вымирания русского населения в Приморье и злостной китайско-корейской экспансии.

— Я сперва узнал, нет ли на «Пояркове» китайцев или корейцев, но когда узнал, что только русские и немцы,—купил путёвки…

Его жена энергично кивала головой и поддакивала: «Вот-вот, именно, да!»

На теплоходе это была самая колоритная пара. Оба крупные, неторопливые, всячески старающиеся казаться интеллигентными, солидными людьми. Что не всегда получалось. На их толстых пальцах сияли такие золотые «шайбы», что во время вечернего заката слепили немцам глаза.

Кстати, среди немцев в компании были и очень старые (может быть, и из бывших нацистов). Такие вот загогулины истории…

Узнав, что я приехал аж из-под Нижнего, «националист» почему-то сказал:

— Я вот тоже ненормальный. Недавно поехал на экскурсию во Владик (Владивосток), так нам там показали мощи… этой… как её… какой-то уничтоженной коровы морской…

— Наверное, скелет стеллеровой коровы?

— Ну да, а она у нас в Хабаровске, оказывается, в музее есть! Блин!

…Очередная остановка—в селе Богородском. Экскурсия в храм. Церковь новая, некрасивая. Старую, конечно, большевики в тридцатых отдали под клуб; клуб, естественно, сгорел. Новую церковь построили на новом месте. При этом памятник Ленину в горячечные перестроечные годы в селе не снесли, о чём говорят с лёгким оттенком гордости. Да и большевики село с таким «поповским» названием в какой-нибудь Кржижанович не переименовали. Так что квиты…

У церкви священник сделал обязательное замечание немке, присевшей на скамеечку:

— Нехорошо—женщина, а курите! Да ещё около храма…

Немка сделала вид, что не поняла, и сигаретку досмолила до фильтра.

Работавший при храме художник разговорился с несколько даже карикатурным немцем. Тыча себя в полосатую митьковскую тельняшку, он с нескрываемой гордостью за профессию сообщил:

— Я—реставратор!

— О, я, я,—неуверенно кивал немец,—рес-то-ра-тор!

(На лице его явно читалось изумление: в церкви—ресторан?! О, эти русские!..)

— Да не ресторатор, а реставратор,—втолковывал художник.—Вот немец нерусский, бестолочь!

— Он не бестолочь,—вмешалась курившая немка,—он русского языка не знает,—и объяснила соотечественнику, отчего так горячится этот полосатый бородатый русский…

И вновь воды Амура несут нас среди зелёных сопок.

Пожилая немка, явно лет шестидесяти пяти, а на вид не больше сорока пяти (когда баба ягодка опять), облокотилась на полированные перила верхней палубы и, обозревая через зеркальные очки приамурские просторы, от избытка чувств, как мне показалось, искренне воскликнула:

— О, майн готт, зо айне шёнхайт!

— Я, я!—невольно согласился я с ней.

Да ведь и действительно—красота! Синейшее небо, широченная (до шести километров от берега до берега) река, весёлые деревеньки с рассыпанными по берегу лодками, глухие распадки, скалы, выступающие голубыми и красными боками на поворотах, стремительные чайки, журавли, неторопливо пересекающие путь теплохода, терпкий сосновый запах: дыши—не надышишься, гляди—не наглядишься…

Может быть, именно где-то здесь сто лет назад брели вьючные лошади экспедиции Арсеньева, вяло переговаривались утомившиеся за день казаки, бодро бежал на кривоватых ногах мудрый гольд Дерсу Узала. Ну надо же—сбылась несбыточная детская мечта, навеянная потрёпанной книжкой «про путешествия», и вот он—дикий Уссурийский край! Ну, может быть, не такой уж теперь и дикий… А вернее сказать, совсем не дикий, но всё же—Уссурийский. Может быть, даже и амба—полосатый тигр—бродит где-то неподалёку…

Хотя вряд ли где-то у реки бродит сейчас много зверья—уж слишком людно, уж слишком много моторок трещит по реке, местные говорят: «Кета пошла».

…Земля круглая. Но мы всё равно говорим: «на край земли». И вот я стою на краю земли. Вольно и широко раскинулся на самом горизонте Тихий океан, синей полоской протянулся Татарский пролив, и совсем далеко, в голубой дымке, хребтом привсплывшего ихтиозавра виднеются сопки острова Сахалин. И не верится, что там, за этим голубовато-серым хребетиком, может быть что-то ещё, и как-то даже призрачно существование моего Сарова, Москвы, а уж тем паче какого-то там Мюнхена. Впрочем, у деловитых немцев это место никаких особых философских настроений не вызвало. На краешек обрыва, с которого особенно хорошо был виден остров, выстроилась очередь. Немцы вставали в позу бывалого путешественника, изображали задумчиво-романтичный взгляд «вдаль», щёлкала вспышка, и Сахалин за плечами фотографирующегося, превращённый в «цифру», сохранялся в шкатулке-фотоаппарате,

чтобы потом занять своё место в пыльном семейном альбоме или архиве домашнего компьютера…
— А во-он там,— матрос Василий широко повёл рукой в сторону Амурского залива,— высится потухший вулкан Огоби.
— И когда же он потух?— спросила обстоятельная немка.
— Когда?— Василий завёл глаза, словно подсчитывая.— Да где-то полтора миллиона лет назад.
— А сколько километров отсюда до Сахалина?— задал кто-то вопрос.
— Десять километров,— ответил Василий и, подумав, добавил:— В принципе, «вручную» переплыть можно…

Сфотографировавшись на краю земли, мы с чувством выполненного долга отправились восвояси.

За семь лет до…

Несколько часов подряд российская писательская делегация «сидела на чемоданах» во внуковском терминале «Космос» и, уныло разглядывая в огромные окна густую метель, переставала надеяться, что удастся вылететь. Из Одессы уже звонили, беспокоились: открытие Международного фестиваля «Золотое сечение» из-за нас откладывалось и откладывалось.

Однако вскоре объявили посадку на наш чартер, и через два с небольшим часа под крылом самолёта показалось Чёрное море, неровный полукруг залива и раскинувшаяся по берегу Одесса…

…Их было человек пять. Правда, не у кафе «Фанкони», а на набережной Аркадии, куда я забрёл, не зная, что можно было, оказывается, пойти в знаменитый оперный (организаторы фестиваля в суматохе, вызванной опозданием нашего авиарейса, забыли об этом объявить), но это были типичные пикейные жилеты, хоть и не в жилетах, а в обычных, советского ещё покроя, плащах и куртках, причём один— в военной форме, увешанной орденами и медалями. Совсем седой худенький старичок крутил другому пуговицу и вещал:
— Ну шо ви мне говорите! Одесса должна быть вольным торговым городом! Ми— не Украина, ми— Одесса!

Я набрался наглости, подошёл, вежливо поздоровался и спросил:
— А шо ви мне скажете за НАТО? Ми таки с НАТО или с Россией?
— Молодой человек, ви таки журналист?— мгновенно ответил старичок.
— Откуда вы знаете?— от неожиданности съехал я на родной русский.
— Да мы час назад видели, как вы с фотоаппаратом шли в русской колонне на возложение цветов к памятнику матросу,— улыбнулся тот, что в форме.— Вы из Москвы, на фестиваль?

Пришлось сознаться.
— Одесса была основана французом по велению русской императрицы и заселена русскими, греками, евреями и армянами,— с интонацией школьных учителей принялись втолковывать мне пикейные старички.— Ну и как же мы можем быть против России и при этом не дружить со всем миром?
— Одесса— не Украина?
— Ну, пусть Украина, Украина, но НАТО нам зачем? Там, где торговля,— военным не место. Тут всем хорошо должно быть. Россия без нас проживёт. А мы без России?

Помолчали…

Море совсем не по-курортному сурово билось о берег, лёгкими яркими облачками то тут, то там желтела ранняя акация, пахло йодом и свежей зеленью, по кособокой улице дребезжал трамвай. Одесса… До чёрного дыма над Домом профсоюзов оставалось ещё семь лет, о чём ни я, ни пикейные жилеты не знали и знать не могли…

Геннадий Карпов

Два Михаила

Так случилось, что в моей жизни было два Михаила Ивановича Калинина. И оба остались в моей памяти как истинно русские люди, труженики и образцы для подражания.

Михаил Иванович Калинин 1912 года рождения

Летом 1953 года, на третьем году моей самостоятельной работы, я впервые попал в настоящую геологическую партию. Всё было необычным, поэтому в деталях запоминались люди, природа и даже бытовые мелочи. Геологическая Казырская партия, человек пятнадцать, присела на валежины перекурить на длинном пути в посёлок Нижняя Тридцатка, находящийся, как мне тогда казалось, на краю земли. Дальше на юг — Тува, а где-то далеко-далеко на востоке — иркутская Тофалария.

Вдруг в этой глухомани, на той же тропе, по которой мы прошли, появился человек. Шёл он ходко лёгкой походкой и, поравнявшись с нами, негромко, но чётко поздоровался.

— Здравствуйте! Присаживайтесь, покурите с нами, если не спешите! — ответил ему Николай Иванович Панарин, начальник партии. И сразу добавил: — Вы, как видно, здешний. Я тут целый год знакомлюсь с местными. С охотниками, рыбаками. Знаком с Вилисовым, Кулаженко, Козловым. Хочу узнать больше о том районе, что по Казыру выше Прорвы. А вы какого роду-племени?

— Михаил Иванович Калинин, тысяча девятьсот двенадцатого года рождения, — вдруг чётко отрапортовал собеседник, словно по давно укоренившейся привычке. Осталось только статью назвать. Помолчав, он добавил: — Из Магадана прибыл, на родные места потянуло.

У Николая Ивановича, отработавшего на Колыме в геологических экспедициях более двадцати лет, с незнакомцем сразу завязалась беседа. Перекур закончился, и дальше они пошли рядом, о чём-то беседуя на ходу. Когда мы пришли в посёлок, то уже весь наш отряд знал, что Михаил Иванович, 1912 года рождения, едет с нами на Прорву. Я потом часто возвращался к мысли: что бы мы без него там наработали?

На другой день мы прошли ещё около восьми километров вверх по реке в Верхнюю Тридцатку, которая стояла почти у дороги на высокой террасе. Справа — река, слева — картофельные огороды. В этой небольшой деревне, которая до 1942 года была погранзаставой, в ожидании, когда пройдёт майская «большая вода», мы задержались на неделю. Пришлось сидеть до конца месяца. И только тогда старожилы подсказали: «Коса оголилась, можете отправляться на Прорву».

На другое утро мы встали пораньше, позавтракали, упаковали спальники в чехлы и погрузили их, а также продукты с палатками, в две лодки. В одну лодку укладывали багаж лодочник Женя Наумович и Саша Калинин, выросшие в Кордово и Артёмовске на берегу Кизира. На другой посудине суетился наш новый знакомый. Я при сборах, чтобы не мешать другим, стоял в стороне.

— Ну что стоишь? Тебя зовут, кажется Геннадием? — обратился он ко мне. — Бери шест, становить в нос лодки! Отталкивайся, поехали!

Всё это было сказано просто, как старому знакомому. Так я стал лодочником.

Первый раз я увидел хождение по рекам на лодках на шестах без вёсел двумя годами ранее здесь же, на Казыре. Удалось даже потренироваться недели три на перекатах. Поэтому я с удовольствием принял предложение Иваныча. Естественно, на длинном пятидневном пути я не раз ошибался, особенно плохо выполнял команду «Оттуряй!», по которой надо нос лодки выталкивать на середину реки. Любой другого главный лодочник на корме изматерил бы, но Иваныч ни разу даже голоса не повысил, а только подсказывал или молча разворачивал лодку сам, и мы снова шли вперёд — на косой перекат и дальше на стремнину.

К вечеру я был еле жив от усталости, хотя только поправлял нос лодки, а толкал всю гружёную махину против бурного течения один Михаил Иванович. И не отставал от первой лодки. Потом все готовили ночлег, поставили пару палаток. Иваныч колдовал у костра, готовил ужин. Утром, пока все чесались, мылись и продирали глаза, у него уже был готов завтрак на всю ораву. Как-то с первого дня все, не сговариваясь, согласились, что в отряде есть повар.

Второй день с утра наша с Иванычем лодка шла ровно, не отставая от Жени Наумовича. Вода в реке чуть убыла. Это сказалось и на течении,

особенно на перекатах. Но чудес и опасностей хватало. Один перекат, увиденный впервые, был просто пугающим. При подходе снизу он видится как вал воды во всю ширину русла, переливающийся через край и бурно, с рёвом, стекающий как по пологому склону холма. Первым в гору пошёл «экипаж» Наумовича. Иваныч на всякий случай приткнул нашу лодку к берегу. За час преодолели, покурили и пошли дальше.

Через несколько дней «всякий случай» всё-таки случился. До устья Прорвы оставалось не более двух дней пути, когда на левом берегу преградой лодкам оказалась скала, выступающая поперёк течения. На шестах её обойти оказалось невозможно. Наумович решил воспользоваться способом бурлаков и обойти скалу на бечеве, но верёвка оказалась коротковатой, и «бурлаки», не обращая внимания на протестующие крики Наумовича, затащили лодку под бурун. Лодка мгновенно наполнилась водой и перевернулась. Лодочник успел выскочить, вода была ему по грудь. Весь поплывший багаж он стал выталкивать шестом к берегу, но несколько спальников всё же вынесло на струю. Михаил Иванович, только что высадивший последнюю группу, перевезённую с правого берега, увидел затею Наумовича с бечевой и приткнул лодку к берегу. Эта затея, судя по всему, сразу показалась ему опасной. Как только лодка Наумовича перевернулась, его лодка рывком вылетела на стремнину наперехват плывущим вещам. Пётр Филиппов быстро выловил все вещи. На этом решили, что на сегодня приключений хватит, и устроили привал до утра.

На другой день лодочники погрузили груз в лодки, переплыли на правый берег, прошли опасный выступ и вернулись на левый без происшествий. Мы стояли и наблюдали, как парни дружно на счёт «раз-два» поднимали и переставляли шесты, на счёт «три-четыре» толкали лодку вверх против течения. Поднявшись по бурунам, они по тихой воде быстро удалились, постепенно «погружаясь» за водный горизонт по пояс, затем — до плеч, и вот уже над водой остались только две головы да мелькали руки, переставляющие шесты. Эту картину трудно описать, её надо хоть раз увидеть. Мне до конца досмотреть кино про то, как две головы скроются за водным горизонтом, не дал Иваныч. Он сказал:

— Поехали! — и оттолкнул лодку от берега.

Подниматься вверх по перекату оказалось не очень трудно. Издали он казался страшнее.

В полдень у костра я показал Михаилу Ивановичу обилие мокрых мозолей от шеста на ладонях и пальцах. Он только глянул, махнул рукой. Через несколько минут подошёл с раскалённой дужкой от ведра и по очереди приложил её ко всем мозолям, которые пшикнули и стали сухими мозолями, как у старого лодочника. Но на пятый день пути, когда партия уже дошла до базы на устье речки Соболинки, я попросил замены и потом три дня лечил руки.

Во второй половине двадцатого века геология в СССР стала самой романтичной специальностью. Началось освоение «медвежьих» районов страны. Одним из таких районов был горный юг Красноярского края — верховья рек Казыр, Кизир, Амыл и Абакан. По долинам и по воде, с вьючными конными караванами, с рюкзаками, на машинах и лодках геологи проникали в самую глухомань горной тайги. По долине Казыра для геологов в 1950 году на устьях рек Соболинки, Верхнего Китата и Прорвы были построены базы. Длина всего пути между базами составила около ста семидесяти километров.

На пятый день пути мы дошли до устья Соболинки, осилив около ста километров. На этой базе хранились продукты, завезённые четырьмя годами ранее. Тут мы пополнили свои запасы для дальнейшего пути. Добравшись до базы, уставший народ вылез из лодок и прилёг на траву отдохнуть. Все, кроме Михаила Ивановича. Он, едва спрыгнув на твёрдую землю, занялся отбором продуктов и приготовлением обеда. Отдохнули, перекусили — и снова в путь. К концу следующего дня добрались до второй базы — большого барака из толстых брёвен. В одиннадцати километрах впереди нас ждал порог Щёки. Чтобы его преодолеть, нам предстояло поднять весь груз по крутому склону метров на сто, перетащить всё это три километра по тропе и снова погрузить на лодки выше порога. Несколькими днями ранее так же мы одолели Базыбайский порог, но там был берег не выше пяти метров, да и во́лок метров пятьдесят, не больше.

Вспоминаю, пишу о людях, походах, о геологии, но в памяти возникает и другая картина: страна восстанавливалась после Отечественной войны. Газеты и иные средства массовой информации были наполнены рассказами о полярниках — покорителях Севера, альпинистах — восходителях на неприступные ранее горные вершины, о великих спортивных достижениях спортсменов. О геологах изредка звучали только легенды (про академиков) да песни Николая Добронравова про зелёное море тайги. На недели мы уходили в поход с рюкзаками для школьников, в ботинках с обмотками и с пятью самодельными патронами для одноствольной «тулки». Писать рассказы о геологах у писателей считалось дурным тоном. Несмотря ни на что, страна богатела открытыми уникальными месторождениями полезных ископаемых благодаря энтузиазму таких людей, как Л. А. Попугаева, Е. И. Врублевич, Ю. Н. Глазырин, и в не меньшей степени таких, как М. И. Калинин 1912 года рождения, и миллионов подобных ему тружеников, которых страна не знала и не знает до сих пор.

А мы шли. За десять дней дошли до базы на устье Прорвы. В марте сюда по снегу приходили

завхоз, радист и двое рабочих. Снаряжение и продукты были заброшены с самолёта на всё лето. И закипела работа. Изготавливались кедровые лотки для промывки шлиха, берестяные туеса под сливочное масло, лодки-долблёнки из осин. Опять удивил Михаил Иванович. Быстро подправив глинобитную русскую печь в жилом бараке, он начал кормить нас отличным белым хлебом и готовить обеды «как дома». Вечерами находил время для сооружения второй печи и вскоре начал заготавливать сухари для многодневных маршрутов: в пять утра замешивал квашню, топил одну печку, подошедшее тесто раскладывал по формам и заводил вторую квашню, зажигал вторую печь. Хлеб из первой печки резал на сухарики. Затем готовил завтрак. В основном благодаря его активности через неделю четыре группы исследователей отправились в десятидневные маршруты. Каждая группа набирала сухарей по большому брезентовому мешку.

Значимость Михаила Ивановича для успешного выполнения поставленных задач перед Казырской партией обнаружилась сразу, как только он ушёл на неделю в маршрут с начальником. Заготовленные завхозом за эти дни сухари оказались красивыми, тяжёлыми, но несъедобными — неразгрызаемыми и неразмокаемыми.

Во второй половине июля продолжительность маршрутов увеличилась до двух-трёх недель. Каждая группа, отправляясь в дальние углы нашей площади, брала по полтора мешка сухарей. Пекарня Иваныча работала на полную мощность. Однажды, уже в августе, он обрадовал нас, состряпав для каждого по сдобному бублику. Он выдал нам их как премию за то, что мы живыми вернулись на базу из маршрута на двадцать второй день. Сам сел с нами обедать. Разговор закрутился вокруг бубликов и вообще о кулинарии, и тут Михаил Иванович поведал нам о своём увлечении. Рассказал, что много лет работал поваром в зоне. Однажды в Магадан прибыла высокая комиссия. Иваныч приготовил для гостей обед (закуску). Уехало начальство с хорошими воспоминаниями о лагерях Колымы и даже никого не наказало. Когда закончился срок, он оказался не выездным на материк. Полную свободу получил только в мае и сразу поехал взглянуть на родные места. Но домой даже зайти не успел, сразу поехал с нами.

Это была наша последняя беседа. Вечером из «дальних странствий» пришёл Николай Иванович и выдал нашей группе новый маршрут. Утром мы уплыли вниз по Казыру.

Михаил Иванович Калинин 1924 года рождения

Заброску Казырской партии в составе тридцати человек в верховье реки Казыр Николай Иванович решил сделать по методу, отработанному на Колыме. Примерно так, как описано в романе «Территория» геологом Куваевым. В район базы в устье речки Прорва решено было сбрасывать снаряжение и продукты с самолёта Ан-2. Для приёма груза туда должны прийти радист, завхоз и пара рабочих. В Кордово немедленно нашлись добровольцы: радист Михаил Калинин, кладовщик Попов, рабочие Миша Разумовский и Корнил Филиппов. Во второй половине февраля они выдвинулись в путь, то есть отправились в свой героический поход более чем за сто шестьдесят километров на камусных лыжах. Каждый тащил нарты, гружённые снаряжением, столярным и слесарным инструментом, продуктами на два месяца. Больше двух недель от них не было вестей. На связь Калинин впервые вышел после восьмого марта. Начальник партии Панарин, опытный управленец, прошедший суровую практику на Колыме в качестве вольнонаёмного, к этому времени весь груз уже упаковал в брезентовые мешки, по три мешка на каждое место. И началась «бомбардировка» базы. Панарин и лётчик сбрасывали мешки из Ан-2 вдоль реки, а наши «зимовщики» выкапывали их из двухметровых сугробов. Теперь все поняли, почему макароны с крупами паковались в три мешка: первый и второй мешок при ударе о землю рвались, третий — никогда. Теперь, когда я слышу интервью губастых актрис с экрана телевизора с возгласами: «Ах! Какая трудная была роль! Как я устала!» — то сразу вспоминаю про этот поход.

До нашего прибытия зимовщики привели в порядок склад и барак, которые почти четыре года простояли в тайге. К тому времени, когда река освободилась ото льда, у них была готова лодка-долблёнка, на которой они собирались плыть на Соболинскую базу за продуктами, как и было предусмотрено ранее, но поездку пришлось отложить на несколько дней, так как Михаил Калинин подрался с медведем.

Ледоход прошёл, и косяки рыб дружно пошли в верховья реки на икромёт. Мужики решили, что перед поездкой на нижнюю базу было бы неплохо запастись рыбой. Когда они приплыли на место рыбалки, то обнаружили на берегу тушу марала, погибшего зимой во льду. Планы Михаила сразу поменялись, и он предложил соорудить скрадок на ближайшем разлапистом кедре. Они оттащили тушу подальше от берега и вернулись на базу за инструментами. На другое утро охотники втроём вернулись, поднялись на высокий берег и увидели медведя. Тот уже теребил марала, завтракал. Они подняли шум, крик. Хотели зверя прогнать, но тот, рявкнув, бросился в их сторону. Калинин на базе прихватил старенькое ружьё, поэтому быстро взял на мушку зверя, но стрелять не спешил. Товарищи стояли рядом с топорами и нервно подсказывали: «Миша, стреляй!» Но Миша ждал, когда зверь подбежит поближе. Он нажал на спуск, когда

до медведя осталось несколько метров, но старое ружьё дало осечку. Тогда он схватил ружьё, как палку, двумя руками за ствол и приклад, ударил ей зверя по зубам и упёрся спиной в дерево. Медведь несколько раз укусил ствол ружья, заодно прокусил и руки Михаила, потом ударил его лапой по боку и убежал. Михаил переломил, перезарядил ружьишко, попытался выстрелить, но оно снова дало осечку. Медведь скрылся в лесу. Другие парни стояли рядом, орали, махали руками, забыв про топоры в руках, но хотя бы напугали зверя. С момента нападения медведя до его бегства не прошло и минуты. Народ облегчённо вздохнул, а потом глянул на руки победителя и ахнул. Обе ладони были порваны сквозными ранами, из одной клочками торчало мясо. Крови почти не было, и все пальцы оказались целыми и подвижными. Охотники, оправившись от потрясения, быстро собрали инструмент, помогли Михаилу сесть в лодку и через полчаса были на базе. Раненому сразу все раны залили салом ранее убитого медведя, и через час по расписанию вышли на связь с экспедицией. Два дня все с тревогой следили: как там раны у Миши? На третий день трое сели в лодку и уплыли на Соболинку за продуктами. Михаил остался на пять дней один и всё это время держал связь: ногами крутил педали иван-мотора, а рукой выстукивал точки и тире. Почти как в цирке. На другом конце радисты заметили, что у Калинина «почерк» изменился, но не поняли, что он управляется с таким трудным аппаратом один. Когда мы прибыли в Прорву, с момента драки с медведем прошло двенадцать дней, а неутомимый Михаил уже делал себе лодку-долблёнку, работая топором и пилой. Когда я глянул на его ладони, мне показалось, что все его раны едва заросли, как говорят — на живую нитку, но его это ничуть не беспокоило.

Наша с Михаилом дружба завязалась годом раньше в Буйбинской партии на геологической съёмке, в многодневных маршрутах и бродяжничестве по тайге в свободное время. О себе он почти ничего не рассказывал, семью и родителей не упоминал, как будто их у него никогда не было. В таёжном селе Джотка он рос как Маугли, только более грамотный. Охотился на белок, соболей, шишкарил, рыбачил. Окончил семь классов и увлёкся радио, а точнее — модной в те времена в тех местах азбукой Морзе.

В семнадцать лет он уже служил в армии на Кавказе радистом при штабе. После войны до конца сорок седьмого года состоял в войсках, занимавшихся ликвидацией банд; как выразился сам Михаил, «гоняли по Кавказу абреков». По пути на родину задержался в Кордово, поступил на работу радистом в крупную геологическую экспедицию, около трёх лет работал в конторе, стал узнаваем в среде радистов края как хороший специалист, но в пятьдесят втором году всё бросил и поехал в полевую Буйбинскую партию маршрутным рабочим. Тайга его сманила всё-таки с насиженного места.

В первый день полевого сезона, пока начальство было занято арендой лошадей и другими хозяйственными вопросами, Михаил решил рвануть в тайгу. Я с удовольствием составил ему компанию, и мы отправились за тридцать километров на скалы, которые видели из села Ермаковского. Сегодня эти скалы называются Ергаками. Куда идём, где сворачиваем — левее или правее, знал Миша. Я, выросший в городе и шесть лет отслуживший в ровных, как стол, степях Забайкалья, был «ведомым». При переходе одного из ручьёв, притоков речки Буйбы, он разделся, сунул ноги в сапоги и перешёл на другой берег. Я сделал так же, постаравшись и глазом не моргнуть, будто всю жизнь только тем и занимался, что преодолевал реки чуть ни по пояс в ледяной воде. Часа за четыре мы пришли к скалам, на некоторые поднялись, посмотрели с высоты на село Ермаковское и занялись поисками места для отдыха. Еда висела на каждом кедре: они были просто облеплены шишками. Михаил сразу объяснил: урожай шишек бывает через четыре года. В прошлом году осень была мокрая, а потом ударил мороз. Вся шишка примёрзла, а потом присохла к веткам. С его точки зрения, этой еды нам было вполне достаточно. Он быстро поднялся на макушку кедра. Сверху крупным градом посыпались спелые сухие шишки. Подом обнаружили нишу в гранитной скале. Миша развёл костёрчик, я перенёс туда шишки и приволок сухое деревце для костра, но Миша его отбросил: «Ёлка. Искрами бросаться будет. Пошли лапок наломаем под бока!»

Пока я наломал одну охапку, он заготовил две. И так всегда: я очистил шишку, он — две, а то и три. Пообедали орехами и сделали заготовку дров на ночь. Миша раздобыл старый кедровый пень, я натаскали гору другого сушняка помельче. Стемнело, мы сели ужинать орехами, разговорились. Михаил поделился своей старой мечтой: победить медведя старинным русским приёмом с ножом в руке. Для этого ему нужны большой медведь, шапка и острый нож. Идея проста до безобразия: медведь бежит на него, Миша перед ним подбрасывает высоко в воздух шапку. Медведь пытается поймать непонятный предмет и встаёт на дыбы. В этот миг надо под него нырнуть, вспороть ему брюхо и отскочить в сторону. Медведь от боли станет рвать свои внутренности, пока не сдохнет. Злость на медведей у Миши была из-за того, что косолапые уничтожали беззащитных копытных зверей и маленьких забавных бурундуков.

От костра веяло теплом, от пихтовых лапок шёл аромат тайги! Рано утром мы пошли обратно на базу. Вскоре при организации Казырской геологической партии в качестве радиста был приглашён Михаил Иванович Калинин 1924 года рождения.

Красноярск. День поэзии. 1967

Красноярское книжное издательство, 1967

Книга «Красноярск. День поэзии. 1967» давно уже стала редкостью. По нашим наблюдениям, на руках у читателей сохранилось, пожалуй, менее десятка экземпляров.

Данной публикацией «День и ночь» начинает серию «воскрешений» старых книг, которые практически не оставили следов в интернете, хотя эти книги содержат уникальный творческий материал и до сих пор интересны читающей публике.

От составителей

…В прошлом году, зимой, в Красноярске проводился шестой краевой семинар молодых писателей, на который было подано 35 рукописей стихов.

Стихи рождают романтиков жизни, вечное беспокойство души человеческой. Видимо, есть какая-то статистическая связь между количеством поэтов и делами земли, на которой живёшь. Наш край, пожалуй, самый удивительный в стране. Край подвига — он рождает поэтов.

Авторы этой книги — из Норильска и Красноярска, из Хакасии и Эвенкии. Они оттуда, где удивительные стройки — Красноярская, Саяно-Шушенская и Хантайская ГЭС.

Их стихи рождаются где-то на просмолённых шпалах Абакан — Тайшета, в палатках на дорогах у Абалаково, на поляне с земляникой у Богучан.

Авторы этой книги — и студенты, и воины Советской Армии, и профессионалы пера, и рабочие, и школьники. Поэты абсолютно разные… Среди поэтов, особенно молодых, много ребят технических профессий. Это типично. Это прекрасно. <…>

Оценивать стихи будете вы.

Мы скажем лишь о тенденциях, живущих в этой книге.

Первая — тяга к тому, что называют «злобой дня».

Вторая — молодые поэты бегут многозначительного философствования над своими собственными ботинками.

Третья, тоже очень хорошая тенденция молодых поэтов нашей книги, — они не хотят «кричать». Поэт читает свои лирические стихи негромко, точно всё, что есть вокруг него, — микрофон: стол, карандаши, лампа… И зал понимает. Зал слышит пульс земли.

И четвёртая тенденция — очевидная жажда к обогащению языка, к его метафоризации, к воссоединению далёких понятий. <…>

К чему писать стихи, если не желать усиленного жжения слова? Критики на полях ставят свои плюсы и минусы. Кто знает, может быть, именно эта нервность и даже неровность создают то удивительное напряжение, которое вызывает молнию.

М. М. Пришвин писал, что жизнь — органическая — возникла так: росли на земле травы, деревья, всё тянулось вверх, вертикально вверх, и вдруг что-то шевельнулось и сместилось, поползло вбок… Может быть, это была ящерица, которой все теперь мы должны быть благодарны, даже гении.

В искусстве, мы полагаем, всё произошло как раз наоборот: шли строки слева направо, как у славян, или справа налево, как у арабов, и вдруг одна из горизонтально ползущих строчек поднялась над бумагой как ромашка, как судья, как вертолёт — что хотите! Ожила…

Мы хотели, чтобы крылья книги этой были, как в аэродинамике, — чуть вверх, к будущему — тогда есть подъёмная сила…

Итак, страница перевёрнута…

Роман Солнцев
Вячеслав Назаров

Лира Абдуллина

(1936–1987)

● ● ●

Что там с тобой творится без меня?
Как дышится тебе и как живётся?
Чьё отраженье в зеркале смеётся,
Когда ты без меня?

Какие сны ты видишь без меня,
Когда скользит рассвет по синим стёклам?
Склоняешься ты к чьим ладоням тёплым,
Когда ты без меня?

И если ты сумеешь без меня,
Хочу тебе удачи неизменчивой:
Пусть это будет лучшая из женщин,
Когда ты без меня.

Владимир Ковалёв

(1935–1999)

● ● ●

Ребята знают, ребята помнят,
как оставляли мы по домам
своих стареющих добрых мам,
как уходили из тихих комнат,
как уходили мы от тепла,
как выбирали дорогу сами
и как берёзы для нас бросали
через ручьи свои тела.

Они на женщин не походили
тех, что любили мы всерьёз,
но как неловко мы проходили
по белым-белым телам берёз.
Как шли всё дальше,
всё дальше, дальше,
за поворотом был поворот,
и наша дружба не знала фальши—
наоборот!
Как под дождями мы загорали,
как проклинали все те хребты
и на пустынных гольцах орали
лихие песни до хрипоты.
Ребята знают, ребята помнят,
как возвращались мы по домам,
как мы входили в радушье комнат,
целуя руки у тихих мам.

Лев Таран

(1938–1994)

● ● ●

Встань. И как мел с доски сотри—
Пусть снова что-то пишется.
…В холодной дышащей степи
Колосья чуть колышутся.
Под оловянною луной,
Огромною, округлою,
Река исходит белизной,
А чёрный мост
Обугленный.
И всё, что было,—
За чертой,
За той, воображаемой.
Тальник прозрачный над водой
Нисколько не разжалобил.
Я шёл, подковками звеня,
Был, как пружина, собранный.
А то, что предал друг меня,
Так, слава Богу,
Вовремя…

Иван Козлов

(1936)

Новичок

Ты ушёл, обиженный и колкий,
Комсомольский выбросил значок.
Под твою пустующую койку
Чемодан закинул новичок.
Мы тебе смотрели долго в спину.
Ждали, даже веря в чудеса.
Ты ушёл.
Ты предал «Бригантину»,
Предал песню, предал паруса.
Что ж, пускай с нас новенький не взыщет.
Мы умеем так, как ты не мог.
Он сумеет—вот ему ручища.
Не сумеет—вон ему порог.
Не за океаном, не в тумане
Новая, заветная земля.
Мы сегодня в буднях капитаны
И не покидаем корабля.

Михаил Успенский

(1950–2014)

● ● ●

А что такое—интеллект?
Среди модерна и телег
мозг перегружен
рёвом би́тлов,
набит цитатами из библий,
и наши бедные нейроны
трепещут
чутко и неровно.
Они же добела нагреты,
а информация наглеет:
в секунду сотни новых данных.
Но знанье не даётся даром,
воспринимаешь, если даже
воспринимать не можешь дальше,
переработка информации—
когда же можно ей заняться?
У нас же не века в запасе?
Успеть бы в сроки—хоть
запарься!—
чтоб стало качеством количество.
А в голове моей колышется
Всё—от Адама до ядра,
и хочется забыть, удрать,
но эта слабость—на минуты,
и вот когда она минует
(о, эти долгие мгновенья!),—
К Эйнштейну и Хемингуэю.

Владимир Капелько

(1937–2000)

● ● ●

Речушка через тайгу
С татарским названьем Калтат,
Ведь я без тебя никак,
Никак без тебя не могу.

А ты без меня хоть как
Можешь, бурчливый Калтат!
А если случится так,
Что я не вернусь на Калтат,
Никогда не вернусь на Калтат…

Он будет так же в камнях,
Как тысячи лет до меня…

Сергей Ежов

(1923–2007)

Салют

Карабин подымаю в руке,
Прямо в облачко
Целю высокое.
Карабин…
А на ржавом песке—
Зверь прошёл
В тальники и осоку.
Карабин…
Но лениво медведь
Где-то рявкнул
Среди бурелома.
И пошло по урманам
Гудеть,
Будто бухнуло глыбой в омут.
Заскрипела,
Запела сосна.
Встрепенулись пугливо осины.
И опять улеглась тишина,
И опять непробудны
Трясины…
Крик непуганых птиц и зверей,
Сонных трав,
Пламенеющих лилий!
Зря дозором на Хан-горе
Твои кедры, Кызыр, застыли!
Близок час.
Мы пробьёмся сюда.
И мостами топи придушим.
Близок час!
Мой салют—городам.
Безымянное,
Слушай!

Александр Яльмаров

(1921–1992)

Островок солнца

Светлеет солнце над тайгою,
А берег близок и далёк,
И в берестяной лодке двое—
Как будто солнца островок.
А рядом голосом бесёнка
Весенний шепчет мне ручей:
Влюбись вначале в ночь без солнца,
А после—
В солнце без ночей.

Станислав Горохов

(1941)

● ● ●

Паровоз пропел сигналы…
Люди, звёзды и вокзал—
Всё смешалось, замелькало
И вошло в твои глаза.
Я не знаю, где тут правда,
Где игра, а где мечта…
Весь перрон—минутный праздник:
Смех, и грусть, и суета.
Ничего не обещаю,
Даже молча
не солгу.
…Потому и уезжаю,
что расстаться не могу.

Юрий Авдюков

(1938–2002)

● ● ●

Мир ещё надвое расколот.
Ещё кипят свинцом стихи.
Ещё трамбуют в гильзах порох
И точат плоские штыки.
Ещё дрожат
От взрывов листья
И дышит стронцием трава.
Ещё свершаются убийства
И попираются права.
Ещё послам тревожно спится,
Когда затишья коротки.
Ещё по всей, по всей границе
На взводе чуткие курки.

Зорий Яхнин

(1930–1997)

● ● ●

Ни колёс и ни крыльев. А шагом.
Хлещет злая полынь по ногам.
Присмотреться хочу к работягам—
Рыжим тоненьким муравьям.

Срок придёт, всё отдам до кровинки
Полю, роще, ветрам и реке.
Отпечатались чётко травинки
На скуластой небритой щеке.

Проплывает сигарой крылатой
Самолёт, плоскостями горя,
Ты летишь в нём, наверно, с бригадой,
Ежемесячник «Октября».

А какие там ссоры и споры.
Кто-то враг, кто союзник и друг,
Глянув вниз на долины и горы,
Ты о чём-то задумалась вдруг.

Суесловье срамное отринул.
В стороне от любительских драк,
Я по травушке руки раскинул
И лежу, как посадочный знак.

Валерий Кравец

(1939–2021)

Заполярье

Ты меня учило бескорыстно
Розовых картин не рисовать,
Самому отчаянному риску
И таланту зря не рисковать.
Берегло меня от поражений,
Но дало понюхать что почём.
Трезвости единственных решений
Я тобою тоже научён.
Я твою несладкую науку
Не сокрою в кованый сундук.
Разделю, как хлеб последний, с другом—
Пусть тебя запомнит крепко друг.
Заполярье, главный мой советчик,
Как надёжно мне с тобой вдвоём!
Мне необходимей с каждой встречей
Верное присутствие твоё.
Потому, когда бывает туго,
Я тебя прошу сквозь посвист пург:
Выведи из замкнутого круга
Линию мою, полярный круг!

Владилен Белкин

(1931–2020)

● ● ●

«Цель творчества—
Самосожженье?..»
Пускай на миг
раздвинешь ты
всего каких-то шесть саженей
окаменелой темноты.
И пусть опять
в надменном раже
рванётся мрак
в глаза и рты…
Он
никому уже не страшен,
как Черномор без бороды.

Владимир Нешумов

(1940–2008)

● ● ●

В душу леса
пальцем не лезь.
Ты в ночи весной
на проталине
разожги костёр
золотой
и скажи во тьму
такие слова:
«Сгиньте, насты, снега,
вам—типун!
Ты очнись, трава,
в синь-лесах, лугах…
Кыш, уйди, мороз-колотун,
не замай
мой живой,
мой май!..»

И тогда тайга,
тайга талая,
загудит, вздохнёт,
тайну-тайную-свет
из-за ёлок, болот
выметнет.
И ослепнуть не даст
костёр:
как ладонями, застит,
из глаз
две слезы
дым вынет.

Николай Ерёмин

(1943)

Песенка о трамвайчике и любимой

Качайся, трамвайчик, качайся.
Мой путь, никогда не кончайся.
Глядит на меня
И, как солнце, печёт
твой карий счастливый зрачок.

Пытаю судьбу, пытаю.
То падаю, то взлетаю.
Но нас неизменно—
паденье ли, взлёт—
трамвай в неизвестность везёт.

Как скоро сходить, как скоро!
Ты—солнце, а я—твой город.
Я твой, вот и цел,
а от жарких лучей
трамвайчик горит—он ничей.

Аида Фёдорова

(1934–2020)

* * *

Тайгой пропахши,
Пурги отведав,
Иду от пашен,
Иду от дедов,
Иду от кедров,
Что вниз
    не клонятся,
Иду от щедрой
От русской вольницы.
Чем крепче корни,
Тем выше кроны,
Иду от гордой
Отцовской
    крови.
Не ради славы,
Не ради денег,
Любите землю
И каждый
    день её.
Свои
    ведите
По жизни
    борозды,
Как Пётр Великий,
Режьте
    бороды!

Николай Беляев

(1938–2016)

* * *

Двадцать девять костров запалю,
соберу поэтов, геологов,
всех, кого я любил, люблю,
из-под марлевых вытащу пологов.
В двадцать пять городов разошлю
с коноводом депеши грозные,
растрезвоню,
растормошу,
закружу,
чтоб искры со звёздами
перепутались,
чтобы звон
кружек, смеха, гитары бездомной
не стихал,
с четырёх сторон
гулкой, чёрной тайгой окружённый.
…Но к утру догорят костры,
испарится из фляги спирт,
и друзей моих разморит—
не поймёшь, кто с кем говорит.
Я за тлеющий круг уйду,
прислонюсь щекою к сосне
и с тобою речь поведу
на твоей ненадёжной волне.
Мне, конечно, любимая, жаль—
ты такого не отчудишь,
никогда ты в такую даль
не приедешь, не прилетишь.
Не узнаешь этих ночей,
без тебя—кромешных вдвойне,
не поймёшь тоски журавлей
в леденеющей синеве.
А однажды полог откину я,
и накатит святое издревле,
и—не «с первым снегом, любимая!»—
«с первым снегом,—скажу,—деревья!»
…Мы сидим, гоняем чаи
цвета жжёного кирпича.
Мой отряд—все гости мои—
три сезонных бородача.
Хрустнула ветка.
—Тише! Кто-то идёт.
—Послышалось.

Роман Солнцев

(1939–2007)

Читая Лермонтова

Да осенит меня
благодаренье
прекрасных уст и молодых очей
за муки,
за бессмертные творенья
над голубыми партами
ночей.
Но если
только временное мненье
начнёт светить
над совестью моей,
но если я
привыкну к опасенью,
как раньше —
к безрассудности людей,
и всё же
победит
души стесненье,
восстать смогу
хоть против мелочей —
да осенит меня и снисхожденье
печальных уст и ласковых очей…

Анатолий Третьяков

(1939–2019)

* * *

Блины не выходили комом
(В те годы не было муки).
И, как закрытые райкомы,
Молчали в сёлах старики.
Сибирь была бела, бела,
Стоял в ней госпитальный запах.
Сквозь снег мы видели, как запад
Закатным пламенем пылал.
Ходили с ворожбой цыганки,
Лечили души, как врачи.
Безрукий капитан в цигарки
Табак сворачивать учил.
Война в душе, война в характере.
И как непросто стать другим,
Когда победа — слёзы матери,
Враз похоронный марш
и гимн.
Но чувство радости — я знаю —
Мне вдруг покажется простым.
Я только в сорок пятом, в мае,
Увидел в первый раз цветы.

Сергей Пистунович

(1934–1997)

Отчий дом

Нам отец сказал однажды:
— Завтра в новый перейдём,
Этот стал совсем неважный,
Крытый дедовским дерном…
Ох, заря горела яро
Бурым мелом на венцах,
Окна плавились пожаром,
Дом курился бражным паром
От конька и до крыльца.
Дверь на бронзовых петлицах.
Открываем, входим…
Вдруг…
Бьётся в комнате синица,
Как листочек на ветру,
Это к счастью —
В доме птица…
Он сказал, повеселев:
— На, держи, сынок, синицу,
Но мечтай о журавле.

Вячеслав Назаров

(1935–1977)

* * *

Странный аппарат —
стрекоза:
летающие глаза.
Тело — былинка.
Крылья — газ.
На тонкой былинке соцветие глаз.
Тысяча тысяч зрительных пор
впитывают простор.
Стрекоза на пальце.
Я — над ней.
Мы видим оба,
что на дне:
лягушки-квакушки,
жуки-плавунцы,
пескари-мамы,
пескари-отцы.
Круг водоёма.
Окоём — кусты.
Я из дома ушёл.
Прости.
Мне очень нужно
(иначе нельзя) —
над невероятно трудным —
летающие глаза.

Алла Покровская

(1935)

Маслеево — нечаянное озеро
Земной, глубинной, мягкой тишины,
Укутанное ставнями и соснами,
Песками и ресницами луны.
Кукушки восседают на завалинках
И всем пророчат долгие лета́.
На широченных пнях, лесам оставленных,
Как в гнёздах, спят минувшие века.
И мир, такой глубокий и бескрайний,
Становится прозрачным, словно дождь.
Над пёстрыми поющими полянами
Восходит Солнце — самый главный вождь
Веков минувших и веков грядущих,
Глазами рос трава встречает день,
И крыш покатых низкие подушки
Кладут к его ногам седую тень.

Сергей Федотов

(1949–2009)

Гнус глотая,
        костра дымок ли
или гроз озон голубой,
знаем мы:
        точно меч дамоклов —
супербомба над головой.
Наши девушки в платья белые,
словно в саваны,
                днём
                    рядятся.
Мы приходим, сверкая бельмами,
    обжигая их радиацией.
Но тайга, прижимая цепко,
Лечит нас по своим рецептам.
Ноги в воду спусти,
                как корни, —
пусть пропахнут
                рыбой и илом.
И случилось, представь, такое —
        человек превратится в иву.
Заглядится надолго в воду,
растворяя в себе природу.
А когда до краёв нальётся —
он в свои города
                вернётся,
понимая,
        что мир наш вечен,
как ивняк у таёжных речек.

Пётр Ермолаев

(1934–2007)

Ночные смены

Ночные смены как ночные смены.
Уже давно их выдумали люди…
Опять всю ночь тревожный вой сирены
Тебя от забытья тревожно будит.
Опять бетон в дымящих самосвалах
И россыпь звёзд железных, словно утро,
И стрелы кранов счёт ведут минутам
На синем циферблате котлована.
И только в блоке, как в дневные смены,
Всё тот же гул вибраторов надрывный,
И так же прорывается сквозь стены
Морозный конь, играя белой гривой.
Но устают глаза скрывать усталость.
И руки от вибраторов немеют.
А до рассвета два часа осталось.
А до рассвета полчаса осталось.
И небо над плотиной розовеет…
А после смены вдруг закуришь радостно,
Прищурившись от снежной белизны,
И увезёшь с собой ночную радугу
В дневные недосмотренные сны.

Алитет Немтушкин

(1939–2006)

По бездорожью лёг маршрут,
Где зверь оставил след,
Где каждый сук и каждый прут
Сплелись — и хода нет!
В дороге! Ветер встречный, вей!
Луч солнца, жги в упор!
Кедр машет лапою своей —
Зелёный семафор.

Зверь не пройдёт, но мы пройдём.
Пускай наш край суров —
Мы в непогоду под дождём
Зажжём огни костров.

Медвежий рёв нас бросить в дрожь
Не волен — мы в руке
Держать умеем пальму-нож
На длинном черенке.

Где выручал нас он не раз,
А лес мешал идти,
Пролягут ленты белых трасс —
Автоколонн пути.

Перевёл с эвенкийского А. Клещенко

Моисей Баинов

(1937–2001)

Хорлана[1]

Как жаждою томился я тогда!
Глаза мои от жажды потемнели.
Откликнись, где ты, пресная вода?
Но солью волны озера скрипели.
Всё озеро прошёл из края в край
И под крутой скалой
Тебя, Хорлана,
Как счастье, отыскал я невзначай.
Текла ты светлой струйкой, как из крана.
Земная влага!
Я к тебе припал
Запёкшимися жаркими губами.
Воскресший, вновь дорогой зашагал.
Душа светла, как степь под небесами.

Николай Рябеченков

(1941–1995)

* * *

…Наверно, потому что не могу
Забыть всё то, чему должно забыться,
Мне нравятся задумчивые лица —
Они пережитóе берегут.

Наверно, потому что не люблю
Всё то, что помню, передать словами,
Я молчалив, неразговорчив с вами.
Простите мне задумчивость мою.

Пётр Коваленко

(1923–2013)

Подкова

Я не храню в дому подковы,
На счастье их не берегу,
Но я смеюсь, как мальчик, снова,
Смеюсь и радуюсь подкове,
Увидев радугу-дугу.
Ей кланяется
Каждый стебель,
Встают хлеба в парном дыму,
Подкова выгнулась в полнеба
На счастье всем — не одному.

1. Хорлана — целебное озеро. Получило название по впадающему в него роднику.

Александр Щербаков

(1939)

О чём поют провода

На босу ногу валенки обув,
Ломоть кусая, отдающий тмином,
Любил я слушать, прислонясь к столбу,
Как он гудит древесной сердцевиной.

С той музыкою в струнах проводов
Столбы пересекли всю землю нашу.
В ней шум тайги и грохот поездов,
В ней позывные городов и пашен.

Геннадий Глушнёв

(1940–1999)

* * *

Пепел Освенцима,
Дахау,
Бухенвальда — горькое бессмертие.
Зловещий чёрный дым
над квадратными трубами крематория,
над Европой,
утончённой,
как парижские духи,
взлелеянной голубыми
венскими
вальсами.
Зловещий дым над Европой,
любившей за чашкой кофе
полюбоваться теориями
Шопенгауэра
и Ницше,
над Европой,
втоптанной в грязь
кованым каблуком
духовных сынов
обожаемого ею
Ницше.
Сердца,
не успевшие отдать себя людям, —
пепел.
Губы, не узнавшие губ любимых, —
пепел.
Руки, не достроившие своих городов, —
пепел.
Пепел.
И бухенвальдский набат.
…Как тебе спится под голос его,
Европа?

Николай Ерёмин

Надежда на потом

Сонет про былое и думы

И на Тверском бульваре, двадцать пять,
Мы с Александром Герценом опять
Стоим, нисколько даже не угрюмы,
Друг другу доверяем наши думы…

Увы, о лучшей доле на земле —
В России — ах, в столице — ах, в Кремле…
О долларе, о евро, о рубле…
Ах — о любви, ах — о добре и зле…

Что нам любое дело по плечу:
Мол, захочу — так горы сворочу…

И вдруг я с удивленьем замечаю,
Что он всё больше, больше говорит,
Что у него всё вдохновенней вид…
А я стою — и головой качаю…

Бессмертие

Он написал стихи сто лет назад…
А кажется — сегодня… Встрече рад
С возлюбленной, которой нет как нет…
Лишь — музыка, летящая на свет…

● ● ●

О, если б у меня хватило сил,
Я памятники — все бы — оживил!
За словом слово, бережно и нежно…

И жить заставил — мирно и безгрешно…
Так, чтоб никто не захотел опять
Окаменеть — и памятником стать…

● ● ●

Номинант… Лауреат…
Был и я когда-то рад
Получить —
Борец со злом —
Хоть медальку, хоть диплом…

Чтобы ахнула родня,
Выпив рюмку
За меня…
И воскликнула:
— Хорош!
Очень жаль, что ты не пьёшь…

Письмо из Китая

Прилетело письмо из Китая…
А в письме — иероглифов стая…
Хэ Суншань, Цу Тяньсуй обо мне
Вспоминают в счастливой стране…

Где мечтал я, увы, побывать
И напрасно мечтаю опять:
Слишком, если шагать, далеко…
Слишком, если лететь, высоко…

Иероглифы — это века:
Время вечно, а жизнь коротка…
И об этом из клетки своей
Мне китайский поёт соловей…

● ● ●

Мне хорошо и там и тут,
Где, всем болеющим на диво,
Меня спасает от простуд
Заваренная мной крапива…

А от любой другой беды —
Волшебный листик лебеды…
А от тоски ночей и дней —
Глаза возлюбленной моей…

● ● ●

Горит костёр,
Бросая искры
В речную тёмную волну…

Зарниц
Космические игры
Напоминают мне войну…

Сверкают молнии…
И гром
Вдали грохочет за бугром…

И я соображаю снова,
Увы,
С улыбкой на лице,

Что бывшее в начале слово
Пребудет
Цифрою в конце…

Божий одуванчик

Связь с Космосом слабее и слабее…
О Божий одуванчик, человек!
Покуда есть и чувство, и идея—
Ты продолжаешь свой случайный век…

Но только посильнее дунул ветер—
Как полетел ты, слаб душой и светел,
Не ведая пути ни в Рай, ни в Ад,
Равно виновен и невиноват…

● ● ●

Женщина меняет имена,
Примеряет новые фамилии…
Ландыши любила—вот те на!—
А теперь предпочитает лилии
И стихи—без знаков препинания…
И на замечанья—ноль внимания.

Звонок

Опять звонил отец умерший
И грустно в трубку упрекал:
—Зашёл бы, что ли, мать утешил
И с нами переночевал?

И слышал я, как вторит мать:
—Да, только переночевать!

Перемены

Земля меняет полюса,
Моря меняют паруса,—

И я бросаюсь во всю прыть
На хутор, бабочек ловить…

Как много прошлою весной
Их было!—смелых—под луной…

А нынче—Боже, что со мной?—
Не вижу рядом ни одной…

Надежда

Почему сегодня снова
Греет сердце человека
Поэтическое слово
Девятнадцатого века?
Потому, что в слове том
Есть надежда на потом…

● ● ●

Шаг—и ветер прочь несёт
Шёпот:
—Господи, прости!—
Дверь захлопнулась—и всё,
Нет обратного пути.
Боль сердечная в груди.
Боже, что там, впереди?

Слава

Слава Богу—в эпоху обмана и тлена
Я дожил до свободного книгообмена…
И свободного творчества-книгоиздания…
Позади—неоправданные страдания:
Гнёт цензуры, на чтенье Заветов запреты…
На себя поднимавшие руку поэты…
Дуэлянты хмельные, стрелявшие в них…
Ах, за каждый, увы, отрезвляющий стих…
Слава Богу, закончился страшный процесс…
И никто не кричит: «Слава КПСС!»
Старикашки, над Библией—вслух—
понемногу
Тихо-мирно в молитвах твердят:
—Слава Богу!

Соловей

Пока любовь в груди моей жива,
Равновелика веку и мгновенью,—
О Муза, будут все мои слова
Подвластны лишь тебе и вдохновенью…

…И в одиночестве, и меж людьми
Нет смысла без тебя и без любви!

● ● ●

За что ужалила вчера
Меня залётная пчела?
За то, что мёду попросил…
И вот—лежу, почти без сил…

Распухла верхняя губа…
Ни слова не сказать… Судьба…

А пчёлы всё летят… летят…
И в каждой—мёд… И в каждой—яд…

● ● ●

Поэт, поверивший в слова,
Рифмует: голова—молва…
Любовь и кровь… Отрава—слава…
Что ж, он—как Бог—имеет право…

● ● ●

У каждого—ниша своя,
От сокола до муравья…
У всех—соответственный нрав,
И каждый по-своему прав.

● ● ●

По церкви летали иконы
И солнечные мотыльки…
И мы, этим чудом влекомы,
Взлетали с тобою, легки,
Под купол, как два голубка…
А люди творили поклоны,
Проваливаясь сквозь века.

• • •

Сейчас поэты книг не издают—
И всё равно известны всей планете,
Поскольку выставляют там и тут
Стихи свои на сайтах в Интернете…
Нажал мудрец на Enter—вот те на!—
И сразу мудрость каждого видна…

• • •

Когда мы встретились с тобой
Под Вифлеемскою звездою,
Я, влюбчивый, такой-сякой,
Затрепетал, увы, не скрою,—
От новой радостной молвы,
Волной возникшей между нами…
. . . .
Но мимо нас прошли волхвы
С нерукотворными дарами…

Смысл жизни

Мы живём, человеки убогие,
Восхищаясь новинкой любой,
Устаревшие технологии
Оставляя, увы, за собой…
Чтобы с Богом, от счастья лучась,
Так ли, этак ли выйти на связь…

• • •

Я был вчера в гостях у Фета
И у Полонского…
Втроём
Мы дружно пели до рассвета
То обо всём,
То ни о чём…

И подпевали нам—ей-ей!—
Ручей
И лунный соловей…

И звездопад не прекращался…
И вдохновенно
В поздний час,

Прощаясь с нами,
Спотыкался
Луной стреноженный Пегас…

Ожоги

Мне приятны ожоги крапивы…
И зимою—ожоги огня…
Хорошо, что они, всем на диво,
Воскрешают для жизни меня…
Я иду, отражаясь в стихах,—
И ожоги горят на руках…

• • •

Живу, как старый дуб—с дуплом внутри,
Где зиму веселятся снегири…
А летом поселяется кукушка,
Мать-одиночка, всем дубам подружка,
Птенцов выводит, о любви тоскует
И до ста лет себе и мне кукует…

• • •

Закончилось время стихов,
Мечты, поэтической позы…
Настала эпоха грехов,
Увы, политической прозы…
Смертельны греховные дозы…
Хлебнул—и привет! Чудеса—
Возносишься на небеса…
Где лунный таинственный круг—
И падают звёзды вокруг…

• • •

Друг, было всё в литературе:
И ночи свет, и темень дня,
Мечты о мировой культуре…
Жаль, ни тебя там, ни меня,
Ни тех, кто пишет до зари,
Не видно, что ни говори…

• • •

Ну-ну, прости меня, Лит-скворушка!
И я сегодня ж из тумана
Упавшее за сопку солнышко
Опять достану, без обмана…

И мы, пока ещё надеемся
И рады лучику единому,—
Друг возле друга обогреемся—
И засвистим по-соловьиному!

Наше счастье

Наше счастье где-то глубоко…
Или высоко и далеко…
Там, куда, пожалуй, не суметь
Ни доехать нам, ни долететь…
А пешком—тем более в пути
Не дойти к нему и не найти…
Так что, милый друг, среди забот
Стой!—Оно само тебя найдёт…

• • •

И вдруг услышал я Небесный возглас:
—Не обращай внимания на возраст!—
И в облаках заметил трепет крыл…
И невзначай себя перекрестил…

Наталья Макеева

Призрак войны

Киевский вокзал

Давай пойдём на Киевский вокзал,
С которого нам в Киев не уехать…
Мне кое-кто сегодня рассказал,
И смысла нет держать в большом секрете,

Что Киев — наш, осталось только взять,
Что нас там ждут с надеждой и тревогой.
С надеждою на вежливую рать,
Тревогою, что ждать придётся долго.

Прекрасный, бесконечно русский град
Под властью обезумевшего сброда.
И кто теперь доволен, кто же рад,
Что обернулась бойнею свобода?!

Да, мы придём, как много лет назад, —
Под ветра вой и шорохи лесные,
Ведь тысячи и тысячи солдат
Приказа ждут отправиться на Киев.

На Киевском вокзале, как всегда,
Лишь постоим мы у табло большого.
Не наши уезжают поезда.
Но… подождём немного. Наши — скоро!

Событие

Посвящается Специальной
военной операции

Мы возвращаемся в Историю —
Всему на свете вопреки.
И нам кричат, что нет, не стоило
На битву поднимать полки.

Мы снова стали неудобными,
Мы снова встали в полный рост!
Берём своё, родное, кровное.
Наш выбор радикально прост:

Собрать разбросанные камни,
Собрать себя из тех руин,
В которых мы, казалось, канули,
Где ты — один и я — один…

Но, рождены земли просторами,
Где бродит вольная гроза,
Мы возвращаемся в Историю
Сказать своё большое «Да!»

На блокпостах

На блокпостах — сиянье горних крыл
И крепкий чай, белёсый от сгущёнки.
Следы в седой теряются позёмке,
И каждый след по-своему простыл.

Тревожный взгляд, неспешный разговор
Под дальний «шум» и шорохи степные.
Там ходит кто, или метнулись крылья
И унеслись за старый террикон?

— Кто здесь?
— Да тут стоял один,
Он родом, говорят, из Краснодона.
Пришёл в чём был, отпет по позывному…
Вон, за пригорком несколько могил.

А землю укрывает снегопад,
И белые куда-то едут фуры.
Продрогшие крылатые фигуры
На блокпостах заснеженных стоят.

Дорога

Змеятся обочины
Снежные терриконы
Дорога заносчива —
Слышишь покрышек стоны?

Неба проталина
Фонарей шеренги
Песни оскаленные
Хором поют железным

Лёд магистрали
Указателей пугала
Холод усталости
Нас этой ночью путает

Тысяча километров
Призраки поворотов
Мечущегося света
Снежная позолота

Ветер пронизывает
Позёмка злится
Пашня иссиня-сизая
Очередь. Степь. Граница.

На ленте

На ленте, где встречаются миры
И брат не узнаёт при встрече брата,
История страны моей распята,
А новостные сводки так щедры

На правду, и на ложь, и на другое,
И кровь сочится в текста кружевах,
И здравый смысл тут терпит полный крах,
Бредёт по свету выцветшее горе.

Оно ни стран не знает, ни времён,
Знамён не знает, старости и детства,
И этот мир лишается наследства
И валится в кошмарный новый сон.

На ленте, где встречаются миры,
Бредёт машин тугая вереница:
Кто в пекло, кто пытается укрыться
И знать не хочет правила игры.

А правил нет. Жизнь порвана и смята.
История напишется потом,
Когда на пепелище новый дом
Построит брат, не узнающий брата.

Пуля

Мой гроб ещё шумит в лесу,
Он—дерево. Он нянчит гнёзда.
Франтишек Грубин

Мой гроб птенцов качает в небесах,
Но пуля мне отлита до рожденья.
И в вязкой металлической тиши
Она от гильзы ждёт освобожденья.

Она почти полвека спит во тьме
Среди своих сестёр в коробке тесной.
Издалека доносятся до них
Рыданья, хохот, выстрелы и песни.

В душистом масле часа пули ждут
Кусочками диковинного сыра
И, как плоды на грозди налитой,
Вот-вот сорвутся на просторы мира.

Им снится бесконечная страна
И ветра свист—горячего, степного—
Всего лишь раз… всего один аккорд…
Всего одно, но сказанное слово!

…Она отлита мне и только мне,
Её калибр до времени неведом…
Покуда спит—я буду шатуном
В людском лесу ходить за вами следом,

Заглядывать в окошки и глаза,
Переставляя шахматы и стулья,
Искать того, кто состоит в родстве
Со мной и пулей.

● ● ●

На третьем повороте точно съест
Тебя тоска и доглодает совесть.
Машина мчит, не сбрасывая скорость,
Из этих мест, из этих мест, из этих мест.

За поворотом вырастает лес—
Тревожен, непролазен и уныл.
И тишина, хоть кто-нибудь завыл,
Но ни души на сто миров окрест.

Так промолчи, молчи, молчи.
Весь мир окутал заговор молчанья.
Уходит время в придорожный гравий,
И воздух оглушающе звенит.

И никогда не знаешь, выйдет кто
К дороге из встревоженного леса,
Вот потому и не находишь места
И протираешь рукавом окно.

И никогда не знаешь, кто придёт
И сны твои непрошено разбавит.
Набатом сердце бьёт и убегает
За поворот, за поворот, за поворот.

На третьем повороте взвоет стая
С настоянной тоскою во главе.
Заснёшь и будешь странствовать извне,
Как прежде, ничего не понимая.

● ● ●

(На учениях «Кавказ-2020»)

Стакан мой полон,
Как поезд в Адъ.
Вот бы тебя
Ко мне в Волгоград.

На ковре-самолёте,
Военным бортом.
Плюсы и минусы—
На потом.

Грохочет гулко
Капустин Яр.
Слетает сокол,
Разит кинжал.

В дыму и гари
Земли клочок.
Песок в глазах,
И в зубах—песок.

Стакан мой полон.
Стакан мой пуст.

И, не сгорая,
Пылает куст.

Призрак войны

Доброго утра и мирного неба
Всем, кто проснётся сегодня в Москве,
Встанет и, чем-то опять недовольный,
Тяжко вздохнув, растворится в толпе.

Будет звонить он и слать сообщенья
В разные точки великой страны,
Чтобы случайно вдруг не заметить
Рядом стоящий призрак войны…

Призрак войны на фоне рекламы,
Призрак войны на фоне экрана,
Призрак войны на фоне обмана,
Призрак войны на фоне войны!

Что-то повисло в каждой минуте,
Порохом пахнет здесь и сейчас.
И, незаметная в общем веселье,
Злая тоска затаилась в глазах.

Яркое месиво жизни столичной,
Жажда свободы и чувство вины.
Призрак войны никогда не отступит.
Призрак войны, призрак войны!

Призрак войны на фоне рекламы,
Призрак войны на фоне экрана,
Призрак войны на фоне обмана,
Призрак войны на фоне войны!

Призрак войны, призрак войны…

Сердце

Анне Ревякиной, нарисовавшей сердце

У каждого, кто рисует,
А рисуют немного все,
Сердце бумажное где-то спрятано,
Странное в своей рукотворной красе.

Гуттаперчевое, колючее,
Скользкое, как всякий мяса кусок,—
Сердце, наружу рвущееся
И, покуда не вышел срок,

Бьющееся неукротимым пульсаром
В волнах багровых, в окружении алых рек.
Сердце бумажное мечется,
Хрупкий его человек

Кутается в одежду,
Кожу и прочий тлен,
Носит сердце бумажное
В коконе плотном вен.

…В мире сегодня холодно,
В мире почти зима.
Ветер листки бумажные
Треплет среди двора…

Крым

Тьма внутри, и тьма опять снаружи,
Воды бьются в острых берегах.
Лето, август, берег Крыма южный,
Гальки шум и шорохи песка.

Отблески над чёрной глохнут гладью,
Голоса глотает ветра вой.
Заливает мрак лихую память
И в пучину тянет за собой.

Этот мир не будет больше прежним,
Миру снится новая война.
Лабиринт нестройных отражений
В облаках рисует письмена.

Завтра шторм утихнет, и на берег
Радостно посыплется народ.
И тугая отпускная нега
Городок, играя, обовьёт.

Где ты, буря? Где ты, смерти жало?
Солнечные блики на воде,
Музыка летит над сонным пляжем,
В мирной растворяясь суете.

Миру снится: он опять на грани,
На пределе лени и тепла.
Этот мир не будет больше прежним—
Миру снится новая война.

В октябре

Туман играет тенью за окном,
И магистраль бессонная грохочет.
Мой город М.—он никогда не спит,
Он слишком стар, его усталость точит.

Так старики впиваются во тьму
Прозрачными, незрячими глазами,
Боясь забыться и уйти бродить—
И заблудиться где-то между снами.

Я так давно не видела степи—
Бескрайнего, тревожного простора.
Там тоже, говорят, сейчас туман,
И снег придёт, наверно, до Покрова.

Мне пишут: «Неспокойно даже днём,
И с каждой ночью ближе фронт подходит.
Дрожат дома от близости такой,
И непонятно, кто и что отводит…»

Немеет степь под натиском зимы,
До лучших дней живое замирает.
Лишь тени над дорогою кружат,
В промозглом растворяются тумане.

Не на Ростов

Как странно, что лечу не на Ростов,
Как страшно, что Ростов не принимает…
Там в чёрные пакеты собирают
Ошмётки судеб и кошмарных снов.

И смерть в сухих клокочет новостях
Не с той, а с этой стороны границы.
За лентой «перемирие» шумит,
И здесь от горя трудно не напиться.

Дождь взлётную омоет полосу,
Запёкшуюся жуть предаст земле,
И пассажиров суетный поток,
Как прежде, заторопится на рейс…

Не взять билет заветный на Ростов,
Но не сегодня-завтра день настанет—
И воздух Новороссии родной
На М4 вновь меня поманит.

* * *

На танцполе безопасных мест
Не осталось, и бледнеют лица.
Это время с хрустом нас поест
Под холодный свет огней столицы.

Как они безудержно горят…
Слышишь, подступает дискотека?
В этом свете растворился яд,
И провизор давится от смеха,

Корчит рожи, масло льёт в огонь
На потеху новостным сюжетам…
И любой вопрос глотает он,
Не спеша побаловать ответом.

Музыка всё громче, веселей!
Не спеши на радостях напиться.
Слышишь, время ест своих детей
Под мертвящий свет огней столицы?

Анне Долгаревой

Девочка хочет сбежать с войны.
Девочке тридцать лет.
Гладит кота, наливает коньяк,
Смотрит на белый свет.

День просидеть, проглядеть в экран,
Кружево мыслей прясть.
Девочка, девочка, дом твой где?—
Тихо звучит опять.

Душу согреет в бокале мгла,
Пузо подставит кот,
И, может быть, по другой тропе
Девочки жизнь пойдёт.

Будто и не было ничего,
Словно пуста строка.
Девочка хочет сбежать с войны…
Вроде смогла—пока.

Хождение по мукам

За стенами всё непонятно,
И даже деревья в наклон.
Пейзаж, так нелепо помятый,
Со всех наступает сторон.

Понятен лишь лист зачерствелый
В прогорклой мензурке вина,
И терпкие выстрелов тени
В бездонном проёме окна.

Я пылью пишу Мону Лизу
На ощупь на пыльном полу…
К чему недомолвки, сюрпризы
И вздохи на злую Луну?

Не стоит. В дыму перемены
Ко мне, спотыкаясь, бредут.
И нет ни покоя, ни смены
Ни там, и ни здесь, и ни тут.

Возвращение

Я не знаю, в какой мы области,
Бесконечность зелёного цвета,
На предельной несёмся скорости,
М4, прости нам это.

Всё живое, а мы—холодные.
С места брошенный взгляд мой каменный
Разбивает поля дородные
И деревьев стволы хрустальные.

После нас—листопад и изморозь,
Пятна чёрные в поле стынут,
Псы голодные рвутся с привязи,
Край заброшен, и дом покинут.

Эта трасса видала многих.
Мы ведь тоже на ней проездом.
Завтра раны залечит поле,
И посадки проснутся лесом.

Инна Кучерова

О любви с любовью

Извлекая эту зиму

Извлекая эту зиму из меня,
Будь внимателен и крайне осторожен.
Собирай осколки ветреного дня,
Чтоб дальнейший рецидив был невозможен.

Ушивай снегов сердечных широту,
Прижигай лучом рассветным злые раны.
Вероятно, ты опять получишь ту,
Что подснежники любила и тюльпаны.

Пусть по венам побегут ручьи, звеня,
Приучая их не к холоду, а к зною…
Извлекая эту зиму из меня,
Замени её целительной весною.

Чужая

Я всегда была покорной и послушной:
Я молчала—он о чём-то говорил,
Называл меня безликой, простодушной,
Удивляясь, как такую полюбил.

Он лепил меня, как мастер лепит глину,
Скрупулёзно, вплоть до разных мелочей,
Нежность рук, непрогибаемую спину,
Даже цвет и глубину моих очей.

Год спустя я стала гордой и красивой,
Воплотив его желанья до конца…
Он рассматривал шедевр неторопливо,
С настроением безумного творца.

Он смеялся, пил вино, бродил по дому,
Полон страсти и какого-то огня.
Вдруг застыл и прошептал: «А мы знакомы?..»—
Будто вовсе не узнав во мне меня.

Не ответив, я пошла по коридору.
Он, как зверь, кричал от боли и хрипел,
Задыхался, падал ниц и тихо вторил:
«Ты чужая… не такая, как хотел…»

Молчание—золото

Молчание—золото? Мы богачи,
Ведь мы «намолчали» немало…
При солнечном свете и в тёмной ночи,
Закутавшись в шёлк одеяла.

Не знаю, зачем и в тебе, и во мне
Такая живёт бережливость,
Что ценится каждое слово вдвойне,
Как самая высшая милость.

Молчание—золото. Мой дорогой,
Давай поскорей разоримся?
Истратим всё то, что копили с тобой,
И сладостно на-го-во-рим-ся.

Я услышу

Когда осенний дождь намочит крыши
И люди вдруг подружатся с дождями,
Подумай обо мне… и я услышу!
И спрячу от дождя тебя руками…

Когда зимою вьюги станут тише
И скроются под старыми мостами,
Подумай обо мне… и я услышу!
И ночь твою порадую стихами…

Когда весною солнце будет выше
И с гор пойдёт вода семью ручьями,
Подумай обо мне… и я услышу!
И сад твоей души зажгу цветами…

Когда заполнит лето зноя нишу
И дни жары покажутся веками,
Подумай обо мне… и я услышу!
И вымолю прохладу с облаками…

Когда твой друг и брат, свободный ветер,
Сорвёт любви последнюю афишу,
Поверь, ты не один на этом свете…
Подумай обо мне… и я услышу!

Они проживали в счастливом гражданском браке

Они проживали в счастливом гражданском браке:
Солидный мужчина, совсем молодая девчонка.
Он долгое время мечтал о бойцовской собаке,
А она предлагала к весне завести ребёнка.

Они выбирались по праздникам на природу,
Гуляли в лесу, собирали в букет маргаритки.
Она припивала свою минеральную воду,
А он доставал из пакета спиртные напитки.

Они посещали перформансы и рестораны,
Любили спектакли одной непростой балерины.
Она всё искала в меню шампиньоны в сметане,
А он выбирал, чтоб по-взрослому, с холестерином.

Они приглашали друзей, как велел им статус.
Обычный момент—посиделки для общей галки.
Она представляла гостям очень редкий кактус,
А он утверждал, что вообще-то в цене фиалки.

Они засыпали, как многие, ровно в полночь,
Прижавшись в порыве печали к спине спиною.
Она понимала, что муж—не герой, а сволочь,
А он и подавно её не считал женою.

Они проживали в счастливом гражданском браке…

Гений

Он—гений. И всё у него как бывало у гениев:
Пустая квартира, расстроенный старый рояль,
За стенкой соседи, с правами на частное мнение,
Им вряд ли когда-то случится осмыслить печаль…

Он выбрал себе одиночество. Жил только нотами.
Стремился достигнуть в твореньях такой идеал,
Чтоб люди не просто со смехом бросались банкнотами,
А слушали музыку сердцем, когда он играл.

Лишь дамы, печальной судьбой иногда проходившие,
Его так искусно неволили в сладком плену.
И сами-то были они никого не любившие,
И он никогда не любил… не любил ни одну.

Он—гений. И всё у него как бывало у гениев:
Бессонница, боль, одержимость и небо в руках.
Он страшно боялся признания… или презрения,
Считая, что эти слова равнозначны в веках.

Нелепица

Пустяк и, в общем, сущая нелепица,
Об этом говорить бы не хотела я,
Не вяжется, не клеится, не лепится
Из нас двоих одно сплошное целое.

Объекты мы с тобою не скульптурные,
Всё лишнее отсечь не получается,
Поэтому вопросы конъюнктурные
Обыденно годами не кончаются.

И ходим мы с тобой недопришитые
Друг к другу никакими чудо-нитками,
И горести, совместно пережитые,
Считаем несомненными убытками.

Но есть ещё истории реальные,
Они теперь всё чаще наблюдаются,
О том, как половины идеальные
Легко от потрясений распадаются.

Несглаженные наши угловатости
Пускай не вызывают удивления,
Неровности и все шероховатости
Порой нужны для лучшего сцепления.

Пустяк и, в общем, сущая нелепица,
Об этом говорить бы не хотела я,
Прекрасно, что из нас двоих не лепится
Бездушное шлифованное целое.

Белый король

Как достойно закончить роль,
Не поддавшись слепому гневу,
Если белый простой король
Любит чёрную королеву?

Он мечтает всю жизнь свою
Стать к ней ближе на четверть шага,
И не страшно почить в бою—
Королям по душе отвага.

Он не знает: готов гамбит,
Королевы любовь—насмешка.
И заплачет она: «Убит»,—
И прошепчет над телом: «Пешка».

Вадим Наговицын

Невозвратный долг

1.

Людмила Григорьевна только что вернулась с работы и, сняв в прихожей верхнюю одежду и обувь, осторожно вошла в комнату, где лежал хворающий муж.

— Людочка! — обрадовался Николай Матвеевич и, морщась от слабости, медленно поднялся с дивана.

Он был очень худ, бледен и имел весьма нездоровый вид. Глаза его лихорадочно блестели и глядели куда-то вдаль, мимо вошедшей в комнату жены.

— Коля, зачем ты встал? Ты ещё очень слаб. Ляг! — Людмила Григорьевна взяла мужа за руки и усадила на диван.

Он с покорностью подчинился:

— Я посижу.

— Посиди немного. Сейчас приготовлю ужин, — Людмила заботливо поправила на муже полосатый махровый халат, в который он был закутан, и ушла на кухню.

Николаю Матвеевичу через открытую дверь хорошо были слышны звуки переставляемой посуды, разогреваемой пищи и текущей из крана воды. Он с нетерпением ждал, когда жена закончит с приготовлением ужина и поговорит с ним. Не дотерпев, осторожно зашёл на кухню и сел за стол на табуретку возле стены.

Людмила Григорьевна поморщилась:

— Коля! Тебе ещё нельзя много ходить. Я бы принесла…

— Ничего, Людочка. Мне уже намного лучше. Я так соскучился… Лучше я здесь с тобой посижу.

Через минуту на столе появились: разогретая жареная картошка с куриной котлетой, маринованные огурчики и кусочки селёдки, ржаной хлеб и несколько очищенных зубков чеснока. Супруги принялись ужинать.

Уже за чаем Николай Матвеевич, ласково поглядев на жену, снова заговорил:

— Людочка, ты не представляешь, кто мне сегодня позвонил! — и, не дожидаясь ответа, тут же радостно поведал: — Мне позвонил Толик Косолапов. Представляешь?! Сколько же лет он не подавал признаков жизни!

Людмилу удивила эта новость, но совсем не обрадовала. Спросила с равнодушием:

— И где он сейчас?

Отпив глоток горячего чая из фаянсовой кружки, Николай, улыбаясь, ответил:

— Он здесь, в Северогорске. Недавно приехал в командировку. Каким-то большим начальником стал…

— Вот как! — промолвила Людмила, помешивая ложечкой чай в своей кружке.

— Всё интересовался, как мы, — продолжил Николай. — Про тебя расспрашивал. Про мои дела. А мне, понимаешь, и похвастаться особо нечем… Он, кстати, очень хочет повидаться с нами. Спрашивал, не пригласим ли его в гости.

— Пригласи! — бросила Людмила и сделала глоток.

— Я уже пригласил… Он так обрадовался! — Николай ласково глядел на жену, и улыбка постепенно сходила с его лица. — Сказал, что перезвонит и согласует дату и время… Он целый месяц будет в нашем городе…

Заметив у жены грустное выражение лица, с озабоченностью поинтересовался:

— Ты не рада?.. Ты чем-то огорчена, Людочка?

Людмила Григорьевна, не допив чай, встала и принялась торопливо убирать со стола. Николай Матвеевич понял, что она и в самом деле чем-то очень сильно расстроена, и не стал докучать ей расспросами. Он молча сидел, ожидая, что жена сама всё расскажет о причинах своей печали.

Наконец, помыв посуду, Людмила села за стол напротив мужа и, глядя ему в глаза, заговорила решительным тоном:

— Коля, я не хотела до поры тебя огорчать, но у нас сложилась безвыходная ситуация… с ипотекой! Банк расторг ипотечный договор, потому что мы постоянно запаздывали с оплатой процентов, и подал на нас в суд! И суд обязал выплатить банку остаток по кредиту. Через две недели истекает срок выплаты… Нам нужно до двадцатого августа заплатить банку сто восемьдесят тысяч рублей. А иначе…

— Что иначе?.. — Николай Матвеевич нахмурился.

— Иначе, Коля, нас выселят!.. Квартиру продадут, и банк удержит свою сумму. Ещё тридцать тысяч рублей с нас взыщут за судебные издержки, как с проигравшей стороны… — Людмила Григорьевна нервно теребила руками кружку, отчего та крутилась и ползала по столу. — Нам вернут только

остаток суммы после всех вычетов. И мы окажемся на улице с деньгами, на которые не сможем купить даже двухкомнатную квартиру. В общем, Коля,—голос жены дрогнул,—надо или погасить остаток по ипотеке, или выметаться на улицу... Что будем делать?

—Это несправедливо, Люда!—с огорчением выкрикнул Николай Матвеевич.—Мы десять лет выплачивали этот кредит и под такой неимоверно высокий процент! Мы выплатили больше двух миллионов рублей, и это при том, что наша квартира изначально стоила почти в два раза дешевле! И вот теперь, когда осталась совсем небольшая задолженность, нас хотят лишить нашей замечательной трёхкомнатной квартиры?!

—Но мы ведь сами виноваты! Последние полгода мы не могли регулярно погашать кредит. Твоя болезнь... Да и у меня на работе возникли серьёзные проблемы,—Людмила оставила в покое кружку и с надеждой посмотрела на мужа.

Но тот сидел перед ней с расстроенным видом.

—Я же не специально себе инсульт устроил!—произнёс сокрушённо Николай.—Банк ведь должен был принять во внимание мою тяжёлую болезнь и мою временную нетрудоспособность. Они должны же были как-то смягчить эту ипотеку для больного человека! Я же все медицинские документы им предоставил!

Николай посмотрел на жену с надеждой, пытаясь найти в её взгляде хоть какую-то искру света, но она, устало прикрыв глаза, молчала.

Наконец Людмила произнесла:

—Коля, они никому ничего не должны! Это мы им должны...—голос её нервно задрожал.—Им все должны!.. У моей сослуживицы Екатерины Николаевны сына выселили из квартиры за такое же нарушение ипотечного договора. Он выплатил за несколько лет уже больше половины суммы. А полгода назад его сократили на заводе, и он три месяца сидел без работы. Потом устроился, но зарплаты не хватало даже на жизнь, не то что на проценты по кредиту. И вот недавно его выселили. Квартиру банк сразу же продал по рыночной цене, и теперь ему что-то вернут после всех удержаний. Сейчас он живёт у матери: с женой и ребёнком... Да знаешь, сколько сейчас простых людей прогорело с этой проклятой ипотекой? Ужас!

—Люда, надо что-то придумать. Давай возьмём взаймы! Давай возьмём кредит в другом банке и рассчитаемся с этим...—Николай почувствовал себя нехорошо и схватился за голову.

—Коля! Тебе нельзя волноваться!—встревожилась Людмила.—Иди приляг!

—Да какое там!—Николай с досады махнул рукой.

—Никто нам не даст кредит... И взаймы тоже,—Людмила Григорьевна снова нервно взялась за кружку.—Ты на больничном, и тебе грозит инвалидность. А у меня зарплата меньше критической.

—Что же тогда нам делать?!—поморщился Николай, он сильно разволновался.

Людмила ответила:

—Я звонила маме, она даст нам двадцать тысяч рублей—это все её сбережения. Это всё, что она смогла накопить со своей нищенской пенсии себе на похороны. И эти свои последние деньги она готова нам отдать...

—А что Саша? Сыну звонила?

—Звонила. Саша после развода живёт на съёмной квартире и платит за неё едва ли не половину своей зарплаты. Да ещё алименты. А жить на что?! Там, в Москве, всё так дорого! У него самого никаких денег нет!

—Ну а наши друзья, знакомые?..—продолжал с надеждой расспрашивать Николай.—Кто-нибудь может дать нам взаймы? Хотя бы по частям.

—Коля, я обзвонила почти всех! Ты же знаешь, что друзья существуют только до тех пор, пока ты жив-здоров и кому-нибудь для чего-то нужен. После того, как с тобой случилось несчастье, все твои друзья сразу же позабыли наш телефон.

—Да... Это правда,—сокрушённо вздохнул Николай Матвеевич.—Плохие у нас друзья.

—Вот только Игорь и Елисей Аверьянович звонили регулярно, справлялись о твоём здоровье. Елисей Аверьянович обещал дать взаймы тысяч двадцать-тридцать. Ты же знаешь, он сам человек небогатый. Но тоже готов отдать последнее. У них, у староверов, так принято—помогать попавшим в беду. Спасибо ему большое...—Людмила тяжело вздохнула.—А Игорь совершенно не может помочь! У него вообще никогда денег не было... Так что, Коля, больше нам рассчитывать не на кого... И что теперь делать, я ума не приложу!

Людмила Григорьевна приложила ладони к лицу и несколько раз всхлипнула. Нет, она не плакала, она сдерживала плач, но тот с силой прорывался наружу.

—Ну ладно, Люда! Что-нибудь придумаем. Бог не выдаст—свинья не съест,—Николай Матвеевич поднялся с места.—Может, лучше нам самим продать свою трёхкомнатную или обменять на «двушку» с доплатой? А разницу заплатим банку. Что ты думаешь?

—Надо было немного раньше, Коля,—Людмила Григорьевна подняла лицо с красными глазами, полными слёз. Она говорила с отчаянными нотками.—Я всё не решалась тебя беспокоить. Ты очень плохо себя чувствовал, и я боялась посвящать тебя в наши проблемы. А сейчас мы уже не успеем!—она тяжело вздохнула.—Если продавать срочно, то продешевим. Тогда и хорошей разницы не получится. Двухкомнатные стоят сейчас почти как «трёшки». Ты ведь знаешь, что за трёхкомнатные коммунальная плата просто астрономическая. Вот люди и берут в основном «двушки», чтобы платить поменьше за коммунальные услуги. Я тебе

раньше, ещё до болезни, предлагала: давай на двухкомнатную обменяем. И платить было бы меньше, и кредит бы погасили раньше. Но ведь ты не соглашался. Говорил, что квартира внуку достанется… А внука теперь воспитывают чужие люди! И квартира достанется только Саше. А он никуда из Москвы уезжать не собирается, тем более в Северогорск… Вот так вот, Коля!

Николай Матвеевич, придерживаясь за стены, тихо ушёл в свою комнату, а Людмила Григорьевна осталась на кухне одна и ещё долго сидела в глубокой задумчивости.

2.

На следующий день, возвращаясь с работы, Людмила Григорьевна проходила мимо Благовещенского храма и, услышав доносившиеся наружу песнопения, решила зайти.

Шло вечернее богослужение. Народу в храме было совсем немного, в основном старушки. Повязав на голову белый шёлковый платок, который всегда носила с собой в сумочке, и купив самую дешёвую—рублёвую—свечку, Людмила подошла к иконе Пантелеимона Целителя. Постояла с беззвучной просьбой о даровании исцеления болящему мужу и аккуратно поставила зажжённую свечу перед образом.

Как и многие советские люди, Людмила Григорьевна в детстве, тайком от родителей, была крещена в сельском храме своей бабушкой, у которой проводила каждое лето. Девчонкой Люда носила крестик только в деревне, а уже в городе прятала его в своей шкатулке. Родители, прознав про её крещение, сильно не возмущались, они терпимо относились к православной традиции и в научном атеизме сильно не усердствовали.

Когда рухнул Советский Союз и началась проклятая капиталистическая эпоха, когда все вокруг вдруг заговорили о вере и по телевидению стали часто показывать попов и архиереев, Людмила начала носить свой детский медный крестик постоянно и даже заглядывала иногда в храм. Веры она не имела. Нет, она понимала, что есть Тот, Который выше всех, сильнее и могущественнее, Который распоряжается судьбами людей, поощряет за благие дела и наказывает за дурные поступки. Но она принимала Его разумом, а не сердцем, не через веру. Она не знала православного вероучения: ни догматов, ни канонов, ни традиций. Ей достаточно было знать и надеяться, что Он где-то есть и что Он, может быть, иногда помогает людям.

Изредка заходя в храм, Людмила расспрашивала богомольных старушек о том, какому святому, перед какой иконой и в каком случае нужно поставить свечу. Она узнала, что великомученик Пантелеимон может помочь исцелиться от болезней, и после инсульта мужа часто возжигала свечу перед образом именно этого святого. И перед иконой Николая Чудотворца она тоже ставила свечи, надеясь на его помощь в финансовых делах. И Пресвятой Богородице—мысленно прося Её помочь сыну Саше, у которого случилась семейная драма, приведшая к болезненному разводу.

Людмила совсем не знала молитв. Она обычно стояла перед иконой и шептала беззвучно, про себя, слова своей искренней просьбы. Она обращалась к святым, изображённым на иконах, как к старшим товарищам, покровителям, которые, как сильно надеялась Людмила, могли помочь ей и её семье в очень трудной жизненной ситуации.

Вот и сейчас, стоя перед образом святого Пантелеимона, Людмила Григорьевна горячо просила его помочь выздороветь мужу, чтобы Николай Матвеевич смог окончательно исцелиться от недуга и стать, как прежде, здоровым, сильным, умным, жизнерадостным и энергичным человеком. Пантелеимон глядел на неё с иконы с сочувствием и состраданием, в его молодых глазах светилась скорбь обо всех болящих и вместе с тем проглядывала некоторая надежда на их скорейшее исцеление. У Людмилы Григорьевны на глаза навернулись слёзы—не от умиления, а от острой жалости к самой себе. Ей было так тяжело, и такая безысходность томила её душу, что она готова была разрыдаться.

Вдоль стены медленно прошёл молодой диакон, сильно размахивая звенящим кадилом и обдавая ладанным дымом молящихся. Он бросил укоризненный взгляд на Людмилу, и та не могла понять, в чём заключалось его недовольство. В том ли, что она не молится, не осеняет себя крестным знамением, не делает глубоких поклонов? Или что она, незнакомая ему женщина, зашла в храм с улицы случайно, мимоходом?

Почему-то укоризна священнослужителя совсем не огорчила Людмилу. Она подняла руку и неумело перекрестилась перед образом Пантелеимона, а затем, неожиданно для себя, сделала шаг ближе и, наклонившись, поцеловала его. Икона источала тонкий аромат какого-то благовонного масла и излучала едва ощутимое, почти человеческое тепло. На секунду Людмила почувствовала успокоение и надежду. «С Николаем всё будет хорошо!»—уверенно подумала она и вышла из храма на улицу.

3.

Стол был накрыт в гостиной. На белоснежной скатерти красовались фарфоровые тарелки из сервиза, хрустальные фужеры, мельхиоровые приборы и свёрнутые в конус накрахмаленные салфетки. Посередине стояли ваза с фруктами и две бутылки вина—с красным «Каберне» и белым «Шардоне».

Николай Матвеевич был одет в отутюженные чёрные брюки и белую рубашку с короткими рукавами.

—Может быть, всё-таки галстук?—спросил он жену.

— Не стоит. Ты и так вырядился как банковский клерк. Надо — попроще, — заметила Людмила.

Сама же была облачена в скромное тёмно-синее платье, хорошо облегающее фигуру. На ногах — белые туфли на невысоком каблуке. Свои длинные густые тёмно-русые волосы она заплела в толстую косу и уложила в старомодную, но очень красивую причёску, обнажавшую её длинную белокожую шею, украшенную бусами из мелкого речного жемчуга.

Людмила Григорьевна выглядела очень хорошо для своего возраста и умела подчеркнуть все достоинства уже немолодой, но ещё весьма привлекательной женщины. Озабоченность семейными проблемами лёгкой тенью лежала на её немного усталом лице, почти без макияжа, только с неяркой помадой на небольших рельефных губах.

Субботний день, выходной, Людмила и Николай ожидали гостя — уже всё было готово! Часы показывали почти три часа пополудни, и хозяева заметно волновались.

Наконец в половине четвёртого раздался звонок в дверь. Николай Матвеевич поспешил открывать. В прихожей загудел громкий мужской голос, зазвучали оживлённые речи хозяина и гостя, раздались радостные возгласы.

В комнату вошёл высокий, подтянутый, худощавый, очень импозантный мужчина в строгом тёмно-сером костюме, в кремовой рубахе с серо-серебристым галстуком и блестящими серебряными запонками на манжетах. На его ногах блестели тщательно вычищенные чёрные лакированные туфли, а в руках он держал роскошный букет из крупных пунцовых роз. За спиной вошедшего, смущённо улыбаясь, стоял Николай Матвеевич и держал в руках принесённую гостем бутылку дорогого коньяка.

Гость был гладко выбрит, а его густые слегка седоватые волосы лежали в классической причёске с зачёсанным назад чубом. От него исходил аромат хорошего табака и дорогого одеколона, и выглядел он очень солидно и представительно, как драматический актёр или очень большой начальник, — движения его были величавы и неторопливы.

Упругой походкой он уверенно подошёл к Людмиле Григорьевне и с вежливым полупоклоном протянул букет. Она взяла и пристально, с некоторой растерянностью, поглядела на гостя. Тот едва улыбнулся в ответ, и что-то слегка кольнуло Людмилу в сердце. Волнение неожиданно охватило её, когда она увидела его серые глаза с лукавинкой и длинными светлыми ресницами. Это были те самые глаза, которые изредка вспоминались ей на протяжении более двадцати лет!..

Слегка смутившись, Людмила изобразила приветливую улыбку и бросила осторожный взгляд в сторону мужа. Николай радостно улыбался, его бледное лицо немного оживилось и теперь светилось искренним счастьем.

— Ну, здравствуй, Людочка! — громко произнёс Анатолий Юрьевич, раскрыл объятья и крепко обнял бывшую одноклассницу. Звонко поцеловал её в щёку, отодвинул от себя, полюбовался и снова обнял. — Здравствуй, дорогая!

Высвободив Людмилу из объятий, гость отошёл в сторону, окинул взглядом комнату со скромной обстановкой и, снова поглядев на хозяев, трогательно произнёс:

— Вы не представляете, ребята, как я рад вас видеть. Как хорошо, что вы живы, здоровы и вместе!

Николай Матвеевич поставил на стол коньяк и отодвинул стул, приглашая гостя к столу:

— Садись, Толик! Я-то как раз и не совсем здоров.

Аккуратно усаживаясь за стол, гость с искренним изумлением воскликнул:

— А что такое, Николай? Что случилось с тобой?!

— И не спрашивай! Полгода назад я перенёс инсульт. Едва не помер. Бог миловал, выжил. Но очень сильно хвораю. Вот до сих пор не могу в себя прийти. Силы не возвращаются. Всё слабость, голова болит, кружится, — Николай Матвеевич и сам осторожно присел на стул.

— Очень сочувствую тебе, Коля. Но ты выздоравливай! Держись!

Анатолий Юрьевич сидел за столом осанисто, опершись левым локтем, и всем своим видом излучал успех и доброжелательность. Он говорил медленно и вдумчиво, очень красиво, немного театрально модулируя голос, и каждый его жест выражал уверенность в себе.

Людмила Григорьевна подала блюда и тоже села за стол.

— Наливайте, мужчины! — весело приказала она. — Я пью белое вино. Коля — красное. А ты?

Немного подумав, в тон хозяйке так же весело, гость произнёс:

— А я — коньячок. Хочу вас угостить.

— Коле врач разрешил только красного вина понемногу. А я крепкие напитки вообще не люблю. Так что, Анатолий, не стесняйся, наливай свой коньяк, всё равно, кроме тебя, его пить никто не будет! — беззастенчиво распорядилась Людмила и бросила взгляд на гостя.

Тот, нисколько не смутившись, откупорил бутылку коньяка и налил себе в небольшой пузатый бокал из хрусталя до половины. Николай Матвеевич тем временем налил вина жене и себе. Поднял фужер с рубиновым напитком и торжественно произнёс:

— Я рад, Анатолий, что мы, наконец, снова встретились. Мы не виделись, наверно, лет двадцать из тех двадцати семи, что минули после окончания школы. Я до сих пор помню и нашу школу, и наш класс, и нашу дружную четвёрку! Давайте же, мои дорогие одноклассники, Толя и Люда, выпьем за нашу долгожданную встречу!

Бокал и фужеры встретились в центре стола, осторожно стукнулись краями, издав хрустальный звон, и вернулись к своим хозяевам. Николай Матвеевич сделал несколько глотков, отпив до половины, и поставил фужер. Людмила Григорьевна, медленно цедя, выпила своё вино до дна, а Анатолий Юрьевич осушил бокал залпом, сдержанно крякнул и взял на закуску чёрную виноградинку из вазы.

Завязался приятельский разговор под угощение из закусок и салатов. Анатолий Юрьевич всё расспрашивал про житьё-бытьё супругов Людмилы и Николая, интересовался их работой, детьми, делами, заботами. О себе рассказывал мало:

— Я сейчас в одной крупной московской фирме тружусь, заведую отделом по руководству филиалами. Вот и в Северогорск приехал в специальную командировку, провести инспекцию нашего северогорского филиала. Так что ещё повидаемся, пообщаемся, сходим куда-нибудь.

— А как твоя семья, Толик?—перебив гостя, спросила Людмила Григорьевна.

Анатолий Юрьевич замер и напрягся лицом, затем выразительно поглядел на хозяйку, поставил локти на стол перед собой, сцепив пальцы в замок, и, отведя взгляд в сторону, медленно и очень мягко произнёс:

— Был женат, Людочка, почти двадцать лет… Потом развёлся. Наша дочь уже взрослая—в Москве учится, поступила в медицинский институт. Живёт со своей матерью. Но поддерживает со мной очень хорошие отношения, я ей помогаю…—и уже с некоторой бравадой добавил:—Так что я сейчас холостой и совершенно свободный мужчина! А учитывая моё положение и статус начальника, я ещё и завидный жених! Вот так вот!

Анатолий Юрьевич озорно подмигнул Людмиле Григорьевне и налил себе коньяку. Николай Матвеевич тоже наполнил фужеры вином.

— Ну, теперь я скажу, на правах гостя,—Анатолий Юрьевич поднял свой бокал и заговорил мягко, вкрадчиво, с сильной сердечной интонацией:—Дорогие мои, друзья мои душевные, помню, очень хорошо помню и никогда не забывал про нашу юношескую чистую дружбу. Наша дружная четвёрка собралась не в полном составе. Жаль, что нет с нами рядом товарища нашего Сашеньки Полетаева. Он сейчас далеко, в Сибири, водит речные корабли по Енисею. Он стал самым настоящим капитаном, как и мечтал. Но я с ним изредка переписываюсь. Он знал, что я собираюсь в Северогорск и что увижу вас, поэтому просил передать вам привет. Он всё мечтает приехать к вам в гости и повидать вас… Вот мне повезло, я приехал первым.

Все, дружно чокнувшись, выпили. А Анатолий Юрьевич продолжал:

— Помнишь, Коля, как стояли мы все друг за дружку, как заступались, как не давали себя в обиду? Как все нас уважали и завидовали нашей дружбе?

Николай Матвеевич, соглашаясь, кивал головой и улыбался.

— Помнишь, Людочка, когда нам исполнилось по пятнадцать, мы все трое—я, Коля и Саша—одновременно влюбились в тебя?! А ты уже тогда отдавала предпочтение Кольке. И что ты в нём нашла?—Анатолий Юрьевич шутливо погрозил пальцем в сторону Николая Матвеевича и продолжил:—А помнишь, Людочка, как после выпускного мы втроём катали тебя на садовой тележке по городу всю ночь? А потом мы все разъехались кто куда…

Гость замолчал, и за столом на некоторое время воцарилась тишина.

Людмила Григорьевна подала на стол горячее блюдо: голубцы с томатной подливой.

— О-о-о!—восхищённо воскликнул гость, отведав голубца.

Хозяева, улыбнувшись, переглянулись и покивали головами, радуясь, что угодили дорогому гостю.

— Да, Людочка умеет готовить!—с гордостью произнёс Николай Матвеевич, докушав свои голубцы.

Он снова разлил вино и наполнил коньяком бокал гостя.

— За нашу дружбу!—провозгласил Николай Матвеевич.

Снова звякнул хрусталь от соприкосновения сдвинутых вместе фужеров и бокала. Хозяева выпили своё вино, а гость, задержавшись, с бокалом в руке трогательно произнёс:

— Как хорошо, что вы вернулись в родной Северогорск и что у вас всё сложилось так замечательно. Давайте выпьем за нашу нестареющую и нержавеющую дружбу!—Анатолий Юрьевич последние слова произнёс уже со слезой в голосе и залпом выпил коньяк. Было видно, что он растроган до глубины души. С некоторой робостью спросил:—А можно я покурю?

Хозяин кивнул и подвинул ближе к гостю хрустальную пепельницу. Анатолий Юрьевич достал из кармана большую пачку сигарет и вынул одну. Сигарета коричневого цвета и с золотым ободком возле мундштука была длиннее и толще обычной. Прикурив от массивной серебряной зажигалки и выпустив в потолок клуб ароматного дыма, гость виновато улыбнулся:

— Простите, я подымлю немного… Разволновался!

Людмила и Николай понимающе улыбнулись ему в ответ.

Они ещё долго сидели за столом, выпивали, закусывали и вели беседы. Все разговоры велись в основном о прошлом: всё вспоминались школьные годы, учёба, дружба, проказы и выходки, смешные случаи и все те детские пустяки, которые когда-то сильно волновали, а сейчас вызывали только улыбку. Все трое как будто снова ненадолго стали семнадцатилетними школьниками, взволнованными

и романтичными. Как будто и не было тех двадцати семи лет разлуки после окончания школы.

В одиннадцатом часу ночи, когда за окном уже стояли густые сумерки, гость, наконец, засобирался домой. Его тепло провожали в прихожей, приглашая снова в гости, желая здоровья и удачи. Людмила вызвала по телефону такси.

— А ты где жить-то будешь?—спросил Николай Матвеевич.—У тебя здесь родственники остались?

— У меня здесь никого не осталось. Мама сейчас у моей сестры живёт в Подмосковье, внуков нянчит. Я часто их навещаю…—отвечал немного заплетающимся языком Анатолий Юрьевич.—А здесь я буду жить в служебной квартире… Сейчас две недели будет очень много работы, а потом появится побольше свободного времени, и мы обязательно ещё повидаемся… Ну, всё, пока ребята!—с этими словами дорогой гость обнял по очереди Николая и Людмилу и вышел за дверь.

4.

Людмиле Григорьевне было очень неспокойно. Ей только что по рабочему телефону позвонил судебный пристав и напомнил, что осталось ровно шесть дней, чтобы вернуть долг банку. В противном случае, грозил пристав, молодой и хамоватый чиновник, они опишут имущество и выставят квартиру на торги, а должников выгонят на улицу.

«Что же делать? Что же делать?»—мучилась Людмила, не находя ответа. Набравшись решимости, она пошла к своему начальнику и, зайдя в кабинет без стука, настойчиво спросила:

— Алексей Вениаминович, вы помните мою просьбу? Я вам рассказывала о своей проблеме, о задолженности банку по ипотеке…—Людмила Григорьевна сильно волновалась.—Вы обещали помочь! Речь идёт о займе или о возмездной материальной помощи. Мне срочно нужно сто восемьдесят тысяч рублей, чтобы рассчитаться с банком… Иначе нас с мужем выселят из квартиры.

Алексей Вениаминович, пожилой худощавый и сутулый мужчина с плоским лицом в больших очках, пустым взглядом окинул Людмилу и указал рукой на стул перед своим письменным столом. Она присела на краешек и с затаённой надеждой поглядела на начальника.

Сняв очки и сильно потерев невысокий, но широкий лоб, Алексей Вениаминович заговорил бесцветным сухим голосом:

— Людмила Григорьевна, я понимаю крайнее затруднение, в которое вы попали, и очень сочувствую вам, но, к величайшему моему сожалению, боюсь, что мы ничем не сможем вам помочь… Я разговаривал с директором перед его отпуском о вашей проблеме, просил оформить вам ссуду с последующим удержанием из жалования… Но он не согласился… Вы же знаете, что наше предприятие сейчас переживает временный кризис в связи с ухудшением конъюнктуры на рынке. Очень сожалею!—он широко развёл руками.

Людмила Григорьевна слушала начальника, и её лицо постепенно краснело. После его слов она целую минуту сидела как оглушённая. Потом, не выдержав, закрыла лицо ладонями, сильно согнулась и громко, отчаянно зарыдала. Она не могла вымолвить ни слова, хотя пыталась что-то сказать начальнику. Тот, не вставая из-за стола, налил в стакан газированной воды из сифона и протянул ей:

— Людмила Григорьевна, выпейте, пожалуйста! Прошу вас, успокойтесь!

Подняв на него глаза, полные горячих слёз, Людмила взяла стакан, выпила воду и, нечаянно стукнув о край, поставила его на стол. Резко встав со стула, попыталась совладать с собой. Но, окончательно осознав, что лопнула её последняя надежда на помощь, снова заплакала, и слёзы неудержимо струились по её лицу, капая на пол.

— Да успокойтесь же!—с тревогой воззвал начальник.

Людмила Григорьевна прижала руки к груди, сделала глубокий вдох, задержав его, потом резко выдохнула, откинула ладони и с изменившимся от гнева лицом громко заговорила, переходя на крик:

— Я работаю в нашем объединении уже более двадцати лет! Ещё с советского времени, когда пришла сюда после института молодым специалистом. Я честно трудилась даже после того, как предприятие приватизировали неумные и жадные люди, которые назначили руководить сложным производством таких же недалёких и алчных негодяев, как и они сами!..

Начальник поморщился, но промолчал. Людмила Григорьевна продолжила свою тираду:

— С тех пор предприятие влачит жалкое существование! Потому что ни новые хозяева, ни новое руководство не знают, как и куда развивать производство. Начальники только и могут получать огромные оклады с астрономическими премиями, совершенно не отвечая за результаты своего никчёмного руководства!.. А персонал и рядовые сотрудники получают копейки и влачат жалкое существование!

Людмила шагнула ближе к столу, и начальник невольно подался назад.

— Я никогда, Алексей Вениаминович, никогда не обращалась к вам за помощью!.. Мой муж перенёс тяжёлый инсульт, он едва выжил, и мы не смогли вовремя уплатить проценты за ипотеку. Теперь банк через суд потребовал вернуть остаток кредита и грозится отнять у нас квартиру, если мы не заплатим эти деньги… Разве ваше предприятие, всё ещё располагая достаточно большими финансами, не может мне помочь?

Людмила оперлась о стол, опрокинув стакан.

— Я ведь попросила у вас деньги взаймы! Вы ведь могли меня выручить! Хотя бы за то хорошее, что я

сделала для нашего… вашего предприятия!.. Разве начальники отделов не получили по двести тысяч премии за полугодие и по триста тысяч отпускных? А за что им такие деньги?! Всё предприятие держится только на плечах трудового коллектива, а вы, Алексей Вениаминович, и все руководители вашего уровня всё создаёте и создаёте новые отделы, новые должности, плодитесь как амёбы, ничем не управляете и ни за что не отвечаете, а каждый месяц получаете огромную зарплату, сопоставимую с годовым жалованьем рядового инженера. Где же справедливость?!

Людмила замолчала, её снова душили слёзы, но, собравшись с силами, она до конца высказала начальнику всё, что думала о нём и об остальном руководстве:

— Да наш директор только отпускных получил полмиллиона! А вы не смогли найти для меня сумму намного меньшую! Конечно, вам всё не хватает на заграничные курорты, на дорогие автомобили и рестораны. Вы всех нас обдираете, грабите без совести, живёте за счёт нашего дармового труда, жируете и ещё цинично насмехаетесь!

Людмила стукнула кулаком по столу и, развернувшись, направилась к выходу. Обернувшись уже возле двери, отчаянно выкрикнула:

— Вы оставили меня в беде! У вас даже не возникло желания помочь мне. Все ваши разговоры — пустая отмазка! Фальшь! Вы пустые и равнодушные люди! У вас, кроме денег и жажды собственного обогащения, ничего за душой нет! Я вас всех презираю! — Людмила Григорьевна выбежала из кабинета, сильно хлопнув дверью, и ринулась вниз к выходу из здания.

5.

Людмила выскочила на улицу и побежала куда глаза глядят. Она находилась в глубоком потрясении и поначалу ничего не осознавала. Затем, постепенно приходя в себя, замедлила бег и, не испытывая усталости, перешла, наконец, на быстрый шаг. И только поравнявшись с Благовещенским храмом, Людмила окончательно очнулась, внимательно поглядела на знакомое ей здание старинной церкви и решила зайти.

Было два часа пополудни, и службы ещё не было. Храм был совсем пуст. Только за свечной лавкой тихо сидела молодая женщина с худым некрасивым и бледным лицом и встревоженно глядела блёклыми глазами на вошедшую и взволнованную Людмилу.

Подойдя к лавке, Людмила Григорьевна спохватилась, что забыла сумочку на работе и у неё теперь нет с собой ни платочка, чтобы повязать на голову, ни кошелька, чтобы купить свечку. Она растерянно остановилась и не знала, что же ей делать. Она уже хотела развернуться и выйти вон, но женщина за свечной лавкой встала и осторожно спросила тихим сочувственным голосом:

— У вас что-то случилось?

Людмила удивлённо поглядела на служительницу, и ей почему-то показался знакомым этот голос, и закралось ощущение, что она давно знает эту худую и невыразительную женщину.

— Да, случилось… У меня большое горе… — Людмила тихо заплакала, у неё уже не было никаких сил сдерживать слёзы.

— У вас кто-то умер? — осторожно поинтересовалась женщина за лавкой.

Людмила принялась вытирать ладонями стекающие по щекам обильные слёзы, у неё не было с собой даже носового платочка, он тоже остался в позабытой сумочке, затем неуверенно ответила:

— Нет… Никто не умер… Слава Богу…

Служительница протянула ей пару чистых бумажных салфеток. Людмила взяла и аккуратно вытерла лицо насухо.

— Спасибо.

— Может, у вас кто-то тяжело захворал? — снова спросила женщина.

Людмила почувствовала некоторое расположение к служительнице и откровенно ответила ей:

— У меня тяжело хворает муж… Он перенёс инсульт и едва не умер… Но теперь он поправляется, хотя ещё и очень слаб.

— Так какое же у вас горе? — прозвучал новый вопрос.

Людмила задумалась. В самом деле, никто у неё не умер, все живы. Николай хоть и болен, но потихоньку выздоравливает. Так чего же она так убивается и расстраивается?

— Нас… выселят из квартиры!.. — горячо произнесла Людмила.

— За что?

— Мы вовремя не заплатили банку проценты за ипотеку.

— И вам негде будет жить?

— Наверно… Хотя, когда продадут квартиру и заберут долг, ещё останутся какие-то деньги. Может быть, хватит на однокомнатную квартиру… или на деревенский дом.

— Ну, так значит, вы всё-таки не на улице окажетесь. Какая-то крыша будет над вашей головой. И то слава Богу! — служительница перекрестилась.

Людмила уже окончательно успокоилась и, решившись, скромно попросила собеседницу:

— Извините, вы не могли бы дать мне в долг одну свечечку… за рубль? Я позабыла на работе сумочку с кошельком… и платок на голову… Я обязательно вам верну денежку.

Служительница подала ей небольшую красную свечку и сердобольно ответила:

— Ну что вы! Возьмите так. Я вас знаю. Вы постоянно ставите свечу святому Пантелеимону

Целителю. Возьмите. Спаси, Господи! — женщина слегка поклонилась.

Людмила обрадовалась доброму сочувствию этой бледной женщины, но её она совершенно не помнила. Покупая свечи в этом храме, Людмила никогда не обращала внимания на того, кто стоит за лавкой. Ей казалось, что там каждый раз стоит одна и та же старушка, которую она никогда и не разглядывала. А вот надо же, эта служительница хорошо запомнила её, редко заходящую, случайную, чужую и постороннюю, и даже обратила внимание на то, перед какими образами она ставит свечи. И это очень тронуло.

— Спасибо! — Людмила тоже поклонилась в ответ с искренней благодарностью.

Взяв свечу, она задумалась: кому же её поставить? Потом подошла к большой иконе Николая Чудотворца, висевшей на стене справа возле окна, зажгла свечу от еле теплящейся лампадки и поставила в пустой поставец.

Людмила с глубокой надеждой поглядела на изображение пожилого седовласого мужчины с грустными тёмными глазами и аккуратной седенькой бородкой, облачённого в архиерейскую мантию и с золотистым нимбом вокруг головы. Он же глядел на женщину глазами, полными слёз, и бережно держал в руках свою книгу.

«Помоги мне!» — пронзительно, почти криком, мысленно попросила Людмила святого угодника. Перекрестившись, она нагнулась и поцеловала икону, а затем, попрощавшись с доброй служительницей, вышла из храма на улицу.

6.

Вернувшись на работу, Людмила Григорьевна прежде всего снова зашла в кабинет к своему начальнику. Тот, увидев её, насторожился. Сразу с порога она произнесла с глубокой искренностью:

— Алексей Вениаминович, я зашла принести вам свои извинения. Я наговорила много дерзостей и невольно оскорбила вас. Простите меня, пожалуйста!

Начальник снял очки и поглядел на Людмилу с радушным удивлением. Помедлив, покивал головой и ответил ей с доброй, почти дружеской интонацией в голосе:

— Я принимаю ваши извинения, Людмила Григорьевна. Я понимаю, что вы были в очень расстроенных чувствах, и не держу на вас зла. Если бы я распоряжался финансами, я, не задумываясь, оказал бы вам помощь. Но это не в моей компетенции. Простите!

— Я прошу у вас прощения не потому, что боюсь наказания — я уже ничего не боюсь! Просто вы, Алексей Вениаминович, оказались крайним, и я, не сдержавшись, выплеснула свой гнев на вас, — Людмила говорила горячо, с чувством прижимая руки к груди, и волнение снова охватило её. — Я искренне прошу у вас прощения потому, что устыдилась своего гнева и отчаяния. И мне правда совестно перед вами, ведь мы работаем вместе уже почти двадцать лет.

Алексей Вениаминович выдвинул нижний ящик своего стола и достал оттуда пухлый конверт, протянул Людмиле Григорьевне:

— Люда, вот, возьми! Здесь тридцать тысяч. Мне пока не понадобится в ближайшее время. А потом отдашь.

Людмила с благодарностью посмотрела на начальника и покачала головой:

— Спасибо, Алексей Вениаминович… Но мне неудобно… брать у вас лично…

— Да брось ты! — начальник виновато улыбнулся. — Я отложил эти деньги, чтобы купить себе новый ноутбук. Но пока и старый хорошо работает. А тебя это может выручить. Возьми!

Людмила не решалась взять конверт:

— Спасибо. Но меня эта сумма никак не выручит. Надо ещё сто пятьдесят…

— Слушай, я поговорю ещё с двумя начальниками. Думаю, что они тоже по тридцать тысяч одолжат. Не облезут! Вот уже и половина суммы наберётся, — Алексей Вениаминович глядел на Людмилу доброжелательно. — Ты, главное, не отчаивайся! Что-нибудь придумаем. Когда надо рассчитаться?

— Через шесть дней.

— Давай зайди послезавтра! Я постараюсь помочь. А сейчас возьми то, что есть! — начальник держал конверт в протянутой руке.

— Алексей Вениаминович, пусть пока они у вас останутся. Если вы сможете мне помочь с деньгами… Если вы выручите меня… — Людмила снова заплакала, но уже не от отчаяния, а от благодарности.

— Ну, хорошо! Послезавтра зайди обязательно! — начальник убрал конверт в стол. — Потрясём наших боссов.

— Вы добрый и отзывчивый человек! Дай вам Бог здоровья и счастья! — Людмила не находила других слов, чтобы выразить свою внезапную благодарность к начальнику.

Алексей Вениаминович покачал головой:

— Люда, я очень уважаю тебя… Ты замечательная. Ты хороший работник… Ну, всё… Ступай, пожалуйста!

Людмила Григорьевна с некоторым облегчением на душе вышла из кабинета и вернулась на своё рабочее место ведущего инженера-технолога — за огромный стол, заваленный чертежами, таблицами и разными бумагами. Она погрузилась в работу, забыв на время свои печали.

До конца рабочего дня оставалось ещё больше часа, и сотрудницы, в основном молодые и легкомысленные бабёнки, устроенные кто по протекции, кто по блату, сидевшие в большом просторном кабинете вместе с Людмилой, тихо обсуждали

какие-то сплетни, стараясь не тревожить её. Они знали о её проблемах и искренне сочувствовали ей.

Ровно в пять, когда закончился рабочий день и молодые сотрудницы с радостным щебетом торопливо засобирались домой, на столе у Людмилы Григорьевны зазвонил городской телефон. Она подняла трубку:

— Алло!

Зазвучал знакомый, громкий и бодрый голос:

— Здравствуй, Людочка!

Людмила Григорьевна на минуту растерялась — она была удивлена и не знала, как ответить. Наконец неуверенно произнесла:

— Здравствуй... Толик...

— Не ожидала? А я подумал: чего я буду ждать целую неделю?! Время идёт, а его и так мало... У меня сегодня не очень много дел оказалось, и я уже освободился с работы. Вот и решил позвонить тебе, узнать, как твоё настроение.

В голосе Анатолия было столько обаяния, что Людмила сразу почувствовала к нему невольное расположение, но всё же осторожно поинтересовалась:

— А как ты узнал мой рабочий телефон?

Она и сама удивилась, но в её голосе послышались кокетливые нотки.

— Ты думаешь, что это так трудно — узнать рабочий телефон Людмилы Григорьевны Архиповой, в девичестве Кузовлёвой, которая проживает... и которая работает ведущим инженером-технологом?.. Людочка, не забывай, что я большой начальник и у меня огромный опыт по отысканию нужных мне людей, — Анатолий Юрьевич хохотнул. — Ну, так как же твоё настроение? Устала после трудового дня?

Людмила неожиданно прониклась к Анатолию чувством тёплой благодарности за его искреннее участие, за его обаяние, такт и ласковый голос.

— Ты знаешь, Толик, у меня сегодня был очень трудный и не совсем приятный день. Мне пришлось пережить немало волнений. Я сорвалась в истерику — нахамила начальнику, милому и доброму человеку, а затем чуть не убежала на край света. Мне очень непросто сейчас, — Людмила Григорьевна разговаривала с Анатолием так, как будто это происходило почти тридцать лет назад и рядом с ней был просто Толик Косолапов, её одноклассник и школьный друг.

Какая-то невидимая нить вдруг протянулась от него через пространство и нежно коснулась её. Людмила едва ли не физически ощутила это прикосновение из той далёкой юной поры. Ей стало несказанно приятно. Но она всё же спохватилась, ей стало неловко и даже немного стыдно за свою доверчивость и почти интимную откровенность. И тем более она испугалась того мнимого виртуального мужского прикосновения, которое так явственно почувствовала на себе.

Она ожидала, плотно прижав трубку к уху, что скажет Анатолий, и слышала только учащённое биение своего сердца.

— Знаешь, Люда... — Анатолий заговорил мягко, ласково, как будто находясь рядом с ней, над её ухом, как будто бы видя её волнение и чувствуя все её переживания. — Давай сходим куда-нибудь... Посидим... Поговорим по душам... Я приглашаю тебя.

Людмила молчала, ей было и приятно, и радостно, и какой-то лучистый радужный свет вдруг озарил её изнутри. Она и сама не могла понять, что же с ней происходит. Ей хотелось закричать Анатолию: «Да, я согласна!» Но по природной женской скромности она сдержалась и, потянув паузу, как бы нехотя, с напускным равнодушием спросила:

— А куда приглашаешь?

Теперь Анатолий Юрьевич выдержал паузу, а затем произнёс с заметным волнением:

— Через десять минут выходи на улицу! Я заеду за тобой на машине! — в его голосе послышался юношеский задор.

— На такси? — растерянно спросила Людмила, удивляясь своему неожиданно вырвавшемуся глупому вопросу.

— У меня есть служебный автомобиль с личным шофёром. Всё, выходи! Я скоро буду! — почти приказал твёрдым голосом Анатолий и положил трубку.

Людмила Григорьевна ещё некоторое время с удивлением слушала гудки в телефонной трубке, и они казались ей продолжением незавершённого разговора.

7.

Людмила Григорьевна стояла неподалёку от входа в своё родное научно-производственное объединение «Оптикон», многоэтажное бетонное здание с большими квадратными окнами.

Она была одета в повседневную одежду: белую льняную блузку с вырезом и тёмно-синюю короткую юбку из плотной ткани. Так ей было удобно ходить на работу, тем более что часто приходилось надевать поверх строгий белый халат для посещения лабораторий и цехов. На ногах у неё были светлые плетёные босоножки, а свои длинные вьющиеся волосы она распустила по плечам, сразу став похожей на сказочную русалку.

Неожиданное приглашение Анатолия застало её врасплох, и ей, конечно же, хотелось быть одетой более празднично. Но даже и в повседневном наряде она чувствовала себя вполне уверенно, потому что знала: ей всё к лицу.

У неё была женственная, хорошо сложённая фигура античной статуи: пропорциональные, средней длины, плотные ноги, широкие дугообразные бёдра, тонкая талия, средних размеров высокая и

выпуклая грудь, покатые и узкие плечи, длинная грациозная шея. Тёмно-русые пышные волосы волнисто спадали на спину ниже плеч и струились при каждом её движении. Лицо её было округло, миловидно, с небольшими, пухлыми, немного подкрашенными губами, а крупные серо-голубые глаза обрамляли длинные тёмные ресницы.

Никто и никогда не мог определить её истинного возраста. У неё не было морщин ни на лице, ни на шее, ни на теле, её кожа была гладкой, упругой и нежно-розовой, и в свои сорок четыре года она выглядела свежо и молодо—гораздо моложе своих лет.

Прошло десять минут. Мимо проезжали разные машины. Людмила ждала и была уверена, что Анатолий приедет обязательно.

Рядом с ней затормозил красивый чёрный автомобиль, на радиаторе которого красовалась хромированная эмблема, изображающая трёхлопастной пропеллер внутри кольца. Отворилась передняя дверца, и вышел улыбающийся Анатолий Юрьевич. Он был одет в строгий чёрный костюм с белой рубашкой и чёрным узким галстуком и обут в чёрные лакированные туфли. Протянув Людмиле цветок благоухающей лилии, он галантно поцеловал ей руку.

—Прошу, садись, пожалуйста!—Анатолий услужливо распахнул заднюю дверцу, подождал, пока Людмила удобно устроится, и затем сел рядом с нею.

Шофёр, тоже в чёрном костюме, с короткой стрижкой и в тёмных очках, ждал распоряжения.

—Поехали! Куда я наметил,—приказал Анатолий Юрьевич начальственным тоном.

Машина тронулась с места и почти беззвучно покатилась вперёд. Они ехали не спеша. Людмила Григорьевна чувствовала необычайный комфорт в обитом светлой кожей салоне иностранного автомобиля и с интересом наблюдала через окна проплывающие мимо очертания знакомых улиц и зданий. Ей нечасто приходилось разъезжать по родному городу на легковой машине, всё больше на автобусе, и хорошо известные ей дома, мелькающие за окнами, сейчас выглядели непривычно и казались удивительно красивыми.

—Знаешь, Люда,—заговорил Анатолий Юрьевич.—Вот ты стояла там, ждала, а я, подъезжая, уже издалека любовался тобой. Ты необыкновенно красивая женщина!—Анатолий произносил слова с трепетной интонацией в голосе, и Людмиле было необыкновенно приятно слушать его.

—Спасибо за комплимент! Ты очень галантен!—произнесла она в ответ, удивляясь, почему же ещё не сгорела со стыда, слушая такие льстивые речи от мужчины, который не был её мужем.—А куда мы едем?—поинтересовалась она.

Анатолий сидел, чуть отодвинувшись, вполоборота, и глядел на неё с нескрываемым восхищением. Людмила сильно смутилась, отвела взгляд и почувствовала наконец, как жаркая краска стыда прилила к её лицу.

—Я заказал столик в «Золотом олене»,—многозначительно произнёс Анатолий.

—Да ты что!—воскликнула Людмила.—Это же самый дорогой ресторан в нашем городе! Там только богатые бизнесмены и большие начальники тусуются! Ты что, любишь сорить деньгами?!—она разволновалась, не желая попасть в нелепое положение.—Может, поедем куда-нибудь в другое место? Где подешевле! Правда, Анатолий…

Он сердито перебил её:

—Люда, я не бедный человек! Я хорошо зарабатываю и вполне могу позволить себе пригласить даму в приличный ресторан!—помолчав, назидательно добавил:—А деньгами я вовсе не люблю сорить. Я ценю и уважаю деньги! И, в конце концов, может, это наш первый и последний поход в ресторан.

Эти слова немного кольнули Людмилу, но она снова попробовала возразить:

—Но я не в вечернем наряде… Я не ожидала, что ты пригласишь меня в ресторан. Думала, что мы просто выпьем где-нибудь по чашке кофе…—Людмила почему-то заговорила немного капризным тоном, слегка растягивая слова, как будто прислушиваясь к собственному женственному грудному голосу, так гармонично сочетающемуся с бархатным баритоном Анатолия.—Это так неожиданно для меня!

—Ты прекрасна в любом наряде!—с нескрываемым восторгом произнёс Анатолий Юрьевич.

Они оба замолчали и до конца пути не проронили ни слова, как будто старались сохранить какую-то давно известную им тайну. Водитель в тёмных очках тоже хранил суровое молчание и сосредоточенно управлял автомобилем.

8.

Они наконец подъехали к ресторану «Золотой олень»—большому двухэтажному зданию современной архитектуры, облицованному сияющими зеркальными панелями с аквамариновым отливом.

На невысоком широком крыльце возле входа стоял молодой чернявый швейцар в красном длиннополом камзоле с золотыми галунами. Он шустро подскочил к подъехавшему автомобилю и услужливо распахнул дверцу с учтивым актёрским полупоклоном: «Прошу-с!»

Людмила и Анатолий вошли через автоматически раздвинувшиеся стеклянные двери в ресторан и, пройдя через просторный вестибюль, поднялись по широкой двухмаршевой лестнице в огромный обеденный зал.

Свободных столов было предостаточно, так как публика ещё не подтянулась к вечерней программе. Гостей учтиво встретил администратор, молодой подтянутый мужчина с повадками и бакенбардами английского лорда, и провёл их к столу возле окна и неподалёку от эстрады—место

вполне почётное и удобное. Стол был покрыт нежно-голубой узорчатой скатертью и сервирован изящными приборами.

Анатолий Юрьевич сам отодвинул стул для дамы, позволяя Людмиле Григорьевне сесть поудобнее, и приказным жестом отправил администратора исполнять свои распоряжения.

Людмила огляделась. Она впервые попала в ресторан «Золотой олень», хотя открыли его ещё два года назад. У них с Николаем Матвеевичем никогда не было лишних денег, чтобы ходить по таким шикарным и дорогим ресторанам. Они изредка довольствовались только недорогими кафе, отмечая там важные семейные события. Людмила глубоко вздохнула.

Просторный зал ресторана выглядел необычно: он имел форму вытянутого овала и был выполнен в модерновом стиле, в голубовато-серебристых тонах, с обилием никелированных конструкций и зеркальных панно. Над эстрадой, белым островом возвышавшейся в центре зала, под высоким потолком из ажурных хромированных ферм висела, медленно вращаясь вокруг своей оси, фигура стремительно мчащегося золотого оленя с огромными закинутыми назад рогами и разинутой оскаленной пастью. Олень выглядел загадочно и пугающе.

Людмила непроизвольно поёжилась от такой натуралистической экспрессивной скульптуры северного животного.

Из динамиков, спрятанных по периметру зала, звучала тихая электронная музыка, напоминавшая мелодии из фантастических фильмов про космос.

— Здесь здорово! — с восхищением произнесла она и с интересом поглядела на сидевшего напротив Анатолия.

Тот, улыбнувшись, вкрадчиво спросил:

— Тебе нравится здесь?

— Да! Здесь необыкновенно. Только олень выглядит как-то странно. Даже страшно.

— Сюрреализм! — Анатолий повернулся в сторону вращающейся скульптуры. — Этого оленя сделали в Испании. Вроде бы ученик самого Сальвадора Дали изготовил его по заказу хозяина этого ресторана.

— А кто хозяин ресторана? — поинтересовалась Людмила. — Ты его знаешь?

Она всё-таки начала испытывать некоторую неловкость в этом необычном заведении и попыталась за разговором преодолеть своё стеснение.

Анатолий пристально высматривал официанта и, похоже, начинал сердиться на нерасторопность обслуживания. Повернувшись к Людмиле и помягчев лицом, ответил, стараясь поддержать разговор:

— Да, знаю. Это один московский предприниматель. Моя контора помогла ему получить кредит на строительство этого ресторана. И хотя сумма была немалая, кредит он уже почти погасил... Умеет вести бизнес. Ресторан процветает. В Северогорске вообще много обеспеченных и богатых людей. Всё-таки у вас промышленность, оборонка, нефть, газ, металлы. Город небедный.

Услышав слова про кредит и богатых людей, Людмила почувствовала острую досаду, и её настроение сразу же сползло вниз. Воспоминания о сегодняшних бурных событиях снова начали одолевать её.

Наконец подошёл с важным видом официант средних лет, в белом сюртуке с позолоченными пуговицами, и принёс на широком золочёном подносе бутылку белого вина, фрукты и закуски. Ловко расставив всё на столе, он аккуратно разлил вино в высокие хрустальные с золотистым отливом фужеры и, вежливо поклонившись, мягко пророкотал:

— Приятного аппетита!

Анатолий Юрьевич передумал сердиться на официанта за некоторую задержку и, смягчившись, почти что ласково попросил:

— Голубчик, ты поторопись с блюдами! Мы голодны и очень хотим кушать!

— Не извольте беспокоиться. Через десять минут всё подам в наилучшем виде! — официант снова с достоинством поклонился и мгновенно исчез.

— Вот и ладненько! — Анатолий Юрьевич с улыбкой повернулся к Людмиле и взял в руки фужер, подняв высоко вверх, торжественно произнёс тост: — Позволь, Людочка, первый бокал выпить за тебя!

Она непроизвольно кивнула, соглашаясь.

— Ты прекрасная женщина! — продолжил тост Анатолий. — Красивая, умная, обаятельная. Я всегда восхищался тобой, восхищаюсь сейчас и буду восхищаться всегда. Будь всегда такой же красивой, необыкновенной и неувядаемой!

Они осторожно сблизили фужеры, чокнулись, звякнув хрусталём, и сделали по глотку. Вино было необычайно приятное: тонкие ароматы медвяных цветов, лесных ягод, луговой свежести и восточных пряностей необычно сочетались в волшебном вкусовом букете. Такого вина Людмила ещё никогда не пробовала.

Она маленькими глоточками выпила до дна, и лёгкое, воздушное ощущение стало наполнять её тело. Она почувствовала приятное расслабление, и накопившееся за день нервное напряжение покинуло её.

— Это французское вино. Самое лучшее! — Анатолий подвинул ей тарелочку с необычного вида закуской. — А вот попробуй, пожалуйста!

— Что это?

— Попробуй, сама узнаешь!

Людмила наколола вилкой крупную дольку какого-то непонятного фрукта, присыпанного специями и сахарной пудрой, и осторожно откусила.

— М-м-м, как вкусно! Так что же это?

— Это такой экзотический заморский фрукт, приправленный ванилью, орехами и пряностями. Да я и сам толком не знаю! — Анатолий искренне рассмеялся. — Ты что, думаешь, я такой утончённый гурман и знаю все гастрономические прелести?

Людмила пожала плечами.

— Думаешь, что я не вылезаю из ресторанов? — продолжал Анатолий. — Напрасно так думаешь! Представь себе, в этом году я вообще в первый раз пришёл в ресторан. Ну, если не считать, что в Москве пару раз сходил на банкет к друзьям.

Людмила Григорьевна очень внимательно глядела на Анатолия: его мужское обаяние не ослабевало, а только усиливалось. Но она пыталась сопротивляться этому обаянию и критично оценивала его, обращая внимание на мелочи в его поведении и словах. В нём постепенно проявлялся какой-то другой человек, совсем незнакомый ей, и это вызывало у Людмилы особое любопытство и почему-то настороженность.

— А я ничего и не думаю про тебя! Просто я пытаюсь понять, какой ты и что в тебе осталось от того славного парня Толика Косолапова, — задумчиво произнесла Людмила.

— Много осталось? — Анатолий снова налил вина и хитро подмигнул ей.

— Знаешь, когда мы сидели у нас дома и разговаривали втроём, мы все были как будто семнадцатилетними школьниками, одноклассниками, старыми друзьями. Как будто весь наш разговор проходил тогда, почти тридцать лет назад, сразу после выпускного бала. Ты помнишь? — Людмила опустила взгляд и уже не глядела на Анатолия.

Она говорила немного отстранённо, то повышая, то опуская голос, и её речь плавно текла над столом, заставляя Анатолия следовать её воспоминаниям. Он слегка кивал и глядел куда-то поверх её головы, улыбаясь и покручивая пальцами ножку фужера.

— А сегодня у нас какая-то необычная встреча. И совсем необычный разговор! — с неожиданным чувством произнесла Людмила и тут же с решительной прямотой спросила: — Скажи честно, Толик, зачем ты пригласил меня в ресторан?

Анатолий немного напрягся и бросил на неё многозначительный, очень выразительный взгляд, в котором мелькнула какая-то тёмная молния.

— Мне хотелось поговорить с тобой вдвоём… без Николая. Наедине… Как тогда! Помнишь?

9.

В начале мая, незадолго до выпускных экзаменов, Толик пригласил Людочку в кино.

Коля болел, а Сашка уехал на три дня в соседний город на соревнования по плаванию. Обычно они всегда ходили в кино всей дружной компанией, вчетвером. Но на этот раз половина коллектива не смогла принять участия в культурном мероприятии.

Людмиле очень хотелось пойти на новый французский фильм. Но она уже испытывала к Николаю более чем приятельские чувства и имела перед ним определённые обязательства. И она никогда серьёзно не задумывалась о том, как к ней относятся остальные парни из их дружной четвёрки: Саша и Толик.

Впрочем, Саша подчёркнуто дистанцировался от Люды и нарочито вызывающе ухаживал за остальными девчонками из класса. Но она знала, что они все: и Коля, и Толик, и Саша, — испытывали к ней очень сильную симпатию, выходящую за рамки простой дружбы.

Как только Людмила начала из всех выделять Николая, то Саша сразу же занял позицию отстранённого и незаинтересованного товарища, и только Анатолий по-прежнему продолжал настойчиво оказывать ей знаки своего особого внимания.

Поначалу Люда и сама не могла толком понять, кто же на самом деле ей нравится больше. Анатолий был симпатичным высоким парнем, он нравился многим девчонкам, которых, однако, совсем не замечал из-за своей симпатии к Людочке. Анатолий был остроумен, обаятелен, умел быть заводилой и душой коллектива. Но Люда замечала, что он, особенно в компании, всё делал и говорил с изрядной долей самолюбования, красуясь, иногда даже позёрствуя и горделиво подчёркивая своё превосходство над товарищами. Людмиле была неприятна эта черта его характера.

А вот Николай, будучи невысоким, коренастым, мускулистым парнем, обладал очень скромным и простым характером. Он был не менее остроумным и находчивым, чем Анатолий, но никогда не выпендривался и не демонстрировал свои особые таланты. Николай был добрым, открытым, отзывчивым и прямолинейным, и Людмилу это сильно притягивало. Она интуитивно чувствовала добродушие и надёжность Николая и скрытую экзальтированность, эмоциональную неуравновешенность Анатолия.

Однажды она про себя решила, наконец, что скорей всего будет с Колей. Может быть, навсегда. Хотя в реальности ещё и не помышляла о серьёзных отношениях с парнем, который ей нравился, и тем более ещё не строила планов о создании семьи вместе с ним.

И всё же иногда она думала об Анатолии, хотя её потаённая женская интуиция предостерегала и подсказывала, что с ним она не будет счастлива.

В тот вечер Толик позвонил ей и пригласил в кино:

— Пойдёшь?!

Он долго дожидался её ответа. Люда колебалась.

— Коля болеет, а Сашка на соревнованиях, — неуверенно пробормотала она.

— Пойдём вдвоём! Я тебя приглашаю. Совсем новый французский фильм… — голос его слегка дрожал. Помолчав, добавил: — Про любовь!

Через телефонную трубку передавалось сильное напряжение Анатолия.

И Люда согласилась.

— Давай возле кинотеатра без десяти семь! Билеты уже у меня на руках! Жду! Приходи обязательно! — голос Толика зазвенел от счастья.

Кинозал был набит битком. Стояли боковые стульчики, а многие просто сидели на ступеньках в проходах. Люда и Толик смотрели эту картину очень внимательно. Хорошо дублированный голосами популярных советских артистов, с красивыми французскими актёрами, ярко и искренне игравшими драматичную любовь с трагическим финалом, этот фильм тронул многих зрителей до глубины души.

После сеанса люди расходились потрясёнными и задумчивыми, некоторые взрослые женщины взволнованно вытирали слёзы, а мужчины нервно закуривали.

Люда тоже находилась под сильным впечатлением от просмотренного фильма. Толик молчал, но, выйдя из кинотеатра, предложил:

— Может, погуляем немного? Ещё нет девяти! А потом я провожу тебя до дома.

Люда кивнула, и они неспешным шагом двинулись по центральному проспекту Северогорска.

Стоял тёплый весенний вечер. В приполярных широтах в это время суток было ещё достаточно светло. Редкие деревья на газонах возле домов уже распускали листочки, а на клумбах зеленели всходы декоративной травы. Погода располагала, и по проспекту гуляло довольно много народа.

Анатолий осторожно взял Людмилу под руку, она сразу же перехватилась и взяла его под согнутый локоть, чуть прижавшись к нему, и они пошли уже как взрослая пара. Даже с Николаем Людмила редко хаживала под ручку. А теперь её охватила внезапная гордость, и она почувствовала себя совсем взрослой женщиной.

Болтая о пустяках и предстоящих экзаменах, они дошли до конца проспекта, который упирался в большой сквер с чугунным памятником металлургам. Толик предложил посидеть на скамейке, и они выбрали место неподалёку от большого газона, ещё только-только вскопанного перед посадкой цветов.

Народу в сквере было не очень много: на лавочках сидели тихие влюблённые парочки, поодаль шумная группка молодёжи громко галдела и заливисто смеялась, ещё несколько степенных пар неспешно фланировали по круговой площадке.

Людмила и Анатолий присели на свободную скамейку, за которой высились тонкоствольные рябинки с едва распустившимися листочками. Лёгкий ветерок доносил с таёжной окраины запахи весенней зелени и смолистый аромат. Им было хорошо вдвоём.

Толик что-то рассказывал Людмиле, но она слушала невнимательно, часто теряла нить его рассуждений, изредка рассеянно кивала головой и погружалась в свои упорно набегающие мысли.

— Ты меня не слушаешь? — с лёгкой досадой спросил Толик. — О чём ты думаешь?

Люда улыбнулась и, глядя куда-то в небо, блаженно пролепетала:

— Я чувствую себя такой счастливой!

— Это потому, что я рядом с тобой! — очень серьёзным голосом произнёс Анатолий.

Людмила внимательно поглядела на него, удивившись его прямолинейности, пожала плечами и снова как ни в чём не бывало произнесла:

— Нет! Я счастлива потому, что просто живу! Потому, что живу в такой чудесной стране, как наш Советский Союз. Потому, что я скоро окончу школу и начну взрослую жизнь. Я просто счастлива!

— А я, Люда, счастлив потому, что ты сейчас рядом со мной! — Толик взял её ладонь и осторожно притянул к своей груди. — Чувствуешь, как бьётся моё сердце?

Людмила сильно смутилась, но не спешила отнять руку. Она действительно очень хорошо почувствовала сильный и учащённый ритм его сердца. И всё же убрала руку и робко произнесла:

— Не надо, Толик…

— Почему?! — он снова попытался взять её ладонь, но она уже торопливо спрятала её за спину. — Почему не надо? Я давно хочу тебе сказать, что отношусь к тебе не так, как Сашка или Коля… — голос Толика прерывался от волнения. — Ты всем нам нравишься… Как девушка… Как женщина… Уже давно!

Людмила взглянула на него с настороженным любопытством.

— Но только Сашка делает равнодушный вид, а Колька уверен в своей неотразимости и в том, что ты обязательно отдашь своё предпочтение ему! — продолжал он, и волнение его усиливалось. — Сашка отказался бороться за тебя. А Колька не борется за тебя потому, что уверен в своей победе. И только я, Люда, — слышишь? — с жаром произнёс Толик и придвинулся к ней вплотную, — только я, я буду бороться за тебя!

Людмила решительно встала со скамьи и повела плечами — она тоже сильно разволновалась, и ей не хотелось дальше продолжать этот странный и одновременно приятный, но тяжёлый для неё разговор. Она оказалась просто не готова к нему.

— Пойдём домой! Я устала. И уже поздно! — твёрдо произнесла Люда, стараясь не глядеть на своего товарища.

Тот некоторое время молчал, а потом тоже поднялся со скамьи. Он был почти на голову выше Людмилы и, наклонившись к ней, снова с горячим чувством заговорил:

— Люда, неужели ты меня не слышишь? Или не понимаешь? Или не хочешь понимать? Разве ты не понимаешь, как я отношусь к тебе?! И что́ испытываю к тебе?

— Пойдём домой, Толик! — уже настойчиво попросила Людмила и потянула его за рукав куртки.

Она по-прежнему не глядела на него, опустив взгляд и немного повернув голову в сторону. Она скрывала свою крайнюю взволнованность от его откровенных слов, означающих почти признание в любви, и вдруг начала испытывать какой-то необъяснимый страх.

— Люда, если я сейчас просто скажу, что люблю тебя, то это будет истинной правдой. Но этого будет так мало, чтобы передать всю полноту моего чувства к тебе. Ни эта фраза, никакие другие слова не смогут выразить всего, что я к тебе испытываю. И никто никогда больше не скажет таких слов и не выразит так своих чувств!— Анатолий произносил слова с необычайным напором и жаром.— Все, кто любит тебя сейчас и кто будет любить потом, будут говорить тебе банальные слова о любви. Они будут произносить стандартные, избитые фразы и никогда не передадут тебе и десятой доли того, что сейчас испытываю я!..

На несколько секунд он остановился, чтобы перевести дух, и снова потекла его горячая речь:

— От волнения я забываю нужные слова, теряю рассудок, путаюсь в логике, понимая, что тоже начинаю говорить банальности и пошлости… Я, наверно, повторяюсь, но я не могу иначе выразить свою любовь к тебе. Люда!

Он снова взял её руку и теперь крепко держал в своих ладонях, и Люда чувствовала бешеную пульсацию его крови и понимала, как чрезвычайно он взволнован. У неё вдруг начала кружиться голова, в ушах громко зазвенело, её сердце тоже учащённо забилось, а в ногах возникла ватная мягкость. Необъяснимое сладкое ощущение появилось где-то внутри неё и стало растекаться по всему телу. Ей неожиданно захотелось, чтобы Толик вот так долго-долго держал её руку и говорил такие безумные слова с такой горячей страстностью…

Но вдруг пелена этого сладкого наваждения спала, и Людмила как будто бы очнулась, пришла в себя и громко, с сердитой строгостью произнесла:

— Я хочу домой! Проводи меня!

Всё неожиданно закончилось. Растворилась головокружительная атмосфера сладких горячих слов, улеглась волна сердцебиения, успокоилась кровь, и голова Людмилы вновь стала лёгкой и ясной.

Анатолий отпустил её руку и некоторое время растерянно стоял возле неё, уже не решаясь заговорить снова. Затем он развернулся и, согнув локоть, подставил ей свою руку. Люда непринуждённо взяла его под руку, и они молча направились домой.

Так всю дорогу Толик не произнёс ни единого слова, а Людмиле хотелось, чтобы он по-прежнему разговаривал с ней о чём-нибудь отвлечённом. Его мрачное молчание угнетало, и ей хотелось как-нибудь развеять эту неловкую обстановку. Людмила ожидала простого легкомысленного разговора о предстоящих экзаменах, о поездке вместе с ребятами на рыбалку, о том, куда они собираются поступать после школы, и о других юношеских пустяках. Но Анатолий шагал рядом и с какой-то сосредоточенной торжественностью упорно молчал. Он был не здесь, не с ней, не в Северогорске, он витал где-то высоко в облаках, и постепенно его лицо просветлялось: мрачное выражение исчезло, и ему на смену пришла странная блаженная улыбка.

Людмила ощутила излучающееся от Толика тёплое радостное сияние и вдруг пожалела, что не дослушала его до конца и не ответила на его искренние слова взаимностью. Теперь уже она шла рядом с ним совершенно растерянная, немного напуганная, думающая о всяких пустяках и такая обыкновенная и приземлённая. Люда вдруг осознала, что она ещё до сих пор остаётся глупой и наивной девочкой, совсем не готовой для взрослой, настоящей и страстной любви. А рядом с ней шагал не наивный и романтичный мальчик, а уже вполне взрослый мужчина, готовый к любви настоящей, сильной, плотской, самоотверженной и жертвенной. И Люда ощутила себя совсем маленькой, инфантильной и смешной дурочкой в детских бантиках. И ей почему-то стало очень стыдно.

Они наконец дошли до её подъезда. Уже наступили глубокие сумерки. На третьем этаже светилось её окно. «Папа не спит»,— подумала Люда и повернулась к Толику, чтобы попрощаться.

Анатолий неожиданно схватил её обеими руками за голову и, с силой притянув к себе, крепко поцеловал в губы. Отпрянув от неё, отпустил и, ничего не сказав на прощание, развернулся и быстро зашагал прочь твёрдой и уверенной походкой.

На следующий день в школе Толик делал невозмутимый вид, что будто бы между ними ничего не произошло и никакой встречи и никакого разговора у них не было вовсе. Их отношения по-прежнему оставались просто приятельскими. И больше никогда Анатолий не заводил с Людмилой разговора о своей любви.

Они сдали экзамены, получили аттестаты зрелости, весело отгуляли выпускной бал и разъехались кто куда. Люда уехала в Новосибирск и поступила в технологический институт. Туда же, в Новосибирск, только в политехнический, поступил учиться и Николай. Сашка поехал поступать в Красноярск, в школу речного пароходства, и его след надолго потерялся. А Анатолий уехал то ли в Москву, то ли в Ленинград. Он совсем перестал писать и молчал несколько лет.

На третьем курсе Людмила и Николай поженились, и им дали комнату в семейном общежитии. А через год у них родился сын Саша.

После получения дипломов семья Архиповых— Коля, Люда и маленький Саша— вернулась в свой родной Северогорск. Молодые специалисты устроились на хорошую и интересную работу. Николай стал инженером на механическом заводе,

а Людмила со временем стала ведущим инженером-технологом на предприятии «Оптикон», работавшем на оборонную промышленность.

Где-то лет через шесть после окончания школы, уже в Северогорске, Люда случайно встретила Анатолия на улице, он шёл вместе со своей мамой и младшей сестрой. Он увидал её, обрадовался, подошёл, поздоровался, но тут же спохватился:

— Извини, Люда, я очень тороплюсь. Завтра уезжаю, а сейчас мы идём в гости к родственникам. Давай я тебе позвоню попозже вечером, хотя бы по телефону поболтаем. Привет Николаю!..—бросил на неё восхищённый взгляд.—Ты молодец!

И побежал догонять ушедших вперёд мать и сестру.

Но он не позвонил... После той встречи на улице они увиделись только через двадцать с лишним лет.

10.

Людмила и Анатолий продолжали сидеть в ресторане «Золотой олень».

Зал постепенно заполнился, и почти все столики оказались заняты. Стало шумно, некоторые курили, сизый дым поднимался кверху и вытягивался мощной вентиляцией. Анатолий тоже выкурил две сигареты и мял в руках уже третью.

Им подали сначала закуски, а потом и горячие блюда: изысканно приготовленную отбивную из свинины, с сыром, мускатным орехом, пряностями, лимонными дольками и ромовым соусом. Закуски обновлялись: снова появлялись рыбное и мясное ассорти, овощные нарезки и причудливые салаты. Вино было допито, им принесли вторую бутылку, и она тоже приближалась к опустошению. Они выпивали, закусывали, весело болтали, смеялись и чувствовали необыкновенную радость.

Людмила Григорьевна на время позабыла про все свои печали, она общалась со старым другом из своей юности и испытывала к нему неимоверную благодарность за его чудное мастерство устроить такой необыкновенный праздник для неё.

Анатолий Юрьевич тоже радовался своему возвращению в эпоху юношеских переживаний и позабытых чувств, с неожиданной силой всплывших из глубин его памяти. Он сидел рядом с необыкновенно красивой женщиной; по крайней мере, для него она была самой прекрасной и привлекательной, он любовался ею и заново переживал всё то, что кипело в его душе двадцать семь лет назад.

На высокую, ярко освещённую прожекторами эстраду взошли музыканты в смешных чёрных фраках и белых манишках, которые делали их похожими на пингвинов; они взяли в руки инструменты, и зазвучала прекрасная музыка: джазовые композиции с солирующими саксофоном и роялем. Эти исполнители то поочерёдно исполняли музыкальные фразы, то одновременно сливались в дуэте, то вступали в нарочитое противоборство, пытаясь на своих инструментах перепеть и перекричать друг друга. Медленные сладкие мелодии блюза сменялись быстрыми латиноамериканскими ритмами. Публика охотно выходила в центр зала и с удовольствием танцевала на площадке вокруг эстрады.

Когда снова заиграла медленная музыка и саксофон, страстно постанывая, запел с серебристой хрипотцой, Анатолий встал из-за стола и, протянув руку Людмиле, пригласил:

— Давай потанцуем!

Она окинула взглядом танцующие пары и обратила внимание на то, что многие дамы были, так же как и она, вовсе не в вечерних платьях, а кто в деловых офисных костюмах, а кто и в простых летних сарафанах.

Видя её нерешительность, Анатолий снял пиджак, повесил его на спинку стула и, подойдя сзади, аккуратно потянул стул, вынуждая её подняться с места:

— Сегодня не королевский бал, и дресс-код не требуется! Люди пришли отдохнуть после трудового дня. И ты выглядишь прекрасно! Пойдём!

Людмила встала, и они вместе вышли танцевать.

Он обнял её талию, она положила руки ему на плечи—так они танцевали когда-то на школьных вечерах. По-другому Людмила и не умела. Она не была избалована вечеринками, дискотеками, танцами и только сейчас поняла, как много красивых и весёлых праздников прошло мимо неё. Она пыталась вспомнить, когда же в последний раз ходила с мужем на какой-нибудь вечер и когда они вместе танцевали. И не могла вспомнить точно. Наверно, лет пять назад, когда они с Николаем в последний раз были на Чёрном море и отдыхали в санатории в Геленджике. Там они пару раз потанцевали под звёздным южным небом. И это всё, что Людмила могла вспомнить.

Нет, у неё совершенно не было ни обид, ни претензий к мужу. Она и сама никогда не стремилась к развлечениям, к праздности и увеселениям. Её вполне устраивала размеренная, увлечённая работой и семьёй жизнь, и она никогда не помышляла об ином житейском укладе...

Люда танцевала с Толиком, медленно переставляя ноги и боясь наступить на его лакированные туфли. И вдруг какое-то озорство подкатило к ней! Она прижалась к нему и положила голову на его грудь. От Анатолия исходили приятная теплота и пряные ароматы крепкого табака и дорогого одеколона.

— Николай не будет беспокоиться?—тихо спросил Анатолий, коснувшись губами её уха.

— Я ещё с работы позвонила ему, предупредила, что задержусь. Коля не будет беспокоиться,—тихо ответила Людмила.—Он рано ложится спать. А когда я поздно возвращаюсь, то он уже спит. У него режим.

Она чувствовала, что между нею и Анатолием постепенно начинается загадочный и бессловесный диалог. Двигаясь в танце, сближаясь и отодвигаясь, откидывая головы назад и встречаясь взглядами, сжимая пальцы на теле партнёра, они обменивались мыслями, эмоциями, чувствами. Казалось, что они давно установили потаённую связь и уже без слов понимают друг друга. Обнявшись, они двигались сквозь кружащееся вокруг них пространство к намеченной с обоюдного согласия цели.

Последняя нота медленно угасла в серебряном горле саксофона. Танец завершился, и они вернулись за столик.

— Ещё вина? — почему-то шёпотом спросил Анатолий.

Она кивнула. Золотистое вино наполнило фужер.

— За тебя! — произнёс он.

— За тебя! — повторила она.

Они выпили ароматное волшебное вино и пристально поглядели друг на друга.

Слова были уже не нужны. Перед ней сидел Толик Косолапов, озорной красивый юноша с горделивыми манерами и чувственными речами. А перед ним сидела сводившая его с ума юная Людочка Кузовлёва, бойкая и весёлая красавица с русалочьими волосами и божественной фигурой. Между ними как будто на встречных потоках мчались, сталкиваясь и завихряясь, беззвучные фразы, которые они одновременно слышали внутренним слухом, хорошо понимая их смысл, и которые как эхом откликались в сознании, создавая уверенность в том, что всё это звучит на самом деле и в настоящий момент времени. Вдвоём они находились в магическом очаровании от этого необычного чувственного состояния.

«Ты меня любишь?» — услыхала она мысленный вопрос Анатолия. Не успев утвердительно ответить, она послала ему свой беззвучный вопрос: «А ты меня любишь?» — «Да, я люблю тебя! — снова долетала до неё мысленная фраза Анатолия. — А ты меня?» — «Да! — как будто эхом многократно повторился её ответ. — Да, да, да...»

И будто бы грянул гром, от которого Людмила невольно вздрогнула, и в её глазах на мгновение потемнело.

Анатолий первым прервал волшебный диалог и встал из-за стола.

— Я провожу тебя! Пойдём! — уже в реальном пространстве прозвучал его решительный голос.

Людмила ничего не ответила и ни о чём не хотела спрашивать. Она послушно встала. Ей было необыкновенно легко и радостно. Она испытывала эйфорию, и у неё слегка кружилась голова.

Подскочил сияющий официант, и Анатолий, рассчитываясь, протянул ему небрежным жестом две пятитысячные купюры.

— Сдачи не надо! — барским тоном произнёс Анатолий.

Официант, спрятав деньги в нагрудном кармане, прогнулся в подобострастном поклоне и тут же исчез.

Надев пиджак и крепко подхватив Людмилу под руку, Анатолий уверенно повёл её из зала под звуки ритмичной самбы, а саксофон будто вопрошал им вслед: «Куда-а-а? Куда-а-а? Куда-а-а?!»

Они вышли из ресторана на воздух. Стояли густые синие сумерки, и было ещё не очень темно.

— Который час? — будто очнувшись, спросила Людмила.

— Половина десятого, — глянув на часы, ласково ответил Анатолий.

Они спустились с крыльца и подошли к одному из такси, терпеливо дожидавшихся клиентов из ресторана. Анатолий распахнул заднюю дверцу, помог Людмиле и сел рядом с ней. Шофёр, молодой парень, полуобернулся в ожидании приказа.

— Тебя отвезти домой? — тихо спросил Анатолий почему-то дрожащим голосом.

Людмила уже твёрдо знала: что бы она сейчас ни ответила, но в ближайшие два-три часа она домой не попадёт точно... Остальное уже перестало её волновать. Она закивала головой и, сомнамбулически улыбаясь, ответила:

— Да...

Анатолий назвал адрес, шофёр молча кивнул, и автомобиль тронулся с места.

Они проезжали по освещённым улицам вечернего города, и за окном проплывали почти сказочные картинки: светились витрины магазинов, вывески кафе, ресторанов и танцевальных клубов; по тротуарам прогуливались нарядные люди. Людмила удивилась: она совсем не знала ночной жизни Северогорска, потому что никогда её прежде не видела. В это время обычно она всегда была уже дома, с мужем, с семьёй. Или была занята на работе в вечернюю смену. А сейчас она заново открывала свой родной город.

Такси заехало в новый, застроенный современными высотными зданиями микрорайон и остановилось возле подъезда с ярким фонарём. Анатолий, склонившись к уху Людмилы, прошептал:

— Давай зайдём ко мне на минуту... А потом я отвезу тебя домой.

Людмила как зачарованная послушно вышла из автомобиля. Анатолий протянул деньги шофёру и вышел следом за ней. Такси уехало.

Анатолий открыл дверь в подъезд электронным ключом, и они молча вошли. За большим стеклянным окошком, сидя на стуле, спала пожилая консьержка. Пара бесшумно прошла мимо неё. Лифт плавно поднял их на пятый этаж, распахнулась стальная дверь одной из квартир, и они вдвоём тихо зашли внутрь.

В прихожей стояла полная темнота. Загорелся тревожный пунцовый свет настенного бра. Людмила скинула босоножки и, бросив мимолётный взгляд в овальное зеркало, висевшее на стене, убедилась, что выглядит по-прежнему хорошо.

— Проходи сюда! — Анатолий шагнул в широкий дверной проём тёмной комнаты, и там через мгновение вспыхнула яркая люстра под высоким потолком.

Людмила вошла и огляделась.

Это была просторная гостиная, обставленная скромно, но со вкусом. Кроме большого мягкого дивана с кожаными подушками и двух кресел, у стены стоял невысокий сервант со стеклянными дверцами. Возле окна, закрытого плотными полосатыми шторами,— небольшой столик, а в углу — плоский телевизор на тумбочке. На полу лежал мягкий серый палас. Больше мебели не было.

— Здесь я живу! — тихо произнёс Анатолий.

Он подошёл к Людмиле сзади, осторожно обнял, прикоснувшись к её груди горячими ладонями, и нежно поцеловал в шею. Она порывисто повернулась к нему и крепко обняла…

11.

— Который час? — осторожно спросила Людмила.

Они лежали в обнимку на раздвинутом диване, едва прикрытые махровым покрывалом. Вспыхнул напольный светильник, едва разогнав темноту багровыми бликами.

— Половина второго,— едва слышно ответил Анатолий.

— Мне пора! — Людмила не спеша встала и, вскинув руки кверху, слегка потянулась.

Её пышные волосы волнами перекинулись к спине, обнажив выпуклые груди.

— Ты такая красивая! — восхищённо произнёс Анатолий и приподнялся на локте, чтобы лучше видеть её.

Людмила смутилась, но ей были очень приятны его слова.

— Отвернись… Пожалуйста! — прошептала она, охваченная стыдливостью.

— Ты самая красивая из всех женщин, которых я видел! — снова с трепетом произнёс он.

Людмила, не сгибая прямых ног, изящно нагнулась в талии и взяла свою одежду, лежавшую на кресле.

— Я в душ! — поспешно вышла из комнаты.

Когда она вернулась, уже одетая, причёсанная и в полном порядке, Анатолий ждал её, облачённый в светло-серый спортивный костюм.

— Тебе было хорошо со мной? — спросил он, внимательно вглядываясь в её глаза.

Немного помедлив, Людмила, опустив взгляд и покраснев, тихо ответила:

— Да!.. Но мне нужно домой!

— Погоди немного! — произнёс Анатолий очень решительным тоном, и в его голосе проскочили холодные и пугающие нотки.— Давай выпьем по чашке кофе! Мне нужно поговорить с тобой… Это очень важно!

Они прошли в просторную кухню, обставленную красивой светлой мебелью. Сели за стол. Зашумел белый электрический чайник.

Людмила испытывала благостную эйфорию и непроизвольно улыбалась, сдерживая свою необычайную радость. Анатолий неотрывно смотрел на неё, и постепенно его взор остывал, твердел и становился колючим.

— Мне надо сказать тебе очень важное… — наконец заговорил он твёрдым и решительным голосом.— Я хочу ответить тебе на твой вопрос — почему я пригласил тебя сегодня в ресторан.

Людмила вопросительно взглянула на него, и её нечаянная улыбка растерянно растворилась. Перед ней с начальственным видом сидел строгий мужчина со знакомыми очертаниями лица, но совершенно чужим и холодным взглядом.

— Ты знаешь, кто я на самом деле? — спросил он тоном судебного дознавателя.

Людмила недоумевающе пожала плечами и хотела улыбнуться снова, но улыбка почему-то не получилась.

Анатолий протянул ей небольшую пластиковую карточку с фотографией, крупными надписями и странной эмблемой в виде переплетённых колец и стрел:

— Смотри! Это моё служебное удостоверение.

Ещё ничего не понимая, Людмила Григорьевна осторожно взяла в руки пластиковый прямоугольник и, шевеля губами, принялась читать вслух:

— Косолапов… Анатолий Юрьевич… «Юнэксимбанк»… Москва… Заместитель управляющего… Ничего не понимаю!

Она подняла настороженный взгляд на сидевшего напротив неё мужчину, вдруг моментально превратившегося в чужого, незнакомого ей человека в светло-сером спортивном костюме.

— Постой! — Людмила ещё раз, но уже молча, перечитала удостоверение и протянула его назад Анатолию.— Значит, ты работаешь в том самом банке, который дал нам ипотечный кредит?

Он, не отрывая от неё пристального взгляда, кивнул.

— И ты знаешь про наши проблемы? — спросила Людмила почему-то задрожавшим голосом.

И снова в ответ утвердительный кивок головы.

— Значит, наша встреча… не случайна?

— Да, Людочка, не случайна! — глубокомысленно проговорил Анатолий Юрьевич.

— И… что всё это значит? — упавшим голосом спросила Людмила Григорьевна и её охватила необъяснимая тревога.

Любовная эйфория моментально улетучилась из её головы.

— Это ничего не значит! — жёстко произнёс Анатолий. — Я уже три года наблюдаю за вашей кредитной историей. И вот я специально приехал сюда в командировку, в северогорский филиал нашего банка, которому вы задолжали немалую сумму денег, чтобы помочь тебе.

Помедлив, добавил с решительностью:

— Я приехал за тобой!

— В каком смысле? — растерянно переспросила Людмила.

— Я хочу забрать тебя отсюда… С собой в Москву! — уже повышенным тоном произнёс Анатолий. — Навсегда!

— Ты что?.. Сошёл с ума?! — медленно вымолвила Людмила и почувствовала, как её охватывает нервный озноб.

— Людочка! — выкрикнул Анатолий. — Я двадцать с лишним лет ждал, когда ты, наконец, бросишь своего Кольку, чтобы вернуться ко мне!

Людмила молчала. Щёлкнув, автоматически отключился закипевший чайник.

Анатолий Юрьевич вскочил на ноги и опёрся кулаками о стол, подавшись всем корпусом вперёд:

— Моя личная жизнь не сложилась, потому что я всегда любил только тебя. Тебя одну! И теперь, когда у меня появился, может быть, последний шанс вернуть тебя, — я воспользуюсь им!

— Чего ты хочешь? К чему всё это? — Людмила попыталась встать, но Анатолий подскочил и удержал её за плечи:

— Сиди! Я не договорил!

Она недовольно повела плечами, и он, отпустив её, отошёл к окну, прикрытому прозрачной шторой. Скрестив руки на груди и широко расставив ноги, он встал в решительную позу, будто изготовился к драке.

— Слушай меня внимательно!.. — Анатолий говорил строго и с металлическим звоном в голосе. — У вас безвыходное положение. Через пять дней вам нужно будет заплатить нашему банку сто восемьдесят тысяч рублей и ещё, помимо этого, тридцать тысяч за судебные издержки. Так?

Людмила медленно кивнула, соглашаясь с его словами.

— Но у вас совершенно нет денег! — продолжал Анатолий. — Все свои мизерные накопления вы потратили на лечение Николая… Коля получает по больничному листу жалкие гроши, а у тебя маленькая зарплата. Вам едва хватает на жизнь. Так?!

Людмила хотела снова кивнуть, но удержалась. Её вдруг начали злить его слова.

— У вашего сына свои проблемы, и он тоже не может вам помочь! — его голос становился всё громче и вибрировал всё сильнее, задевая и раня Людмилу в самое сердце. — Вам никто не сможет помочь! Потому что вы бедные и жалкие неудачники! У вас нет ни денег, ни настоящих друзей, ни влиятельных покровителей — за вас никто не заступится. Вы никому не нужны!

Людмила, ухмыльнувшись, подняла взгляд, и в нём стояла решительная твёрдость.

— Чего ты хочешь? — спросила она с неожиданным презрением к своему собеседнику.

— Я предлагаю тебе сделку… — наткнувшись на её твёрдый взгляд, Анатолий осёкся и непроизвольно сбавил свой напористый тон. — Да-да! Выгодную для всех сторон сделку! Ты оставляешь Николая и уезжаешь со мной в Москву. Я женюсь на тебе! Мы распишемся и будем жить вместе. Долго и счастливо!..

Он шагнул вперёд и нагнулся, приблизив к ней своё лицо:

— Я оплачиваю ваши долги, Николай остаётся в вашей квартире, и я ещё дам ему на лечение сто тысяч рублей…

Людмила невольно улыбнулась, и Анатолий воспринял это с некоторой надеждой. Он продолжил, прибавив голосу обаяния и мягкости:

— Я куплю ему путёвку в хороший санаторий с отличными врачами. Его поставят на ноги, и он окончательно поправится. Я помогу ему здесь с хорошей работой… Он справится без тебя…

Помолчав, добавил уже со свойской интонацией:

— А мы… Мы будем вместе! Понимаешь?! Вместе! Навсегда!

Анатолий замолчал и сел за стол, положив на него руки. Пальцы его нервно сжимались и разжимались, а лицо искажалось от внутреннего напряжения.

Воцарилась гнетущая тишина.

Людмила сидела, некоторое время глубоко задумавшись. Наконец, не взглянув на Анатолия, спросила с ядовитой иронией:

— Ты правда заплатишь наши долги?

— Конечно! — с готовностью откликнулся он, вроде бы не заметив её иронии. — У меня с собой наличные деньги. Я прямо сейчас могу дать тебе двести десять тысяч… Или завтра… Если хочешь!

Людмила взглянула на него с удивлённым любопытством. Анатолий обнадёженно добавил:

— А если хочешь, то прямо сегодня утром могу вместе с тобой поехать к приставам и заплатить всю требуемую сумму. Я моментально всё улажу!

Что-то странное мелькнуло в глазах у Людмилы, какие-то искры, и Анатолий произнёс уже с торжественной нотой:

— Только ты должна пообещать мне, что через три недели уедешь вместе со мной в Москву!

Помолчав, Людмила с озабоченностью и сомнением произнесла:

— А Николай? Он ведь не переживёт этого!

— Перестань! — Анатолий слегка стукнул кулаком по столу. — Он мужик, в конце концов. Я сам

поговорю с ним, с глазу на глаз. И всё объясню ему. Он поймёт!

Людмила закрыла лицо ладонями и напряжённо замерла.

Анатолий Юрьевич снова вскочил с места, стремительно бросился к ней, упал перед ней на колени, обнял за талию и уткнулся головой в её грудь.

— Ты моя! И только моя! Ты всегда принадлежала только мне! — застонал, почти замычал он, медленно мотая головой из стороны в сторону, и его причёска неприятно защекотала ей подбородок. — А этот подлец, это ничтожество, этот Колька Архипов, этот самодовольный болван!.. — Анатолий поднял к ней своё воспалённое лицо и пристально, почти в упор, вглядывался в неё, не решаясь оторвать её ладони от лица и продолжая с горячностью стонать и выкрикивать: — Он увёл тебя… Он тебя украл у меня!.. Он воспользовался тем, что ты была молодая и несмышлёная дурочка… Он поманил тебя, и ты побежала за ним!

Людмила сидела, не шевелясь и по-прежнему закрыв ладонями лицо. Анатолий слегка тряс её за талию, за плечи, потом хватался за её руки, пытаясь отнять от лица и желая заглянуть ей в глаза, и продолжал с решительной напористостью выкликать:

— Я жалею, что тогда отступился от тебя. Я смалодушничал! Перестал бороться за твою любовь! Как я жалею! Я жалею, что не избил, не убил его тогда! И ты уже тогда могла бы стать моей! Моей!

Анатолий резко вскочил на ноги и принялся быстро и нервно ходить по кухне взад и вперёд. Он говорил, не останавливаясь, громко, страстно, со страшными и безумными интонациями:

— Три года назад, когда я проверял базу данных по Северогорскому филиалу и нашёл вас в списке наших ипотечных заёмщиков, то первое, что пришло мне в голову, — это нанять профессионального убийцу и убрать Кольку по-тихому!

Людмила вдруг отняла ладони от лица и взглянула на Анатолия с тревогой и растерянностью.

— Да! Да! — яростно выкрикнул он. — Я всерьёз думал убить Николая!..

Анатолий вновь приблизился к ней.

— А уже через год красивая вдова Люда Архипова могла бы спокойно выйти за меня замуж… Ведь ты бы согласи-и-илась! — злобно пропел он. — Как согласилась сегодня переспать со мной… Но я колебался!

Анатолий замолчал, как будто собираясь с силами. Он уже не глядел на Людмилу и продолжил речь уже с внутренним надломом, с клокочущими в горле слезами:

— Потом, когда я узнал, что у Николая случился инсульт, я мог бы сделать так, чтобы его залечили в больнице до смерти. У нас это умеют. Особенно за деньги… И снова ты могла бы стать моей! И я снова колебался. И я опять упустил свой шанс!

Анатолий Юрьевич отвернулся и подошёл к окну. Глядя в чёрный ночной проём, твёрдо и со злостью спросил:

— Ты думаешь, что я побоялся бы убить Кольку?

Людмила вдруг откликнулась:

— А что, не побоялся бы?!

Анатолий резко повернулся и вперился в неё страшным и злобным взглядом. Лицо его было искажено. Произнёс надменно и хищно:

— Милая! Ты знаешь, сколько людей отправил на тот свет наш банк для того, чтобы войти в сотню крупнейших и влиятельнейших банков страны?! На свете нет такого преступления, на которое не смог бы пойти банкир ради корысти, успеха и выгоды!

Ему показалось, что во взгляде Людмилы появилось что-то вроде восхищения, и он с неимоверным пафосом добавил:

— Я прошёл суровую школу, и меня ничто не остановило бы. Я привык добиваться всего, что мне нужно. А мне нужна ты!..

Он резко шагнул к ней, и она невольно отпрянула, прижавшись спиной к стене. Он остановился, не желая пугать её.

— Я не угробил Кольку только из-за любви к тебе. Я знал, как ты привязана к нему! И мне не хотелось тебя травмировать трагическими потрясениями. Но я с ума сходил от мысли, что ты с ним, а не со мной!

Снова громко выкрикнул, не в силах сдерживаться:

— Я выжидал, когда у вас сложится неразрешимая финансовая проблема, и ускорил события с судом. Я создал эту критическую ситуацию, чтобы поставить тебя перед выбором: или я, или Колька!

Анатолий вплотную подошёл к Людмиле и присел перед ней на корточки, положил ей на колени свои руки и настойчиво затряс с болезненной гримасой на лице. С яростной решимостью, переходящей в рычание, проговорил, почти провыл:

— Умоляю тебя, Люда! Уедем со мной в Москву! У меня шикарная квартира на Садовом! У меня есть дом под Звенигородом! Я обеспечен, я богат! Я сделаю тебя счастливой! — он заискивающе заглядывал ей в глаза, пытаясь угадать её настроение. — Ты будешь ходить в шелках, в мехах, я осыплю тебя бриллиантами! Ты будешь отдыхать на лучших курортах мира! Ты будешь посещать лучшие салоны красоты.

Ему показалось, что она улыбнулась, и он схватил её за руки, с силой прижав к своей груди. Она не сопротивлялась, но глядела куда-то поверх него с отрешённым видом.

— А хочешь, я подарю тебе новый автомобиль? Ты станешь самой красивой и самой элегантной дамой в столице. Все будут тебе завидовать! Ну, хочешь?! — отчаянно выкрикивал Анатолий Юрьевич и с болезненным напряжением глядел и глядел в глаза Людмиле.

Она упорно молчала, а затем принялась медленно мотать головой из стороны в сторону, как будто давая отрицательные ответы на каждую его фразу. А он, сидя перед ней, всё продолжал говорить и тряс её то за руки, то за колени, пытаясь добиться от неё ответа:

— Я помогу Саше, вашему сыну, с хорошей работой. Я помогу нанять адвокатов, и вы отсудите у бывшей невестки своего внука. Ты будешь воспитывать своего внука! Я очень влиятельный человек, и у меня большие связи. Я очень многое могу сделать и для тебя, и для всех твоих близких. Ну чего ты хочешь, Людочка?!

Людмила Григорьевна вдруг закинула назад голову, упёршись затылком в стену, и громко, неудержимо засмеялась. Она смеялась искренне, глубоко, без фальши, ей на самом деле стало ужасно смешно.

Едва остановившись, пытаясь сдерживать смех, она в упор поглядела на Анатолия Юрьевича тёмным и тяжёлым взглядом и, неожиданно проведя рукой по его искажённому от волнения лицу, совершенно спокойно, почти ласково произнесла:

— Толик! Милый Толик! Ты и вправду возомнил, что можешь меня купить? Вот так просто?! За деньги?! Как простую игрушку? Или как проститутку?

Анатолий медленно встал на ноги, но не отпускал её рук. Людмила глядела на него снизу вверх и продолжала говорить всё более и более уверенным тоном:

— Ты веришь в то, что ты такой могущественный, всесильный и что всё можешь?! Ты можешь влиять на судьбы людей, подстраивать им козни, а потом являться в роли благодетеля? Так?!

Анатолий растерянно кивнул, невольно соглашаясь с ней.

— Если бы ты промолчал насчёт своего могущества; если бы ты не признался в том, что ты тот самый гнусный банкир, который грозится выгнать нас на улицу; если бы ты не стал хвататься своим подлым поступком…— Людмила запнулась, едва сдерживая вскипавшую в ней ярость, потом со всё возрастающим напором продолжила:— То, может быть, я, глупая женщина, проявившая слабость и переспавшая с тобой в минуту любовного умопомрачения, может быть, я и дрогнула бы и задумалась бы над тем, чтобы совершить бесчестный поступок и бросить своего мужа ради тебя… Нет! Не ради твоих денег и не ради того, чтобы спасти свою квартиру, будь она неладна, а только ради того Толика Косолапова, который меня так преданно и сильно любил всю свою жизнь!

Она резко выдернула руки из его ладоней и отвернулась в сторону. Анатолий Юрьевич молча стоял рядом с ней, не решаясь заговорить. Людмила снова повернулась к нему и поднялась с места, очутившись почти вплотную, почти соприкоснувшись с ним, и уже с яростным напором выкрикнула ему прямо в лицо:

— Я уже почти поверила в то, что любила тебя когда-то и что сейчас полюбила снова! Но ты— несчастный гордец, заносчивый самохвалка! Это ты— жалкий неудачник, потому что ты не добился взаимной любви ни с одной женщиной!

Её слова больно хлестнули Анатолия, и он, дёрнувшись как от удара, опустил лицо, а она продолжала с беспощадной жестокостью:

— Может, тебя и любили женщины, но ты их не любил. И ты любил или до сих пор любишь ту, которая тебя уже не полюбит никогда! Потому что ты— чудовище! Ты стал богатым только потому, что больше никак не мог удовлетворить свои амбиции. Тебе нужны деньги и власть, чтобы завоевать или купить себе любовь. По-другому ты не умеешь! Но за деньги ты никогда не купишь ни любви, ни дружбы! Эта истина— стара как мир, и этому нас учили в школе. В нашей доброй советской школе!

Людмила замолчала и, тяжело вздохнув, отошла к окну. Она смотрела на Анатолия и с презрением, и одновременно с искренним сочувствием, но уже не жалела его. А он молчал, и на его помятом лице появилось сначала выражение жалкой растерянности, а затем и глубокого страдания. Он поднял на неё опустошённый взгляд и собрался что-то сказать, но губы его только нелепо кривились.

Глядя ему в глаза, Людмила произнесла с прежней стальной твёрдостью, вбивая в него каждое слово, будто гвозди:

— Если бы ты пришёл ко мне простым, пусть даже бедным и несчастным, но прежним Толиком, я бы тогда многое смогла для тебя сделать. Тогда бы я действительно сострадала тебе, и терзалась бы от любви к тебе, и разрывалась бы между тобой и Николаем. Потому что ты всегда был мне небезразличен!

Что-то блеснуло в его глазах.

— Да! Да! Небезразличен!— она сделала к нему один шаг.— Тогда, в сквере, когда ты признавался мне в любви, я оказалась не готова к настоящей любви. Я просто не поняла, что начинала любить тебя. И если бы не твоя гордыня… не твоя спесь…

Анатолий устало сел на табурет и тяжело опёрся на край стола, опустив голову. Людмила подошла к нему ещё на один шаг и чуть наклонилась вперёд, заговорив ещё громче:

— Ведь ты перестал за мной ухаживать только потому, что стал презирать меня из-за того, что я отдала предпочтение не тебе, а Николаю. Ты решил, что раз я выбрала его, то уже и недостойна тебя, такого умного и великого! И поэтому ты отвернулся от меня! Ты сам погубил свою любовь ко мне, потому что себя ты всегда любил больше! Вот, Толенька, и вся арифметика! Вот и весь треугольничек!— в голосе Людмилы уже прорывался плач, на глазах выступили слёзы, и она умолкла.

— Нет, нет! — Анатолий медленно поднялся и подошёл к ней совсем близко. — И тогда, и сейчас я люблю тебя больше своей жизни! — голос его сильно дрожал и срывался. — В тот вечер, после кино, после нашего разговора, я пришёл домой и всю ночь не спал. Я думал о самоубийстве. И я был в шаге от него… Но потом, под утро, я протрезвел. Я понял, что действительно ты не стоишь моей жизни. Было бы крайне глупо и смешно погибать из-за любви к тебе… — Анатолий снова взял её за руки и потянул к себе. — И я решил, что раз ты не оценила мои чувства, раз ты не ответила взаимностью на мою, такую сильную, любовь, то ты — просто глупая и пустая девчонка, недостойная ни меня, ни моей любви!

Он приложил её ладони к своей груди, чтобы она ощутила его сильное сердцебиение:

— Я действительно стал презирать тебя, я отвернулся от тебя и перестал за тебя бороться. Я постарался забыть тебя навсегда… Но не смог!..

Голос Анатолия то угасал, то воспламенялся. Он говорил уже без злости, но с тяжёлым нервным надрывом.

— Да, я стремился к успеху в жизни, к деньгам и к власти! Чтобы потом, всего добившись, на вершине своего успеха, увидеть тебя и сказать тебе, глядя сверху вниз: «Видишь, как ты прогадала, выбрав не меня, а жалкого неудачника Кольку!»

Людмила подалась от него назад, отталкивая его в грудь, но он силой удерживал её руки, прижимая к себе.

— Я ждал этого момента много лет! И вот сегодня я тебе возвратил все свои обиды, всю свою боль, унижение за отвергнутую любовь, за свои оскорблённые чувства. Я был сегодня триумфатором! И ты должна была упасть к моим ногам как законно доставшаяся мне добыча, как трофей в честном поединке с моим давним соперником!

Он замолчал и отпустил её руки. Повернувшись, шагнул к окну и, глядя в темноту глубокой ночи, произнёс едва слышно:

— Я так люблю тебя!

Людмила близко подошла к нему и осторожно положила свою руку на его правое плечо, как бы успокаивая. С примиряющей сдержанностью произнесла:

— Толик, этот поединок был заочным, нечестным и подлым… Ты столько лет строил козни, вынашивал гнусные замыслы… Ты пришёл в наш дом, сидел за нашим столом, ел наш хлеб, признавался в любви, изображал такое радушие, такую радость от встречи с нами… — она запнулась на секунду. — А в это время твоей душой владели чёрные мысли, и ты лелеял самые подлые поступки… — она снова запнулась. — Да ведь ты не пришёл к Николаю ни тогда, ни позже, ни даже сейчас с открытым и честным разговором!

Людмила убрала руку с его плеча и отошла в сторону.

— Ещё тогда, в школе… Ты ведь мог тогда с Николаем просто выяснить отношения! Ну, не обязательно на кулаках… — она говорила с волнением, то повышая, то понижая голос, стараясь не сорваться на крик. — Просто поговорить с ним, заявить ему, что ты любишь меня и будешь за меня бороться. Это был бы честный мужской поступок. И ещё неизвестно, как бы повернулась к тебе судьба и я вместе с ней… А ты?.. — в её голосе звучала нервная дрожь от пережитого потрясения. — Ты или струсил… Или просто не любил меня по-настоящему!

Анатолий резко повернулся к Людмиле — в глазах его стояли злые и горючие слёзы. Он закричал, но голос его был сдавленным, сиплым и совершенно потерялся:

— Как ты смеешь мне говорить такое? Что я не любил тебя?! Я чуть не умер из-за тебя в ту несчастную ночь!..

— Тихо! Не кричи! — строго одёрнула его Людмила.

Она, наконец, уже взяла себя в руки и преисполнилась твёрдой решимости.

— Соседей разбудишь. На дворе глубокая ночь… — её голос стал уверенным и спокойным. — Знаешь, мы уже достаточно хорошо выяснили все наши сложные отношения! В завершение сегодняшнего прекрасного вечера я хочу тебе сказать большое спасибо за всё. За ресторан, за ужин… за близость… — Людмила невольно покраснела и опустила взгляд, но продолжила с прежней уверенностью: — Коля всегда был моим единственным мужчиной. Я никогда, никогда не изменяла ему и всегда была верной женой. Представляешь?! Мне даже самой иногда становилось противно от своей старомодной правильности. И мне, честно говоря, иногда хотелось попробовать: а как это — изменить мужу, переспать с другим мужиком? Тем более что многие бабы вокруг только и треплются об этом…

Она подняла взгляд и посмотрела на Анатолия с дерзким вызовом.

— И вот ты дал мне такую греховную возможность. Я переспала с тобой. И думаю, что даже по любви… минутной… И она уже прошла… не начавшись толком! — Людмила шагнула к Анатолию, чтобы заглянуть ему в глаза, но они были погасшими и блестели от слёз. — И скажу тебе, Толя, откровенно: да, мне было хорошо с тобой в постели, как может быть хорошо женщине, соскучившейся по мужской ласке… И знаешь, как это гадко — изменить любимому мужу, отцу своего сына, мужчине, который меня так любит и так мне предан?! Мне очень стыдно!

Людмила отвернулась и закрыла лицо руками, мотая головой, как бы отгоняя назойливые мысли. Затем отняла ладони и снова повернулась к Анатолию, и глаза её сияли необъяснимой радостью:

— Но теперь я убеждена… Я твёрдо уверена, что никогда и ни при каких обстоятельствах, никогда больше не изменю Николаю! Да-да! — она улыбнулась. — Толик, я провела с тобой ночь, видимо, только для того, чтобы убедиться, что всё-таки люблю только его, Колю. И, несмотря ни на что, не люблю тебя… Анатолий Юрьевич!

Людмила вспыхнула, и по её лицу пробежала искра переполнявших её чувств.
— Мне пора уходить!

Она стремительно вышла из кухни в прихожую и, нащупав на стене выключатель, зажгла свет. Быстро обула босоножки и взяла в руки сумочку.

В дверях торчал ключ с массивным брелоком. Людмила протянула руку и повернула ключ, отпирая замок.
— Постой! — раздался сзади твёрдый, приказывающий голос. — Ты вот так просто возьмёшь и уйдёшь? И всё?!

Анатолий Юрьевич стоял в дверном проёме, ведущем на кухню, и опирался руками в косяки. Его глаза были совсем потухшими, как два тёмных провала на лице. Он будто постарел и выглядел сильно уставшим.
— Ах да! — улыбнулась Людмила Григорьевна. — Я забыла попрощаться…

Немного поколебавшись, произнесла с ядовитым сарказмом, почти с издёвкой:
— Прощай, Толик! И давай никогда больше не встречаться!
— А как же наша сделка? — настырно спросил Анатолий мрачным голосом, похожим на злобное карканье. — Вас вышвырнут из квартиры на улицу. Я сильно постараюсь для этого! Или ты принимаешь мои условия?..

Людмила медленно, но упруго подошла к нему вплотную, досадливо поморщилась и прямо ему в лицо с глубоким презрением произнесла:
— Какой же ты дура-а-ак, Толик!.. Какая сделка? Ты с ума сошёл?! Это ты у себя в банке привык сделки заключать, да? — покачала головой. — Да мне наплевать на то, какую ещё гадость ты там затеял! Денег, скорее всего, мы не сможем заплатить вовремя. Нам их просто негде взять! И ты, разумеется, выгонишь нас и отберёшь нашу квартиру. Ты же герой! Но нам хватит тех денег, что у нас ещё останутся, на покупку однокомнатной квартиры, пусть даже и на окраине. Мы не останемся на улице!.. А хоть бы и останемся!

Людмила шагнула к двери, снова обернулась и яростно выкрикнула:
— Я Николая никогда не брошу! Никогда! Ты понял? Банкир! Ты этого не дождёшься! И я никогда не буду с тобой! Ни-ко-гда!

Людмила взялась за дверную ручку.
— Ты никогда не любила Николая! — выкрикнул Анатолий. Его голос дребезжал от отчаяния и был полон слёз бессилия. — Ты всегда любила только меня!
— Женщина, особенно молодая, чаще всего любит разных чудаков, — не оборачиваясь, откликнулась Людмила. — А в мужья выбирает только настоящего мужчину!

Она всё же чуть обернулась к Анатолию и с уверенностью произнесла:
— Может быть, я и любила тебя когда-то… Хотя уже точно и не помню этого… Но тогда, в юности, я выбрала Николая и вышла за него замуж только потому, что он был настоящим мужчиной! И сейчас, когда ты меня снова поставил перед выбором, таким трудным и соблазнительным, я снова выбрала Николая, потому что он, несмотря ни на что, до сих пор остаётся человеком и просто порядочным мужиком. Я остаюсь с Колей! Навсегда!

Людмила отворила дверь наружу и собралась шагнуть в темноту площадки.
— Но сегодня ты принадлежала мне. Ты была моей! — сдавленно выкликнул ей вслед Анатолий.

Задержавшись в дверях и не поворачивая головы, Людмила ответила негромко, но с твёрдой убеждённостью:
— Только потому, что мне вдруг померещилось, будто ты был тем славным юношей по имени Толик Косолапов, с которым мы когда-то давно, очень давно ходили на чудный французский фильм о любви и который потом признавался мне в любви в сквере на лавочке…

Помолчав, добавила:
— Сегодня было просто наваждение. Морок. Я приняла тебя за другого, за своего старого школьного товарища, за одноклассника Толика. Но я ошиблась! — повернув к нему лицо, громко прошептала: — Это был не он!

Анатолий глядел на Людмилу обречённым взглядом безнадёжно проигравшего человека и мрачно произнёс, почти прошипел:
— Ты не ошибаешься! Я — Толик Косолапов. Тот самый…
— Не-е-ет!.. — Людмила покрутила головой, не соглашаясь. — Толик был хорошим парнем, хотя и горделивым и немного странным… А ты… Ты просто монстр из преисподней! — сокрушённо произнесла она и, махнув рукой, наконец вышла вон из этой душной квартиры.

12.

Выйдя из подъезда во двор и окунувшись в прохладную ночь, Людмила Григорьевна облегчённо вздохнула полной грудью и тихо рассмеялась:
— Боже, какой идиот!

Она вышла со двора, сплошь заставленного автомобилями, через арку на просторную улицу и зашагала по тротуару в направлении центра города. На улице не было ни души.

Вокруг стояла густая тьма: небо, затянутое низкой облачностью, было совсем чёрным. Фонари уже не горели, и нигде не светились окна. Многоэтажные дома высились мрачными стенами без единого проблеска света. Город крепко спал.

Людмила без всякого страха шла по совершенно пустой тёмной улице, и на душе у неё было свободно и радостно. Где-то там впереди сверкали далёкие огоньки — то ли от фар проезжавших машин, то ли от фонарей, то ли от окон. И к этим огонькам она уверенно шла с надеждой поймать бессонное такси, чтобы доехать до дома.

Зачем-то оглянувшись, Людмила вдруг увидала красные габаритные фонари и тусклый свет фар бесшумно приближающегося к ней автомобиля. Он ехал в попутном ей направлении. Машина подъехала ближе, и Людмила, увидев, что это какая-то старая легковушка, смело подняла руку, призывая шофёра остановиться.

Автомобиль, капризно скрипнув, затормозил. В салоне зажглась зеленоватая подсветка, и Людмила близко разглядела обернувшегося к ней шофёра: за рулём сидел пожилой седовласый мужчина в чёрном берете, с тёмными грустными глазами и с белой аккуратной бородкой. Его спокойное и благородное лицо показалось ей очень знакомым. Не дожидаясь просьбы, он кивнул Людмиле, приглашая в машину.

Усевшись на заднее сиденье, Людмила достала из сумочки сторублёвую купюру и робко протянула водителю:

— У меня больше нет… Довезите, пожалуйста, до дома!

Старик обернулся и выразительно, но без осуждения поглядел на неё, однако денег не взял и только молча покивал головой. Скрипнул рычаг переключения скорости, и автомобиль тронулся с места.

Они неспешно ехали по ночному спящему городу: пустые улицы выглядели необычно и таинственно. Уставшей женщине было немного не по себе от сказочной нереальности проплывавших за окном автомобиля видов ночного Северогорска. Таким она тоже никогда ещё не видела родной город. А он был красив и загадочен.

Через пятнадцать минут машина остановилась возле её подъезда, и Людмила Григорьевна вышла. Денег с неё водитель так и не взял. Автомобиль бесшумно тронулся и быстро исчез, будто растворился в темноте.

И только сейчас Людмила спохватилась: «А ведь я не назвала шоферу своего адреса!»

Войдя в подъезд и вызвав лифт, она снова подумала: «Может быть, это Колин знакомый, который знает меня и просто подвёз до дома? Ведь и денег не взял!»

Зайдя в квартиру, Людмила Григорьевна прежде всего потихоньку заглянула в комнату к мужу. Николай Матвеевич спокойно спал, и его ровное дыхание было хорошо слышно.

«Слава Богу! С Колей всё в порядке!» — с радостью подумала она и прошла на кухню.

За окном уже брезжил тёмно-серый рассвет, но в помещении было ещё темно. Людмила включила светильник над электропечкой и села на ласково скрипнувший стул возле обеденного стола. Настенные часы показывали ровно четыре часа утра. Спать совершенно не хотелось, и она, прислонившись к стене, на минуту прикрыла глаза, обдумывая всё произошедшее с ней сегодня.

Утром надо было идти на работу, но Людмила решила позвонить начальнику, Алексею Вениаминовичу, и договориться с ним, чтобы выйти после обеда, в вечернюю смену. Она могла себе позволить гибкий график, особенно в те дни, когда её присутствие в отделе не являлось особой необходимостью. А сегодня Людмиле нужно обязательно выспаться.

Вспомнив все бурные события минувшего дня, она улыбнулась и снова тихо повторила:

— Боже, какой дурак!

Немного подумав, добавила:

— И я — такая дура!..

На холодильнике в углу стояла прислонённая к пустой фаянсовой вазе маленькая иконка.

«Откуда? — подумала Людмила и, встав с места, подошла поближе. — Наверно, Коля принёс или ему кто-то подарил».

Она аккуратно взяла иконку в руки.

На толстом и плотном картоне, размером с любительскую фотографию, типографским способом было отпечатано изображение святого Николая Чудотворца, хорошо знакомое ей по большой иконе в Благовещенском храме. Только теперь, хорошо вглядевшись в мудрое и благородное лицо Николая Угодника, Людмила поняла, почему пожилой водитель, довёзший её до дома, показался таким знакомым. Надо же, какое потрясающее сходство!

Неожиданно в душу уставшей женщины вошла умиротворяющая радость оттого, что сегодня всё закончилось хорошо, и что все живы, и что все снова вместе, и что всё по-прежнему!

Людмила поставила иконку на место и зачем-то прошептала:

— Спасибо!

Затем она выключила свет и отправилась спать. Ей нужны были силы, чтобы преодолеть все трудности наступающего дня. Ей с мужем оставалось ещё целых пять дней прожить в этой уютной трёхкомнатной квартире…

А что будет дальше?! Людмилу это уже совсем не волновало.

Жизнь продолжалась и готовила новые сюрпризы и испытания. И всё должно случиться так, как и должно быть. А всё, что ни случается, — всё только к лучшему!

Сергей Кузичкин

Сны Пиноккио

Из цикла «Восхищение одержимых»

Пиноккио попробовал открыть глаза.

Огни, хлопки, торжественный вой сирены, большой зал и сцена, на которой стоял человек во фраке в окружении людей, говоривших хвалебные речи,—всё пропало. В одно мгновение. Было—и нет.

Влажные липкие веки не хотели разжиматься, и он потёр шершавыми пальцами сначала правый глаз, потом левый. На зрачки упал свет от горевшей на кухне неяркой лампочки. Сознание вернулось, и Пиноккио определил: он лежит на боку на диване в маленькой комнатке своего маленького домика, в брюках, в старом, давно не стиранном свитере с глухим воротником. Лежит на левой руке, затёкшей и онемевшей. Он пошевелил пальцами—от локтя к ладони мурашки забегали под кожей; кряхтя, повернулся на спину. Пружины старого дивана заскрипели. Пиноккио растёр затёкшую руку и заскрипел зубами. Когда под мурашками пробежало тепло, он, опираясь на правую руку, сел. За тёмным незанавешенным окном ветер порывами бился в неплотно закрытую форточку, придерживаемую загнутым расхлябанным гвоздиком, а дождь стрелял по стеклу порциями дробинок и, едва стихнув за окном, убегал на крышу, но быстро возвращался и снова стучал в стекло и переплёты.

Опять этот сон. Аплодисменты…

Дождь колотит, а снится, будто аплодисменты. Да и спал ли он? Был в какой-то полудрёме, только руку отлежал. А может, всё же уснул? Уснул ненадолго, впервые за двое суток. Кольнуло в правом боку, потом заломило поясницу. Пиноккио поёжился, почувствовал, что ему холодно. В доме печь не топилась дня четыре, а может, пять. Пиноккио не помнил дни, он потерял им счёт, потерял к ним интерес. Он помнил, что не так давно начался октябрь, необычно холодный в этом году, то с нудным, весь день льющим дождём, то с каким-то свирепым ветром, то с дождём и ветром одновременно. С усилием поднявшись, сжимая и разжимая пальцы левой руки—продолжая разгонять мурашки, Пиноккио доковылял до кухни, ощущая под пятками через дырявые тонкие носки холодный пол. На столе, среди кусков зачерствевшего хлеба, поломанной полбуханки, надкусанных солёных огурцов и сальных шкурок, он не нашёл ни бутылки, ни стакана. Пустой стакан стоял на холодильнике рядом с будильником. Стрелки часов показывали начало шестого. Пиноккио определил: наступило утро,—и заглянул в небольшую прощелину между холодильником и столом. Бутылка стояла там. Пиноккио подхватил её за горлышко затёкшей рукой, вытянул на свет. Там оставалось! Сантиметров на пять бутылка была наполнена. Веселея, Пиноккио попробовал вспомнить, почему он запрятал бутылку туда, но с ходу не смог, а напрягаться не стал—откинул пробку на стол, налил в стакан. Стакан взял сначала правой рукой, потом перехватил его левой, уже не чувствуя её затёкшей, сделал глубокий вздох, быстро перекрестился и быстро выпил. Спирт обжёг полость рта и, проваливаясь через горло к желудку, пошёл по пищеводу жгучим ручейком. Пиноккио схватил огрызок огурца, сунул в рот, помог рукой несколько раз сжаться непослушной отвисающей челюсти. Дожевав и проглотив солёненького, он вернулся обратно в комнату. Подойдя к дивану, Пиноккио поправил замусоленную подушку, прилёг, на этот раз на правый бок, подогнув ноги калачиком, накрылся телогрейкой, до того скомканно лежавшей у него в ногах. Через минуту по желудку началось обратное движение. Организм стал отторгать выпитое. Пиноккио сжал зубы, с достоинством переживая внутренние толчки. Наконец в животе заурчало. Спирт прижился и теперь растекался и разлагался на составные его части. Пиноккио почувствовал пробегающую тёплую волну. Ему стало хорошо.

Восьмилетний мальчик шагал по городской улице на своё первое занятие к учительнице музыки и нёс в большой картонной папке ноты. Почему он знал, что мальчику восемь лет? А может, уже девять или даже десять? Он был уверен, что восемь. Девять мальчику должно исполниться в октябре, а сейчас август, он перешёл в третий класс, в июне его записали в музыкальную школу, а перед началом учебного года родители мальчика договорились с учительницей на несколько частных уроков. Накрахмаленный ворот белой рубашки стоял над воротником пиджака, волосы кудряшками

падали на край воротничка, и если бы не школьный костюм, то со стороны мальчик был бы похож на маленького оперного певца или на юного Робертино Лоретти. Мальчика и прозвали Робертино. Ещё в первом классе, когда на первом же уроке пения он звонко спел: «А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер…»—учитель пения, отложив баян, сказал: «Ну, ты прямо как Робертино…»—а через неделю уже вся школа—ученики в лицо, а учителя за глаза,—звала мальчика Робертино.

Мальчик подошёл к высокому зданию, с усилием потянул на себя ручку большой тугой двери подъезда. Дверь, сопротивляясь, открылась лишь на несколько сантиметров, и мальчик не вошёл, а протиснулся в приоткрытое пространство.

В детстве этот сон ему снился часто и с подробностями. Улица, по которой шёл мальчик, и двор большого высокого дома, куда он заходил, были ему знакомы—будто он сам не один раз проходил там. Он запомнил людей, шедших навстречу мальчику, помнил вывески магазинов с обеих сторон неширокой улицы, деревья, арку и двор с детской площадкой, песочницу, цветочную клумбу, два легковых автомобиля у подъезда.

Впервые он увидел этот сон, когда ему было восемь лет. Проснувшись, он почувствовал себя тем мальчиком и долго не мог прийти в себя, не понимая, где он и что делает в этом доме, пахнущем невысохшим бельём, висевшим над печкой и прямо над его головой вдоль дивана. Ему захотелось побежать, догнать мальчика с нотами и сказать ему, крикнуть в лицо: «Это я, а не ты, должен идти на урок музыки! Я! Я должен быть на первом уроке!»

— Володька, вставай, я ухожу на дойку, покорми поросят, дай зерна курам и в школу собирайся!—привёл его в чувство окрик матери, и он понял, что уже не догонит мальчика с нотами, прозванного Робертино.

В детстве, да и в юности, мать, родные и двоюродные её сёстры, их мужья и их дети звали его Володькой, Володей, Вовкой. Одноклассники—Вованом. Учился Вован плохо. Особенно математика никак не давалась, позже потерялся в предметах по химии и физике. Как и некоторых других, учителя тянули его, оставляли «на осень», но переводили—давая возможность закончить восьмилетку.

Володя-Вован жил с матерью в посёлке, имеющем статус «городского типа» и находившемся в двенадцати километрах от районного центра. Население посёлка наполовину состояло из бывших политических и уголовных заключённых. Сразу после войны вдруг нагнали сюда военных, которые стали на окраине копать и ставить заборы. Не прошло и полугода, как появилась ниже по течению речки немалая по территории зона для заключённых и были выстроены солдатская казарма, в принципе тот же барак, и двухэтажный штаб управления, получивший в простонародье название «управа». Новизна встряхнула до того, казалось, дремавший сибирский посёлок, а по сути тогда—деревню, жители которого (или которой) до того трудились на лесоучастке и на ферме, где содержалось небольшое дойное стадо,—второе отделение расположенного в райцентре колхоза. Вместе с зоной образовались свиноферма, леспромхоз, пилорама, гараж с десятком не виданных раньше здесь автомобилей—лесовозов. С конца сороковых до середины пятидесятых годов пилорама тарахтела, не умолкая, днём и ночью, по дорогам посёлка с утра до ночи с рёвом лесовозы везли лес-кругляк. А ещё нередко было слышно на весь посёлок, как взвывала над зоной по ночам сирена, лаяли до одури собаки и потом солдаты прочёсывали дома и огороды в поисках сбежавших зеков.

За пять лет до рождения Вована, почти в одночасье, бóльшая часть осуждённых вдруг получила свободу, зону закрыли, в спешном порядке увозя куда-то не подлежащих амнистии заключённых, бараки переоборудовали под жилые квартиры, а в штаб-«управу» въехал поссовет. После реорганизации посёлок увеличился по площади едва ли не в два раза. В принципе, после того как убрали колючую проволоку и снесли забор, получился новый гражданский посёлок, вошедший в состав уже существующего, записанный в официальных бумагах как Ударник, но в быту продолжаемый именоваться Зоной. Многие из бывших зеков уехали, но немало и осталось жить в той же самой Зоне, в тех же самых перепланированных под квартиры бараках. Поляки, литовцы, латыши, украинцы, белорусы, евреи, поволжские немцы—кого только не было там. На другом конце посёлка целыми улицами жили татары и башкиры, обосновавшиеся здесь ещё до войны, а то и до революции. Улицы эти так и назывались: Татарская и Башкирская. «У нас тут как в Москве или в Одессе, а может, и того хлеще—разного народишку,—говаривал некто Чугунов по кличке Балабол.—Такая шпана союзная, что окна надо на ставни со стальными заглушками закрывать, не то, пока спать будешь, рамы вынесут—и не услышишь, а к утру уже пропьют—и концы в воду».

Как узнал Вован позже, Чугун-Балабол сам сидел здесь за кражу. Пригнали его по этапу из Пензенской области, откуда он был родом и где научился обворовывать соседей. Отбыв своё, Балабол в родные края не поехал, а, оставшись в посёлке, устроился в жилищно-коммунальную контору и много лет руководил звеном ассенизаторов из четырёх человек. После освобождения женился на одинокой женщине с ребёнком, которая родила ему ещё двоих. Один из них—Сашка—стал

приятелем Володи-Вована. Володя не раз видел четвёрку людей с лопатами и мётлами на разных улицах посёлка — вычищающих помойки и туалеты, возглавляемую Чугуном-Балаболом. Люди в звене и машины для вывозки нечистот менялись, но Чугунок был незаменим. Неизменно, будь то зима или лето, он сидел в кабине автомашины рядом с водителем и давал своим подчинённым громкие команды. Бывало, правда, и сам выходил — махал киркой, раздалбливая заледеневшие помои, или бросал мусор большой совковой лопатой, успевая при этом рассуждать о быте, политике и текущем моменте. Володя много раз бывал в доме у Чугуновых, и каждый раз Балабол говорил без умолку, рассказывая жене и детям разные истории, применяя при этом ругательные слова и лагерные выражения. Какие слова были ругательными, мальчишки поняли через некоторое время, немного повзрослев, а тогда, от шести до девяти, они к месту и не к месту применяли выражения, услышанные от Балабола, за что не один раз Володина мать била сына по губам. Порой принародно.

От родных Володя знал, что отец, как и Балабол, отбывал здесь срок, а потом работал на ферме скотником. Там и познакомился с матерью, поселился в домике, где жила ещё и бабушка. Когда Володя родился, отец, рассказывали, затосковал: стал говорить о своей родине — Брянщине, звать мать туда. А потом поехал — вроде бы узнать, что там и как, — и не вернулся. К матери позже сватались несколько кавалеров, даже при Володе приходили, приносили водку и закуску — колбасу, селёдку, иногда яблоки и конфеты, но мать больше на уговоры не поддавалась и говорила сёстрам и подругам: «Хватит с меня и одного брянского волка». Так что своего отца Володя не помнил.

В детстве он любил петь. На застольях, которые по праздникам и дням рождения устраивали родственники матери, его в разгар веселья ставили на стул, и он пел. Пел то, что слышал и запоминал с малых лет. В основном — застольные песни, что горланили хором родственники: «Бежал бродяга с Сахалина…», «Шумел камыш, деревья гнулись…», «Ой, мороз, мороз…». Особенно, даже на бис, шёл «Камыш». Захмелевшим мужикам особенно нравилось в его исполнении то место, где были слова: «А поутру они проснулись, кругом помятая трава…» — и его просили повторить. Он повторял. Ему хлопали и, смеясь, говорили матери: «Да он у тебя, Варвара, настоящий артист, отдай его в музыкальную школу». Но мать отмахивалась: «В музыкальную деньги платить надо, а где мне их взять? Алименты на него не получаю, а моей зарплаты на харчи бы хватило да на форму ему школьную».

В музыкальную школу ходила его одноклассница татарочка Венера — Венерка, как её звали дети. Всегда улыбающаяся, с двумя неизменными косичками, в тёмном школьном платье с белым воротничком, она играла на баяне на утренниках, и несколько раз учитель пения заставлял Володю исполнять пионерские песни под аккомпанемент Венеры. Володя пел до четвёртого класса, а потом перестал, несмотря на уговоры, а затем и угрозы учителя пения.

Пел Володя ещё и потому, что в то время сон про мальчика с нотами по прозвищу Робертино всё чаще и чаще снился ему.

А мальчик пел в хоре. Сначала он стоял во втором ряду на подставочке. Откуда-то снизу грохотала музыка, свет прожекторов словно возвышал сцену, на которой «подковкой» выстроились дети: мальчики в чёрных костюмчиках и с бабочками, девочки в школьных платьицах.

«Сигнальщики-горнисты…» — сливались детские голоса с музыкой. Музыка на минуту затихала, и тогда стоящий в полукружье солист в пионерской форме трубил в горн, а потом снова взрывались музыка и хор.

Мальчику было уже десять, он стоял почти в самом центре «подковки» и с усердием тянул: «Навеки — наша правда, и память — навсегда!»

Сон этот повторялся нечасто, но приходил к Володе под утро не один раз в течение примерно полугода, и Володя запомнил лица некоторых ребят, трубача, сцену и слова песни. Слова преследовали его днями, не оставляя ни дома, ни в школе. Поскольку учитель пения почти на каждый праздник включал в выступление школьной самодеятельности номер Володи с Венерой, то Володя, набравшись смелости, предложил ему попробовать «Сигнальщиков-горнистов». Учитель пения, называемый всеми учениками Пенником, был на деле хорошим профессиональным музыкантом, тоже из бывших зеков, несколько лет участвовал в лагерной самодеятельности, подбирал музыку к словам поэтов-невольников и имел опыт организации разного рода музыкальных мероприятий, а ещё чутьё на потребность публики, а главное — начальства. Поэтому, смекнув, в чём может быть его выгода, Пенник сразу вцепился в предложение ученика и буквально через пару дней к дуэту Володи и Венеры присоединился горнист. Номер, выданный новым трио на двадцать третье февраля, вызвал всеобщий восторг и был признан лучшим. Эмоции переполнили директора школы, он распорядился наградить почётными грамотами исполнителей и пообещал отправить их на районный слёт пионерских дружин. Награждение намечалось на май, на день рождения пионерской организации, и оно состоялось, только без Володи, неожиданно для всех отказавшегося петь.

Как только не уговаривали юного солиста учитель пения и директор школы, чего только не

обещали и чем только не стращали. Из уст преподавателей Володя узнал много нового о себе и окружающем его мире. И то, что от таланта до подонка можно преобразиться за пятнадцать минут, и что его «бедная и одинокая мать, выбивающаяся из всех сил, чтобы тянуть его, оболтуса», может тут же стать, мягко говоря, «бессовестной женщиной», едва ли не проституткой, и то, что школа собиралась отправить его с Венеркой летом в «Артек», а теперь вопрос стоит о его исключении. Во время уговоров и угроз Володя молчал, опустив глаза. И это молчание доконало директора с Пенником. Продолжающаяся более часа обработка закончилась тем, что по приказу директора Пенник вышвырнул Володю за шиворот из директорского кабинета в коридор, а потом, видимо, войдя в раж, обозлённый, уже без всякого директорского указания, вытащил его во двор школы, завёл за угол и дал ему под зад здоровенного, до боли, пинкаря.

Из школы его не исключили. Вызвали на педсовет мать: песочили её, довели до слёз. Володя не выходил из дому больше недели, пока не пришла учительница младших классов и не уговорила пойти в школу. На первый же урок заглянул директор; убедившись, что Володя в классе, ничего не сказав, удалился. На уроке пения Володя сидел молча, даже не пробуя, как другие пацаны, имитировать пение, и Пенник, отводя от него взгляд, не сделал в его адрес замечания.

Никто не знал тогда, да, в принципе, и не узнал потом, почему Володя перестал выступать. А дело было в том, что Володя, становясь взрослее, неожиданно для себя сделал вывод: его скромные успехи мешают Робертино. Володе казалось, что он своим стремлением петь отбирает у мальчика силу, ослабляет его талант. Эта мысль так крепко проникла в Володино сознание, что он решил больше не петь.

А мальчик уже стоял отдельно от хора на другой, ещё более светлой сцене, обращённый лицом к огромному залу, и пел: «Что тебе снится, крейсер „Аврора“, в час, когда утро встаёт над Невой?..»

И хотя мальчик был в том же самом тёмном костюмчике и той же бабочке, он казался теперь серьёзнее и увереннее.

«Ветром солёным дышат просторы, молнии крестят мрак грозовой…»—подхватывал хор за мальчиком, а мальчик, казалось, взлетал над залом и летел, летел, летел…

Летел вслед за песней.

Некоторое время Володя просыпался с чувством полёта. Ему казалось, что он вот только что был под облаками. Весь день он, сам не зная чему, радовался. Его даже не огорчали плохие отметки. Когда его вызывали к доске и задавали вопросы, на которые он не знал ответа, Володя молчал и улыбался. Учителя и одноклассники осторожно смотрели на него, но выводов, видимо, не делали. Да и не каждый день Володя был в состоянии полёта, и не каждый раз молчал у доски—иногда что-то всё-таки отвечал, и ему даже, бывало, ставили четвёрки.

Так вот, с натугой, дошёл Володя до восьмого класса, а там и, с горем и удачей пополам, получил свидетельство об окончании неполной средней школы. Его, Саньку Чугунова и ещё нескольких горе-учеников в школе настойчиво попросили в девятый класс документы не подавать, а идти в открывшееся не так давно в «зоновской» части посёлка ПТУ. По сути, их экзаменовали и выдали им свидетельства с условием. Они и пошли в ПТУ, где было три отделения. Парней учили работать на пилораме и ремонтировать автомашины, а девушек—варить суп и стряпать пирожки. Вместе с Чугунком Володя записался в группу автослесарей.

Два года учёбы в профтехучилище прошли легко и запомнились Володе тем, что спрашивали там меньше, чем в школе. Запомнились обеды, а особенно их послеобеденный зимний футбол, когда они гоняли мяч по заснеженному полю, порой утопая в снегу, не глядя на время, иногда прихватывая практические занятия. Часто игру их заканчивал мастер производственного обучения. Появляясь на стадионе, он сначала негромко, а потом криком призывал своих учеников закончить матч, а когда понимал, что крики бесполезны, выбегал на поле, перехватывал за несколько попыток мяч и загонял неостывших и потных игроков в автомастерскую. Никогда мастер их за это не наказывал и даже не ругал особенно. Так, бранился, улыбаясь.

За два пэтэушных года сны о мальчике редко посещали Володю. Он видел его несколько раз, но не в зале, а в каком-то репетиционном классе, с учителями. Это был уже скорее не мальчик, а юноша. Его уже не дразнили Робертино, а звали Димой, Дмитрием. Дима пел, останавливался и начинал снова. Володя чувствовал его волнение, боялся за его меняющийся голос. Дима жил строго, под постоянным наблюдением педагогов и врачей, ограничивал себя в еде, соблюдал режим и выдерживал. Голос Димы не сломался, а, наоборот, окреп и выплеснулся в баритон. Перед самым уходом в армию Дима приснился Володе исполняющим романсы. Сцена была небольшая. Дима стоял у пианино, на котором играла молодая женщина. «Гори, гори, моя звезда…»—летели слова над умилёнными немногочисленными зрителями, а потом—«Средь шумного бала…», «Очи чёрные», «Вдоль по Питерской…». А вот однажды он спел так, что…

Год после окончания ПТУ, до ухода в армию, Володя работал в автомастерской леспромхоза. Это было, пожалуй, самое романтическое для него

время. Работа слесаря по ремонту автомобилей ему нравилась, нравился и коллектив — опытных и молодых. В принципе, самый молодой был сам Володя, и так получилось, что он один из всей группы выпускников птУ работал по специальности. Его друг Сашка Чугунок, проявив неожиданное рвение к учёбе, окончив училище с повышенным разрядом, получил направление в техникум, большинство ребят из его группы, воспользовавшись случаем, по объявлению военкомата пошли на курсы шофёров, а ещё несколько парней, достигших совершеннолетия, осенью ушли в армию. Володе до совершеннолетия оставалось больше года, и он, не ища обходных путей, трудился там, куда его направили. Как говорил часто встречающийся ему отец Чугунка — Балабол, дело у него было нехитрое: «Крути себе болты и гайки и плюй в потолок». Володя в потолок не плевал, но болты и гайки крутил, а ещё снимал и устанавливал на место двигатели, отдавал на расточку токарю и фрезеровщику валы, сам нередко становился к сверлильному станку. Через год он повысил квалификацию — выдержал экзамен на четвёртый разряд. А ещё за этот год он получил среднее образование. Двухгодичное обучение в профтехучилище полного школьного образования не давало. За первый, теоретический, год и второй, практический, учащиеся проходили курс по облегчённой программе вечерней школы за девятый и десятый классы. Но облегчённая программа была одиннадцатиклассной, и одиннадцатый класс нужно было заканчивать в вечерней школе, или, как её ещё называли, школе рабочей молодёжи, шрм. Охотников ходить в шрм-«вечёрку» было немного, поэтому преподаватели школы выискивали на предприятиях молодых людей, не имеющих среднего образования и, с помощью личного убеждения и с нажимом на руководство и профсоюзную организацию, заманивали в школьные классы. Володю заманивать было не надо — послушав речь директора школы на профсоюзном собрании, он сам пришёл в школу рабочей молодёжи.

Нельзя сказать, что в «вечёрке» Володя проявлял рвение, но в школу ходить ему хотелось. Возраст учащихся одиннадцатого класса колебался от семнадцати до пятидесяти. Более чем доверительное отношение преподавателей к ученикам выражалось в первую очередь тем, что двоек они не ставили, а в случае неответа на поставленный вопрос просили найти время почитать учебники и дать ответ на следующем уроке. И этот педагогический подход приносил свои плоды. Редко кто из учеников «вечёрки» не мог дважды ответить на один и тот же вопрос.

Володя снова оказался в одном классе с музыкантшей Венерой. Венера после восьми классов уезжала в город и полгода училась в культпросветучилище, но что-то там у неё не получилось, и она вернулась домой, устроилась в вечернюю школу лаборанткой и совмещала работу с учёбой. Не один раз за осень и начало зимы Володя и Венера шли вместе из школы по тёмным улицам посёлка, несколько раз они задерживались возле дома Венеры на Татарской улице и, несмотря на дождливую или прохладную погоду, не расставались ещё часа по два. Один раз дело дошло до поцелуя. Правда, не долгого любовного, а короткого, скорее братского. Володя несмело поцеловал Венеру, а Венера позволила ему это. Оба сделали вывод, что их отношения уже готовы перейти на новый уровень и всё идёт к тому, что…

На другой вечер, провожая Венеру, Володя готовился не только к новому поцелую, но и признанию в своих чувствах, уверенный в том, что Венера его поймёт и не отвергнет. Однако порыв его был остановлен неожиданно появившимся отцом Венеры — Романом.

Не ответив на приветствие Володи, Роман, сверкнув чёрными, как антрацит, глазами, приказал Венере немедленно идти домой. Три дня её не было ни на работе, ни на уроках. Володя несколько раз проходил мимо её дома, но, как ни старался, ни увидеть её, ни узнать о ней ничего не смог.

Они встретились морозным вечером в середине декабря, и Венера рассказала Володе, что отец её не против лично его — Володи, но она, Венера, едва ли не с рождения обещана в замужество сыну то ли друга, то ли дальнего родственника отца, живущего где-то около Набережных Челнов. Венера ни разу не видела своего суженого, даже на фотографии, хотя про обещания отца слышала с детских лет. Большого значения словам отца она не придавала, но, как оказалось, всё было серьёзно, и дело откладывалось лишь до совершеннолетия Венеры. Восемнадцать ей исполнялось в марте. Ждать весны Роман не стал и вызвал сватов сразу же после того, как понял, что Венера уже взрослая. За ней приехали в канун Нового года и увезли в далёкий татарский посёлок на берегу Камы-реки.

Примерно с месяц Володя тосковал сильно. В первые дни нового года было особенно невмочь — не находил себе места: уходил на лыжах в лес, бродил по посёлку, ездил в райцентр — посмотреть на большую ёлку, стоящую на площади между районным советом и райунивермагом. Хандра не проходила. Ему снилась и снилась Венера, смотревшая на него с укором, словно говорившая ему: «Ну зачем, зачем ты меня отпустил?..» И вот однажды ему снова приснился Дима… Даже, скорее, не он, хотя в этом сне он был главный, а песня… Там были такие слова:

> Нет солнца без тебя,
> Нет песни без тебя.
> В мире огромном
> Нет без тебя тепла…

И дальше — поразительно и прямо в сердце:

> В целом мире я один,
> Я самим собой судим.
> Я не смог любовь спасти.
> Ты прости меня, прости…

Володя просыпался в слезах и плакал. Плакал тихо, чтобы не слышала мать. Слёзы лились ручьём, он не мог их остановить и вытирал, вытирал. Вытирал рукавом, носовым платочком, краем наволочки.

> Зов в памяти моей,
> Зов звёздных витражей.
> В сердце осталась
> Музыка давних дней… —

преследовали и преследовали его слова песни.

Окончания зимних каникул он ждал с нетерпением, и встреча с одноклассниками «вечёрки» несколько развеяла его грусть. Почти все мужчины одиннадцатого класса школы рабочей молодёжи были хоккейными болельщиками. Спорили на переменах, говорили о хоккеистах и командах, за которые болели. Самый старший в классе ученик — пятидесятилетний Василий Савич, кладовщик леспромхоза, — предложил споры упорядочить и «поиграть в прогнозы». Для этого он выписал в тетрадку весь календарь чемпионата страны по хоккею, разлиновал около десятка колонок и стал записывать желающих угадать счёт. Сначала в список Савича попали два добровольца, потом ещё четверо, среди которых был Володя, а когда на уроках вполголоса, а чаще шумно на перемене Савич начислял отгадавшим счёт призовые очки, все пустые клеточки в тетрадке кладовщика быстро заполнились. На стихийном собрании прогнозистов было решено: после окончания чемпионата дружно пойти в поселковое кафе и в складчину чествовать победителя конкурса. У Володи появился новый интерес, он переписал у Савича календарь чемпионата, проставил свои прогнозы и по утрам стал слушать «Маяк». Первое время некоторые прогнозы Володи сбывались, и он даже был в числе лидирующей тройки, но уже во второй половине февраля далеко в отрыв по набранным баллам ушёл Савич. Володя к этому относился спокойно, хотя особо яростные болельщики стали подозревать ведущего дневник прогнозов в махинациях. Впервые публично заявил об этом кочегар поселковой больницы Пётр Михайлович, называемый всеми Михалычем. Михалыч был немногим младше Савича, а потому говорил с ним на равных.

— Чё-то ты там, мне кажется, мудришь, — сказал он однажды после того, как были объявлены результаты очередного тура и Савич записал себе несколько призовых баллов. — Что-то очень часто стал отгадывать. Ты там, случайно, стиральной резиночкой, как у себя на складе, не балуешься?

Возмущённый Савич остаток перемены с жаром убеждал всех собравшихся возле него, что он, «в отличие от некоторых, таскающих к себе вёдрами уголь с государственных кочегарок», никогда приписками не занимался и за двенадцать лет его работы кладовщиком «ни одна ревизия не обнаружила ни одного неучтённого им болта или гайки». На уроке Савич молчал, о чём-то думал, а на следующей перемене поставил вопрос ребром:

— Или все переписывайте прогнозы в свои тетради и ведите параллельный со мной подсчёт, или освобождайте меня от подсчёта вовсе.

Большинством голосов (восемь против одного Михалыча) Савич был оставлен председательствующим конкурса прогнозов, хотя несколько человек всё же решили последовать его предложению и поочерёдно на уроках переписали прогнозы себе в тетрадки. Остальные делать этого не стали, смирившись с тем, что Савич лидерство никому не отдаст.

К апрелю Савич действительно далеко оторвался от преследователей и победил в конкурсе. Отметить его победу решили накануне майских выходных, и вечером в пятницу группа прогнозистов и примкнувших к ним товарищей отправилась в кафе. Событие отмечалось шумно и весело, едва ли не до полуночи. Подвыпивший Савич несколько раз просил развлекающих посетителей музыкантов (двух гитаристов и солиста) спеть им «Трус не играет в хоккей», но те уклонялись, ссылаясь, что не знают ни музыки, ни слов, и пели свои незнакомые учащимся ШРМ песни. В одной из них были такие слова: «Папа подарил, папа подарил, папа подарил ей куклу». Песня эта исполнялась за вечер несколько раз и откровенно раздражала не только Савича и Михалыча, но и некоторых других, более молодых, посетителей кафе. В конце концов захмелевшие посетители стали выражать своё недовольство свистом. Официанты попробовали возмущавшихся успокоить и даже припугнуть милицией, но те не успокаивались («Не на тех напали, мы свои права знаем и всякую муру слушать не желаем»), требовали директора или администратора. Когда же человек, назвавшийся администратором, к ним подошёл, Савич с Михалычем настояли на прекращении музыки и удалении музыкантов со сцены. Музыкантов, под одобрительные возгласы посетителей кафе, после переговоров удалили, после чего удовлетворённая компания всё-таки хором спела «Трус не играет в хоккей». Чествование Савича и торжества отечественного хоккея затягивалось и продолжалось бы до утра, но в половине двенадцатого официанты объявили: кафе закрывают. Неугомонный Савич предложил взять с собой ещё пару литров водки и продолжить банкет у него дома. Инициатива большинством была одобрена, и шумная компания направилась через весь посёлок на одну

из «зоновских» улиц, к дому Савича. По дороге Савич снова затянул было хоккейную песню, несколько человек её подхватили, но пение шло вяло, слова выкрикивались вразнобой. Видя, что патриотический подъём стал затухать, Савич снова не растерялся и неожиданно для всех закричал: «Папа подарил, папа подарил…» — «Папа подарил ей куклу!» — подхватили в порыве все, включая Володю.

Володя впервые в жизни тогда выпил водки и захмелел тоже впервые. Ему было хорошо в тёплой, своей компании, у него приятно кружилось в голове, и он шёл вдохновлённый и радостный по улицам родного посёлка. Но, несмотря на всеобщую эйфорию, компания по мере продвижения редела. Некоторые из её состава, уже сильно захмелев, отставали от общей группы и сворачивали к своим домам. Заметив это, недалеко от своей улицы остановился и Володя. Подумав, что ему, наверное, для первого раза выпитого хватит, он тоже свернул к дому. Отряд под предводительством Савича, казалось, не заметил потери в своих рядах и шёл дальше, продолжая кричать о том, что «папа подарил ей куклу».

Володя тихонько, чтобы не разбудить мать, открыл двери своим ключом и юркнул к дивану. Уснул он быстро, и всю ночь снились ему кафе, Савич с Михалычем, музыканты и официанты, а в ушах и в голове крутилась песня: «Папа подарил, папа подарил, папа подарил ей куклу…»

Наутро Володя чувствовал себя нехорошо. Его тошнило, кружилась голова, и всё время хотелось пить. Впервые в жизни он выпил и теперь впервые болел, что называется в России, «с похмелья». Впрочем, что такое похмелье и как надо похмеляться, он не знал. Узнал позже и потом не один раз в своей жизни проклинал он тот вечер, когда впервые выпил.

Но это было потом, спустя годы. А тогда, едва его отпустила хворь, он с упоением вспоминал посиделки в кафе, разговоры, песню о хоккее и шумную прогулку по улицам посёлка, и не один раз после этого мечтал он посидеть в такой же весёлой компании. В июне такая возможность представилась. Отмечали окончание школы. В честь такого дня его отпустили с работы. Накануне вручения аттестатов староста класса собрал со всех по три рубля. Володя не знал, зачем собирают деньги, но раз надо, то надо — сдал, не задавая вопросов. Вручение аттестатов проходило в кабинете литературы, а после всех пригласили в самый большой школьный класс — кабинет физики, где уже были накрыты столы. И тогда только Володя понял: будет обмывка аттестатов. Директор школы, завуч, все без исключения преподаватели и выпускники — общим числом застольная компания составляла около полусотни человек. Первый тост говорил директор, второй — завуч, на третий было намечено слово классному руководителю, но его опередил быстро захмелевший Савич, начавший свою долгую речь с признания в любви школе, директору, всем поимённо учителям. Потом он перешёл на личности выпускников, начав с девушек и женщин, вспомнил своё детство и, наверное, говорил бы так, не смолкая, до заката солнца, если бы его не остановил завуч, тоже любивший поговорить не только на уроках.

Володя много не пил. После второй рюмочки ему вдруг взгрустнулось — вспомнилась Венера. Ведь она тоже могла быть сейчас здесь. Посидев ещё с полчасика, Володя вышел на крыльцо с группой желающих покурить и незаметно ушёл.

Летом он был занят работой, ходил на тренировки местной футбольной команды, играющей в первенстве района, и два раза тренер выпускал его во втором тайме против футболистов райцентра. Голов Володя не забил, но старался, за что получал одобрение опытных футболистов, говоривших ему, что через год-два он станет хорошим игроком.

Ну а в третий раз случилось Володе сидеть в большой компании и пить водку в октябре, когда в армию забирали первую группу призывников из их посёлка. Володя уже знал, что ему назначено на двенадцатое ноября, и готовился: подписывал обходной в конторе леспромхоза. С подписями не торопился — ходил несколько дней — и однажды, возвращаясь из конторы, встретил возле «зоновского» магазина Михалыча.

— Ну, тебя мне сам Бог послал, — сказал, увидев его, обрадованный Михалыч. — Я сына в армию провожаю — завтра уходит, а мне нужно целый ящик водки взять. Ты помоги мне бутылки по сумкам растолкать и до дому донести.

Они растолкали двадцать бутылок «Русской» водки в четыре небольших сумки и пошли в глубь «зоны», где рядом с трёхэтажными новостройками в своём доме жил Михалыч. Большой каменный дом, с летней кухней и баней во дворе, возводился параллельно с трёхэтажками, скорее всего, из того же кирпича, что и «небоскрёбы», а потому фона не портил, ладно вписываясь в их бело-кирпичное окружение.

Михалыч ещё по пути объяснил Володе:

— Повестку Толику только вчера принесли, что, мол, завтра заберут. Я не поверил, поехал в военкомат, говорю: «Почему такая спешка? Других вон за две недели предупреждают, а моего почему-то срочно: ту-ту — и труба зовёт. Неужто в спецвойска?» А военком мне: «Может, и заберут его в спецвойска, я не знаю, а пока срочно призываем потому, что заболел один из призывников райцентра, который должен был идти в этой команде. Ваш сын был в резерве, его в команду пока не определяли — хотели в конце ноября, если понадобится, призвать». Ну, срочно так срочно — какая разница когда? Всё равно в армию идти надо, раз

в институт не поступил. Поэтому, Вовка, и срочно водка в таком количестве нужна.

Рыжий Толик, сын Михалыча, был Володин одногодок, но учился на класс младше. Володя его знал и несколько раз встречался с ним на футбольном поле, когда мальчишки их улицы играли против «зоновских».

В доме столы были накрыты, народ слонялся по двору и сидел на крылечке. Женщины лузгали семечки, мужики курили. Ждали водку. Собравшихся проводить Толика, по поселковым меркам, было достаточно—около полусотни. Володя встретил некоторых педагогов и учащихся «вечёрки». Был и Савич, приветливо помахавший Володе, когда всех пригласили за стол.

В тот вечер Володя впервые напился до беспамятства. Как это получилось, он не мог потом понять. Помнил, что выпил две-три рюмки «под тост», когда говорили сначала Михалыч: «Служи, сынок, не подводи»,—потом Савич: «Давай служи, Толян, как надо, не подводи отца»,—а затем и сам призывник. Призывник просил женщин не плакать: «Не на войну иду»,—и призвал всех к танцам. Танцевали между стоящими вдоль стенок столами. Володя тоже выходил в круг, потом подсел к Савичу, и они выпили. Потом его потянул к себе Михалыч, и они тоже выпили. После Володя выпивал с призывником и его приятелями, потом с какими-то приехавшими из райцентра девчонками. В общем, пришёл в себя он на веранде, лежащим на старом диване. Проснулся оттого, что замёрз. Возле дивана на полу лежали Савич и ещё какой-то мужик. Над дверью горела тусклая лампочка, а из дома доносились голоса. Володе было дурно. Тошнило, кружилась голова. Он поднялся и хотел было выйти во двор, но, перепутав двери, вошёл в дом. За столом сидело несколько человек во главе с Михалычем. Увидев Володю, хозяин, подняв руки над головой, захлопал в ладоши и приветливо, даже радостно поманил гостя:
—Давай, дорогой, иди сюда. Сейчас мы тебя опохмелим.

Володя замахал в ответ руками, думая отказаться, но не тут-то было. Михалыч поднялся из-за стола, взял его за руку и посадил рядом.
—На, садани полстакана самогоночки, голова на место встанет,—Михалыч налил из бутылки пахнущей до тошноты жидкости, подвинул стакан Володе.—Выпей залпом, не нюхая и не думая ни о чём,—враз полегчает. Годами на себе проверено.
—Полегчает, полегчает…—закивали сидящие напротив них мужики.

Привыкший верить старшим, Володя взял стакан и сделал так, как сказал Михалыч,—выпил не думая.
—Ну и молодец,—одобрил Михалыч, глядя на морщившегося Володю и подвигая ему закуску.—На вот огурчики, грибочки, закуси сразу.

Володя почувствовал, как обожгло у него всё внутри, схватил руками маленький огурчик и стал быстро жевать.
—Теперь точно жить будешь,—Михалыч похлопал гостя по плечу.—Минут через десять прими ещё, и обязательно полегчает.

Мужики о чём-то заговорили, а Володя действительно почувствовал облегчение и вторые полстакана выпил уже безбоязненно.

Пил ли он в третий и в четвёртый раз, Володя потом не мог вспомнить. Он снова очнулся на диване, когда уже было светло. Его растолкали. Все уходили провожать призывника. Володю штормило, рвало. Он отстал за оградой от весело шагавшей к автостанции компании и пошёл домой. По пути несколько раз останавливался, не в силах сдерживать в себе рвущуюся из него стихию.

Мать была на ферме, и Володя, укрывшись с головой и ногами, лёг на диване. Мать пришла после обеда, посмотрела на сына, покачала головой, а потом принесла ему капустного рассола. Володя выпил и снова укрылся. Сна не было, его постоянно подташнивало, и он то и дело говорил сам себе, что пить больше в жизни никогда не будет. Знать бы ему тогда, что это было лишь начало и та похмельная болезнь его не была такой уж большой бедой. Все беды его придут позже, и все до одной—через начинающуюся вроде бы безобидно весёлую попойку.

Года полтора после этого Володя действительно не пил. Помня похмелье, он воздержался от выпивки на своих проводинах, которые прошли, конечно же, не так размашисто, как у сына Михалыча. Но человек двадцать и у него было. Родственники матери, Михалыч с Савичем, приехавший из техникума Санька Чугунок. Заглянул к ним и Балабол—выпил пару рюмок и говорил до полуночи без умолку. Мать, Санька Чугунок и ещё несколько материных родственников поехали проводить Володю в райцентр, на вокзал, и когда новобранцев посадили в вагон, долго махали ему, пока поезд не отправился. Володя смотрел на них из окна и тоже махал. Он заранее тосковал по всем своим родным и знакомым, по посёлку, по Венере, но всё же уже жил предчувствием перемен и новой надеждой.

Впервые за восемнадцать лет своей жизни он оказался вдали от дома, от матери, от родных, приятелей и знакомых. Перемена пугала своей неизведанностью и радовала возможностью побывать в других краях, посмотреть на новых людей. Володя попал сначала в учебное подразделение, а через полгода, наводчиком орудия средних танков, был направлен в числе других выпускников «учебки» в Забайкалье, на самую границу страны, в недавно созданную там воинскую часть. Нельзя сказать, что всё у него складывалось вдали от дома хорошо и гладко. Были трудности, связанные

с переменой образа жизни. Особенно первые дни и даже месяцы. Но ничего, вытерпел, втянулся. В новой воинской части по сравнению с учебной было меньше муштры и разного рода построений, но зато больше выходов в караул, нарядов по кухне, выездов на учебный полигон. Выезд на полигон считался праздником для солдат и сержантов. Особенно когда дело не было связано со стрельбами. Полигон расширялся—строились новые командные пункты, копались траншеи. Как правило, с апреля по октябрь на полигоне постоянно жили в палатках по двадцать военнослужащих срочной службы и один офицер. Работа продвигалась медленно—не хватало то кирпича, то цемента, и многие дни солдаты занимались лишь тем, что играли в футбол, готовили завтраки, обеды и ужины, ходили по ягоды, за грибами и едва ли не каждый день топили баню, парясь до одурения. На втором году службы Володя практически не выезжал с полигона. Работал на прокладке кабеля и установке подъёмников для мишеней. Вместе с приятелем по учебной части, никогда не унывающим татарином Юркой Мадзагировым, они, бывало, оставались на полигоне вдвоём, когда «полигонщиков» по каким-либо причинам вывозили в часть. Общаясь с приятелем, Володя отмечал про себя некую похожесть в поведении Юры и Венеры, невольно вспоминал Венеру, думал: как она там, в Татарстане? Воспоминания наводили грусть, и Володя, когда было невмоготу, уединялся. Бродил по окрестным сопкам и околкам или читал книги. Конечно же, странности его не могли остаться незамеченными, и однажды, глядя на тоскующего приятеля, Юрка к обеду достал из своего тайника бутылку «Русской» водки. Они выпили, закусили тушёной говядиной из банки, поговорили о футболе, кино, вспоминая фрагменты шукшинских фильмов «Печки-лавочки» и «Калина красная», громко смеялись. Захмелели они быстро, бодрости и веселья добавилось, но быстро и поняли: одной бутылки им маловато. Юрка снова полез в свою заначку, сообщив, что припасал ко дню рождения—к двадцатилетию, но «раз пошла такая пьянка»…

В ту ночь Володя во сне снова видел Диму-Робертино. Впервые за время службы. Возмужавший Дима пел в небольшом заведении—скорее всего, кафе или ресторане:

Лети, мой конь, лети
За синие моря,
Пока хватает сил,
Пока горит заря.

Дима был одет в простенький клетчатый пиджачок, из-под которого торчал ворот бордовой рубашки без галстука. Две девушки в коротких платьицах стояли чуть поодаль и подхватывали:

Лети, мой вороной,
За облачную даль.
За дальней стороной
Живёт моя печаль.

Вид у Димы был весёлый, но Володя почувствовал, что его что-то тревожит, что переживает он не лучшие свои времена.

Дима пел радостно и улыбался. Весело играли музыканты, веселилась публика и хлопала в ладоши.

А потом…

Потом Володя увидел серьёзного человека, грозно отчитывающего Диму и говорившего, среди других слов, такие: «Талант загубить просто, сохранить—нелегко… Подумай об этом…»

Дима соглашался, кивал, а потом снова пел, и снова—в том же заведении:

Оседлаю вороного поутру…
Напослед пройду по отчему двору.
Не печалься, мать, о сыне,
Если сгину на чужбине.
Бог не выдаст,
Так и я не пропаду…

Володя проснулся. В палатке было уже светло, но песня не кончалась.

А пока неси меня, мой вороной,
По туманам над высокою травой,
Над горами, облаками,
Сколько мы с тобой искали.
Выручай в последний раз меня, родной.

Песня вырывалась из Юркиного транзистора. Пел Муслим Магомаев.

Лети, мой вороной,
За облачную даль.
За дальней стороной
Живёт моя печаль.

Юрка же стоял у входа палатки. Гудела разожжённая печурка, сотворённая умельцами из толстой стальной трубы, поставленной на землю «на попа», на приваренный к ней стальной прямоугольник. Подожжённая солярка, наливаемая в печурку через отверстие-воронку, накаляла трубу до красноты от воронки почти до середины. Ярко-красной труба была особенно в том месте, где были проделаны по кругу несколько отверстий, через которые поступал воздух. Этот придуманный кем-то способ обогрева был прозван военными «Поларисом», в честь американской ракеты. Видимо, начинённая горящей соляркой печка-труба гудела так же, как ракета при запуске.

—Дождик, падла, закапал,—увидев, что Володя проснулся, сказал Юрка.—Чё делать-то будем? Сегодня воскресенье. Наши только завтра к обеду,

не раньше, из части доберутся. Может, мне в деревню сходить, продать тушёнку да ещё водки взять?

Володя не возражал. Юрка накинул плащ-палатку, уложил в вещмешок с десяток банок тушёной говядины и отправился в поход за двенадцать километров, в небольшое село с популярным в России названием—Солонечное.

Володю немного мутило от вчерашней выпивки, а потому он, умывшись и добавив в «Поларис» солярки, снова прилёг на нары. Транзистор был включён. Шёл концерт по просьбам трудящихся. Снова объявили песню в исполнении Муслима Магомаева. «Элегия»,—объявил диктор, и вдруг…

Нет солнца без тебя,
Нет песни без тебя.
В мире огромном
Нет без тебя тепла…—

вырвалось из эфира и понеслось по палатке, встрепенув память, заставив сбиться с ритма сердце и разбудить чувства.

Промокший Юрка пришёл часа через три. Принёс две бутылки водки, помидоров, огурцов, редиски.

— Мне дедок один прямо с грядки огурцы и редиску дал,—пояснил приятель.—Я к нему к первому подошёл: смотрю, мужик в огороде под дождём что-то ковыряется—я к нему. Показал тушёнку, он торговаться не стал—согласился на литруху, овощей дал, а ещё его бабка меня окрошкой угостила. Хорошая, холодненькая такая. На квасе.

— А что с собой не принёс?—попробовал улыбнулся Володя.

— Да не во что налить было!—продолжив шутку товарища, сверкнул глазами довольный Юрка.

После первой стало теплее. После второй ударились в воспоминания о жизни на гражданке. Причастившись к стакану в третий раз, Володя разоткровенничался и рассказал приятелю о своей несостоявшейся любви.

— Да-а!—выпив и закусывая огурчиком, произнёс Юрка, выслушав рассказ о Венере.—Мы, татары, люди злые—у нас ножики большие. Это так мой дед говорил, когда пошутить хотел. У нас в семье никто не настаивает, чтобы женились на своих девчонках, но есть, знаю, такие, кто только на своих. Этот Роман, видать, тоже из них.

Юрка налил ещё по одной.

— А я рад, что никого себе до армии не завёл,—сказал он.—Думай о них ещё. А как кого встретит и вильнёт хвостом? Тут и в жизни разочароваться можно. Правда? Ты же почти разочаровался?

— В любви, а не в жизни,—уточнил захмелевший уже Володя.

Открывая вторую бутылку, они перешли на анекдоты и шутки. Первым полез отдохнуть на топчан Юрка, а Володя пару раз подливал ещё солярки в «Поларис», а потом тоже прилёг.

Заснули они крепко и не слышали: как кончился дождь, как перестала гудеть труба в потухшем «Поларисе», как подъехал к палатке ГАЗ-66.

Не разбудил, а растолкал их и привёл в чувство командир роты, приехавший с несколькими солдатами ближе к вечеру. Как понял приходящий в сознание Володя, ротный приехал оценить готовность полигона к предстоящим стрельбам и был сильно удивлён, увидев водку, закуску и спящих нетрезвых солдат. Рассвирепевший старший лейтенант, быстро дав распоряжения остающимся на полигоне бойцам, приказал провинившимся приятелям собрать вещи и следовать к машине.

— Вы у меня больше полигона не увидите!—кричал он.—До конца службы будете дневальными по роте. Днём и ночью к тумбочке прикованными стоять будете! Про знаки «Отличник боевой и политической подготовки» забудьте, и звания сержантов перед дембелем вам не видать.

Сержантов приятели действительно не получили и первую неделю после прибытия в роту были бессменными дневальными. Но потом ротный остыл и под конец службы выдал им знаки отличников. Казалось, он забыл о проступке своих солдат, но это только Володе казалось. В этом он убедился, когда на полк пришла разнарядка из Москвы. Набирали добровольцев—увольняющихся в запас воинов—на строительство Олимпийской деревни. Страна ждала Олимпиаду, а строителям обещали после окончания игр жильё и московскую прописку. Володин знакомый, можно сказать—тоже приятель, писарь из штаба, вписал было его в список претендентов, но когда дело дошло до командира роты, фамилию Володи вычеркнули. И вместо столицы отправился он после увольнения в родной посёлок.

А возвращаться не очень хотелось. Да, он скучал по матери, по двоюродным братьям и сёстрам, по посёлку, но осознание того, что больших перемен, на которые он надеялся, не случилось и снова придётся вернуться в маленький материн домишко, в автомастерскую леспромхоза, к привычной доармейской жизни, тяготило. Он предчувствовал: если вернётся домой, в родной посёлок, то не вырвется из него до конца жизни.

Перед увольнением в запас, примерно за неделю до отъезда из части, Володе снова приснился сон про певца Диму.

Дима пел в опере. Огромная сцена большого города расстилалась перед ним; вокруг сновали актёры в дорогих костюмах, играя свои роли; громадный, полный зрителей зал то замирал, то взрывался аплодисментами. Дима пел на иностранном языке, наверное итальянском, и город, в котором он пел, был, скорее всего, итальянским. Володя видел близко лицо Димы—довольное, со скрытой улыбкой, и его глаза—сияющие и восторженные.

Володя был рад за него, и даже мысль, крутившаяся в это время в голове, подталкивающая к зависти, не омрачала радости.

«А ведь это мог быть ты, мог быть на этой сцене, и все эти восторги и всплески могли быть для тебя… Ты же нисколько не хуже его! Ты мог петь ещё лучше, чем он, но ты спрятал, зарыл свой талант, и теперь его не выкопать! Время ушло! Ушло от тебя к нему. Тебе никогда не достичь успеха! Никогда и ни в чём…» — внушал ему, говорил на ухо, наращивая и наращивая тон, потусторонний голос, но Володя заглушал его улыбкой и победил. Голос умолк, а Володя проснулся счастливым и гордым, довольным, будто не приснившийся ему певец Дима, а он сам только что пел на самой престижной оперной сцене мира.

Задумывался ли он в те годы: почему сон про одного и того же человека снится ему постоянно и не хочет отпускать? Скорее, не задумывался. Удивлялся, бывало, от неожиданности приснившегося, думал о мальчике, а потом о юноше и молодом человеке всегда легко и с удовольствием и иногда, бывало, ждал и хотел, чтобы Дима снова приснился ему, а он ещё раз порадовался бы его новым успехам. И он каждый раз радовался, когда это случалось, и каждый раз кто-то невидимый внушал ему, что Дима занимает его место, что все успехи юного артиста только оттого, что он, Володя, отказался тогда петь в школе…

Внушение и самого внушителя из мира снов Володя тоже воспринимал с улыбкой, считая успехи Димы ненастоящими, сонно-сказочными, но хотел, чтобы сны-сказки не кончались.

И они продолжалась. Время от времени он видел в своих снах уже взрослого человека, опытного певца, исполняющего арии из опер или популярные песни на концертах. Чаще слушал, не вдаваясь в смысл, ловил восторженный миг происходящего, и чувства переполняли его. Бывало, он просыпался с заплаканными глазами, но лёгким сердцем, бывало — возбуждённым и готовым творить хорошие дела всем без исключения людям Земли. Но иногда, как в детстве, он запоминал слова из арий и песен, а потом, услышав их по телевизору или радио в исполнении известных артистов, переживал двойственное чувство. Восторженная душа его хотела воспринимать только Димин голос, только его исполнение.

И иногда, подвыпив, он возмущался и кричал в экран телевизора:

— Вам что, других песен мало? Что вы парню дорогу переходите?

С годами, сначала вроде бы ровно идущими, а потом словно побежавшими вперёд и мало что меняющими в его жизни, пить стал он чаще. Ещё более зачастил, когда началась в стране перестройка, а после смерти матери уже и не представлял свою жизнь без выпивки.

Пиноккио встрепенулся. Короткая дрёма вновь отступила.

Возгласы «браво», завалы цветов на сцене, огни юпитеров — всё снова растворилось в неярком свете бьющей из кухни лампочки. Пропавшие видения были настолько яркими, что казались реальными, такими же, как комната, диван, неяркий свет. Пиноккио не сомневался: это он стоял сейчас на сцене, и цветы, и возгласы, и всё, что ни происходило там, было для него. Только для него и ради него.

Пиноккио повернулся на спину, подтянул телогрейку ближе к подбородку, стараясь согреться.

«Раздвоение…» — мелькнула не пугающая его мысль.

«У тебя раздвоение личности… — так сказала ему Венера, когда он признался ей, что видит сны про оперного певца. — Тебя психологу бы показать хорошему. Не нашим, наши точно в психушку упекут…»

«Так это я от Венерки вчера бутылку спрятал… — вспомнил Пиноккио. — Она же вчера заходила… Хлеба принесла, крупы гречневой, сала… Да, ещё денег немного дала из моей пенсии!»

Мысль о нерастраченных ещё деньгах согрела озябшего было Пиноккио, и он, отбросив телогрейку, шустро соскочив с дивана, кинулся на кухню, к вешалке, к старой замусоленной курточке, сунул руку во внутренний карман.

«А! Есть! — рука нащупала несколько бумажных купюр, немедленно извлечённых на свет. — Молодец, Венерка! Венерочка!»

Венерка-Венерочка встретилась ему через шестнадцать лет после их прощального вечера. Она вернулась в родные места из Набережных Челнов с двумя детьми, похоронив мужа. Он встретил её в «зоновском» магазине и — сильно изменившуюся — едва узнал. Из весёлой, улыбающейся девчонки Венера выросла в статную серьёзную даму. Работала она в районном центре, в службе социального обеспечения, и в то время организовывала филиал службы в их посёлке. И она едва признала в небритом, небрежно одетом человеке его. Он, тогда ещё Володя-Вован, уже был без работы и уже пил безостановочно, при любой возможности. Напивался до потери сознания, спал под забором. Его дважды по статье увольняли из автомастерской, и он, чтобы как-то прожить, а главное — выпить, продал, обменял на спирт немногие материны золотые украшения, старинный комод и ещё кое-что по мелочам отдал за выпивку спиртоторговкам. А ещё он, не брезгуя ничем и не стесняясь никого, нанимался на работу за бутылку, а то и за стакан спиртосодержащей жидкости и даже, бывало, ходил по домам торгашек, клянча выпивку в долг.

Однажды, зайдя по старой памяти в автомастерскую, неожиданно наткнулся на небольшой

«сабантуй» по случаю дня рождения старшего мастера Виктора Петровича. Петрович был лет на пять старше его и работал в мастерской всю свою жизнь. Не один раз по молодости бывал Володя-Вован и у него дома, и приглашался даже в былые годы на дни рождения мастера, а потому, увидев накрытый стол, загорелся, надеясь, что по старой памяти ему здесь нальют. И действительно, Петрович ему налил. И действительно — по старой памяти. Выпив, он сказал хорошие слова в адрес именинника. Именинник расчувствовался: «Спасибо, Володя!» — и налил ему ещё. Он выпил ещё, но уходить не торопился, надеясь на добавку. А компания уже не обращала на него внимания. Все с интересом слушали молодого, успешного сына Петровича, открывшего недавно в райцентре автомастерскую, уже принёсшую прибыль. Как понял Володя-Вован, сынок и был организатором стола в честь дня рождения отца. Начинающего успешную карьеру предпринимателя Вован знал ещё малышом, а потому, не стесняясь, перебил организатора застолья:

— А ещё можно выпить?

Молодой, но уже привыкший к уважению владелец автомастерской недовольно посмотрел на незваного гостя и сказал так, как говорил бы совершенно незнакомому человеку:

— Слушай, мужик, по-моему, тебе уже пора. Пить, как я погляжу, тебе вредно. У тебя от постоянного запоя рожа скукожилась, а нос как у Буратино торчит. Ты давай двигай на малых оборотах в сторону дома да проспись хорошенько.

Сказав это под одобрительные ухмылки участников застолья, сын старшего мастера продолжил было рассказ о своём предприятии, как был снова прерван.

— Налейте, и я сразу уйду, — сказал настойчиво и громко Володя-Вован, выводя владельца мастерской из себя.

— Ты что, мужик, борзеешь? — вскричал организатор застолья, подбегая к обнаглевшему, на его взгляд, человеку. — Сказано тебе — иди, значит, отваливай!

Молодой и здоровый сын старшего мастера, схватив за плечи, развернул обнаглевшего незваного гостя, слегка подтолкнул его к выходу и с силой дал ему пинка.

— Вали отсюда, Пиноккио! — крикнул он, и все до одного собравшиеся в мастерской вокруг богато уставленного выпивкой и закуской стола, кто веселясь, а кто сострадая, в один миг поняли, что «пинок» и «Пиноккио» — в данном случае однокоренные слова.

В голове оскорблённого неожиданным действием всё закружилось и завертелось, перед глазами замелькали события прожитого, всплыло лицо учителя пения — такое же разъярённое, и пинкарь, полученный от педагога за углом школы много-много лет назад, снова настиг и обжёг его память. Нет, не этот пинок молодого подонка, а именно тот — пожилого подлеца, бывшего зека, после которого он, Володя-Вован, похоронил свой талант или, в худшем случае, свои способности, — всплыл в его сознании горькой обидою, привёл в негодование, и он вдруг понял, что не будь в его жизни того зековско-учительского пинкаря, не было через много лет бы и пинка этого — глупо-предпринимательского.

А разъярённого молодого сына, рвущегося было добавить позорно изгоняемому, укротил всегда бывший и оставшийся сердобольным Петрович. Он налил полстакана водки, догнал уходящего Вована, заставил выпить, а затем проводил за ограду мастерской.

Весь вечер и всю ночь Володя-Вован не мог успокоиться. И хотя выклянчил у соседки ещё полбутылки спирта, хмель не брал его. Вспоминались прожитые годы и такой длинный-короткий период — от пинкаря до пинкаря. И спрашивал он то ли себя, то ли судьбу: почему и зачем так у него в жизни? И тогда впервые, ещё издалека и туманно, не веря в это сам, он подумал о том, что все беды его идут от настойчиво продолжающихся снов про оперного певца Диму. Дмитрия. Это из-за них и из-за него, солиста Димы-Дмитрия, он перестал петь в школе и всё у него пошло наперекосяк. Ни в армии, когда набирали строителей Олимпийской деревни, ни потом, когда армейский приятель Юрка звал его с собой — наняться матросом в торговый флот, он не мог поменять своей судьбы. Всё время находились причины, не отпускающие, не позволяющие ему сделать перемены. Когда собрался на флот, сильно заболела мать. А потом, когда тот же Юрка познакомил его со своей двоюродной сестрой — симпатичной Катей, показалось: наконец-то жизнь начинает меняться…

Катя жила в райцентре, заканчивала торговое училище. Они подружились и дружили несколько месяцев, до наступления Нового года. Володя несколько раз приглашал её к себе домой и даже познакомил с матерью. Новый год они решили встретить у Кати, и Володя поехал в райцентр. Юрка как раз был на побывке и всячески содействовал укреплению его дружбы с сестрой. Правда, до того как пойти к сестре, однополчане сняли пробу с Юркиного самогона-первача у его домашней ёлочки, потом выпили по рюмке водки с весёлой компанией возле ёлки поселковой, потом у ёлки в Доме культуры, и уж после того Юрка доставил приятеля на Катин новогодний огонёк. Естественно, приятель был уже неспособен на взаимопонимание, не помнил, как встретил Новый год, а утром, проснувшись на диване в незнакомом доме, был сильно удивлён, увидев заплаканную Катю, не желавшую с ним даже разговаривать. Что произошло между ними, какой

разговор, как ни старался, не вспомнил он ни тогда, ни потом, и на этом отношения молодых людей, по сути и не начавшиеся, закончились.

Больше попыток заводить серьёзные знакомства с девушками Володя не делал. Не стремился делать. И не потому, что решил прожить холостяком. Никаких зароков он себе не давал, а не случались отношения его с женщинами потому, что им не оставалось места в Володиной жизни. Он стал всё чаще и чаще, по поводу и без повода, пить водку, вино, самогонку, а потом и спирт. Вначале, правда, только по поводу. В той же автомастерской, куда вернулся после армии и где его с радостью приняли, время от времени перепадала неплановая работа—ремонт автомобилей частников. Так называемый калым. Начальство смотрело на такой приработок своих подчинённых спокойно. Более того, и заведующий мастерской, и даже сам директор леспромхоза нередко отправляли клиентов в автомастерскую. Естественно, каждая такая работа заканчивалась небольшим застольем. Тот же Петрович, будущий мастер, бывало, находил желающих отремонтировать «жигулёнка» или «москвичок» и сам брался за газосварку.

Выпивки учащались и с каждым разом давались Володе тяжелее. Если Петрович и другие работники мастерской после удачно отмеченного калыма приходили на другой день на работу как ни в чём не бывало, то он мучился похмельным синдромом. Болел. Вначале его понимали, даже сочувствовали, но попытки отказываться от застолья вызывали веселье и шутки товарищей по работе. «Пей тут, с собой не дадим!»—говорил тот же Петрович под общий хохот. Сезона три после увольнения из армии Володя играл за местную футбольную команду. Ходил на тренировки. Но и там сначала—после нечастых побед поселковых футболистов над райцентровскими—дело заканчивалось коллективной выпивкой, потом выпивка стала организовываться и после поражений команды, а затем и вовсе после тренировок. Первые серьёзные проблемы со здоровьем появились годам к двадцати пяти—боли в желудке, тяжесть в печени.

Начавшаяся в стране перестройка и борьба с пьянством подвигли его, как и многих любителей спиртного, находить новые способы добычи алкоголя. В ход шли аптечные настойки и бытовая химия—стеклоочистители, технический спирт. Алкогольная зависимость возрастала, болезни подступали. На третьем году перестройки неожиданно умер Санька Чугунок. Санька работал мастером в профтехучилище, был уважаемым человеком, нередко угощал друга детства водкой и так же нередко удерживал его от выпивки. Умер Чугунок как-то нелепо: пришёл домой, поужинал, лёг на диван и больше не встал. Остановилось сердце. Примерно за год до смерти Саньки так же неожиданно остановилось сердце его матери, а года два спустя после смерти младшего сына умер и Балабол. На том же самом диване, что и Санька. В начале девяностых, после долгой болезни, оставив сыну маленький домик и всё, что она скопила за годы жизни, ушла в лучший мир и мать Володи. Тётки и дядьки, а также оставшиеся здесь двоюродные сёстры после похорон ещё дальше отодвинулись и почти не общались с ним. Да и он к ним старался без нужды не ходить.

Вылетев с работы в первый раз, а потом и во второй, в поисках выпивки Володя-Вован обхаживал посёлок. Поначалу ему сочувствовали и наливали старые знакомые—постаревшие Савич и Михалыч. Но меняющаяся в стране обстановка влияла на жизнь людей, на их отношения друг к другу и на здоровье. Савич сильно болел, Михалыч был покрепче, но уже не всегда радостно открывал ворота своего дома перед одноклассником по вечерней школе.

В это вот время и встретилась ему снова Венера и попыталась повлиять на его судьбу. И он, вначале обрадованный встречей с ней, ожил было, попробовал переменить образ жизни, но не смог. Венера оказалась более настойчивой. Она опекала его, помогала во всём, поставила на учёт по безработице, выбила ему денежное пособие. Но личные отношения их не складывались—очень уж стали они разными за время, проведённое вдали друг от друга. Поняв наконец, что совместной жизни у них не получится, Венера всё-таки не оставила его, опеку и постоянные визиты к нему не прекратила. Она возилась с ним, как с ребёнком: носила продукты, получала его пенсию и выдавала ему частями.

А в тот вечер после обжигающего душу пинка, полученного в своей родной автомастерской, и бессонной ночью, последовавшей за ним, он окончательно понял, что ему уже не подняться и ничего не изменить. Под утро смирился с этим и уже соображал, где сегодня найти на выпивку.

А наступившее после осознания утро и последующий день уже приготовили ему другое имя. Инцидент в автомастерской получил огласку, и слово «Пиноккио», брошенное молодым бизнесменом, вначале как бы невзначай прицепилось к Вовану, а затем приросло, прижилось и вытеснило и его имя, и даже фамилию. Не прошло и двух недель, как весь посёлок, от великовозрастных до малолетних жителей, стал звать его Пиноккио.

Пиноккио отложил деньги, предназначенные на спирт, сунул их в карман куртки, надел её, засунул, кряхтя, ноги в непросушенные сапоги и, накинув капюшон на голову, вышел на крыльцо. Мелкий дождь сыпал с неба сплошной стеной, казалось, мешая наступить рассвету, но свет проступал сквозь водную стену и, касаясь земли, делал воздух прозрачным, а предметы видимыми. Пиноккио

осторожно спустился по мокрым некрашеным ступенькам крыльца и направился к воротам. Из будки бросился было к нему дворовый пёс по кличке Кирилл — Киря, как звал его Пиноккио, — попрыгал на задних лапах, стараясь грязными передними обнять хозяина. Хозяин от объятий пса отбился и спросил:

— Ну, ты со мной?

Пёс глянул исподлобья на человека, вильнул хвостом и пошёл обратно в будку.

— Не по пути, значит, — сделал вывод Пиноккио, открывая скрипучие ворота.

Путь его лежал почти в самый конец улицы, где жила круглосуточно торгующая спиртом пожилая, но моложавая на вид женщина, известная среди алкашей, милиционеров и борцов со спиртопродажей как Колесуха.

Пиноккио шёл по краю дороги, стараясь обходить лужи, в который раз подмечая, что ступни его ног непроизвольно выворачиваются в стороны и походка его похожа на чаплинскую из немого кино. Походка эта выработалась у него как-то сама собой. Впрочем, и сутулость появилась тоже не по его желанию. Не знавшие Пиноккио и встретившие его впервые навряд ли могли поверить, что этому постаревшему на вид человеку нет ещё и пятидесяти, а то, что когда-то он был стройным юношей, лихо гонявшим мяч на поселковом стадионе, не верилось уже и знающим его многие годы людям.

Дом Колесухи — по правой стороне, мимо никак не пройти: большие железные зелёные ворота, а на них жёлтые петухи с красными гребнями. Пиноккио настойчиво постучал. За оградой сначала лениво залаяла собака, потом, было слышно, скрипнула дверь.

— Сейчас, иду! — крикнули с крыльца.

Дождь не переставал, шёл монотонно — не усиливаясь и не затихая. Пиноккио поёжился, сжал в карманах руки в кулаки.

Колесуха, в лёгкой ветровке и с зонтиком в руке, вышла к нему минут через десять.

— Чё стучишь-то? — спросила она без злобы в голосе. — Звонок есть — вон, справа: позвони, и выйду. Для кого я его поставила?

— Извините, не заметил… — оправдался Пиноккио, глядя на не потерявшую красоту дородную женщину с блеском в глазах.

«Наверное, от хорошего питания она остаётся вот уж несколько лет такой», — подумал он.

— Да чё вы замечаете? — махнула Колесуха и улыбнулась своей неотразимой улыбкой на красном полном лице, спросив уже по делу: — Сколько тебе?

— Пол-литра неразведённого… — ответил он, протягивая деньги.

— Да у меня разведённого не бывает, — снова без обиды в голосе возмутилась было спиртоторговка. — Это вас бабка Нюрка к разведённому приучила, а у меня товар прямо с завода медицинских препаратов, качественный. С одной поллитры больше литра сорокоградусной получается. Не боишься от такой дозы окочуриться? А то стоишь тут, как труп ходячий… Совсем дошёл… В чём душа-то ещё держится?

— Да держится ещё… Не окочурюсь… — крякнув, сказал Пиноккио.

— Смотри, а то опять по участковым меня таскать начнут. А я виновата? Я чистым торгую, а вы где-то суррогаты по дешёвке берёте, а потом ласты заворачиваете…

Колесуха взяла деньги, пересчитала, спрятала в карман.

— Ладно, жди… Щас вынесу…

На обратном пути Пиноккио ещё тщательнее выбирал дорогу, обходил лужи и грязь, неся за пазухой, во внутреннем кармане, драгоценную бутылку. Улица была пустынна. Владельцы крупнорогатого скота сезон выпаса уже закончили и коров больше по утрам не выгоняли, а переживающий тяжёлые времена леспромхоз работал время от времени, и потому не сновали теперь день и ночь по улицам лесовозы, не месили грязь, и не ревела на весь посёлок пилорама.

Недалеко от перекрёстка с центральной улицей Пиноккио заметил человека в брезентовом плаще, с маленьким чемоданчиком в руке, и узнал в нём бывшего ветеринарного врача.

— Дмитрий Васильич, ты откуда так рано?

— Привет, Володя! — узнав его, обрадовался ветврач, второй и последний после Венеры человек в посёлке, ещё звавший Пиноккио по имени. — Да был тут у одних — корову смотрел, заболела. А ты куда торопишься?

— Да затарился бутылочкой. Не хочешь согреться?

— Можно было бы, да, боюсь, жена ворчать начнёт… С утра, мол, пьёте… — замялся Васильич.

— А мы ко мне пойдём. Правда, у меня с закуской напряжёнка…

Дмитрий Васильевич ненадолго задумался.

— Ну как? — подтолкнул его мысли Пиноккио.

— Давай так: ты иди, а я сейчас посмотрю в холодильнике на веранде, прихвачу что поесть и приду.

— Хорошо. Буду ждать…

Прибежав домой, Пиноккио, не снимая куртки, раскупорил бутылку, налил чуть меньше полстакана, разбавил до полного водой из чайника и, по привычке осенив себя крестом, выпил залпом.

Жгучий напиток, проникая в организм, перекосил ему лицо. Голова Пиноккио прижалась к плечам, руки — к груди, а бедный желудок снова начал защищаться. С минуту Пиноккио стоял неподвижно, потом, разжав руки, схватил со стола недоеденный огурец, сунул в рот и прямо в сапогах прошёл в комнату, сел на диван.

«Не обманывает Колесуха. Зверский напиток. А если не разбавляя выпить — точно окочуришься».

Посидев немного, он почувствовал знакомую удовлетворённость от примирения спирта с желудком и хотел было взяться за растопку печки, но за дровами нужно было идти в сарай, и он решил подождать Васильича.

Васильич пришёл через полчаса. Пёс Киря пропустил его без лая, узнав в нём уже бывавшего здесь гостя. Дмитрий Васильевич был добродушным человеком, каких Пиноккио знал в своей жизни немного. Несколько лет он работал главным ветеринарным врачом района, потом — то ли из-за мягкости характера, то ли по каким-то другим причинам, — его понизили в должности и отправили к ним в ветучасток. С середины восьмидесятых Васильич жил в посёлке. Добродушный, отзывчивый, а главное — отличный ветврач, он сразу же был признан и на ферме, и в личных подворьях. По первой просьбе он приходил посмотреть на больных животных. При осмотре разговаривал с ними ласково, поглаживал по спинке и брюшку, если надо — ставил уколы и давал дельные советы по уходу хозяевам. Несколько раз по приглашению матери был Васильич и в их доме — лечил корову, приносил лекарства. Уже после смерти матери Пиноккио водил на приём в ветучасток заболевшую чумкой собаку Найду, давшую впоследствии среди потомства и пса Кирю. Как-то, встретив у магазина, пригласил Пиноккио Васильича к себе на рюмочку. Тот не отказался, а потом заходил ещё пару раз. А было дело, Пиноккио ходил к ветврачу — занять на бутылку. Когда ветучасток в посёлке закрыли, Дмитрий Васильевич лишился должности, но не профессии. Доктор по призванию, он не мог усидеть без дела — лечил по подворьям коров, баранов, свиней, лошадей и даже курей с гусями.

— Да тебе, я вижу, не только закуску — дров надо было охапку захватить, — сказал, доставая из матерчатой сумочки на стол домашнюю колбасу, хлеб, тушёнку, ветврач.

— Да есть дрова, Васильич, принести надо из сарая охапку берёзовых… — отозвался Пиноккио.

— А раз есть — неси. Не то, друг мой, мы с тобой околеем тут — раз, и заболеем — два.

Пиноккио, кряхтя, поднялся. Его немного качнуло, в голове приятно кружилось — спирт уже начал своё действие.

Пока Пиноккио ходил за дровами, ветврач нагрёб из поддувала полведра золы, почистил и в печи.

— Этого мало будет, — определил Васильич, когда Пиноккио бросил возле печи несколько поленьев. — Надо протопить как следует. Сходи ещё разок, а я растопить попробую.

Выходя во второй раз за дровами, Пиноккио прихватил кусок зачерствевшего хлеба, сальные шкурки и отдал их прыгающему возле него псу Кириллу. Когда он принёс дрова снова, Васильич уже поджигал уложенную в печь между поленьями бересту.

— И что бы я без тебя, Дмитрий Васильевич, делал? — качнув головой, пробормотал Пиноккио.

— Да замёрз бы по собственной воле, или, вернее, безволию, а я тебе не дал этого сделать! — улыбнулся ветврач.

Дмитрий Васильевич пить не торопился и удерживал от бескультурной пьянки хозяина дома. Сначала он выждал, когда разгорится на полную печь. А когда она затрещала дровами, задышала, профессионально, по-врачебному прислушался к её тяге и определил, что дымоходы давно не чищены. Пиноккио с ним согласился, искоса бросая взгляд на стол, где стояла бутылка. А ветврач не спеша нарезал колбасы, хлеба, потом налил в кастрюлю воды и засыпал гречку.

— Я сейчас тебя научу гречневую кашу варить, — говорил при этом гость хозяину. — Нужно, чтобы вода над крупой была на два-три пальца, посолить, дождаться кипения, а потом передвинуть на медленный огонь, и пускай себе варится. А тушёнку уже под конец туда добавить можно.

— А можно и не добавлять — так тушёнку съесть, холодной, — сказал Пиноккио, подсаживаясь к столу и выдвигая бутылку на середину.

— Можно, — согласился ветврач. — Можно масла туда добавить или сала, но с тушёнкой каша вкусней. Подожди, дорогой, немного. Сейчас закипит, и мы с тобой примем по первой под холодную закуску. Доставай пока рюмки.

Рюмок у Пиноккио не было давно, и он достал Васильичу фарфоровую кружку, а себе подвинул стакан.

Под холодную закуску — колбасу и сало — они выпили дважды. После общей второй, а для него уже третьей, Пиноккио захорошело, и будь он дома один, непременно бы завалился на диван. Но Васильич его дисциплинировал, утверждая, что необходимо поесть горячего, а потом уж можно и на боковую. Кроме того, ветврач задавал ему разные вопросы, расспрашивал о жизни. Пиноккио, соскучившись по общению, старался отвечать не грубо, чтобы не обидеть гостя. А когда Васильич сварил кашу, Пиноккио, выпив ещё и по настоянию ветврача съев всю поданную ему в чашке гречку, рассказал гостю о своих странных, преследовавших его всю жизнь снах. Начав несмело, сбиваясь, в процессе рассказа он разошёлся, заговорил эмоционально, с подробностями, забыв, казалось, и о том, что он пил несколько дней подряд, и что на столе и сейчас есть что выпить.

— Ты, Дмитрий Васильевич, второй после Венерки человек, которому я это говорю. Даже матери

не рассказывал — боялся, подумает, что я с ума сошёл. А тебе ещё и как врачу решил рассказать. В последнее время каждый раз, как только чуть вздремну, снится… Да так ясно всё вижу, что и сам верить начинаю, что он — это я.
— Я верю тебе, Володя, — сказал Дмитрий Васильевич. — Верю. Не подумай, что из солидарности или спьяну говорю. Я слышал о таком случае, когда студентом был. Правда, тот человек тоже сильно пил, и врачи списали все его рассказы на белую горячку. Права твоя Венера Романовна: обратись ты к врачам — и тебе горячку припишут, алкогольный психоз, и точно упекут.
— А что это, Васильич, такое? Может, точно какая болезнь? Типа шизофрении? Только во сне происходящая…
— Есть, говорят, теория, по которой, помимо нашего мира, существует параллельный, — ветврач налил ещё, оставив в бутылке немного. — Даже несколько параллельных миров. К примеру, вот в этом, для нас реальном, мы с тобой сидим и спирт Колесухин пьём, а в другом — мы с тобой сегодня не встретились: ты чуть раньше из дому вышел, я задержался, и мы не пересеклись на улице; в третьем — мы встретились, но я не пошёл к тебе, сославшись на неотложные дела…
— Так получается, что таких миров много! — удивился и оживился Пиноккио.
— До бесконечности много! — тоже оживился Васильич. — Я не психолог и даже не нарколог — ветеринар, поэтому мало что знаю. Насколько верна эта и ей подобные теории, я думаю, вообще никто не знает. Так предполагают. Большинство людей об этом даже не думает, им в голову это не приходит, а вот некоторые сны видят или даже видения у них бывают, но их за ненормальных признают. А что такое ненормальность? Может, ненормальных людей никаких нет, а есть способности, которых неизвестны науке?
— Точно, Васильич! Точно! Я теперь понял: певец Дима живёт в параллельном мире. И он — это точно я!

Пиноккио привстал, на его лице сияла улыбка. Наверное, таким сияющим было лицо у Архимеда, а потом у Ньютона и других великих людей, осознавших, что они только что совершили открытие.
— Ну, за это надо выпить! — улыбнулся ветврач. — Давай по последней, да я пойду. Там тебе ещё немного остаётся в бутылке. Ты давай кашу ешь ещё, за печкой смотри.
— Эх, хорошо! — воскликнул Пиноккио, морщась после выпитого. — Теперь, Дмитрий Васильевич, и жить легче, зная, что я не один, что я во многих лицах и что они все рядом — руку только протяни…
— Рукой-то, Володя, не достать. Мы пока не вхожи в эти миры, они к нам — не знаю… Тут, наверное, человечеству нужно какого-то нового уровня достигнуть, поменять миропонимание, и тогда, может быть…
— Э! — махнул рукой Пиноккио. — Я уже поменял. Благодаря тебе, Васильич. Я раньше думал что-то подобное, близко мыслью подходил, а ты мне сейчас глаза открыл. Помог сделать открытие.
— Ну ладно, Володя. Спасибо за приглашение, я пойду, — ветврач поднялся, подошёл к Пиноккио, пожал руку. — Ну а ты давай оживай. Тебе надо встряхнуться, бросить много пить, устроиться куда-нибудь на работу. Ты ж ещё вполне работоспособный человек. И Венеру Романовну слушайся. Она ж к тебе всей душой.
— Ладно, ладно, Васильич. Я теперь поменяюсь… Поменяю образ жизни… На меня просветление сошло.
— Ну хорошо, — сказал Дмитрий Васильевич, направляясь к двери.

Пиноккио вместе с гостем вышел на крыльцо, помог ему спуститься по мокрым ступенькам, проводил до ворот.
— Спасибо, Володя! — уже за воротами поблагодарил опьяневший на свежем воздухе ветврач и тихонько поковылял по улице.

А Пиноккио, закрыв ворота, приласкал возле собачьей конуры пса Кирилла, поднялся по ступенькам дома, закрыл на крючок дверь на веранде.

Дома он подбросил в печку ещё пару поленьев, посмотрел на недопитую бутылку, закрыл её пробкой и поставил между столом и холодильником. Недоеденные колбасу и сало убирать не стал. Затем он прошёл в комнату и, уже присев на диван, почувствовал тяжесть во всём теле.
— Я снова пьяный, — сказал он громко и повалился на бок.

Зал рукоплескал. Люди вставали с мест, поднимали руки, размашисто били в ладоши и кричали: «Браво! Браво! „Счастье“ на бис!» Довольный певец стоял на сцене в окружении большого хора. Ему несли и несли цветы. Мужчины, женщины, дети. Одна шикарная дама в дорогом колье, целуя его, шепнула: «„Счастье“ на бис, для меня…» Он, благодарно улыбнувшись, глянул на дирижёра. Дирижёр кивнул, он махнул ему в ответ.

И ударила оглушительно, заиграла музыка. И понеслась, полетела над залом, над зрителями, под высокий потолок, покачивая огромные люстры, песня. И вздохнул, ожил единым порывом хор и подхватил:

Всё на свете было не зря!
Не напрасно было!

А певец, казалось, сросся со сценой и хором, стал их продолжением, а сцена и хор стали продолжением его, и даже более — весь зал, зрители сливались вместе с песней в один большой организм.

Пылали закаты,
И ветер дул в лицо.
Всё было когда-то,
Было, да прошло!

И уже нельзя было понять — со сцены ли, из зала ли являлась всем песня, но ясно было каждому, что вдохновляет всех — музыкантов, хор, зрителей, — стоящий в центре сцены кудрявый, сияющий, ещё не старый человек во фраке, снова и снова заводивший:

Пылали закаты,
И ветер дул в лицо.
Всё было когда-то,
Было…

Вдруг песня оборвалась. В одно мгновение всё стихло. Песня остановилась на только что законченном слове, затих оркестр, смолк хор, замер зал. Певец качнулся и, прижав руку к груди, упал. Зал отозвался коротким возгласом, дирижёр и несколько хористов бросились к солисту. «Что с вами? Что с вами, Дмитрий Валентинович?» — спрашивал присевший над певцом дирижёр. Солист открыл глаза, слабо улыбнулся. «Всё в порядке», — хотел сказать он, но произнёс только: «Всё…» — ибо внутренний толчок не дал договорить ему. Дёрнувшись ещё раз, солист закрыл глаза и затих.

Пиноккио улыбался во сне, когда внутренний толчок опрокинул его с правого бока на спину. Он ещё раз дёрнулся и затих.

Ещё через какое-то мгновенье он, отделившись от своего тела, поднялся и полетел. Пролетая сквозь дверь дома и сени, он вылетел во двор и стал подниматься в серое дождливое небо над домом, над сараем. Из конуры выскочил пёс Кирилл и, глядя на улетающего хозяина, залаял. А тот, поднимаясь ещё выше, уже летел над улицей, повернул к дому ветврача и увидел довольного Дмитрия Васильевича, стоящего на крыльце.

«Э-эй, Васильич!» — крикнул ему пролетающий Пиноккио, но Васильич был занят своими мыслями и не услышал его. «Да если бы даже и услышал, то всё равно не увидел бы», — догадался Пиноккио и полетел дальше — над домом Колесухи, к дому Венеры, к школе, автомастерской. Он летел и радостно махал всем рукой, кричал им сверху и, поднимаясь ещё выше над посёлком, вдруг на секунду взгрустнул, осознав, что больше не вернётся сюда и не увидит ни Венеры, ни Васильича, ни кого другого…

Недолгая грусть его сменилась новым ликованием, когда серая пелена осталась внизу, а в глаза брызнуло синевой неба. Он вдруг увидел себя со стороны: мальчиком, юношей, молодым человеком. Увидел восьмилетнего мальчика Робертино, шагавшего по неширокой городской улице, вывески магазинов, деревья, арку и двор с детской площадкой, песочницу, цветочную клумбу, два легковых автомобиля у подъезда. Всё это пронеслось перед ним и исчезло, а он полетел дальше. Он летел, молодой и сияющий, и не сразу заметил, как к нему присоединился ещё один он — солист Дима, точно такой же молодой и довольный, а после ещё один человек, похожий на них, и ещё один, и ещё…

Через четыре дня Венера, подходя к дому Пиноккио, услышала вой пса Кирилла. Пёс, встречая её, выскочил из дома через разбитое на веранде стекло и заскулил. Уже по привычке, с помощью ножичка-складничка, Венера откинула крючок изнутри закрытой двери и вошла сначала на веранду, затем в дом. На полу возле печки она увидела пустую кастрюлю, а возле стола кружку и стакан. Поняв, что здесь похозяйничал Кирилл, она с тревогой прошла в комнату.

Околевший Пиноккио лежал на спине, слегка выгнувшись, как будто силился встать. Остекленевшие глаза его не казались страшными, а придавали ещё большую умиротворённость его застывшей улыбке.

Сергей Ахметов

Воскресенье

Болит. Как болит, собака! Закончится это когда-нибудь?

Открываю глаза. На этот раз требуется всего лишь секунда, всего лишь мгновение, чтобы осознать себя. Нет того приятного полусонного состояния, которое люди испытывают по утрам. Когда проснулся раньше положенного и понимаешь, что можно ещё понежиться в постели, потянуться. Да и утра нет.

Вокруг глухая темень, рассветом ещё даже не пахнет. Пахнет пóтом, пахнет спиртом, лекарствами пахнет.

Сегодня она тупая, ноющая. Хотя, конечно, не так. Руку почти совсем парализовало. Человек ведь ко всему привыкает. К смраду тел, к виду крови, к стрельбе в живые мишени… Вот и к боли привыкает. Потому режущую, рвущую боль почти не чувствую. А вот эту тупую, отдающую в плечо, в грудину, чувствую хорошо. Это она не даёт сегодня спать, это она, паскуда, влезает в сон. И там она со мной рядом, внутри, вокруг, всюду.

Что снилось? Как будто бы наш аул возле станции Лепсы… Я слышал блеяние баранов, кудахтанье кур на соседнем подворье, где жила русская старушка. Как будто пахло костной мукой, удобрением. И было бы приятно, было бы радостно от детских воспоминаний во сне, если бы не она…

Глаза привыкли к темноте и ухитряются различить стрелки на будильнике. Без двадцати пять. Разбираю и название на циферблате: «Агат». Вчера она позволила мне проспать до шести. Вот так счастье.

Как там эти фантасты написали? Восемьдесят процентов дней начинаются со звона будильника. Помню, «Молодая гвардия» публиковала. Солидно. Тут, стало быть, случай из ряда вон. Этот мой «Агат» никогда не прозвенит. У меня свой будильник, внутренний. Чтоб ему пусто было.

Надо вставать, надо умываться, завтракать. Двигаться надо. Зарядку делать. В редакцию схожу. Там ребята сидят, письма читают. Пособлю, отвлекусь. Она ведь никуда не уйдёт, она будет давить, стучать, расползаться будет. А мне что? Я о ней думать не буду.

Холодная водичка отвлекает мысли, свежо становится, бодро. Потом растяжка, гимнастика переключат мысли на другую руку, на ноги и туловище. Потом завтрак отвлечёт. Запах хлеба и варёного яйца, да с солью, да с лучком. И катись она к шайтану!

Ну вот и рассвет, вот и утро. Весна, солнечно. Птички щебечут за окном. Тепло будет. Шесть часов.

Значит, иду в детскую. Они поступили хитро. Сначала жена обрабатывала намёками, пересказывала все женские сплетни: кто-что купил, у кого-что появилось: гляди, мол, завидуй. Потом подключились дочурки. Купи да купи. И вот красуется у них в комнате «Чайка» в лакированном корпусе. Модифицированная радиола с электропроигрывателем для грампластинок—вещь. А подсветка шкалы им особенно нравится, крутят, вертят регуляторы, наблюдают за перемещением указателя по диапазонам.

Щелчок, шум—и вот издалека приветствует диктор.

«Передаём сигналы точного времени…»—вещает.

Под гимн и «Утреннюю гимнастику» хожу по дому. Возвращаюсь к себе. Не могу не взглянуть на рабочий стол. Включаю лампу. Он захламлён, плотные стопки бумаги перемежаются с расхлябанными, неровными. Посредине шесть-семь жёлтых листков лежат поверх друг друга. Казалось бы, бардак. Так кажется. Но знаю: стоит сесть, вчитаться, вникнуть, как всё встанет на места. Станет очевидно, отчего этот листок лежит поверх этого, а тот краешком выпирает промеж двух других. Взялся переводить на казахский язык большой труд—«Ленин в нашей жизни»—на пятнадцать авторских листов. Вот и мелькают заметки, каждая наведёт на нужную мысль. И только перьевая ручка лежит не на месте. Вставляю в настольный письменный прибор на гранитной основе. Рядом с чернильницей блеснула стальная двадцатка. Это подарок друзей в честь двадцатилетия Победы. Оглаживаю его. Гладкое, приятное покрытие.

Шкаф привычно пахнет нафталином. Жена до жути боится моли, каждые выходные осматривает шкафы и заранее злится, настраивает себя на неприятную находку, на дырку или потёртость. Только никогда не находит и ещё какое-то время продолжает лютовать. Но не в этот раз. Уехали в гости. И я остался один.

Одеваюсь с привычным тщанием. Собираюсь на работу. Нужно выглядеть достойно. Иду к зеркалу в прихожей. Женино зеркало, большое, с узорной резной окантовкой. Она такие вещи любит. Пришедших даже приглашать пройти не требуется. Сразу у входа—красота, раритет: глядите, восхищайтесь, а потом рассказывайте всем. А она растекается в улыбке, чуть свысока, с дерзинкой, с вызовом. Ух и красива в такие минуты! Да я для тебя десяток таких зеркал достану! А ты хвались, рассказывай, гордись. Раз уж выбрала такого горемычного, то хоть так тебе душу порадую. Чай, небесполезный.

Ох и намучился тогда. Директор деревообрабатывающего завода в селе Дорожник—человек сложный, фронтовик. Мы с ним пересекались в сорок втором под городом Великие Луки в Центральной России. Казалось бы, чего больше? Но не тут-то было. То у него свободных рук нет, то свободного станка, а то и свободной древесины. У директора-то деревообрабатывающего завода. Всё у него несвободное, прям рабовладельческая Америка! Уж как я его только не обрабатывал. И в баню приглашал, и путёвки в санаторий предлагал, и подписку на Александра Дюма или Марка Твена. А уж сколько партий в нарды пришлось ему уступить—не счесть. И всё-таки уломал. Дал отмашку директор, и уже через месяц его умельцы привезли это зеркало, сделанное по особому эскизу. Таких нигде больше нет. Ни у кого. Жене на радость.

Гляжусь в зеркало. Правой снимаю фетровую шляпу с вешалки и ловко, с переворотом, надеваю на макушку. Пальцами провожу по козырьку, поправляю. Хорош, щёголь. Зеркало отражает во весь рост. Честно отражает, досконально. Приталенный, с тонкой полоской, пиджак мужественно расширяется в плечах, нейлоновая рубашка заправлена в брюки-дудочки, туфли с зауженным носком блестят хромированным покрытием. Живот едва-едва выпирает, прямо так, как надо: чтобы застёгивался пиджак, но с небольшой натяжкой, для солидности. Кажется, всё при мне. Зеркалу-то что? Оно беспристрастно.

Отхожу, собираюсь выходить. После осмотра чувствую: чего-то не хватает. Но это всегда так бывает перед выходом из дома, у всех. То ли забыл чего-то сделать, то ли забыл чего-то взять.

Ощущение неполноты.

Спускаюсь во двор. Пусто. Воскресное утро. Всем хочется поспать подольше. Победили ведь! Теперь можно поспать в воскресенье. И в понедельник можно, и во вторник—прикорнуть вечерком после трудового дня. А то и завалиться пораньше, часов в десять. Это тогда тыловики не знали слова «сон». А теперь можно, теперь даже нужно. Кто хорошо отдыхает, тот и трудится как ударник.

О тишине речи нет. В Алма-Ате тишины не бывает. Что ночью стрекочут светлячки, что ранним утром слышны отдалённые крики петухов, что теперь птички голосят. Теперь город обновляется. Это раньше отовсюду слышалось мычанье коров или истошные вопли ишаков. У каждого второго имелось своё хозяйство. Теперь не так. Теперь, если задрать голову, кроме пышных, а где острых зелёных макушек тополей, всюду видятся жёлтые стрелы строительных кранов. А где-то вдалеке взор властно и даже как-то ревниво приковывают горы. Город становится промышленным, чтобы ещё больше пользы приносить родной стране. В небо из полосатых труб бьют белые дымы заводов и потом образуют собой буроватые барашки облаков. Это заводы тяжёлой промышленности, хлебозавод, домостроительный комбинат, электротехнический… да мало ли какие ещё? Город занимается производством всего необходимого для Родины, для людей. Теперь уже не надо переоборудовать все производства под военные нужды, теперь не надо. Пора производить для людей, для жизни, для быта. А выбросы—это ничего. Здесь горы, здесь деревья, здесь источники. Всё почистится, всё проветрится.

В уши льётся весёлая непрерывная трель речушек. Арыков в Алма-Ате сотни, тысячи, каждый квартал ими окружён, питается ими, зеленеет, пахнет, цветёт. Это жизненные соки, артерии, кровь земли, да какая: чистая, горная, свежая—самая здоровая кровь!

Выхожу на улицу Калинина. Справа остановка. Размышляю с минуту. Нет, трёх копеек за проезд не жалко: ждать долго.

Что же, стало быть, собрался на пешую прогулку по городу. Слева робкие лучики утреннего солнца отражают стеклянный фасад новенького кинотеатра «Целинный». Объект сдали только в этом году. Экран там, говорят, самый большой в Казахстане. Стыдно становится, что так и не удосужился сводить туда девчат.

Но вот, поворачиваю направо, прохожу мимо доски объявлений и вижу афишную тумбу. Она вся обклеена пёстрыми плакатами, аккуратно, заботливо, один к одному.

«Где ты, моя Зульфия?»—гласят белые буквы прописного почерка. Красиво. Что-то наше? Эх, нет. Узбекское. Радость за узбекских товарищей с примесью досады. Думаю, надо посмотреть.

«Джура»—читаю красный шрифт. Под надписью стоит казахский парень с «мосинкой» в руке. О! Это точно наше. Нет? «Киргизфильм», оказывается. Вот дают! Стало быть, киргизский парень. Что там ещё есть? Досада усиливается.

Кинофильм «Космический сплав» режиссёра Левчука… Хорошо. Нужно сказать ребятам. Пусть посмотрят и напишут рецензию. Тематика—актуальная.

Ну так вот же оно!

— Вот!—вскрикиваю.

Дородная девка оборачивается. Она одиноко мела площадку перед тридцать шестой школой, а тут я кричу как резаный.

Киваю, улыбаюсь. Она рукой замахала, дурёха. Подумала, небось, что к себе её подзываю, в кино сходить. Снова улыбаюсь, галантно приподнимаю шляпу и захожу за тумбу, прячусь. Разглядываю.

«Меня зовут Кожа́»—детский художественный фильм. Ну! Могут же, молодцы! Эх, Бердибек жолдас! Читал, читал. А теперь и фильм сняли! Да в таком кинотеатре покажут! Ух—гордость берёт. Вот на следующей неделе и свожу девочек.

Хорошо как. Поздняя весна. Иду по Калинина. Доходу до пересечения—улицы Сейфуллина. С нижней стороны—Г-образный Дворец пионеров и школьников. Для алмаатинцев это очевидная вещь: верх—там, где горы, низ—там, где степь. Напротив гор, стало быть. Так объясняют приезжим. Вид при этом у горожан такой, будто говорят о вещи естественной, совершенно явной. И искренне удивляются, когда приезжие, несмотря на усилия, крепкую умственную работу и зрительную активность, пожимают плечами, не понимают. Такие алмаатинцы.

Возле Дворца вижу первые группы людей. Это ребята из добровольной народной дружины, следят за порядком. Тоже мне—нашли место. Разве же возле Дворца пионеров, полного спортивных секций и кружков, сыщутся хулиганы? Конечно, позади Дворца есть небольшой парк, где могли бы обитать вредные элементы, так ведь в парке—бывший клуб работников НКВД. Не побалуешь.

Мимо проезжает одинокий рогатый троллейбус. Корпус у него двухцветный—снизу голубой, а сверху кремовый. Уютный такой снаружи, выпуклый. А на морде его красуется буква «Л», как на щитах воинов древнего Лакедемона. Но, конечно, здесь «Л» означает ЛАЗ. Да и внутри-то они не такие приятные. Старые: всё дребезжит, всё шатается. Вот-вот развалится. Хвалю себя за то, что решил идти пешком.

Сразу за троллейбусом проносится «Волга» с шашками, обгоняет его и исчезает вдали. Видно, какой-то руководитель спешит на вокзал. Так и затихает улица. Нет больше машин. Воскресенье.

Прошёл очередной квартал, и тут ноздри стали непроизвольно вздуваться. Заработало обоняние, внезапно, остро. Нос улавливает дивные ароматы. Перехожу улицу на зелёный свет чёрного, будто лакированного, светофора, и запах усиливается. Сытый вышел их дома. Действительно сытый. Но здесь не выдержит и самый настоящий аскет. Истечёт слюной как пить дать, подавится. И вот уже рот наполняется слюной, ноздри расширяются, как у сторожевого алабая. Этот копчёный, дымковый, солёно-пряный букет как будто через нос проводит вкус на самый язык, между зубов, которые так и норовят клацнуть.

Это столичный гастроном. Это запах колбасы.

Вижу, с задней стороны здания, во дворе, стоял ЗИЛЫ. Шофера́ пыхтят убойной махоркой, что аж издалека глаза хотят прослезиться, а двери кузовов распахнуты, как для объятий. «Продтовары»—гласит надпись на них. Разгружаются.

Вот я уже пересёк черту и попал на Брод. В промежутке между улицей Мира и улицей Фурманова—местный, алма-атинский Бродвей. Там дальше, строгий, но изящный, возносится к небу молочно-белыми колоннами театр оперы и балета. Современная закруглённая гостиница «Алма-Ата»—будто дама, сгибающая запястье, протягивает ручку для поцелуя генералу Панфилову. В честь этого героя названа улица, угол которой занят зданием гостиницы.

Дошёл до проспекта Коммунистического. Через улицу маслится театр юного зрителя, огненно-жёлтый, с рыжинкой. По бокам фасада, укрытые арками, стоят лучшие зазывалы из когда-либо бывших. Гипсовый Пушкин тасует строчки в увлечённом поиске сильнейшего ямба, и дедушка Джамбул с доброй улыбкой перебирает струны домбры перед тем, как вдарить и затянуть мысли и души детей в сказочный кюй. Там, на невидимой отсюда стороне, с задней части здания, есть ещё один кинотеатр, с детским репертуаром. Заводы, комбинаты, торговые пункты—это, конечно, отлично. Но ведь это город живой, современный, молодёжный. Культурная жизнь здесь бьёт неистовым фонтаном. Ведь мы победили. И теперь надо жить. Детей надо растить. Чтобы лучше им было, легче, чем нам.

Что же, пора сворачивать вниз и сходить с Бродвея. Спускаюсь до улицы Кирова. Там, справа, причудливой кавычкой изгибается футуристическая постройка. Отсюда мне видно только башню с курантами, но само здание главпочтамта чётко проплывает перед внутренним взором. Надпись «Телеграф-телефон-радио» едва видна за верхушками пышных хвойно-зелёных елей, но поверх неё отчётливо краснеет на фоне небесной лазури призыв: «Миру—мир».

Перехожу дорогу. Здесь, со всех четырёх сторон пересечения улиц, на асфальте лежат белоснежные зебры, почти блестящие, словно вычищенные с мылом. Куранты показывают половину десятого. Оно и заметно. Вокруг много людей. Женщины с высокими причёсками, как башлыки янычарских юзбаши, стучат шпильками на невысоких каблучках. Модницы быстрым шагом переходят улицы.

Целый квартал, огороженный добротными гранитными бордюрами, бетонными желобами арыков и полосой тротуаров, занимает Центральный сквер. Кое-где обзор перекрывают стойки с коммунистическими плакатами. Глаз улавливает лозунг, хороший, правильный: «Вперёд, в светлое будущее!» Напористый, требовательный

профиль Ленина как бы спрашивает у нас, потомков: «Каковы ваши успехи, товарищи? Всё ли вы предпринимаете?» Предпринимаем, Владимир Ильич, будьте спокойны.

А что мы предпринимаем? Врага мы отбросили, выгнали, победили. Выжили. «Но разве этого достаточно?» — строго вопрошает Ленин. Недостаточно. Но вот ведь. Живём.

Со стороны парка возвышается солидный фонарь, чтобы освещать по вечерам прогулочные аллеи, а заодно и телефонную будку. Тенистые тротуары сквера будто ведут отдыхающих под караульной колонной из деревьев и ярких скамеек. На них сидят женщины с покрытыми пёстрыми платочками головами. Те, кто постарше, — повязывают их в области подбородка, а помладше — сзади, под затылком. На плечах матерей и бабушек лёгкие пальто, а то и вовсе узорные домашние халаты. Неподалёку от тружениц бегают мальчишки в здоровенных, не по размеру, кепках, видно папкиных. Кто покрыт фуражкой, а у кого и восьмиклинка-хулиганка красуется на голове. Эти держатся особенно вызывающе, некоторые даже силятся плеваться промеж передних зубов. Дурачьё.

Из каменных бутонов бьют фонтаны. Струи разбиваются о круглые двухъярусные бассейны, и брызги попадают на бутоны живые. А эти, будто детки архитектурного творения, радуются, благодарно благоухают так, что до ноздрей отдыхающих доносится запах свежести, слегка терпкий, вкусный цветочный дурман, и глаза их улыбаются от вида блестящих зелёно-красных, жёлтых, белых и васильковых роз, лилий, фиалок и невесть каких ещё видов растений. Они не плодовые, эти цветы, они не производят продуктов питания. Они высажены здесь для них, для матерей и детей, для юношей и девушек, для молодых и старых. Они не наполнят желудки, эти цветы и ели. Они высажены, чтобы услаждать взоры и нюх, чтобы шелестеть листвой, стучать шишками и журчать иголками, чтобы жили советские люди и наслаждались результатами своего честного труда по воскресеньям, гуляли с детьми в окружении таких вот красот, чтобы молодые миловались за пышными кронами, избегая строгих взоров стариков, и те, старые, чтобы глядели и по-доброму ворчали на всех вокруг, чтобы в сердцах у них были покой удовлетворения и радость от прожитой жизни после невзгод и горестей, которые они сумели преодолеть. Ради жизни, ради людей, ради детей. Чтобы жили они вот на такой благодарной земле, на просторах Советской страны.

Вот как живём! Вот для ради чего воевали, дедушка Ленин.

Вокруг всё больше людей. Женщины и детвора вокруг. Ещё бы! Ведь впереди «Детский мир» со стёклами вместо стен. Что за сказочные игрушечные чудеса выставлены напоказ за этими стёклами, я уж смотреть не пойду. Мне — в Союз писателей, не доходя до этого волшебного царства.

Чего-то раззадорился, разволновался. Передо мной четырёхугольная, расширенная кверху стеклянная будка с плоской крышей. Здесь по будням продают газеты, журналы и беллетристику. Сейчас с задней стороны высятся стопки макулатуры, и молодой человек с ещё одной увесистой пачкой в руках переругивается с продавцом. Это он пытается заполучить талон на новую книжку. Ишь, хитрец! Пришёл в воскресенье, чтобы не стоять в очереди. Но количество сданной макулатуры впечатляет даже меня, и продавец тоже пытается выторговать какие-то условия. Отворачиваюсь, чтобы не смущать его, пусть, пусть выдаст что-нибудь этому парню. Может, не редкого Эриха Ремарка, но что-нибудь из нашего — оно ничем не хуже! Мусрепов, Ахтанов, Есенберлин! Столько книг вышло в последнее время!

Спешу в родную редакцию Госкомитета по печати. Вскакиваю вверх по лестнице, как архар, через две-три ступеньки. И вот останавливаюсь.

Сердце застучало сначала легонько. Чаще обычного. И тревожно быстро, отрывисто. Слишком отрывисто. На плечо будто бы уронили тяжёлую глыбу. Правой стороной придавливает к земле.

Это она, сволочь, вернулась. Руку пронизывает точёным тычковым ударом. Сверлящая боль люто вгрызается в локоть и ниже. Всю руку охватывает дрожь, и будто двое дюжих работяг поочерёдно лупят по ней ломами. Слышу хруст костей. От плеча по всему телу разливается жар кузнечного пламени.

Едва не падаю здесь же, как после приступа. Но умудряюсь согнуться, упереться в колено правой рукой и делаю вид, будто запыхался от подъёма по лестнице. Одним глазом оглядываюсь. Из редакции никого не видно, в окнах как будто тоже пусто. Хорошо. Значит, никто не увидел этого позорища. Вот была бы потеха, анекдот для стахановцев или целинников: здоровый мужик одолел дюжину ступенек, свалился и помер, не дойдя до рабочего места. Немощный, что ли, или вдрызг упившийся, а может, и вовсе калека?..

Нет-нет. Нужно с этим справиться. Боль в руке вышибает мозги. Даже не чувствую её. Чувствую слёзы на лице. И сразу — стыд. Ловлю спасительную мысль: это не от боли слёзы потекли, а оттого, что чересчур сильно зажмурил глаза, — и не отпускаю её, эту мысль.

Так. Легче. Ощущение температуры тела не меньше сорока градусов, а по спине мурашки. Противно, скользко.

Стираю пот с верхней губы, подавляю предательский стон. Мычу только.

Закрадывается гаденькая мыслишка: а не вернуться ли домой, ведь ещё не поздно? А то поплохеет ещё там, в редакции, при людях. Закудахтают вокруг, водичку поднесут, как немощной старухе,

да, чего доброго, скорую вызовут. Потом ещё месяц будут спрашивать про здоровье. Иди домой, пока не поздно. Не позорься.

Нет! Чтоб тебя, сволочь!

Встряхиваю правым плечом от обиды. На этот раз стон сдержать не получается, но злость на трусливую мыслишку так сильна, что помогает преодолеть эту гниду. Выпрямляюсь, поправляюсь. Иду в редакцию. Надо отвлечься. Надо не быть одному. А не то она меня съест. Никакой скорой не понадобится. Уйди пока, уйди же!

Какая у меня, должно быть, жалкая физиономия. Но ничего, иду вперёд торопливо, как заведённый ключиком со спины.

Дверь бокового кабинета приоткрыта, почти врываюсь туда. Трое мужчин удивлённо поворачивают головы. Да, начальство пришло, в лице замдиректора редакции. Отвлёк их от дел. Да ещё и в воскресенье. Натужно улыбаюсь.

— Споткнулся,— зачем-то оправдываюсь.

Чувствую себя ещё бо́льшим олухом. Но обстановку разрядил. Ребята как будто только сейчас меня узнали.

Здороваются каждый на свой лад. Игорь Марков машет приветливо, как перевёрнутым кверху маятником, и робко пожимает мне руку. Саша Сурганов рывком, как классный отличник, демонстрирует ладошку с растопыренными пальцами. Только Аскар Нурмаханов немного смущается, будто хочет подойти, да не может, кладёт руку на сердце и кланяется, прячет покрасневшее лицо за надбровными дугами и густой чёлкой. И после всё же подходит, здоровается двумя руками. Я протягиваю одну.

Но аульные ребята всегда такие. Застенчивые, почтительные. Лет так десять нужно поработать в городе, пообтесаться, попривыкнуть. А там и жирок нарастёт. Беззаботности с примесью наглецы, как у Саши, может, и не появится — это какое-то врождённое качество горожан,— но вот деловитость, уверенность в себе, а потом и важность охватывает каждого со временем.

Захожу, сажусь на стул с обратной стороны Сашиного стола. Есть отдельный кабинет, замдиректорский. Но сегодня не хочу сидеть там, хочу побыть с ребятами. Как водится, какое-то время ощущается напряжённость с их стороны. Разбиваю:

— Ну, что нам пишет трудовой народ, Игорь? Есть интересные письма?

— Завал! Пока одни благодарности. Но, может, найду и что-нибудь остренькое, актуальное. А то и рецензию какую.

Стол Игоря действительно заставлен стопками писем от читателей. Он разбирает одно за другим. Асеке занимается чем-то своим, пишет что-то. Саша читает газеты.

Постепенно они успокаиваются и начинают работать в своём режиме. Болтают обо всём.

Асеке спрашивает, как будто продолжает давно начатый диалог, но вижу, что это не так:

— «Наш город утопает в зелени» или лучше «покрыт зеленью»? — специально громко говорит, чтобы услышал.

Конечно, сам не замечает, как вместо того, чтобы подчеркнуть кажущееся изящество своей фразы, больший акцент делает на слове «наш». Сразу видно — новоприбывший, аульчанин. Лет двадцать назад, в студенчестве, и мне доводилось работать над этим. Тщательно подбирать слова, следить за акцентом, зачем-то стараться выдавать себя за городского. Это было пустое, тогда как надо было налегать на учёбу. Хорошо, нашлись старшие товарищи, указали, направили. И что? С тех пор, наоборот, стал подчёркивать своё деревенское происхождение.

Критикую въедливо, строго — это всем известно. И в редактуре не даю продохнуть, вычёркиваю без стеснения. Есть такой род критиков, которые ставят её как саму цель. Критиковать, чтобы показать себя, все свои знания выплеснуть на листок бумажки и приурочить к разносу работы молодого автора. Выпятить свою приверженность линии партии. Таких не интересует работа начинающего писателя. Такие сидят дома, обложившись многотомниками Маркса и Ленина, а то и опубликованными стенограммами речей первого секретаря партии, и только ищут, куда бы в своей критике вставить очередную цитату. Чтобы сверху увидели, отметили, как рьяно они борются с чем-то. С молодыми талантами, с неокрепшими писателями, с неуверенными ещё в своих работах авторами, которым нужно помогать, подставлять плечо, критиковать мягко и строго, тонко подходить к такой работе.

Мне не нравится ни то, ни другое из предложенного Асеке. Но парня надо уважить, показать заинтересованность.

— Это избитая фраза. Поищи другую,— отмахивается Саша.

Игорь кивает.

Ну вот. Придётся либо заступиться, либо сказать правду. Асеке как бы не смеет смотреть на меня, ведь это выдаст его желание получить поддержку от старшего товарища, да ещё и начальника. И как будто успокаивается.

— Это зависит от контекста, Асеке. Смотря что пишешь. Цветистая метафора в деловой заметке неуместна. И наоборот, писать стихотворение бездушно и сухо — не имеешь права,— говорю так, чтобы это не звучало окончательным приговором, приглашаю ребят к дискуссии.

— Наш Асеке задумал написать повесть! — поясняет Игорь смешливо, но добродушно.

— Да! Остаётся только удивляться: почему не роман? Малые формы не для нашего Асеке,— вставляет и Саша, уже как будто грубее.

Но, Асеке это не смущает. Чувствую, что эта тема у них давно в шутливо-серьёзной разработке.
— А о чём планируется повесть?—спрашиваю серьёзно.
— Послевоенная Алма-Ата,—отвечает за Асеке Игорь.
— Ну… Да…—подтверждает молодой писатель.
— Решил писать на русском языке?—спрашиваю.

Асеке весь млеет. Так, что за лицом цвета раскалённого металла едва заметен лёгкий кивок. Да, автор—не редактор. В первое время шибко стесняется.
— По-казахски мы бы сказали: «Көк астында қала көрінеді»[1], —или: «Қалың көк үйлердің шатырларын да көрсетпейді»[2]. Отсюда вытекает другое возможное сравнение: «Орман тоғайлары тұншықтырып итермелейтіндей, бірақ қала аспанға көтеріліп тау ұштарына ұмтылады»[3]. Это уже лексически сложная метафора, и, вполне возможно, она будет стилистически неуместна. Не нужно излишне усложнять. Но, наверное, так тебе будет легче осознать ширину горизонта поиска. Попробуй думать на казахском, и тебе откроются неисчерпаемые запасы слов и образов,—говорю.

Пока Асеке слушал, глаза его постепенно расширялись. Вижу—осознал. Благодарит, спешит заняться делом.

Ах, Алма-Ата!.. Да разве ж ты похожа на дедушку? Нет. Молодая, или, скорее, юная… девица. Ещё не сформировавшаяся, не девчонка уже, но и не невеста. Августовское яблочко, пухлый апорт с розоватыми щеками. Они поалеют, щёчки-то, к сентябрю. А к середине осени уже готово будет, проситься будет, чтобы сорвали крепкие руки джигита-садовода. А не сорвёшь, так плод сам упадёт, не выдержит ветка спелой тяжести. А там потопчут, погниёт и разве что на компот сгодится. Вот и город Яблочный требует должного внимания, кропотливого ухода, своевременных решений. Перед горкомом партии стоят серьёзные задачи. Озеленение, оросительные системы, борьба с застаиванием воздуха, обеспечение чистой экологии. Работать над городским планированием надо вдумчиво, знаючи.

Асеке вдохновлённо строчит в своей тетрадке, чиркает, облизывает кончик ручки и снова делает выпад, будто орудует шпагой. Ни на кого больше не смотрит, не обращает внимания. По-казахски-то ему легче, сразу десяток метафор, образов приходит на ум. Хорошо. Видно, правильно направил ход его мыслей.

Раз уж сел за Сашин стол, пробегаю глазами по заголовкам газет. Это важно—быть в курсе всех новостей и событий, ознакомиться с периодикой. Конечно, Саша не успел этого сделать в будние дни—много текучки—и поэтому, видно, пришёл в воскресенье.

«Пролетарии всех стран, присоединяйтесь!»—призывают передовицы. Раскрываю наугад. «Казправду».

Читаю: «Алма-атинскими милиционерами был задержан рецидивист Сергей Л.».
— Это что?—удивлённо таращусь на Сашу.
— А, прочитали? Помните ту историю? Ну, с медвежатником?
— Ну?
— Не слышали? Крупное дело!—увлечённо рассказывает Саша.

Игорь тоже заинтересованно поворачивает голову. Только Асеке всё безразлично. Творит, умница.
— Так вот, медвежатник этот сбежал из тюрьмы где-то на Дальнем Востоке. Ух и матёрая сволочь оказалась…
— Да погоди ты, Саша! Что за медвежатник? Охотник, что ли?
— Ну вы даёте! Нет. Медвежатниками оперативники называют этих… ну как их?.. расхитителей сейфов…—поясняет Саша.
— Это такие умельцы, чтоб их, которые вскрывают любые замки. Есть и другие специалисты узких направлений, вроде карманников и форточников,—вставил Игорь.
— Грабитель, получается,—констатирую.
— Да, такой особый вид грабителя. Так вот этот паскудник сбежал из тюрьмы где-то в Магадане, и что бы вы думали? Прикатил сюда, в Алма-Ату. Инкогнито, естественно. Здесь у него живёт подружка!
— Истомился, видать, на государственных-то харчах,—хмыкнул Игорь.
— Да, видно, крепко любил, раз через всю страну прикатил сюда,—соглашается Саша.
— Это он не ради подружки сюда приехал. Здесь воздух хороший!.. Да! «Между гребнями гор, как на руках матери, уютно лежит красавец-город, и плеск речушек напоминает тихое бормотанье колыбельной…»—вдруг нараспев выговорил Асеке и тут же снова вонзил ручку в тетрадный лист, повесив голову.

Не выдержал, улыбнулся. Потом прорвало Игоря. И уж совсем раскатистым получился хохот, когда Саша был вынужден прервать своё повествование и тоже рассмеялся в голос.

Асеке это вовсе не тронуло. Новое, яркое и, видимо, сложное изображение охватило его ум, и теперь он силился расписать его, как художник расписывает картину изящными мазками, но только инструменты его—плетение слов, красноречие

1. «Из-под зелени виднеется город» *(каз.)*.
2. «Из-за густой зелени и крыш домов-то не видать» *(каз.)*.
3. «Лес будто выталкивает и душит, но город поднимается к небу и тянется к вершинам гор» *(каз.)*.

выражений, лексические ухищрения. Творит, создаёт, пишет!

Отсмеявшись, Саша был вынужден приложить некоторые усилия, чтобы вернуть внимание на себя. Видно было, что он знает об этом деле не из скудных газетных заметок, а из каких-то более близких к делу источников. Он продолжил:

— Значит, нашим оперативникам пришла ориентировка на этого типа, и начался розыск. Но бандит этот оказался осторожен. Жил себе вроде бы тихонько да с подружкой любился. Их амурное гнёздышко, или, скорее, воровское гнездо, располагалось в самом подходящем месте — в микрорайоне Тастак, за дамбой, дальше сайранского песчаного карьера. Где-то в районе птичьего рынка, у трамвайного кольца. А народ там проживает лихой: всё-таки окраина, базарное место. Только непонятно было, на какие средства он живёт. А в это время в милицию поступило несколько заявлений от работников пластмассового завода «Кызыл-ту». Было совершено несколько квартирных краж, — Саша перевёл дыхание, убедился в нашей увлечённости по расширенным глазам и полуоткрытым ртам и стал развивать рассказ: — И вот в один вечер бандитская парочка закатила пирушку, перепились до одури, песни распевали, пляски устроили до поздней ночи. Видать, обмывали успешное дельце. Вот на них соседка и настучала… Ну, то есть проявила бдительность. Позвонила участковому, а тот был на выезде. Тогда она побежала на соседнюю улицу, где жил её племянник, народный дружинник. Тот, значит, разбудил приятеля, и вместе они отправились угомонить весельчаков. В стельку пьяный медвежатник увидал, что в гости к нему пожаловали не милиционеры, а какие-то молодые ребята в гражданской одежде, и, недолго думая, кинулся на них с кулаками. Вот это он зря. Ребята его обезвредили, связали и отволокли в ближайшее отделение милиции. Представляете, как удивились оперативники из следственной группы, когда известного на всю страну рецидивиста привели дружинники?! Так и попался. Следом привели и его подружку-подельницу. Но знаете, что здесь самое интересное? В ходе допроса он готов был сознаться в совершении нескольких краж и взять всю вину на себя, да к тому же указать на тайник, где запрятано награбленное, а взамен просил освободить от ответственности свою подругу и… не поверите!.. привезти ему тетрадку, где он записывал свои стихотворения!

— Па! — вырвалось.

— И что? И что? — спросил Игорь, обеспокоенный тем, что Саша довольно категорично прервал свой сказ.

Он рассказывал гораздо интересней, чем было написано в короткой заметке «Казправды». И поэтому, насколько точны были его сведения, никого не интересовало.

— Что, что! Девку эту, конечно, не отпустили. Закон — он для всех закон. Но наверняка прокурор и судья учтут смягчающие обстоятельства. Медвежатник ведь пошёл на сотрудничество со следствием.

— А тетрадка?

Уж насколько далёк от криминальной хроники, а тут заинтересовался. Ишь! Расхититель, рецидивист… и влюблённый поэт! Видать, не всё потеряно для этого человека, хоть и трудно ему будет реабилитироваться, заслужить, заработать прощение. Но верю, что он всё же встанет на путь исправления. Не может не встать.

— Чего не знаю — того не знаю, врать не буду, — заключил Саша, но добавил: — Думаю, заключённым не запрещается пользоваться карандашом и бумагой… Чтобы писать. Хотя — кто знает? Ведь заточенным карандашом он мог бы нанести вред окружающим… или себе. Не знаю.

И эта мысль была какой-то новой, как будто из другого мира. Да, стало быть, зря поругивал народных дружинников. Какое дело совершили. Подвиг! Хотел задать Саше ещё один вопрос, но как раз об этом в заметке «Казправды» было написано. Дружинников наградили и даже рекомендовали к поступлению на юридический факультет Казахского государственного университета имени Кирова через комсомольскую организацию. Вот это правильно. Одно дело махать кулаками, другое — дать образование, правильно направить молодёжь, вырастить из простых сочувствующих — настоящих специалистов-оперативников.

Так сидели, перебрасывались фразами, шутили. Почитав газеты, подумал, что пора бы перебраться к столу Игоря, помочь с письмами. Каждое надо было вскрыть, прочитать, на иные ответить, попробовать вычленить те, которые неплохо бы опубликовать. Кропотливая работа.

Но время близилось к обеду. Так и не успел поработать. В кабинет идти не хотелось. Где-то внутри крепла уверенность, что стоит оказаться одному, как она вернётся, начнёт покусывать, ныть, по одной отрывать жилки в мышцах руки. Поэтому сижу, держусь ребят. С ними интересно, весело, не до неё.

И всё же время близилось к обеду. Думаю, что ребятам хотелось бы побыть одним, переговорить о своём перед тем, как уйти домой. Негоже было их смущать и тем более задерживать в воскресенье своим присутствием. Надо было уходить.

Постепенно встаю, перебрасываюсь приветливыми словами с каждым, прощаюсь, ухожу.

Обратно иду уже быстрей, хотя домой не хочется. Там нет никого. Значит, там будет она. Встретит как любимого и пытать станет. Конечно, попробую поработать, да и поесть надо. Главное — о ней не думать. Направить мысли в другую сторону.

Но не получается. Стоит вспомнить о боли, и она тут как тут. И мысли все на неё направлены. А ведь сам их подогреваю. Ничего не могу с этим поделать. Пока иду, думаю. Она поздней весной приходит, в годовщину. Больше двадцати лет, всегда, как рок. Но в этот раз она совсем лютая. Видно, потому, что остался один. Она почувствовала это и набросилась, как пытка гниющих зубов, такая глубокая, что точит даже рассудок. Пилит, пилит…

Жалости нет. Её больше никогда не бывает. Подобные мысли вышибались из мозгов быстро и навсегда. Там, в полевых и эвакуационных госпиталях. Что там ранение в руку? Что рваные, колотые, осколочные увечья? Ничто. Там всегда находилось что-то похуже. Стоило только оглянуться по сторонам. Легче от этого не становилось, наоборот. Потерявших глаза вели безрукие. Безногих тащили на себе раненые в животы, на четвереньках, заодно со своими внутренностями. Врачи оперировали молча, дежурно и, порой казалось даже, равнодушно. Вынуть пулю, сбить жар, отпилить конечность… Каждый день, каждый час, до истощённого обморока. И ничего. Шутили даже. Оперировали, выхаживали, вытягивали. И теперь все эти люди здесь. В каждом городе, в каждой деревушке советской земли. Сильные, закалённые, преодолевшие. Много раз восставшие. Нужные, полезные для Родины и людей.

Дохожу до двора весь в поту. Двор у нас чистый, цветущий. Придомовые клумбы огорожены синими заборчиками. На них часто играют дети, когда им требуется что-то вроде загона, полевых ограждений. А как они визжат, когда старушки, ухаживающие за посадками, гоняют их! Ну прямо окрик фашиста в темноте во время разведки. Прыскают, разбегаются в разные стороны, а иной смельчак даже кулаком погрозит да наведёт на окна первого этажа свой ппш, любовно выточенный из коряги. «Тра-та-та!»—даст очередь и прячется за ближайшее дерево. Похоже.

Мы так же играли. Играли в красных и интервентов, в чекистов и беляков. А эти карапузы играют в нас.

Чувствую прилив крови к лицу. Глаза сощурились, губы растягиваются в улыбке, постепенно, медленно. Подбородок опускается книзу, и взгляд стреляет из-под бровей. Как кот на охоте.

Сквозь заросли вижу соседа. Сидит на лавочке поперёк, широко расставив ноги. Перед ним шахматная доска, тактическая расстановка. По всему видно: сидел, отрабатывал задачку. Но вдруг, задумавшись над решением, поднял глаза, и взгляды наши схлестнулись. Это давний, принципиальный соперник!

Подхожу. Взгляд у меня высокомерный, немного поверх него. А у него вызывающий, насмешливый. На груди блестит латунь «За взятие Берлина». Это его любимая, маленькая, скромная с виду медаль. Ждал меня, что ли, старый шайтан?

Он детдомовец и большой молчун. В сорок первом детский дом был эвакуирован из Москвы и расположился в Алма-Атинской области. Там и познакомились, когда был студентом Капальского училища. Уже тогда он считался переростком и через два года отправился добровольцем на фронт. Вернулся вроде невредимым, только с головой что-то случилось. Как и у всех нас, да только у него по-особенному. Живёт бобылём, работает художником-иллюстратором, пьёт запоем, но только один месяц в году, в мае. Остальное время молчит. Почти всегда.

И вот лет пять как живём в одном доме, в одном дворе. Играем в шахматы.

Вылез из своей норы после месячного затворничества.

Предпочитает комбинационную игру, любитель обострения и смелых жертв. Импульсивный, нервный. Хорошо, что молчун. В стилях и заключается принципиальное отличие: предпочитаю позиционную игру, медленную, душащую, капабланковскую. Частенько не так радует победа или сдача, как скучная, тактически выверенная ничья. В такие мгновения этот молчун может взорваться. И нет для меня большего наслаждения, как эти взрывы. Ведь тогда он начинает говорить! И как говорить! Таких сочных ругательств не услышишь больше нигде. А его смущённое лицо после очередной реплики, а поспешные извинительные формулировки, образы, оксюмороны! О! Кладезь для писателя! Но для этого его необходимо раскалить, раздуть, одолеть!

Но когда его жертвы удаются, когда комбинации проходят и безудержные атаки сокрушают мои позиции—горе мне! Молчун потом—сама любезность. Протягивает ручку, похлопывает по плечу, покровительствует. Стоит увидеть меня, хоть за километр, обязательно подойдёт, покивает сочувственно, повертит головой: мол, ай-яй-яй, ну как же так-то, эх, бедолага. Весь двор вынужден наблюдать, как он проплывает мимо подъезда павлиньей походкой, с распёртой от гордости грудью и непробиваемым лицом гроссмейстера, осознающего своё преимущество над всеми остальными. К сожалению, это бывает не так-то редко.

Здороваемся, взглядов не отводим. Хлопок получается звонким, вызывающим. Глазами приглашает меня сесть, улыбается с ехидцей.

Сажусь, рассматриваю позицию на доске. Но он быстро сгребает фигуры. Взглядом велит расставлять, суёт белого короля. Ехидца пропала. Видно, не по зубам оказалась задачка. Хорошо! Стало быть, половина дела сделана—он расстроен, лишён победного духа, уверенности в себе. А ведь ещё не начали. Хорошо!

Фигуры расставлены. Начинаем.

Партия может длиться много часов. Бывает, засиживаемся до ночи. Вот и теперь так получится. Буду душить его. Постепенно, пешечку за пешечкой, клеточку за клеточкой, давить буду, окружать, раскалывать.

Это хорошо. Это то, что мне сейчас надо. Весь поглощён игрой. Занят, ни до чего дела нет.

Детям уже давно надоело наблюдать за игрой. Сначала столпились вокруг, разделились на группки, кто встал за ним, кто за мной. У него почитателей больше. Он обостряет, атакует, не так часто погружается в часовые раздумья. А за мной наблюдать скучно. Дети обменялись шепотками, поковыряли в носах да разбежались.

Соперник сделал ход и понял, что задумаюсь надолго, поэтому взмахом руки подозвал ближайшего пацанёнка, отсчитал двенадцать копеек и сунул в ручонку. Паренёк умчался за папиросами «Прибой». Все знали, чем пыхтит мой соперник.

Ещё издалека приметил, как паренёк бежит обратно. Солнце светит в глаза, отвлекаюсь от доски. Пытаюсь сосредоточиться на мальчишке. И вот он подбегает, уже совсем близко. И спотыкается.

Дёрнулся, встаю, пытаюсь подхватить его левой рукой. И не могу…

Ничего не могу. Пошевелиться не могу.

Мальчишка пробежал несколько шагов вперёд головой, как бодливый барашек, но не упал, удержался, лихач. Улыбнулся щербато, отдал папиросы и снова умчался сайгаком.

Оцепенел.

От кончиков пальцев, от самых подушечек, вверх, к фалангам и к запястью, проникнет в предплечье и начинает рвать мышцы, медленно и ползуче. Останавливается будто бы поразмыслить: рвать ли? И не порвёт, дальше пойдёт.

В голове уже дважды вспыхнуло адово пламя, вены взбухают на лбу, и глаза полезли наружу, будто выдавленные. Но ей что? Сдюжил, не потерял сознание посреди двора, как впечатлительная студентка? Нет? Тогда терпи дальше. А дальше рвущей боли не будет. Она осталась там, позади, под локтем. А дальше у нас, согласно плану, плечо. В самом вкусном месте, где сухожилия и бицепс. Там режущая боль, пилящая. Такая, что вышибет дух из быка-пятилетки.

Ноет рука, орёт. В груди разрывается. Вот-вот горизонт треснет и расколется напополам, взорвётся миллионом острых осколков. Она выгрызает последние силы, ломоть за ломтём. Не выдержу.

Вот оно, думаю. Сейчас помру. И тогда отпустит, наконец, перестанет.

Опустил голову, жду облегчения, и тут…

Слышу смех. Заливаются. Птички, что ли? Птички? Конец?

Ха-ха! Не-ет,— улыбаюсь сквозь слёзы, засунутые обратно в глаза. Ощущаю себя хитрюгой.

Девчонки! Доченьки мои!

Вскакиваю, что горный архар. Никакой боли нет. Сгинула, шельма, ушла!

— Давай, давай! Завтра доиграем!— ухожу, убегаю, даже руку не протянул.

— Эй, Сейсенбек!.. Какой завтра? Какой там завтра?!.. Ты коня-то, коня не забрал!..— возражает такой редкий, такой приятный голос вдалеке.

Обидно ему— какая была жертва!

Но вот они, приехали! Съездили в гости к родственникам жены на все выходные. И вернулись. Вернулись!

Младшую поднимаю на руку, больше места нет. Двое старших обнимают меня с двух сторон. Жена целует в щёку и несёт сумки с одёжкой, со сменкой, с принесённой едой. Домой идём.

Стыдно до одурения. Смех распирает изнутри. Не сдерживаю: прорывайся! Хохочу.

Когда это было? Совсем давно? Или во сне? Помирать я, что ли, собрался? Ну осёл! Да таких болванов ещё поискать!

От моего внезапного дурацкого гогота засмеялась дочурка на коленях. Думает, игра такая, аж захрюкала. Смеёмся, глядим друг на друга, глаза— как переполненные бурдюки, вот-вот прорвутся.

Обнимаю её правой рукой. Левой— глажу по голове. Она, конечно, не ощущает ласки. Ведь нет левой-то. Там осталась, в полевом госпитале. И не болит она вовсе. Не может болеть. Когда дома мои девочки.

Михаил Смирнов

И настанет день

Утро наступило, а за окном темным-темно, словно ночью. Николай протяжно зевнул. Передёрнул плечами. Холодно. Он прошлёпал на кухню. Дотронулся до чайника. Поставил на плиту. Умылся холодной водой. Растёрся. Повесил полотенце. Заторопился на кухню. Налил чай. Отхлебнул раз-другой. Опять взгляд на окно. Вздохнул. Эх, работа-работушка, кто же тебя выдумал, а? И стал собираться, посматривая на часы…

Он постоял возле подъезда, зябко передёргивая плечами. Холодно. Зима на носу, а снег ещё не выпал. Не поймёшь, что летит с неба — дождь или мокрый снег. Вздохнул. Потом, словно решившись, он поправил сумку на плече, где лежали спецовка и приготовленный обед, оттолкнулся от двери и зашагал в сторону остановки, то и дело чертыхаясь, когда во тьме попадал в лужу или спотыкался. Вроде утро, а на улице тьма-тьмущая. А может, он отвык…

Он уж давно отвык от родительского дома. Наследство досталось от бабки с дедом, пока в армии служил. И, вернувшись после армии, долго не стал задерживаться в доме родителей, а перебрался в свою квартиру. Надо же было распорядиться наследством. Богатым себя почувствовал, обеспеченным женихом. Правда что, девок было хоть отбавляй, а в душу ни одна не запала. Соседи жаловались. Грозили: если не встанет на путь истинный, участковому пожалуются. Тоже мне, напугали! Время шло, он стал уставать от этих гуляний, вечерних посиделок, которые плавно переходили в бурную ночь, а утром с тяжёлой головой приходилось тащиться на работу, чтобы вечером снова устроить посиделки с какой-нибудь очередной подругой. Надоело! И Николай постепенно отошёл от этих гуляний. Нет, почему же, он продолжал встречаться с девчонками, но уже пореже и стал более выборочным. А может, девчонки стали меньше внимания уделять ему. Всё может быть…

В конце октября Николай разболелся. Простыл. Съездил на рыбалку, ворчала мать, когда узнала. И рыба не нужна, и будешь теперь валяться. Ладно, если бы жена была, а так никому не нужен. И вообще, пора жениться, а не шляться где ни попадя. Поразвёл подруг, а в душе пусто. И приговаривала, чтобы к ним перебрался, всё под надзором будет. Ага, сейчас!.. Но в душе неприятно было, что девчонок много, а ни одна не появилась, когда заболел. И пришлось самому выкарабкиваться…

Николай зевнул, прикрывая рот, и тут же поёжился. Холодно. Почти три недели проболел. Никуда не выходил из дома. В ноябре вышел на работу, но взбаламутил друг. Уговорил Николая взять отпуск и помотаться по рыбалкам, пока погоды стояли. Поохотиться на хищника. Щука там, судак, окунь… А что Николаю делать? Один живёт. Ни семьи, ни детей. Отпуск взял, но зарядили обложные дожди. Временами казалось, будто снег сыпал, так было холодно. Он ушёл в отпуск, а друга не отпустили. Николай расстроился. Конечно, можно было одному отправиться за щукой, но представил себе, как в одиночестве жил бы у друзей на даче в небольшом домике, где даже электричества не было, а уж про отопление и говорить нечего. А ночи осенние долгие и холодные. Вроде печка есть, не успеешь протопить, как ветром выдувало тепло, и снова становилось зябко. Это летом хорошо на даче жить, а поздней осенью можно окоченеть. Весь день шляться под дождём, потом рыбу разделывать и ужин готовить, а впереди холодная нескончаемая ночь, а утром снова к реке в мокрой, непросохшей одежде, и так каждый день, пока не закончится отпуск. Николай подумал и остался дома…

Первый день отпуска прошлялся по квартире. За окном беспрестанно сыпала осенняя морось. Низкие неповоротливые тучи чуть ли не задевали за крыши домов. Прохожих не видно. Редкий раз мелькнёт кто-нибудь и тут же скроется в ближайшей подворотне, или донесутся быстрые шаги — и опять тишина. Порывы ветра срывали последнюю листву. Один листок прилип к стеклу. Николаю казалось, когда смотрел в небо, что сейчас прозвучат печальные крики птиц, летевших на юг, и от этого на душе становилось мрачно и серо, как пасмурный день. Друг позвонил. На дачу позвал. Шашлыками соблазнял. Николай выглянул в окно — мрачная и тоскливая погода, и отказался ехать. Холодно и мерзко. Если было бы лето, сразу бы поехал. Ему нравилось ездить с друзьями на дачу. Хорошо там, словно на природу выбрался. Он приезжал сюда, чтобы отдохнуть, а вот друзей не понимал: какая радость для них

с утра и до вечера стоять раком над грядками? Проще сходить на рынок и купить, и мучиться не нужно. Друг посмеивался. Придёт время, и сам захочешь. Дело не в грядках, стоим над ними или не стоим, а в наших душах,—и обводил рукой окоём. Вот и пойми, что притягивает—природа или душа…

Утром не хотелось подниматься. Отпуск. Решил отоспаться, коли рыбалка сорвалась; а может, к лучшему, что не поехал, всё же на больничном сидел. Нужно поостеречься, а то снова разболеешься. И отсыпался. Не хотелось вылезать из-под тёплого одеяла, когда за окном стоит мерзкая осенняя непогодь. Хотелось укутаться посильнее, закрыть глаза и так валяться весь день. И лежал, пока не поднимала мать, которая частенько заглядывала к нему, чтобы посмотреть, как живёт сынок, а заодно что-нибудь принести. Ну, там, чеплашку с салатом или банку с борщом. Жалела его, непутёвого. Всё ждала, когда он образумится и наконец-то женится. Девчонок много, а он выбрать не может. Уж тридцатник на свете прожил, пора бы уж пристать к одному берегу, а он махал рукой. Не встретилась ещё та девчонка, ради которой можно горы свернуть, как он говорил. Друзья давно переженились, кучу ребятишек нарожали, а он по рыбалкам мотается, словно дома нечего кушать, мать ругала его. А Николай улыбался. Жениться—не напасть… Где взять мне ту единственную и неповторимую, чтобы жениться, а, мамка? Вот встречу её—уж не выпущу, а первую встречную не хочу, потом мучайся всю жизнь. И мать вздыхала, махая рукой…

Николай вздохнул, вспоминая отпуск. Вроде большой, как сначала казалось, а на деле не успел оглянуться—отпуск пролетел. А спроси, что ты делал, Николай пожал плечами. Отсыпался, а ещё пару раз помог друзьям и к матери съездил, она ремонт затеяла. Вот пришлось помогать. Зато у неё забрал подшивки журналов за несколько лет. У, хоть одна радость была в эту непогодь. И полёживал на диване, перебирая и читая журналы.

А сейчас шагал на остановку, и на душе была тоска. Тоска от всего: от жизни, погоды, всяких проблем, которые, словно снежный ком, с каждым разом увеличивались, от работы, куда не хотелось ехать после отпуска, а главное—от неустроенной жизни. Тоска от самой жизни. Работа, заботы-хлопоты, а вернётся домой—и не знает, чем заняться. К друзьям не находишься. У каждого семьи, ребятишки носятся, другие на дачах пропадают. Одни до зимы живут там, наездами бывают в городе, или на выходные уезжают. Все заняты, лишь только он как неприкаянный бродит. И это угнетало больше всего. Семьи нет, дачи тоже нет, на рыбалку съездит и возвращается в квартиру, где никто не ждёт. Наверное, время подошло, чтобы за ум взяться, как мать говорила. Николай мотнул головой и поёжился от порывов холодного знобкого ветра. О, что только в голову не взбредёт, пока доберёшься до этой работы.

Николай ещё до армии устроился на завод. И вернулся туда же после службы. Сказать, что нравится работа,—не мог, а может, принимал её как обязанность, что ли… Ну обязан человек работать, и всё тут. Вот он и пашет. Другие на работу как на праздник, как говорится. Готовы были дневать и ночевать возле станков. Некоторые наоборот—лишь бы сбежать с работы. Не успеют прийти, уже ищут причины, лишь бы отпроситься или прогулять. А Николай почему-то равнодушно относился к ней. Пришёл, отстоял смену и ушёл, а в душе ни радости, ни удовлетворения. Какая-то пустота…

Николай зябко повёл плечами и поплотнее запахнул куртку. Отвык. Почти не выходил из дома. По телефону поговорит с друзьями, новости узнает—и ладно. На рыбалку не съездишь, дачный сезон закрылся, а своей дачи не было. Может, он бы ездил, но родители отмахивались от неё: без этого дел хватает, а ты, если хочешь, бери участок и занимайся. Он пожимал плечами. Он бы занялся, да земли не было, на работе давали участки, а он как-то мимо пропустил. И теперь жалел, что не взял землю. А сейчас сидел в четырёх стенах и страдал. Ну, только за продуктами и за самым необходимым выходил, а остальное время дрых, как сурок, или читал журналы. Все бока отлежал, как мать говорила и пыталась заставить его что-нибудь сделать, а он отмахивался. Мать, отстань, всё сделал, что можно было, осталось только сусальным золотом квартиру покрыть, а остальное всё есть. У меня отпуск. Что хочу, то и делаю. На рыбалку не удалось съездить, значит, буду отсыпаться. И снова заваливался на диван. Правда, чем меньше становился отпуск, тем больше раздражался по всяким пустякам. Не хотелось идти на работу. Тем более слякоть за окном. И, представляя, как будет тащиться в такую непогодь по утрам, не выспавшись, он чертыхался. Хоть увольняйся, и всё тут. Сиди в четырёх стенах и сопи в две дырки. А кто будет кормить и одевать? Эх, нужда любого заставит работать…

Лучше бы зима была, чем эта слякоть. Он дождаться не мог, когда придёт зима и начнутся метели. Все посмеивались над ним, крутили пальцем у виска: мол, дурачок нашёлся. Все любят тепло, а этому метели подавай. И чем сильнее, тем лучше. Николай готов был с утра и до вечера бродить по улицам, когда были метели. Идёт—аж дух захватывает, когда ветер в лицо, когда на улице такая снежная круговерть была, что глаза не откроешь, дыхание перехватывало. Хороший хозяин собаку со двора не выгонит, а он радовался метелям. И домой возвращался весь в снегу, до костей продрогший, а на душе были восторг и радость…

Он завздыхал, вспоминая снежные зимы. Скорее бы, а то уже осточертела эта долгая слякотная осень. Николай подошёл к остановке. Постоял, осматриваясь. Хотел на автобусе ехать, но раздумал. Много народу стоит, а в автобусе ещё больше будет. Понабьются — не продохнуть! И снова зашагал. Решил на трамвае добраться. Пусть трясёт и холодно, зато там привычнее. Усядешься на свободное место, уткнёшься головой в стекло и дремлешь под разговоры пассажиров. В основном с утра ездили работяги. Трамвайные пути проходили вдоль городской окраины, потом трамвай заворачивал в промзону, а там много предприятий. Одни выходят, другие садятся. И пока все пассажиры не рассосутся. Николай ездил до конечной остановки. Пока доберёшься, в трамвае почти никого не остаётся. Посмотришь, один знакомый, другой и третий, а тех впервые видел. Наверное, в командировку приехали на завод или новенькие устроились. А потом с кем-нибудь идёшь по дороге к цеху. Он в самом конце завода стоял. Пока дойдёшь, все новости услышишь.

И сейчас, едва оказался в трамвае, не глядя по сторонам, заторопился к свободному месту возле окна. Уселся. Вздохнул. Нахохлился. Прислонился к окну. Закрыл глаза, будто заснул, и притих. Хорошо! Трамвай дёргался, трогаясь с места, водитель бубнил, объявляя следующую остановку, пронзительным голосом билетёрша требовала плату за проезд, рядом разноголосый разговор пассажиров, которые стояли в проходе, а ему было хорошо. Притулился к окну и дремлет, если это можно так назвать. Главное, никто не мешает. Таких, как он, половина трамвая, которые едут, закрыв глаза, и не поймёшь, то ли они спят, то ли специально закрыли, лишь бы уйти от действительности…

Николай поморщился, когда рядом с ним кто-то занял свободное место. Он вздохнул, словно разбудили его. Покосился. И непроизвольно взглянул на молодую, невысокую и худенькую женщину, что сидела рядом. Она больше похожа на девчонку, чем на взрослую. Николай зябко повёл плечами, заметив на ней коротенькую куртчонку, которая больше холодила, чем согревала. В этой куртке только в тёплое время ходить, а не поздней осенью. Джинсы. На голове серая беретка. Тоненькая шея, волосы до плеч. Виден узкий шарфик. Николай снова передёрнулся, словно водой окатили. И невольно оглянулся на окно, за которым осеннее промозглое утро и непрерывно шелестел мелкий холодный дождь. А потом опять взгляд на соседку по трамваю. Видать, новенькая. Хотя нет, скорее всего. Местные бы тридцать три одёжки натянули, не доверяя погоде, а эта чуть ли не голышом, можно сказать. Наверное, приехала на завод получать какую-нибудь продукцию и не подумала взять тёплую одежду, а теперь будет трястись а этой куртке всю дорогу, продавая дрожжи, как говаривала мать. Наши снабженцы не торопятся. Пока получит свой груз, неделя пройдёт, а то и больше. Он видел, как некоторые фуры неделями стояли возле завода, ожидая погрузку. Водители злющие, сопровождающие тоже злые, а нашим наплевать. День прошёл, и ладно. Наверное, и эта женщина тоже застряла в командировке. Теперь мёрзнет, проклиная завод и всех, кто живёт в этом городе…

Она и правда замёрзла, как заметил Николай. Редкий раз, когда трамвай, словно судорожный, дёргался с остановки и начинал набирать скорость, она невольно прижималась к его плечу, и он чувствовал мелкую дрожь, и по лицу было заметно, что она замёрзла. И всё пыталась спрятать голую шею, приподняв воротничок на лёгкой куртке. Шарфик не помогал, он лишь для красоты был подвязан. Она пыталась согреться, совала руки в кармашки, но тут же вытаскивала и прятала под мышки. И всё старалась незаметно, чтобы никто не увидел.

Трамвай задребезжал на повороте и стал затормаживать. Люди потянулись к выходу. Конечная остановка. Николай вздохнул. Поднялся и вслед за соседкой по трамваю направился к выходу.

— Замёрзли? — не удержался, сказал Николай, заметив, как она снова поёжилась и принялась прикрывать лицо небольшим воротничком куртки. — Вы не по сезону одеты. Холодно, а вы в ветровке. В командировку приехали, да?

И покосился на неё, когда поравнялся. Маленькая, худенькая, аж в душе что-то сжалось.

— Я работаю на заводе, — как-то неохотно сказала она. — Здесь, в управлении, убираюсь.

И кивнула на проходную завода.

— Что-то раньше не встречались, — опять сказал Николай и удивился, что пытается завязать с ней знакомство, чего уж давным-давно не делал. — Мы частенько бываем в правлении. То кабинеты делаем, то материалы в город оформляем. У нас много объектов, вот и приходится крутиться по работе. Поэтому в лицо всех знаем, а вас вижу впервые. У нас уборщицы горластые. Потягай полные вёдра да помаши весь день шваброй — не так ещё заблажишь, если полы пачкают. Они даже на генерального рявкают, если в грязной обуви приезжает. А уж про остальных и говорить нечего. А по вашему виду не скажешь, что весь день таскаете тяжёлые вёдра с водой и машете шваброй. Вы такая хрупкая, аж дух захватывает…

Он мотнул головой, хотел было причмокнуть от удовольствия, но промолчал и лишь неопределённо покрутил в воздухе рукой.

— Я две недели как устроилась, — снова неохотно сказала она. — Ладно, сюда смогла попасть. Вообще никуда не устроишься. А у меня другой профессии нет. Я работала учителем. Школу закрыли на ремонт. Обещали всех устроить, но уже осень

на дворе, а про некоторых позабыли, в том числе и про меня, а может, работу не нашли. Но мне уже бесполезно ждать. Мама болеет, и кушать хочется каждый день. Вдвоём с матерью живём. Пришлось увольняться. Везде была. Работы никакой. Ладно, сюда смогла устроиться. Какие-никакие деньги, и мать радуется, а я тем более. Была бы дача-огород, можно прожить. Хорошее подспорье в наше время, а на пенсию матери не разбежишься. Едва концы с концами сводили. Но надеюсь, со временем всё наладится. Завтра обещали выдать аванс. Дома устроим праздник. Что-нибудь вкусненькое куплю или сама приготовлю…

Она вздохнула, нахмурилась, словно что-то лишнее сказала, и мельком взглянула на него, а потом отвернулась.

— Вы дачу любите? — не удержался, сказал Николай. — Я тоже подумываю насчёт неё, но одному тяжеловато строить. У моих друзей есть дачи. Кому родители оставили, а другие сами построили. И я разгорелся. Правда, земельный участок не найти. Хочу к начальству зайти, может, помогут.

Он покосился на неё.

— Дача — это хорошо, — задумавшись, сказала она. — У нас была дача, с весны и до зимы жили там, но мама заболела, пришлось продать, а деньги на лечение пустили. До сих пор вспоминаем, как ездили. Хорошо там, душа радовалась…

Она вздохнула и замолчала.

Николай молчал, слушая её. Она открывала душу перед совершенно незнакомым человеком. Она не жаловалась. Нет, она спокойно говорила, что с ней произошло. Не жаловалась, а пыталась сама выкарабкаться из этой ситуации и надеялась на лучшее. Было видно, несладко пришлось ей в жизни, если профессию учителя поменяла на уборщицу, а сама со швабру росточком. Хотя и зарплата учительницы — это копейки. Нужда заставила сменить работу, как мать говорила. Правда что — нужда…

— А я на заводе уже несколько лет работаю, — махнул рукой Николай. — Там, в столярном цеху или цехе, не знаю, как правильно сказать… После училища пришёл на завод, с той поры работаю. В армии побывал, вернулся — и опять в родной цех. Сегодня первый день после отпуска. Не хотелось идти на работу. Погода мерзкая — ужас! Вообще были мысли, чтобы уволиться и поискать более хорошую работу, потому что надоел этот завод, ничего не видишь, кроме работы, а домой вернёшься — сидишь в четырёх стенах, и поговорить не с кем, но сейчас… — он замолчал и неожиданно сказал: — А меня Николаем зовут…

И опять замолчал, взглянув на неё: маленькую, худенькую и — беззащитную, как показалось, — и опять в душе защемило.

— А я Елена Петровна, учитель… — привычно сказала она, но запнулась, подняла голову, взглянула на него. — Но можно Леной звать…

И снова спряталась за коротким воротником.

— Ничего, Лена, привыкнете к новой работе, — ободряюще сказал Николай. — Это первое время трудновато на новом месте, а потом словно всю жизнь проработал. И вы привыкнете, а там, глядишь, что-то хорошее подвернётся. А где живёте?

Он чертыхнулся про себя. Пять минут знакомы, имя узнал, а теперь ещё адрес спрашивает.

— Угловой дом с аркой возле центральной площади, — помолчав, сказала она. — «Двушка» в сталинке. Ничего, двоим хватит. Я в столице училась, там же осталась работать. Но так получилось, что в прошлом году бросила всё и вернулась в родной город. В чём была, в том уехала. Даже свои вещи не забрала. А здесь мама заболела. Какая-то чёрная полоса началась, до сих пор не могу выкарабкаться. Но ничего, надеюсь, всё наладится.

Она поморщилась и снова замолчала.

И опять Николаю показалось, она недоговаривает. Оно и понятно, заметно, не хочет вспоминать, что с ней произошло. Видать, драма на личном фронте. Ведь не зря же сказала, что оставила всё и укатила из столицы. А расспрашивать неудобно, и не хотелось в душу лезть. Сама скажет, если захочет…

— А вы каждый день работаете? — сказал он. — Кажется, у вас не по сменам работа…

И тоже замолчал.

— Да, каждый день с утра и до вечера, — устало вздохнула Елена, и было видно, как она тяжело привыкает к новой работе. — К вечеру руки отваливаются, а дома больная мама дожидается…

Она нахмурилась, мельком взглянула на покрасневшие руки и зябко повела плечами,

— Не сегодня-завтра снег выпадет, — Николай кивнул на низкие тяжёлые тучи. — Того и гляди сыпанёт. А вы в лёгкой куртке. Замёрзнете. А я жду, когда зима настанет и начнутся метели. Ух, как мне нравится гулять, когда на улице снежная круговерть! Я бы весь день гулял. Скорее бы…

Он невольно вздохнул, осматривая скудную осеннюю растительность.

— Метели любите? — она с любопытством взглянула на него. — Честно сказать, я тоже обожаю эту погоду. Все по домам сидят, а меня на улицу тянет. Пусть снег и ветер, а я радуюсь. Так бы и гуляла…

— Ох ты, здорово! — не удержался Николай, мотнул головой. — Впервые вижу человека, которому тоже нравятся метели. Это же ух как здорово!

Он снова мотнул головой. Взглянул на притихшую Елену, которая шагала, о чём-то задумавшись. Хотел было что-то спросить, но не стал. Посмотрел и замолчал.

Дальше расспрашивать было неудобно, да Николай и не любил в душу лезть. И они шли молчком до управления, где была проходная завода. Шли, каждый думая о чём-то своём. Лишь в тамбуре она приостановилась, взглянула на него, вроде

хотела улыбнуться, как показалось Николаю, но она молча кивнула головой, вздохнула, оглянувшись на двери, словно хотела бросить работу к чёртовой матери и вернуться в город, но запахнула коротенькую куртку и направилась в управление, чтобы заняться пусть тяжёлой, но необходимой для неё работой.

Николай поспешил к проходной.

Николай влился в поток людей, спешащих на работу. Чертыхнулся, когда в спину толкнули и кто-то коротко, но внятно матюгнулся, что он встал на пути, снова толчок — и он отошёл в сторону, не мешая другим. Закурил. Взглядом проводил рабочих. Кого-то узнавал, другие вроде незнакомые, а тому махнул рукой, снова толчок — и кто-то поздоровался, а он даже не заметил, кто это был. Постоял, наблюдая, а потом зашагал к своему цеху. И зябко повёл плечами, когда вспомнил Лену в лёгкой ветровке в промозглую осеннюю погоду. Что-то шевельнулось в душе. Он радовался, что познакомился с ней, что она тоже любит метели и готова гулять по улицам в эту снежную круговерть, но в то же время стало её жалко, что бьётся-колотится по жизни, просвета не видит, но не сдаётся, всё же надеется на лучшие времена. Маленькая, худенькая и — беззащитная…

Он мотнул головой, вспоминая Лену.

— Здоров был, Николай, — его догнал щуплый высокий мужчина с сумкой в руке. — Что-то давно не видно тебя. На объекте работал? А, в отпуске был! Это хорошо! Ну и как отдохнул?

И запыхал сигаретой, поглядывая на него.

— Да никак, — буркнул Николай. — Весь отпуск провалялся на диване. Дожди зарядили. Никуда не выйти. А я хотел на рыбалку съездить, щуку половить, судачка, но куда в такую погоду потащишься? Вот и провалялся на диване. Правда, родителям помог с ремонтом, раза два к другу ездил на дачу, керамзит привозили, да шлакоблоки купил. Ему помог немного, а остальное время бока отлёживал. Весь отпуск коту под хвост! Ты не в курсе, земельные участки будут давать или нет? Может, мне взять, как думаешь? Глядишь, дачку бы построил…

И Николай вздохнул, вспоминая зря потраченный отпуск и, как ни странно, сегодняшнюю встречу.

Да, что-то в этой Елене привлекло его внимание. Нет, не то, что была без тёплой одежды в такую непогодь, а небольшая, худенькая и беззащитная, как казалось, и её черты лица, что ли… Да и взгляд у неё был не обычный, как у всех женщин, а уставший. Сразу видно, досталось ей в жизни. Вроде учительница, профессия такая, где знания стоят на первом месте, а ещё это самое… как же его?.. Николай чертыхнулся. А, вспомнил! Любовь к профессии, вот что должно быть у учителей. Но видно было, Елена переживала из-за потери работы, которую любила, скорее всего, а вот новая работа не принесла радости, зато давала надежду на завтрашний день…

Он оглянулся на управление завода. Посмотрел на часы. Чертыхнулся. Хотел было вернуться в управление, чтобы разыскать Елену, поговорить с ней, а если повезёт, вечером бы погуляли, но уже времени оставалось в обрез. И снова мысли о ней. Погулять — это всего лишь предлог. Предлог к чему? Он не знал… Вдруг захотелось её увидеть, и всё тут. Её взгляд, постоянные паузы в разговоре, словно над каждым словом приходилось задумываться, перед тем как ответить, но в то же время она открыла душу перед ним — совершенно незнакомым человеком. Дачу любит, а ещё гулять в метели. И у него что-то сдвинулось в душе… Раньше не задумывался по поводу серьёзных отношений. Всё сводилось к лёгким победам, ничего не значащим отношениям: провели ночку-другую — и ладно. Можно за другими приударить, чтобы опять ночку провести, и всё на этом. Но понимал: вроде нагулялся, пора бы подумать о семье, — а посмотрит и сам не знает, с кем можно всю жизнь прожить. Как другие живут. Как семьи создают и до последнего дня живут в любви и радости. Ведь для этого нужно встретить самую лучшую во всех отношениях девчонку, которая станет его второй половиной, чтобы вместе быть долгую жизнь. И пожимал плечами. А где же её найти — эту самую единственную? И не знал. Николай снова оглянулся на управление завода, замедлил шаги, но вздохнул и заторопился в цех, прикрываясь воротником от холодного, промозглого ветра.

Пахнýло влажной древесиной, прихваченной морозцем, а поэтому и запах сильный. А ещё шпалами, углём и креозотом. Рядом с цехом стояло депо, и частенько, подавая долгие сигналы, пробегал маневровый паровоз. То за собой тянул пустые вагоны, то впереди толкал. А к вечеру выстраивал состав и потихонечку тащил его в сторону города, где поставит на запасных путях, а потом готовую продукцию повезут по всей стране.

— О, гляньте, кто пришёл! — отовсюду стали раздаваться возгласы, когда он появился в бытовке. — Здоров был, Колька! А мы потеряли тебя. Отпуск — это хорошо! Наотдыхался? На улице холодрыга, а ты на работу пришёл. Отдыхал бы до зимы, а ещё лучше до весны. А ты…

— Нет, братцы, лучше до лета, там тепло будет, — наперебой стали зубоскалить. — Любой кустик примет… Нет, лето не нужно, наш Колька метели любит. Забыли, что ли? Как метель, он на работу опаздывает. Пешком прётся на завод. О, дурачок!.. Нет, его девки не отпускают на работу. Развёл гарем, одни кости да кожа остались. Попробуй каждой услужить, вот и опаздывает.

И хохот в бытовке, от которого, как казалось, стёкла задрожали. И принялись над ним подшучивать.

— Ай, отстаньте, мужики! — отмахнулся Николай, подошёл к шкафчику и принялся переодеваться. — Самому не хотелось ехать на работу. Я бы ещё один отпуск провалялся дома, чем пыль глотать на работе. Эх, скорее бы зима наступила или на пенсию отправили! Вот бы нагулялся в метели или отоспался на пенсии…

И Николай мечтательно закрыл глаза.

— Ага, ты отпуск проси в декабре или феврале, чтобы по своим метелям гулять, а не по осени. Вот непонятный человек! Люди летом берут отпуск, чтобы на солнышке погреться и позагорать, а этот ждёт метели, чтобы погулять. Дурачок какой-то… А зачем на пенсию собрался? Думаешь, там хорошо? — кто-то засмеялся. — Быстрее рак на горе свистнет, чем заставишь человека отсыпаться. Вон у дядь Коли спроси, как на пенсии живётся. Месяц побыл, а потом снова вернулся на работу. Скучно стало, а ты…

И опять в бытовке раздался смех.

Николай налил кипяток из титана. Бросил щепоть заварки. Размешал, наблюдая, как стал окрашиваться кипяток. Взял карамельку, развернул, сунул в рот и уселся на подоконник, прихлёбывал чай и наблюдал за наступлением дня.

За окном медленно стало светать. Тягучий рассвет, осенний. Ночи тёмные, и утро с вечером тоже во тьме. Не успеешь глазом моргнуть — день уже пролетел, зато вечера и ночи нескончаемые. Не дождёшься, пока новый день наступит. И сейчас за окном стало посветлее, но ветер и дождь не прекращались. Дождь холодный. Скорее бы закончился. Временами казалось, будто со снегом идёт, а присмотришься — дождь хлещет и хлещет…

Николай не любил осень. Ему нравился снег. Особенно когда метели кружат. Ух, в такое время он готов был с улицы не уходить. Бродил по городу, когда нормальный человек должен сидеть дома, а хороший хозяин собаку из дома не выгонит, а его влекло на улицу. И уходил. Навстречу ветру шёл. Надвинет шапку на глаза, поднимет воротник, весь скукожится и идёт. Гудит ветер в проводах, гул стоит на аллеях, деревья клонит к земле, а он шёл в снежной круговерти, аж дух занимался от восторга — такая силища, гляньте, что метель делает, а он всего лишь маленькая частичка в сравнении с ней… и восхищённо мотал головой.

Он выглянул в окно. Да, скорее бы снег. Виден соседний автотранспортный цех, возле которого ряды грузовых машин и несколько автобусов. Суетятся водители, то и дело ныряя за путёвками. Всполохи сварки — это на ремонтной базе. Круглосуточно работают, а работа не заканчивается.

Подошёл бригадир, Виктор Рожков, которого за глаза называли «генеральным бригадиром», потому что он был вхож в любой кабинет начальства, а по виду не скажешь: невысокий, морщинистое лицо, крючковатый сизо-красный нос, словно у любителя выпить, сам постоянно в потрёпанной телогрейке, спецовка висит, летом в войлочных тапках, а зимой в огромных серых валенках. Он подошёл, ткнул руку, здороваясь.

— Как дела, Колька? — сказал бригадир. — За щукой ездил?

Он был тоже любителем рыбалки.

— Ай, Васильич, дома провалялся, — досадливо махнул рукой Николай. — Другана моего, Вовку, не отпустили в отпуск, я расстроился. А тут дожди зарядили. Носа не высунешь. Как подумал, что придётся в холодном доме, да ещё одному, жить две недели, — сразу настроение упало. Вот и провалялся на диване весь отпуск.

И опять махнул рукой.

— А мы ездили на Нугуш, — сказал бригадир. — В Сергушкино останавливались. Ночку перекантовались у бабы Кати, ты знаешь её, а с утра отправились за судаком. Вернулись в избу, бабка баньку натопила. Попарились, по рюмашке опрокинули — и на боковую. Утром снова на рыбалку, а вечером уехали домой. Я семь штук взял. Хорошие судаки! Надолго хватит. Вот такие!

Он вытянул руку и показал размер.

— Ничего себе! — закрутил головой Николай. — Да я бы лучше с вами съездил, чем на диване валяться. Судак — вкусная рыба. Эх, непруха!.. — и тут же сказал: — Васильич, не в курсе, землю будут давать под дачу? Я бы взял для себя. У друзей есть дачи, собираемся там на выходных или когда на рыбалку едем. Домик небольшой, грядочки, яблоньки и груши. Они с весны туда уезжают и почти до зимы живут. В город не хотят возвращаться. Я подумал: может, и мне построить дачу? Материал бы в цеху выписал, а дружки помогли. Ездил бы туда, чем на диване валяться. Как думаешь, Васильич?

Он посмотрел на бригадира и завздыхал.

— Хорошее дело — дача, — бригадир задумался. — У меня есть. Сами ездим, сын с семьёй приезжают. В баньку сходим, по рюмашке опрокинем, шашлыки-машлыки, потом долго дуем чай со смородиной и мятой, с печеньем и конфетками, а вечером на крылечке посидишь, по душам поговорим — хорошо! А что ещё нужно для человека? Да ничего! Если решил построить дачу, займись. А я с начальством переговорю, чтобы тебе выделили участок для дачи. Сейчас нарезают участки возле речки. Поставишь дачу на берегу, будешь на рыбалку ходить. Всё рядышком. Но тебе жениться надо, Колька. Жена — это первый помощник на даче. Там нужна женская рука. Женись, Колька!

— Да я бы женился, но не встречается такая, чтобы сердце ёкнуло, а вертихвостку не хочу, потом мучиться всю жизнь. У друзей уже ребятишки бегают, а я жену найти не могу, — сказал Николай и вздохнул. — Где взять её — хорошую-то — даже не знаю…

Он пожал плечами.

— Вокруг столько девок, а ты не можешь найти,— махнул рукой бригадир.— Для семейной жизни не красота нужна, а душа. Вот и пляши от этого…
— Это… Васильич, а ты ещё можешь в одном деле помочь?— запнувшись, сказал Николай.— Можно ли устроиться в какой-нибудь отдел в управлении или ещё куда-нибудь? Одному человеку хочу помочь. Жалко её. Долго не протянет на своей работе, а живут на пенсию матери. Жалко её…— опять повторил Николай и вздохнул, вспоминая сегодняшнюю встречу.
— Спросить можно,— пожал плечами бригадир.— За спрос в лоб не дадут. Хорошая девка-то? А, ну понятно. Ладно, сообщу…

Он постоял, о чём-то задумавшись, потом направился к выходу.

Захватив рукавицы, следом направился Николай.

Ворота были распахнуты. Стойкий запах дерева, лака и растворителя. Здесь не только изготавливали столярку, но в соседнем помещении красили, лакировали изделия, расставляя вдоль стен. Возле некоторых станков сидели рабочие. Повсюду видны штабеля пиломатериалов, а к вечеру ещё добавятся горы стружек и опилок.

Николай постоял в дверях, осматриваясь, потом пошёл к торцовочному станку. Возле него лежал большой штабель досок. Пятидесятка, определил толщину на глаз Николай. Значит, будут заниматься заготовками на окна и двери. Вздохнул. Хорошо, не брус. Он неподъёмный. Вдвоём на станок не закинешь. Все руки отмотаешь. Вот уж бы замучились!

Он присел на низкую лавку, стоявшую возле горячих батарей. Рукавицы в батарейку. Пусть греются. Сейчас доски придётся нянчить, а они мокрые и тяжёлые. Он передёрнул плечами. Холодно! Показалось, в цеху стало светлее. Повернулся. Правда, за окном высветлило, и даже тусклый луч солнца пробежал по доскам, но вскоре исчез. Неужели проясняет? Николай приподнялся. Правда, тучи немного разошлись, и в просветах было видно тусклое голубовато-серое небо. Ну наконец-то, обрадовался он. Пусть немного морозом прихватит землю, а то идёшь—и повсюду грязюка, а мороз ударит—хоть лужи льдом прихватит. Всё лучше…

Николай прислонился к батарее. Хорошо-то как, тепло! До весны будут свободное время возле них просиживать. В помещении холодновато. Его не прогреешь. Да и ворота то и дело открываются. Одна машина въезжает, другие отправляются в дорогу. Сюда доски и брус, а отсюда готовые изделия. Словно конвейер работает. А рабочие—это муравьи. С утра и до вечера копошатся.

Николай поелозил, устраиваясь поудобнее. Женька Рыжий, напарник, не подошёл. Наверное, в бытовке сидит или к начальству заглянул. Хорошо, что к нему в напарники попал. Женька молчаливый. Буркнет под нос—и всё, скажет два-три слова—и опять молчок. Больше слушал, чем говорил. И Николаю нравилось, что тот не лезет в душу, не расспрашивает. Даже присядет рядом, взглянет на тебя, словно что-то спрашивает, а сам ни слова не говорит. Захочешь—ответишь.

Он поднялся. Покрутил головой. Напарника не видно. Николай заглянул к электрикам. Ещё утро, а Иван Огрызков уже готовит обед. Сколько помнит Николай, тот каждый день чистил две картошки, нарезал луковицу, кидал в кипяток, туда же—мелко нарезанную колбасу, всего лишь для вида, для запаха, и готовил обед. Один и тот же в течение многих лет. И сейчас Огрызков уже колдовал над кастрюлькой. Увидел его, кивнул и снова склонился.

Николай заглянул в соседнее помещение, где сидели слесаря. Виктор Климец точил пилу. Искры по мастерской! Второй слесарь сидел со стаканом чая в руке. Климец оглянулся. Помахал рукой, здороваясь, и снова склонился над диском.

Все заняты. Николай остановился в дверях, осматривая цех. Одни уже включили станки. Другие ещё тянули время. День долог, надоест ещё доски нянчить. И тянули время… Он шагал по цеху, здороваясь с рабочими. Кому-то махал рукой, если были далеко или заняты, а с другими останавливался. Поговорили, посмеялись. Николай оглянется, не видно ли напарника, и снова шагает. Вроде небольшой цех, а пока обойдёшь, пока в каждый уголок сунешь нос, с одним и другим поговоришь, время-то пролетело. Не успел оглянуться—станки замолчали, и многие потянулись в курилку.
— Кто это припрятал?—Николай остановился возле досок, которые лежали под батареей.—Липу привозили, да? А для меня найдётся?

Он повернулся к сутулому худому мужику.
— Это Ванька Орехов прибрал к рукам,—он кивнул в сторону сушилки.—К нему подойди. А что хочешь сделать?
— Сам ещё не придумал, но знаю, что пригодится,— Николай пожал плечами.—Что-нибудь замастрячу. Голова на то и дана, чтобы думать, а не тока жрать в неё.

Сутулый мужик хохотнул, потом присел на лавку, прислонился к горячим трубам отопления и притих.

Николай вернулся к станку. Постоял возле окна. Вроде высветлило, а сейчас снова небо затянуто тучами. На улице всё тёмно-серое и промозглое. Низкое тёмное небо. Облака словно сейчас за крыши цехов зацепятся. Низко плывут. Даже не плывут—этого не видно, а будто висят над ними, того и гляди всю округу словно одеялом укроют.

Он присел на лавку. Прислонился к батарее. Тепло. Укутался в фуфайку. Надвинул кепку на глаза

и притих. Даже задремал, как ему показалось. Словно взяли и выключили. Обленился за отпуск, а сегодня рано поднялся, поэтому спать потянуло. Он разлепил веки. Протяжно зевнул. Напарник не подошёл, а без него не начнёшь. Честно сказать, и не хотелось одному, да ещё в первый день после отпуска, что-то делать. Лучше посидеть, пока есть возможность. И сидел, невольно вспоминая встречу с Еленой—этой техничкой с педагогическим образованием, которой не нашлось места в школе и пришлось браться за любую работу, лишь бы выжить в этой жизни. И снова ёкнуло сердце, вспоминая, как она сидела рядом, редкий раз касаясь его плеча, а потом они шли к проходной, и у него появилось такое чувство, словно знал её давным-давно. Казалось, сейчас повернётся Лена, а он воскликнет: а ты помнишь, как мы с тобой лет несколько назад встретились на рынке, или на улице, или на танцах, а может, когда он бывал в столице и там её видел?—а она в ответ кивнёт: да, мол, помню… Но такого не могло быть, потому что сегодняшняя встреча была первой, а чувство—словно сто лет знаком с Леной, и поэтому на душе стало теплее, когда вспоминал о ней…

И обрадовался, когда бригадир пообещал поговорить с начальством по поводу земли для дачи, а ещё разузнать по поводу работы. Хорошо, если поможет. Жалко её, сама росточком со швабру, а такие вёдра таскает—руки отвалятся. И снова мысли о даче…

Раньше как-то не задумывался об этом, а потом заметил, как его друг всё свободное время тратил на свою дачу, и не дозовёшься его, чтобы съездить на рыбалку. Ну что в этом хорошего, что с утра и до ночи стоишь раком над грядками? Весна начинается—и всё, туши свет, как говорится. Всё свободное время тратишь на эту дачу. Надо вспахать, посадить, полоть и окучивать, а осенью ещё нужно урожай собрать да с ним определиться—соленья там, варенье… И получается, что свободное время—это зима, когда ты можешь вздохнуть от дачной суеты и поваляться на диване, почитывая газетки или попивая пивко, а остальные месяцы—это тяжёлый и неблагодарный труд, как казалось Николаю. Но почему тогда его друг с какой-то непонятной радостью ждал-дожидался, когда наступит весна и они с женой отправятся на дачу и будут с утра и до ночи копаться в грядках, убирать сорняки, пока язык не вывалится на плечо, а сами не упадут от усталости? В чём радость-то? Николай пожимал плечами, а друг посмеивался. Говорил: придёт время, и ты захочешь приобрести дачу или сам построишь и будешь ежедневно туда мотаться. Да ну, отмахивался Николай. Да чтобы я—и на дачу, чтобы пахать как проклятущий—да никогда! А сейчас захотел… Сидел и радовался, что бригадир поговорит с начальством, ему выделят участок, и он построит домик. Небольшой домик, баньку поставит, посадит яблоньки и груши, вишню и сливу и будет ездить туда. Правда, одному скучно, что ни говори. Словом перекинуться не с кем. Правду бригадир сказал, что на даче нужна женская рука. А где её взять—эту женскую руку, да ещё на даче, если её и в жизни-то нет? Ну не встретилась она—эта самая женщина, ради которой он готов будет горы свернуть. Нет её, и всё тут!

Он сидел, хмурился, вспоминая всех своих бывших подруг, и примерял как бы личину дачниц на них, подойдёт ли она или другая на роль помощницы по даче, да что говорить—роль жены, и никак иначе. А Танька или Антонина подойдут к семейной жизни? Всё же жена—это первая помощница на даче. А может, опять с Веркой закрутить любовь? Вроде девка весёлая и в теле, как говорится, а получится ли притереться друг другу? Николай пожимал плечами. Верка хорошая и красивая, но какая-то пустая. Несерьёзная, что ли… С ней хорошо время проводить, а жить и на дачу ездить… Нет, она не согласится, да и ему не хотелось этого, честно сказать. И снова примерял маску дачницы и спутницы жизни на следующую подругу.

А потом вспомнил Лену, с которой познакомился только сегодня, почему-то она в душу запала. Вроде ничего особенного, девка как девка, которых много вокруг, а она зацепила. Нет, не жалостью, она ничего не говорила, что тяжело ей, что устала. Она приняла жизнь как есть и радовалась, что смогла найти работу. Пусть копеечная и неблагодарная эта работа, а она была рада. Николай вспоминал, как они шли вместе на работу. Вроде разговоры ни о чём, а ему было интересно с ней. Пусть всего знакомы пять минут, а казалось, давно её знает. И это было удивительно.

Он представил себе, если бы Лена вышла замуж за него, они собрались и поехали бы на дачу. Она бы таскала кирпичи своими педагогическими руками, которые, кроме мела и указки, ничего не видели, а он потихонечку строил домик. Всего лишь в одну комнату, зато там будут стоять стол, кровать и телевизор, а ещё сделает большую и светлую веранду, на которой они будут пить чай по вечерам, когда вернутся из баньки. Ленка заварит чай. Николай будет сидеть за столом. Она выйдет к нему, вся такая светлая и чистая, аж дух занимается, поставит чай перед ним, варенье и конфеты, сушки и пирожки. Включат транзистор. Музыка, чай, вечер и тишина. Они пьют чай и отдыхают после рабочего дня, потом усядутся на крылечке и будут слушать тишину, а ещё смотреть на звёздное небо. И молчать. А что говорить, если и так всё знаешь? Тут нужно душой чувствовать, а не словами разбрасываться. Душа—это главное у человека. А потом у них будут дети. Много. Николай всегда завидовал, у кого в семье было много детей. Он был единственным ребёнком у родителей, а ему хотелось братьев и сестёр, и завидовал друзьям,

у кого они были. Даже сейчас ему хотелось, чтобы в семье были дети. Два или три, а может, пятеро, но пусть будут, и они станут бегать на даче, топтать цветы и грядки, а подрастут—станут помощниками. Вон как у его друга. Носятся—аж пыль столбом! Друг с женой вроде ругают их, а по глазам видно—радуются. И ему хотелось того же…

Николай вздохнул, вспоминая Лену. Мало ли что ему хотелось? Придумал себе незнамо что. Пять минут знакомы, а он уже нафантазировал: вот и замуж вышла за него, и дачу построили, и семеро по лавкам. Эх-хе, снова вздохнул он. А в душе всё равно была какая-то непонятная радость после этой встречи. Вроде ничего особенного в ней не было, а чем-то же она смогла зацепить. А чем? Он пожал плечами… Были девчонки куда красившее её, с кем время проводил, а ни одна в душу не запала. Вроде неплохие, но все одноликие, которые хороши для развлечения, а не для семейной жизни. Чего-то в них не хватало для семейного счастья, а чего именно—он не знал. Может, правда бригадир сказал, что счастье не в красоте, а в душе? Да, наверное, так и есть…

Он приоткрыл глаза. Зябко повёл плечами. Не нравилась осень. Всегда сыро, всегда мрачно. Напарник ещё не пришёл. И доски не привезли. Машина давно ушла на склад, но застряла. В помещении полумрак. Он оглянулся на мутные грязные окна, за которыми ничего не разглядеть. Лязгнули ворота, распахиваясь, въехала машина, гружённая досками, на которых лежал толстый слой снега. Николай мотнул головой и невольно оглянулся на окно, за которым творилось что-то непонятное. Прижался к стеклу. Это же снег идёт, чуть не вскрикнул он. И обрадовался. Зима пришла. А с нею придут метели, и тогда он будет гулять по занесённым улицам, когда, как говорится, хороший хозяин собаку не выгонит на улицу, а ему нравилась эта погода. И такой восторг в душе, что не передать словами, его нужно чувствовать…

Он долго стоял, о чём-то думал, хотел было присесть, но заметил, что бригадир помахал рукой, подзывая; он подошёл к бригадиру, а потом заторопился на улицу, где была настоящая снежная круговерть. Вытяни руку—и пальцев не увидишь. Николай постоял возле ворот, аж дух захватывало от первой и такой долгожданной метели. Утром же ещё дождь хлестал, а сейчас настоящая зима наступила. Вон как заворачивает! Как сыпанёт в лицо—аж дыхание перехватывает. Ну и пусть, зато на душе опять появился восторг. Стихия! И он, букашка, песчинка или частичка, которая бредёт, пробивается через эту стихию. И он побрёл, прикрываясь воротником. Николай шагал в сторону управления, чтобы разыскать Лену, которая запала ему в душу, и казалось, они много лет знакомы, а почему—не мог объяснить. И он торопился, чтобы поговорить, да просто постоять рядом с ней, и, если метель не закончится, уговорить Елену, и они пойдут вечером гулять по снежной круговерти. А завтра встретятся на остановке и вместе поедут на работу, а по дороге будут разговаривать. О чём? Да вроде ни о чём, а в то же время они будут говорить о жизни. И так каждый день… А когда придёт весна, как в природе, так и в душах, они будут ездить на дачу, по вечерам сидеть на крылечке, смотреть на звёздное небо, слушать ночную тишину и молчать, потому что слова не нужны, ведь в человеке главное—это душа. Конечно же, он настанет—этот день, потому что так и должно быть в нашей жизни…

Светлана Бутусова

Не шути с лесом

— Я не пущу тебя. Если понадобится, лягу под колёса автомобиля, но ты не поедешь обратно.
— Понимаешь, что там люди, которым нужна помощь?
— В чём? Стать ужином для озверевших медведей и волков?— Алёна недобро прищурилась, сверля супруга испепеляющим взглядом.— Я сказала «нет». Мы чудом выбрались из того ада, и обратно ты не вернёшься.
— Тогда кровь оставшихся там людей будет на твоих руках,— вспылил Сергей.

Уставился на жену, но проиграл в гляделки. Сделал шаг назад и отвернулся, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями. В груди всё клокотало от пережитого ужаса и раздражения.
— Ты ещё благодарить меня будешь,— обиженно буркнула Алёна, не скрывая оскорбления. Тоже отвернулась, покусала губы — переборола себя.— Мне страшно, и я устала. Поехали домой?— в этот раз голос девушки звучал жалобно и почти умоляюще.— Я боюсь тебя потерять. Неужели ты этого не понимаешь? Я люблю тебя!

Сергей вздрогнул. Повернулся к жене, встревоженно оглядел, вздохнул. И решительно притянул Алёнку к груди, заключая в крепкие мужские объятия.
— Поехали домой, малышка. Ты права. У меня нет оружия. Чем я смогу помочь?— сдался мужчина, примирительно поглаживая любимую по спине и, естественно, не замечая, как расплывается в довольной ухмылке победительница.

1.

Идея провести фестиваль на природе, в лесу, была потрясающей. Организаторы уже видели сочные кадры с мероприятия во всех газетах, журналах и интернет-порталах. А если удастся подключить телевидение…
— Мы затмим всех конкурентов,— непоколебимо заверил шефа Сергей, умело играя на чувствах начальника.— Поставим главную сцену у водопада, шатры с участниками раскидаем по территории заповедника, отведём место для кемпинга, а зафиналим всё мощным концертом. Я свяжусь со столичными музыкантами и приглашу к нам.
— И вас не беспокоят дикие звери, которые обитают в этих лесах?— робко подала голос одна из смм-щиц компании, обеспокоенно взглянув на активного зама.

Тот хохотнул.
— Лика, мы будем шуметь так, что ни одно существо не приблизится к нам и на десять километров.
— Я слышала, территория этого заповедника священна у местных,— встряла в беседу менеджер по связям с общественностью Юля.
— Ещё скажи, лесные духи обозлятся и напустят хищников,— Сергей снисходительно посмотрел на девушку.— О, а это идея. Давай пригласим на фестиваль шаманов! Диковинка привлечёт больше народу. А эти ряженые, если что, замолят духов.
— Ох, не говорили бы вы, Сергей Вадимович, что зря,— покачала головой Юля, но заместитель от её слов развеселился ещё больше.
— Я и не знал, что ты у нас, Юленька, веришь во всю эту мистику. С виду такая разумная девушка. Не переживай, обещаю, что всё пройдёт на высшем уровне. Никого дикие звери не съедят, духи не обидятся, а с шаманами я пошутил. Хотя…

Юлия лишь тяжело вздохнула. Боссы приняли решение, и их было не переубедить.

— В заповеднике? Идея, мягко говоря, неумная,— нахмурился Андрей, разглядывая сидящую напротив супругу.

Юля кивнула.
— Я тоже так сказала, но начальство захотело,— девушка развела руки в стороны.
— И шаманы не согласятся на это показушничество. Если бы к ним с настоящей просьбой, искренне подошли, тогда не спорю, не отказали бы. А так… Да ещё в таком особом месте… Нет, глупость затеяли твои коллеги. Переубедить не удастся?

Юля отрицательно покачала головой. Взгляд у мужчины стал ещё мрачнее.
— Но и бросить тебя не могу. Так уж и быть, помогу всё организовать, попрошу своих парней охраной озаботиться. Сделаем всё, что в наших силах.

Девушка просияла, кинулась супругу на шею, одарила россыпью поцелуев. И чуточку успокоилась, почувствовав крепкое плечо рядом.

2.

— Юлёна, я же говорил, идея — бомба. Ты только посмотри, сколько народу собралось! А телевидение! Целых три канала приехало! Уже предвкушаю новости. Наш фестиваль станет сенсацией, мы ещё пошумим! — Сергей поравнялся с коллегой и радостно отсалютовал бокалом с соком — всё-таки на работе.

Девушка мимолётно улыбнулась, скорее нервно, чем радостно.

— Алёнку не видела? А то бегаю по делам, а она подумает, что бросил одну.

— Была у палатки с украшениями. Но, кажется, даже не замечала твоего отсутствия, — Юля постаралась сохранить непроницаемое лицо, но ухмылка проскользнула между делом.

Сергей в ответ хохотнул.

— Не зря свою карту дал, выходит. Пойду поищу, спасу баланс. Кстати, можно просьбу? — Сергей наклонился ближе к девушке и зашептал: — Попроси своего лицо попроще сделать, поприветливее, что ли, а то праздник, а он такой… суровый, — мужчина покосился на прохаживающегося меж гостей Андрея и недовольно поджал губы. — Ещё в камеры попадёт с таким выражением.

Юля вскинула бровки, но смолчала, вежливо кивнув. Проводила шефа взглядом и неторопливо направилась к супругу.

— И чем ему лицо моё не угодило? — Андрей выразительно удивился, потирая затылок. — Вполне обычное лицо, я же не улыбаться пришёл, а следить за безопасностью и порядком.

Юля пожала плечиками и сделала огромные глаза: мол, пожалуйста, давай как просят. Андрей явно недовольно насупился, но на уступки пошёл. Изобразил улыбку.

— Так лучше? — гримаса вышла настолько неестественной, что девушка зашлась в заливистом смехе.

— Бог ты мой, так ещё хуже!

— Тс-с-с-с, — вдруг неожиданно резко выставил перед собой палец мужчина, призывая супругу умолкнуть. Встревоженно упёрся в полумрак леса позади девушки.

Юля мгновенно замерла и испуганно повернулась, посмотрела туда же, куда пялился Андрей.

— Ты чего? — почему-то шёпотом спросила, делая шаг к мужу.

Тот ещё несколько секунд в нервном напряжении вглядывался в густоту деревьев, а затем расслабился и махнул рукой:

— Привиделось. Порядок, не переживай.

Только вот унять тревогу Юле оказалось непросто. Беспокойство любимого передалось и ей. Девушка инстинктивно потянулась к красной нитке на левой руке, пытаясь сбросить напряжение.

— Пойду узнаю у ребят, как у них дела. А ты далеко в лес не ходи, — предупредил девушку Андрей, наклонился поцеловать и после двинулся на проверку.

Юля несколько минут смотрела любимому в спину, а затем словно что-то вспомнила, покачала головой и поспешила к столу с угощением.

— Серёга не пробегал поблизости? — Алёнка возникла перед Юлей и с любопытством покосилась на горстку конфет и печенек у девушки. — Куда ты?

— Сейчас вернусь. А Сергей тебя искал. Сказала, что возле украшений.

— Меня искал или денежки свои бежал спасать? — задорно рассмеялась Алёна.

Подруги хитро переглянулись, а затем Юля оставила Алёну дожидаться мужа, а сама скрылась меж крайними палатками, скользнула за густые заросли малинника, обогнула их и подобралась к раскидистому вязу. Осторожно присела, аккуратно уложила сдобу у корней, избавила конфеты от фантиков и примостила сладости рядом. На миг прикрыла глаза, сосредотачиваясь на ощущениях и словах приветствия и уважения к лесу и его обитателям.

Тихий хруст веток заставил девушку вздрогнуть и распахнуть глаза. Волосы на теле непроизвольно встали дыбом, а в животе неприятно заныло. Юля сглотнула и медленно, боясь увидеть закравшееся в голову предположение, повернулась. Метрах в пятидесяти от неё стоял медведь.

Сердце замедлило свой бег, во рту пересохло, а ноги и руки стали ватными и отказывались подчиняться. Совет охотников, что нужно максимально выше выглядеть рядом с таёжным хозяином, крутился в сознании, но тело воспротивилось. Юля как сидела на корточках, так и рухнула наземь. Даже закричать сил не нашлось.

А медведь, склонив голову набок, изучал нарушительницу покоя томительно долго. Принюхивался, шевелил ушами, тихо порыкивал. А потом неожиданно побрёл дальше, развернувшись к человеку спиной.

У Юли слёзы по щекам покатились неуправляемым градом.

Сколько времени она просидела вот так, не шевелясь, сказать не смогла бы. На смену рыданиям пришёл дикий страх: что было бы, если… А затем с кончика языка бурным потоком ломанулась благодарность. Она отстукивающими сумасшедший ритм пальцами впилась в кору дерева, прижалась к стволу и не могла успокоиться, казалось, вечность. Сидящей в обнимку с вязом её и нашёл Андрей. И без слов понял. Кинулся, сгребая в охапку, прижал к груди, нервно-рвано гладя по волосам и плечам, спине.

— Тебе пора возвращаться, — спустя энное количеством времени нашла в себе силы отстраниться Юля.

Близкий мужчина рядом сумел подарить уверенность и поселить в душе спокойствие. Страх

отступил, а происшедшее уже казалось каким-то далёким то ли сном, то ли видением.

— Нужно следить за порядком.

Андрей кивнул и помог подняться, собрал рассыпавшиеся фантики, спрятал в карман. Подбадривающе улыбнулся и повёл девушку за собой.

— Мне неспокойно,—когда идти в молчании стало невмоготу, нарушила тишину Юля. Подняла на любимого встревоженные глаза.—Не медведя я видела.

— Предупреждение,—согласился всё понимающий муж. Вздохнул.—Я попробую уговорить Сергея завершить фестиваль. Уехать бы всем до наступления темноты…

Сергей не послушал. Искренне возмутился, посчитав, что предчувствия—глупости, а вот оплаченные столичные музыканты—это дело.

— Сейчас как навалим громкости, всё зверьё разбежится. Не переживай, Андрюха, прорвёмся. Фестиваль запомнится, слово даю!

3.

Он и запомнился. Только не так, как хотелось организаторам. Череда неприятностей началась с заглохшего автомобиля группы посреди заповедника, за пару десятков километров до главной сцены. Потом кто-то из гостей пошёл в туалет и заблудился. Блуждал тропами пару часов, пока не наткнулся на одного из охранников. И как начал рассказывать о стае волков со сверкающими глазами, медведях, рыщущих за деревьями, полупрозрачных фигурах у водопада, росомахах небывалых размеров… Охранник покосился на глаза-блюдца бедолаги, послушал странные путаные речи и решил, что несчастный беспробудно пьян. И отправил трезветь в карету скорой помощи.

Но не прошло и часу, как медведицу с двумя медвежатами увидал сам Андрей. Семейство наблюдало за людьми с приличного расстояния. Не приближалось, не шевелилось, но невозможной опасностью веяло от их застывших фигур.

— Лес злится,—обронил мужчина, не оборачиваясь на замершую за спиной супругу.—Бери ключи от машины, забирай тех, кто решится ехать и поместится в салоне, и уезжай. Как можно скорее, Юль.

— А ты?—девушка не смогла скрыть ужаса, отразившегося в голосе. Вцепилась в руку Андрея и затрясла головой.—Я не поеду без тебя! Этот фестиваль—и моя вина. Я не отговорила Сергея, ещё и тебя завлекла во всё это!

— Сделанного не изменить, Юль. А охранять всех я сам решил. Так что поступай как сказал. За меня не переживай, я бывалый, не из таких передряг выбирался,—мужчина обернулся и даже подмигнул жене.

Слёзы заблестели на глазах девушки. Она сильнее вцепилась в рукав свитера мужа и раздражённо засопела, сверля Андрея взглядом:

— Я сказала, что не брошу тебя!

Мужчина стиснул челюсти, явно справляясь с желанием встряхнуть девчонку и силой отправить в машину. Переборол себя, заговорил вкрадчиво и с расстановкой:

— Я хочу, чтобы ты забрала отсюда как можно больше людей и увезла в безопасное место. Это твой долг как организатора—заботиться о сохранности гостей. Поняла?

В груди у девушки всё клокотало: ужас от дурного предчувствия, страх за мужа и нежелание оставлять его, нарастающая паника… И среди этого вороха эмоций тихо попискивали голос разума и чувство долга. Андрей знал, куда надавить, чтобы сработало.

— Но потом я вернусь за тобой.

Мужчина улыбнулся, кивнул, искренне надеясь, что Юля не сдержит обещание.

— Вы чего замерли? От вас так и веет неприятностями,—непонятно откуда возник Сергей. Оглядел парочку и рассмеялся, хлопнув по плечам.—Только не говорите, что вы задумали всех распугать. А то целый день пытаетесь…

— Сергей, здесь медведи,—Андрей указал в сторону кустарников, где минутами ранее стояли хищники.

Сергей умолк, напрягся, вгляделся в тёмные заросли, но никого не увидел.

— Слушайте, я всё понимаю: неприятность с группой, ещё и этот полоумный заплутавший, но прекратите нагонять панику. Мои ребята вон музыку подключают, сейчас как врубим.

Не успел мужчина умолкнуть, как тишину леса разорвали тяжёлые биты рока. Сергей расплылся в довольной улыбке.

— Я же говорил! Теперь никакие мишки нам не страшны. Они громких звуков не любят? Не любят! Порядок, дружище,—пытаясь перекричать орущие музыкальные ритмы, выдал Сергей.

А в следующий миг истошный вопль прорвал пелену пронзительных нот.

Все мгновенно обернулись на крик и замерли, пытаясь сдержать инстинктивное желание кинуться врассыпную. Огромный бурый медведь впивался окровавленной пастью в горло одного из операторов. Мощная когтистая лапа метким ударом пробила несчастному грудь, пригвоздив к земле. И лишь камера на штативе продолжала снимать последние кадры талантливого журналиста.

Вдруг все закричали и ломанулись в разные стороны.

— В машину!—только и процедил Андрей, подталкивая супругу в нужном направлении.

Юля сообразить не успела, как муж уже пропал из виду, и легко было догадаться, что кинулся выполнять свои обязанности.

— Алёну, мне нужно найти Алёну! Юль, помоги,—в голосе шефа больше не звучало залихватских нот.

Бледный, заикающийся, с дрожащими руками, такой Сергей Вадимович теперь трусил девушку за плечо и умолял о помощи. Если бы не леденящая душу ситуация, Юля не сдержалась бы от «я же говорила». Но катастрофа набирала масштабы, и медлить, отвлекаясь на глупости, было непозволительно.

Девушка кивнула и, перехватив босса за руку, кинулась в сторону толпы. Разум кричал, что делать этого не следует, но тревога за подругу и чувство ответственности несли вперёд.

— Лена! Алёна!—в два голоса кричали Сергей и Юля, стараясь не смотреть в сторону леса, в тёмной листве которого возникало всё больше сверкающих пар глаз.

Гнетущая атмосфера становилась более осязаемой. Страх, непонимание происходящего, ирреальный ужас пробирались под кожу, липкими пальцами скользили под одеждой, сжимали мёртвой хваткой горло. Люди вокруг мельтешили перед глазами. Бегали словно в замкнутом круге, не в силах вырваться за пределы, очерченные духом леса.

Юля словно со стороны наблюдала, как перепуганные участники фестиваля врезаются в невидимые стены, колотят руками по воздуху и орут, срывая горло, в надежде отыскать во мраке пути отступления. Девушке вдруг стало так страшно самой наткнуться на преграду, что Юля замерла посреди дороги, сжимая голову и впиваясь ногтями в кожу. «Нам не выбраться! Лес не выпустит. Мы здесь умрём, заплатим за вторжение»,—яркой вспышкой мелькнула в голове мысль, и тошнота из желудка комом подкатила к горлу.

— Алёна!—голос Сергея вывел из оцепенения.

Юля вздрогнула, замотала головой, отгоняя наваждение.

— Оно налетело на женщину возле меня! Боже, что это за дрянь? Я не хочу умирать!—истерично вопила Алёна.

Сергей пытался привести жену в чувство, но девушка явно пребывала в прострации и смолкать не собиралась.

— Лена, молчи!—Юля заставила себя шагнуть к ребятам. Больно схватила подругу за запястье и дёрнула, заставляя умолкнуть.—Мы не умрём, обещаю.

— Никто не выйдет отсюда,—зарыдала, но уже тише, Алёна.—Та женщина… Она кричала, что не получается выбраться! Я вижу парковку, но не могу…—слова утонули в слезах и всхлипах.

Холодок пробежался по спине вдоль позвоночника. Юля сглотнула и нервно передёрнула плечами.

— Мы попробуем ещё раз. Будем пытаться столько раз, сколько понадобится, но сядем в машину, слышишь?—девушка ещё раз тряхнула подругу и развернулась к Сергею:—Ты готов?

Тот кивнул. Юля на миг прикрыла глаза, собралась, глубоко вдохнула и первой кинулась бежать.

В ушах свистел ветер, ветки кустов хлестали по плечам и щекам, вопли и крики отчаяния раздавались со всех сторон. А ещё было рычание. Оно доносилось отовсюду и преследовало угрожающими нотами. Слёзы сами собой катились по щекам, мешали чётко видеть. Несколько раз Юля спотыкалась и летела на землю, сбивала колени, вляпывалась руками в нечто липкое, вязкое, мерзко пахнущее. Но думать, что́ это, девушка себе не позволяла. Вскакивала на ноги, вытирала ладони об одежду и продолжала бег. Если бы её спросили, откуда в ней столько хладнокровия, девушка бы истерично разрыдалась. Но никто не интересовался, Сергей и Алёна следовали по пятам в гробовом молчании, и Юля до боли прикусывала губы, язык, внутреннюю часть щеки, отвлекалась на солоноватый привкус крови во рту, лишь бы не думать о происходящем вокруг.

Длинный ряд машин вырос перед носом. Юля метнулась к автомобилям и резко застыла, услышав жалобное ойканье Алёны позади. Обернулась. Почувствовала, как закололо в боку от бешеного ритма, как лёгкие плавились изнутри от нехватки воздуха, а голова шла кругом. Язык и губы вдруг оказались распухшими и мешались.

— Не получается!—Алёна и Сергей отчаянно бились в невидимую стену и затравленными глазами смотрели на подругу, не в силах перешагнуть черту.

— Как ты это делаешь?—опять истерично заорала Алёна и ещё сильнее заколотила кулаками.

Крики привлекли остальных. Несколько десятков людей ломанулись в сторону парковки, словно наконец-то её увидели, но тоже врезались в нечто бестелесное.

— Что происходит?

В следующий миг в гущу толпы влетели волки… А может, рыси. Это было уже не важно. Юля заорала от неожиданности и ужаса, ей в унисон сорвались на крик пострадавшие. Толпа превратилась в месиво. Звери метались между добычей. Налетали со спины, вонзали клыки с остервенением и злобой.

— Юля!

Девушка услышала своё имя, скользнула взглядом, отыскивая источник звука. Увидела перепуганную подругу, отчаянно пытающуюся пробиться к машинам. Обещание выбраться любой ценой молнией сверкнуло в сознании и привело в чувство. Юля кинулась вперёд, до конца не понимая, что делает. Схватила Алёну и Сергея за руки и потащила. Пришла в себя, только стоя у двери своего автомобиля в лихорадочной попытке попасть ключом в замок.

— Дай я,—Сергей попробовал выхватить ключ из рук девушки, но та неожиданно отпрянула в сторону и заозиралась.

Попробовала сообразить, что произошло. Толпа продолжала вопить, оставаясь за чертой.

— Как мы здесь оказались?

— Какая разница как, если сейчас не откроем машину и не уберёмся прочь?! — Сергей вновь предпринял затею завладеть ключом.

Юля его оттолкнула и кинулась вдоль ряда машин к лесу.

— Андрей!

Девушка с таким отчаянием звала супруга, что Сергей на миг отстал, не решаясь мешать. Но потом рычание диких тварей раздалось с новой силой, и мужчина кинулся девчонке наперерез. Схватил за плечи, затряс.

— Его здесь нет, а звери рядом, и вряд ли их остановит барьер. Юля, ты меня слышишь? — Сергей несильно ударил подчинённую по щеке. Юля словно очнулась и заморгала, закивала. — Отлично. Дай мне ключи и бегом к машине.

Девушка послушно отдала их боссу, тот схватил и кинулся обратно к автомобилю. Юля потерянно оглянулась в сторону леса. Мужа не было, зато затуманенным взором она увидела двух мальчишек, с трудом удерживающихся на ветке небольшого деревца. Не отдавая отчёта, кинулась к ребятне. Мальчишки закричали, не сразу сообразив, что перед ними человек. Зато потом так крепко вцепились в хрупкую фигурку спасительницы, что Юля еле удержалась на ногах.

— Юля, где тебя черти носят? — ругался, уже не следя за языком, Сергей.

Девушка обхватила мальчишек руками и кинулась к машине, дивясь сама себе и прыти в теле. Неужели открылось второе дыхание?

— Ты что творишь? — заистерила Алёна, но Юля проигнорировала подругу, буквально запрыгивая в отъезжающую машину и захлопывая двери. — О боже, они бегут сюда! — вновь закричала Алёна, замечая, как звери у черты резко дёргаются на звук мотора и кидаются в погоню. — Давай! — запричитала, вцепляясь в сидение.

Юля сильнее обняла мальчишек, инстинктивно закрывая им глаза ладонями. Зажмурилась.

— Юля, ты меня слышишь?

Наверное, она отключилась от пережитого напряжения, а теперь вынырнула из темноты, вздрогнула и заозиралась. Машина на бешеной скорости мчала по гладкому асфальту мимо высоких сосен.

— Юля? — вновь позвал Сергей.

— Мы выехали из заповедника? — слабым осипшим голосом прошептала девушка, не узнавая себя.

— Минут десять как. Впереди машины мчс, и, кажется, они раскинули лагерь. Мимо нас пролетело несколько карет скорой помощи, но я сомневаюсь, что они смогут туда проникнуть, — Сергей говорил сбивчиво, тяжело дыша.

— Попадут, а вот обратно… — потерянно произнесла Юля и всхлипнула. Шок ещё не отошёл.

— Я остановлюсь. Нам нужно перевести дух и рассказать о случившемся, — поделился планом Сергей.

Никто ему возражать не стал: Алёна беззвучно рыдала на переднем сиденье, а Юля отвлеклась на мальчиков.

Сергей свернул к лагерю.

— Мы должны передать детей медикам, — Сергей тронул Юлю за плечо и подбадривающе улыбнулся.

Получилось не особо.

Юля отрешённо кивнула, посмотрела на ребятишек, словно запоминая их лица, а затем позволила подошедшим спасателям забрать крох. Взгляд сразу потух, когда мальчиков не стало, и девушка обессиленно прислонилась к сиденью, чувствуя накатившую апатию и слабость. Перед внутренним взором замелькали разрозненные картинки событий в лесу, но теперь всё походило на далёкий сон.

Из забытья выдернуло рычание Алёны. Юля непроизвольно прислушалась. Подруга угрожала супругу лечь под колеса автомобиля, если тот вздумает возвращаться.

Возвращаться! Это слово молнией пронзило сознание девушки. Юля встрепенулась и выпрямилась. Покосилась в сторону спорящих, поймала довольную ухмылку Алёны, когда Сергей притянул любимую к себе. Всё поняла без слов и нервно беззвучно рассмеялась. А ведь это всё из-за Сергея! Боже, какой идиот! Она же говорила, что заповедник — священная земля. Почему нельзя было просто поверить?! А теперь там десятки трупов и Андрей…

Имя мужа отозвалось в груди ноющей болью. Юля всхлипнула и резко умолкла на половине вдоха. Нервно улыбнулась, заметив вставленный ключ зажигания. Зря Сергей его не вытащил…

— Что она делает? Божечки, какая дура, — только и смогла выдать Алёна, глядя вслед удаляющемуся автомобилю.

Эмчеэсовцы попытались остановить машину, но водитель за рулём даже не обратил внимания на заграждение, стесав половину крыла бампера и вырвавшись из лагеря.

— Сумасшедшая, — только и ответил Сергей на обращённые к ним с Алёной взгляды окружающих. И пожал плечами.

4.

— Глупая, ты зачем вернулась?

— Думаешь, я могла тебя бросить? К тому же я обещала, что вывезу отсюда как можно больше людей. Оказалось, что только я и могу это сделать. Не понимаю почему…

— Ты выказала уважение духам. Лес запомнил.

— Я и не подумала об этом.
— Видишь, порой я бываю полезен.
— Глупый, ты всегда полезен.
— Только не реви. Многие выбрались?
— Пришлось несколько раз мотнуться туда-обратно. МЧС разбили неподалёку лагерь.
— Из моих ребят удалось кого-то спасти?
— Парочку. А ещё, кажется, я нашла нам сыновей.
— И почему я даже не удивлён?
— Им около четырёх и пяти.
— Всегда хотел погодок. Далеко твой лагерь?
— Двадцать минут бешеной езды. Мы успеем, обещаю тебе. Ты, главное, сознание не теряй.
— Сделаю всё, что в моих силах.
— Уж постарайся, а то ты тяжеловат малость!
— Придётся сесть на диету, как выберемся. Юль, ты сегодня большая умница.
— Ты тоже, только держись. Осталось немного. Слышишь? Я люблю тебя.
— И я тебя.

Литературное Красноярье ∴ ДиН детям

Дарья Назарова

Магнит для счастья

Я просто играю в мяч

Я просто играю в мяч,
И что-то вокруг меняется.
Я просто пинаю мяч,
А люди мне вдруг улыбаются.
И нет хмурых лиц и забот,
И каждый дать пас норовит,
А я — хохочу во весь рот!
Мяч — словно для счастья магнит!

Бант

У Кати бант на голове —
Большой, красивый, видный.
Теперь не спрячешься нигде —
Его повсюду видно!
— Зато я стала выше всех!
Я выше, чем мальчишки!
Мне даже жалко стало тех,
Кто ходит с лысой стрижкой!

Шпионка Луна

То жёлтая, то белая,
На круглый сыр похожая,
Луна незагорелая
Шпионит за прохожими.
За дом, за тучу спрячется,
За дерево высокое…
Ты что, Луна, ребячишься,
Всё ходишь близ да около?
Давай уже заглядывай
К нам в гости на чаёк,
Про космос порассказывай:
В нём кто-нибудь живёт?

Когда я в луже

Когда я в луже — никто мне не нужен:
Ни мама, ни папа, ни завтрак, ни ужин,
А только плескаться, играть, бултыхаться,
И камни бросать, и от счастья смеяться.
Я, выйдя из лужи, не буду простужен,
Ведь я же в сапожках, я во всеоружии.
Сапожки — оружие мирного дня.
Люблю я сапожки, а лужа — меня.

Зимний рыцарь

Меня мама так плотно одела!
Я — как рыцарь в тяжёлых доспехах.
А ведь нас ждёт на улице дело!
Маме будет сейчас не до смеха.
Сам идти не смогу, сяду в саночки
И скажу: «Повези меня, мамочка!»
Я твой рыцарь, а ты — моя лошадь!
Шуба в яблоках, шарфик в горошек.

Эгейское море

Вот бы увидеть Эгейское море,
Руки раскинуть в солёном просторе,
Море впитать и, вдохнув грудью всей,
Изо всей силы кричать: «Э-ге-ге-е-е-е-ей!»

Плут Плутон

Какой же плут Плутон!
Учёных за нос водит.
Всем говорил: планета он, —
А сам лишь карлик… Вроде…

Вячеслав Нескоромных

Старая прялка

Как это странно всегда:
Вроде бы взрослые люди,
А в голове ерунда,
Мечтаем, как дети, о чуде.
Автор и певец Трофим

Эта история свершилась со мной ровно под Новый год. Накручивая круги в темноте и стылости прогулки одного из последних в году вечеров, вдруг приметил в снегу странную, явно очень древнюю и совершенно уже ненужную в быту конструкцию. Поднял брошенную несуразицу, не понимая совсем, для чего это я делаю, и отметил, что это нечто напоминающее обломки деревянного колеса с резными спицами.

Колесом назвать эту неказистую конструкцию было уже нельзя, ибо в ней многих деталей недоставало, другие были изломаны: из центрального деревянного диска с кованой стальной ручкой и квадратной осью торчали ломаные и сохранившиеся спицы, являя миру образ то ли убогой снежинки, то ли чьей-то изломанной судьбы. Тем не менее включилась фантазия, и я тут же представил, что это обломки далёкого кораблекрушения и останки выброшенного на берег фрегата, а валяющаяся в снегу вещица — очевидно, изувеченный штормами штурвал этого бедового, лишённого везения корабля, заселённого когда-то полупьяными пиратами. Подобная фантастическая картина у меня рождается часто как следствие того, что малые свои года провёл я на берегу великого океана, по некоторой нелепой случайности названного Тихим. Бурный нрав великого, как Космос, водоёма проявлялся в том, что ежедневно на берег выбрасывалось огромное число всяческих останков человеческой деятельности, в его попытках как-то приручить и обуздать громадину: можно было найти обрывки ядовито-цветных капроновых сетей с яркими стеклянными, пластиковыми поплавками самых разных форм, бутылки и банки из-под неведомых нам напитков, обломки со остатками надписей и даже один целёхонький спасательный круг с замысловатыми иероглифами по периметру. С тех пор я грезил далёкими путешествиями, и воображение рисовало странствия, огромные океанские валы, столь безжалостные к хлипким судёнышкам. Начитавшись о бутылках с вложенными записками о бедствиях и крушениях, я исправно заглядывал в найденные сосуды тёмного стекла, рассчитывая найти весточки с другого края планеты и океана, заранее сочиняя незамысловатый текст сдержанного крика о помощи.

Конечно, на штурвал сломанная и найденная мной вещь не тянула — была хлипковата, но в ней сразу узнавалось изделие мастера столетней, а может, и двухсотлетней давности. Я мало того что фантазёр, так ещё и рукастый — от деда моего досталась тяга к деревянным делам: мимо изделий из дерева, фигурок всяких резных пройти мимо не могу, так и тянет потрогать, присмотреться, да я и сам всё время что-то строгаю и клею. Поднял, не мешкая, не доломанную временем до конца вещицу и, уже ругая тех, кто сломал и выбросил раритет, потащил к себе.

Перед лифтом в ярко освещённом помещении подобранная вещица смотрелась уже совсем не презентабельно, а неведомо откуда взявшаяся старушонка в вязаном платке, стоптанных старых сапогах и бесформенной шубейке неведомого кроя отметила, что такую вещицу она якобы помнит — крутила в детстве и в молодости, забавляясь с прялкой. Точно, это колесо от прялки — осенило и меня наконец. Как любая очень старая вещь, побывав во многих заинтересованных в ней руках, деревянная эта конструкция питала энергией и знанием, которое рождается невольно из анализа множество раз пережитого теми кто держал её в натруженных руках, долгими зимними вечерами вращал и лелеял. Так и я уже держал цепко эту вещицу, ощущая, что рокового шага к мусоропроводу я точно не сделаю, а подумаю, как эту недоломанность превратить в этакую завершёнку, годную для чего-то вещь.

Присмотрелся к старушке, маленькой и сухенькой такой, что более походила на подвядшего подростка, и что-то знакомое и далёкое стало всплывать в памяти, разглаживая в воображении глубокие морщины и улавливая знакомые черты лица и улыбку застенчивую, но подошедший лифт отменил воспоминания. Я отвлёкся, а войдя в лифт, отметил, что старушка куда-то пропала, словно и не было её вовсе ещё минуту назад рядышком.

Дома подивились на мою «добычу», но, зная мою странность, махнули молча рукой. И я взялся

колдовать над находкой, чтобы привести в достойный и интересный вид. Почистил старательно от вековой копоти наждачной бумагой разобранные части, собрал вновь уже с клеем и взялся ворошить воображение на предмет некоего смысла, хоть и потаённого, но здравого, который я бы мог вложить в находку. Сложилось в воображении, что вещица старая и оттого повелевает временем, ибо прясть шерсть—это процесс формирования нити, протяжённость которой сродни времени, и сотканная из отдельных волосков нить эта собирает заветный и неясный смысл концентрации временны́х субстанций.

От такой формулировки заболела слегка голова, но когда наваждение прошло, понял, что смысл мной уловлен верный. И тут я вспомнил о привезённых из разных мест всяческих вещицах-безделушках: это и ракушки с Балтики и берега Чёрного моря, и конский каштан и причудливые по форме алтайские орехи из Белокурихи, и странные фигурки старичков, прикупленные на базарчиках в Ереване и Тбилиси, и неведомые сибиряку жёлуди, собранные у векового дуба в Ясной Поляне. Ассоциации вели меня по едва заметной тропинке к цели на ощупь, словно бредёшь по снежному полю, по заметённой свежим снегом тропинке и постоянно теряешь её, но вновь находишь натоптанную ранее твердь верного смысла. И вот, соединив всё это как символы времени и плоды его, отметил, что смотрится замысловато и притягивает взор. В голову пришла формула: витки спирали ракушек—замысловатые сужающие круги—уплотняются силами сконцентрированной временно́й субстанции, укорачивают временны́е интервалы, сгущая, усиливая эффект времени, а время—это колесо, что вращается, не отвлекаясь на остановки, не считаясь ни с чем и ни с кем, определяя бесстрастно единственный суд и врачебную волю Мироздания.

Довольный эффектом, украсив полученную мной спираль и модель времени, в которой плоды соседствуют с мудростью, а мудрость—с ползущими моллюсками-ракушками, панцири которых и есть суть сужающего витками спирали пространства для каждого индивидуума, водрузил конструкцию на стене, решив, что она должна вращаться на стальной оси, которая проработала десятки, может, и сотню лет и теперь почётным образом будет символизировать вращение временно́го круга.
— Этакий Круг славянского Круголёта,—отметил вдруг тесть, понаблюдав над моими завершающими процесс созидания усилиями.
— Время рождает и питает, время и убивает,—стал поспешно, смутившись, объяснять я смысл выстраиваемой конструкции.—В моей конструкции питающие плоды временны́е всполохи завершаются плодами,—продолжил я, отметив интерес родственника к моим фантазиям,—а угасшие, изломанные спицы оканчиваются ракушками—как символы свернувшегося времени, как символы кончины и угасания.
— Чудак,—отметил тесть сухо, но улыбка и задумчивость глаз подсказали, что ему идея глянулась и, как говорят молодые нынче, «зашла».

Потоптавшись ещё несколько рядом, тест тихонечко, как и вошёл, удалился.

Дело было закончено, и я на пробу крутанул колесо старой прялки. То, что произошло далее, можно было пережить, только имея огромный запас оптимизма и юмора: я вдруг уменьшился в размерах и оказался ниже кухонного стола, над которым и повесил результат своего художественного промысла. Я ухватил край стола и попытался заглянуть на поверхность столешницы, чтобы убедиться, что всё происходящее вполне реально. Я вдруг вспомнил, что это я делал постоянно в детстве, когда, спустившись утром, сонным ещё, с растопленной с утра бабушкой и уже горячей, обжигающей бока печи, смотрел, чем можно было бы перекусить с утреца: на столе уже стояли то ароматные оладышки, то печёные ватрушки. Вижу вдруг и не удивляюсь: рядом со мной вновь появилась та самая бабуля, что я встретил у лифта, но уже в стареньком потрёпанном халатике,—и теперь, глядя на неё уже снизу вверх, я узнаю́ в ней свою родную Марфу Васильевну, которую звал мамой до восьми лет—того возраста, пока жил в доме дедушки и бабушки в далёкой сибирской деревне на берегу сноровистой по весне речушки Суетки.

Бабушка стояла рядом и смотрела на меня сверху вниз, а я, как когда-то, на неё—снизу.
— Не суетись, сынок,—напутствовала, как и тогда, меня бабушка, и я увидел, что у неё совсем уже нет зубов, как в последнюю нашу с ней встречу, когда я приехал в год её кончины в период студенческих каникул.

Но теперь я был даже и не школьник—таким маленьким и тщедушным я казался сам себе.
— Крутнёшь неосторожно вперёд—неизвестно где окажешься, сынок. А вдруг и вовсе сгинешь,—добавила нараспев бабушка и так знакомо улыбнулась мне, что сомнений быть не могло: это она.

Вдруг вспомнилось, как, вернувшись из сельпо, протягивала мне мятый бумажный кулёк, я тянулся за ним, а бабушка, смеясь, показывала, что отсыплет мне в ладошки немного, а остальное спрячет. Я конфузился и подставлял свои ладони, и в них ложились несколько—такие простецкие конфеты без обёртки, в сахаре, бледно-розовые и голубые подушечки. А порой вдруг бабушка, загадочно посмеиваясь, доставала из кармана кофты пару воистину драгоценных «Мишка на Севере». Откуда вот она их брала в этой глухомани сибирской, было непонятно, но для меня это был не просто праздник—был восторг. Вот только

вдруг вспомнил, что ни разу я с бабулей своей не поделился. Я над этим думал и ранее, и, помнится, приехал двадцатилетним увальнем-студентом и привёз с геологической практики из тайги увесистый мешочек кедрового ореха, и мы чинно сидели с бабулей на лавке у калитки, и я ей надкусывал скорлупу и кормил вкусным таёжным угощением. Бабушка шамкала, как могла, беззубым ртом и блаженно улыбалась. Понимаю теперь, что улыбалась она мне и моему к ней вниманию, а не редкостному в степных краях ореху.

Я аккуратно взялся крутить колесо прялки вперёд, и вскоре я уже шагал с дедом по школьному коридору, и приятель деда—директор школы, поглядывая на меня, убеждал деда, что мал я ещё для школы.

— Иван Тихонович, пусть гуляет ещё годок—пацану детства добавим.

Дед не спорил, а, глянув на меня, только качнул головой, что значило: «А чего я тебе говорил?» И добавил:

— Пусть твои сёстры идут в школу—они постарше, а ты, браток, погуляй ещё.

И вспомнил деда—стройный такой, в галифе и хромовых сапогах со скрипом, в пиджаке, и серебряная цепочка часов из нагрудного кармана свисает, напоминая также о быстротечном времени, что у деда было как бы «на привязи».

Я улыбнулся деду и крутнул снова тихонечко свой Круголёт—такими сладостными стали воспоминания о стариках моих, но оказался я вдруг среди ватаги пацанов уже на Камчатке, и мы гарпунили рыбу на нересте. Вся ширь речки была покрыта тёмными и красными спинами рвущихся в верховья рыбин, а мы бродили по колено в воде и среди этих неистовых тел, что толкались увесисто нам в ноги, не обращая на нас ровно никакого внимания, выискивали тех, что с икрой.

— Гарпунь с ровной, не крючковатой мордой!—кричал друг Вовка, ловко вываживая очередного гиганта из воды.

Далее уже был Байкал, и я, юный студент, бегу вдоль воды, чистейшей и отражающей сияние солнца, потом вижу ту—первую свою в жизни любовь, с распущенными по плечам каштановыми волосами, смеющуюся и такую красивую, и понимаю, что люблю её до сих пор, хотя и расстались мы тогда в суматохе юности, её необъяснимых порывов и стремлений, каких-то мной придуманных обид и наших общих недосказанностей.

Вот так передо мной чередой проходила моя жизнь и её яркие вехи, но я ничего не мог изменить. Жизнь пролетала передо мной, как пассажирский скорый поезд в вечерних сумерках пролетает через полустанок, когда видишь через незашторенные окна всё, что происходит с пассажирами экспресса. Я увидел, как в первый раз, свою новорождённую, а ныне взрослую дочь, такую маленькую и такую красивую, и рядом такую весёлую и гордую—и несколько всё же смущённую жену, и вспомнились мелкие, самые незначительные детали того знаменательного события. Далее летели кадры, на которых уже дочь с огромным животом, в котором до поры пребывал мой внук, и наша с ней поездка на Байкал, и многие сокровенные слова, что мы сказали друг другу. Я видел немногочисленных своих друзей, с которыми очень давно знаком, и многое им доверил, и ещё более получил от них. Я ощутил вновь удовлетворение и даже огромный подъём сил от многих, но столь быстротечных часов творчества. Удивительно, но помнил я всё, что создавал и придумывал, мастерил и вынашивал в своей голове. Меня вновь поражали те озарения и открытия, которые я делал, передвигаясь вперёд в постижении смыслов жизни и своего дела. Я был подобен скалолазу, что тянет жилы, вытягивает упругой струной скелет и складывается жёсткой пружиной, чтобы сделать новый рывок к вершине.

Жизнь текла, и скоро был виден тот рубеж, когда я должен был стать самим собой. Когда это случилось, торкнуло в груди до боли, и тут только я обратил внимание, что бабушки уже со мной нет. Защемило снова в груди, вдруг я понял, что давно уже катятся слёзы из глаз потоком и я толком из-за этого ничего не вижу.

В бессилии я присел. И задумался над тем, что нам остаётся по истечении времени, в котором мы существовали, творили, потребляли, брали и отдавали. Мы бьёмся за благополучие, признание, а запоминается нам другое—некие эмоциональные взлёты, когда мы меняемся и растём душою. Помнится нам всю жизнь, например, как молодой, красивый папа, которого уже нет на свете, играет с вами в догоняшки, а вы истерично смеётесь, убегая и кутаясь головой в мамину юбку. А потом папа напевает, а вы все трое, подтянув к себе и смеющуюся маму, обнявшись крепко, кружитесь под напев:

> На ковре из жёлтых листьев, в платьице простом
> Из подаренного ветром крепдешина,
> Танцевала в подворотне осень вальс-бостон…

И хриплый мощный голос совершенно лысого, прямо скажем—не красавца, исполнителя с вислыми прокуренными усами, на которого тем не менее хотелось смотреть во все глаза, ибо рождённая им энергия колыхала душу, и в старом шкафу фужер на стеклянной полочке и тот позванивал, как далёкие колокола на старенькой церквушке. Звенела и душа, улетая ввысь, чтобы непременно вернуться сильной и просветлённой.

Игорь Герман

Подарок

Морозной декабрьской ночью 1993 года в центре большого уральского города Нижний Тагил запылали несколько торговых ларьков, стоявших рядом. Огонь поднялся высоко в чёрное небо. Часто стреляли лопающиеся от жара многочисленные бутылки палёного спиртного, продававшегося здесь преимущественно и в изобилии. Убегали какие-то люди, возможно продавцы горевших ларьков. Через дорогу, в заснеженном городском сквере, кто-то с кем-то бранился. То ли делили что-то, то ли отнимали. Перебранка вскоре перешла в крик, а затем и в стрельбу. Тёмные окна жилых пятиэтажных домов остались глухими и тёмными—люди боялись и затаились в своих квартирах. Когда стрельба в сквере прекратилась, то ли пьяный, то ли истеричный голос заорал в ночную тишину:

— Мы—икатеринбурская мафия!.. Тагил—ты платишь!.. Ты платишь, Тагил!..

Ларьки продолжали гореть.

Не приехали ни пожарные, ни милиция.

Утром начали пугливо освещаться окна старых пятиэтажек—просыпались люди, собирались на работу.

Из подъезда одного дома вышел молодой человек, школьный учитель, направлявшийся на уроки. Ёжась от холода, он остановился, зажал между ног свой учительский дипломат, поднял воротник куртки, вынул из её карманов вязаные варежки и надел их на руки. Обогнул угол дома, прошёл мимо ряда чёрных остовов сгоревших ночью торговых ларьков и через сквер направился в школу.

К утру начал падать снежок, который припорошил дороги и тротуары. Спешивший учитель, оставляя за собой первый след на свежем снегу, вдруг споткнулся обо что-то небольшое, валявшееся на тротуаре. Это что-то ударом носка его ботинка отбросило в сторону. На секунду задержавшись, молодой учитель взглянул на попавшийся ему под ноги предмет. Предмет этот, вывалянный в выпавшем пушистом снегу, в темноте напоминал по форме пачку сигарет. Возможно, нераспечатанную, потому что в ней, при ударе, почувствовался вес. Учитель, будучи некурящим человеком, собрался уже продолжить свой путь, как вдруг передумал. Подошёл к этому предмету и внимательно вгляделся в него. Наклонился и поднял то, что показалось ему вначале пачкой сигарет. Варежкой стряхнул снег с небольшой холодной находки. При бледном свете фонарей, едва достигавшем сюда с центральной улицы, молодой учитель истории, очень небогатый человек, разглядел в своей руке новенькую, туго перетянутую пачку российских пятитысячных купюр…

Вечером восьмого июня 2019 года во входную дверь четырёхкомнатной красноярской квартиры Тумановых раздался звонок. Празднично одетая сорокашестилетняя хозяйка Светлана Туманова, появившаяся из комнаты, поспешила к двери.

— Наконец-то, доча!..—с упрёком произнесла она, открыв дверь и отступив на шаг назад.

В квартиру вошла девушка лет двадцати двух—двадцати четырёх, приятной внешности, завитая, в брючном костюмчике, облегающем тонкую, стройную молодую фигурку. В руке девушка держала подарочный бумажный пакет.

— Опаздываешь,—добавила мать, пока дочь закрывала за собой дверь.—Она уже ждёт. Нехорошо.

— Тачка в пробке застряла,—ответила дочь, снимая туфли.—Выезжали, объезжали… На мосту авария. Две иномарки—лоб в лоб. У обеих—морды всмятку.

— Ладно, я ещё сама не докрасилась.

Светлана ушла в комнату к большому зеркалу—заканчивать макияж. Дочь последовала за матерью.

— Мам, я не видела у тебя этой кофточки.

— Купила специально на юбилей сестры.

— Симпатичная.

— Спасибо.

— Сколько?..

— Ерунда. Десять.

— Ну-у… как сказать?.. Для вас—может быть, а для меня…

— Ладно, не прибедняйся, Леночка…—Светлана провела ярким столбиком помады по округлённым губам. Осмотрела своё отражение в зеркале с головы до ног.—Эх, красота неземная.

— Папа где?

— Папа на своём показе. Квартиру показывает покупателю.

— Как продажи у него идут?

— Не очень.

— А чего так?
— Риэлторских контор в городе как собак нерезаных, и все кушать хотят. Квартир много продаётся — покупателей мало. Денег у людей нет.
— Он не пойдёт к Яне на день рождения?
— Не хочет, представь. А я ему говорила: всё-таки юбилей у моей сестры. Пятьдесят лет один раз в жизни бывает.
— А он?
— Куражится. На столе у неё, говорит, бедно. Поесть нечего. Плохо угощает. Я говорю: что ты ждёшь от учительницы?.. без мужа?.. дочь учится в институте?.. Не хочет, одним словом. Кривляется. Ну, дело его.
— Мам, ну, у неё и правда на столе — эконом-класс.
— Ладно. Нам всё равно надо идти. Она нас ждёт. Дочь не приедет, сессию сдаёт, так что хоть сестра с племянницей — уже хорошо. Мужичком так и не обзавелась, да уже и не обзаведётся — возраст не цветочный... Ты что купила?

Дочь приподняла подарочный пакет в правой руке.
— Мыло и набор для душа: шампунь, гель и ещё что-то там...— Лена пожала плечами на молчаливую оценку матери.— Она ведь мне тоже на дни рождения всякую ерунду дарит. И на Восьмое марта. Всякую чушь, я даже не пользуюсь ей.
— Ладно. Могла бы тёте на юбилей и раскошелиться немножко.
— Денег нет. А ты что даришь?
— Коробку конфет взяла в шкафу. У нас там куча коробок этих стоит — я уже не помню, кто их нам дарил и по какому поводу. Крем дорогой — твой отец подарил мне на Восьмое марта — мне запах не нравится. Я решила его Яне передарить. Крем хороший — не пропадать же добру?
— Правильно.

Светлана посмотрела на часы.
— Пойдём уже. Без десяти шесть. Пока доедем. Она к шести ждёт.

Мать и дочь направились к входной двери. Поставили свои пакеты с подарками на пол и начали обуваться.
— Ах!..— спохватилась Светлана.— Я забыла!
— Что?
— Да подарок!..
— Чей?
— Отца. Он же тоже купил ей что-то. Просил передать.
— Что именно?
— Да эту...— она разулась и опять прошла в комнату.— Господи, куда он её положил?.. Вечно сунет куда-нибудь... А-а, вот она...— Светлана вышла с новенькой симпатичной косметичкой в руках.
— Дай посмотреть...— Лена покрутила косметичку в руках.— Ничего. Хорошенькая. Я бы и сама от такой не отказалась. Положи в неё свой крем.
— Нет уж: крем от меня, а косметичка от него. Не надо путать. Три отдельных подарка: от тебя, меня и папашки твоего.

Светлана взяла из рук дочери косметичку, опустила её в свой большой подарочный пакет, обулась, и вместе они вышли из квартиры.

Во дворе сели в Светланину машину — белую «мазду»: мать — на водительское сиденье, дочь — рядом.

Двадцать минут езды по городу Красноярску, включая остановки перед десятком светофоров, а также одну — перед цветочным павильоном,— и они уже на правом берегу, у второго подъезда пятиэтажки старой постройки. Мать и дочь вышли из машины, каждая со своим красочным пакетом. Светлана держала так же изящно упакованный купленный букет. На щитке домофона набрали номер двадцать семь.
— Кто?..— немножечко кокетливо спросил женский голос из двадцать седьмой квартиры.
— Делегация от президента,— шутливо ответила Светлана и нарочито строго добавила: — Открывай давай.

Домофон приветливо запищал, и мама с дочерью вошли в подъезд. Поднялись на четвёртый этаж.
— Именинница здесь живёт?..

Светлана и Лена вошли в приоткрытые двери квартиры номер двадцать семь. Нарядная, хоть и скромно одетая, виновница торжества стояла в коридорчике, ожидая гостей.
— Здесь, здесь. Проходите.

Прямо у порога — обнимания, целования, поздравления.
— Дорогая моя тётя!— Лена протянула свой небольшой подарочный пакет.— Прими скромный подарок. Здесь всё то, что пригодится любой женщине и в любом случае.
— Спасибо, Леночка...— Яна приняла пакет из рук племянницы, и племянница ещё раз поцеловала тётю.
— Яночка...— настала очередь младшей сестры именинницы.— С днём рождения, дорогая! С юбилеем! Здоровья тебе, счастья, молодости и красоты! Вот здесь,— Светлана чуть приподняла свой красивый цветной пакет,— от меня тебе крем... хороший, итальянский — для продления молодости, и конфеты — для удовольствия. А также...— она вынула косметичку из пакета.— Эта женская штучка тебе от моего Серёги. Он не сможет прийти, занят. Просил извиниться, поздравить и поцеловать.

Светлана опустила косметичку обратно в пакет, вручила его вместе с букетом цветов юбилярше. Обняла и поцеловала сестру, теперь уже за отсутствующего мужа.
— Спасибо, девочки. Проходите, проходите.

Гости вслед за хозяйкой прошли в комнату, где у дивана стоял накрытый праздничный стол,

а напротив, в углу, музыкальными клиповыми картинками мелькал экран работающего телевизора.

В целом посидели неплохо. Пошутили, посмеялись, нескучно провели время. Лена почитала тёте-юбилярше стихи, которые сама написала к этой дате. Стихи получились неплохие—со смыслом и хорошим юмором. Своими поэтическими способностями Лена приятно удивила не только тётю, но и маму, которая не подозревала в дочери этого дара. Стол, честно говоря, небогатый, но неплохой. Три салата—овощной, фруктовый и мясной, горячее—запечённая в духовке курица с картошкой, традиционная колбасно-сырная нарезка и, конечно же, торт. Торты сейчас известно какие—сплошь на искусственных ингредиентах. Самим печь нет времени, и в конечном итоге выходит не дешевле. Проще купить, честное слово.

Когда уже пили чай с тортом, призывно запищала трубка домофона.

— Может, Сергей?—предположила Яна, торопливо поднявшись со стула.

— Вряд ли, он на работе,—ответила вслед сестра.

Хозяйка сняла пищавшую трубку.

— Кто?..—выслушав ответ, добавила:—Открываю.

— Меня кто-то спрашивает...—заглянув в комнату, она загадочно пожала плечами.—Сама не поняла—кто. Мужской голос.

Через оставленную приоткрытой входную дверь услышали гулкие звуки поднимающихся шагов на лестничной клетке. Яна заметно волновалась, ожидая незнакомого гостя. Наконец он поднялся на площадку, и хозяйка навстречу ему шире открыла дверь.

Незнакомый молодой мужчина нёс подарочный букет цветов в голубенькой круглой коробке с привязанными к ней тремя воздушными шариками. Яне даже не нужно было спрашивать, от кого такой царский подарок, потому что в цветы была вставлена ажурно вырезанная на дереве поздравительная надпись: «Любимой мамочке».

Хозяйка расписалась в получении, после чего молодой человек вручил ей коробочку с цветами и сфотографировал её так.

— Для отчёта перед заказчиком,—пояснил он.

Поздравив именинницу от себя лично и попрощавшись, молодой человек удалился.

— Боже мой, какая прелесть!..—восхитились чудесному букету мама и дочь Тумановы.—Какая прелесть!

— Сколько же всё это стоит?—испугалась Яна.

— Не дороже денег,—успокоила её сестра.

— Ну, доча... ну, доча...

Именинница поставила на стол коробку с цветами. Три шарика, наполненные гелием, дружно вытянулись вверх, к самому потолку.

— Зачем она это сделала?—сокрушалась счастливая и довольная мать.—Ведь я знаю: на последние деньги... Сама на копейки живёт.

— Ничего, матери—пятьдесят лет, она правильно рассудила. Деньги всё равно появятся не сегодня-завтра, а такая цифра—только единожды.

— Ой...—вздыхала мать.—Ой... как она там?

Допили чай с тортом, посидели ещё, сытые и довольные, поболтали, посмеялись, после чего гости собрались домой.

— Посидите ещё,—уговаривала Яна.—Мне скучно одной.

— Нет, надо идти. Мне ещё Серёгу встречать и кормить. Он к девяти обещал. Весь день на работе.

— Мне тоже ещё домой ехать,—поддержала маму Лена.—Полдевятого уже.

— Ну, ладно, девочки,—нехотя согласилась именинница.—Спасибо, что пришли. Ой...—спохватилась она.—Сейчас, подождите...

Яна сбегала на кухню, принесла оттуда небольшую пластиковую коробочку, отрезала и положила в неё кусочек торта с розочкой. Тщательно закрыла коробочку. Протянула Светлане.

— Это Серёже отдашь. Чаю попить.

— Хорошо,—приняла коробочку сестра.—Спасибо от него.

Гости расцеловались на прощание с хозяйкой и ушли.

Яна прибрала со стола. Остатки курицы с картошкой, салатов и торта поставила в холодильник. Выключила телевизор. В наступившей тишине присела на диван и заплакала. Заплакала не от какой-то конкретной причины, а от обычного послепраздничного синдрома—внутренней опустошённости. Конечно: тишина, цифра возраста, одиночество—как тут не всплакнуть?

Потом решила рассмотреть подарки. Взяла пакет племянницы, раскрыла его... шампунь, гель для душа, мыло... ладно, спасибо и на том.

Взялась за пакет сестры. Вынула из него большую круглую коробочку крема и коробку конфет. Раскрыла коробочку с кремом, понюхала. Очень приятный запах. Хорошо, пригодится. Конфеты и правда нездешние какие-то. Раньше не видела таких. Такой коробки отродясь в магазинах не встречала. Яна взяла очки со столика, надела их, перевернула коробку и нашла производителя—Финляндия. Как-то раз, в молодости, пробовала финский шоколад: то ли «Фазер», то ли «Фразер», но что-то вроде этого. Тот шоколад в самом деле был очень вкусным, правда, чуть солоноватым, но именно это и придавало ему оригинальность. Замечательно. Посмотрела на срок годности: срок больше месяца как истёк. Ничего, они с дочерью не гордые—съедят.

Конечно, любая женщина ждёт подарки на праздники и радуется им, как ребёнок. Но на этот раз радости подарки не принесли—очень уж скромные, чего там. Богатые люди Тумановы, могли бы... Родная сестра всё-таки. У неё-то жизнь сложилась, слава Богу, а вот у Яны... бывший муж

после развода даже алиментов дочери не платил. Яна сама, как могла, поднимала ребёнка и сейчас из последних сил даёт ей возможность получить высшее образование. Тяжело приходится маме-учительнице на свою учительскую зарплату. Такая зарплата и умереть не даёт, но и нормально существовать тоже. Светка могла бы на юбилей сестры и раскошелиться немножко. Ну хотя бы совсем немножко. Итальянский крем и финские конфеты—это, конечно, здорово, но… муж—риэлтор, сама—ветеринар, неплохо на кошечках и собачках зарабатывает, а на юбилей сестры отделалась баночкой крема и просроченными конфетами… Ладно, не надо расстраиваться!—отмахнулась рукой от наседавших, как мошка, мыслей.

Яна вынула из пакета последний предмет подарков от семьи Тумановых—косметичку. Рассмотрела. Серёга—бизнесмен, мог и букет цветов подарить, не разорился бы… дочь на последние деньги… Боже мой… а это… так, подарок на отвяжись. Косметичка, правда, хорошая, дорогая, ничего не скажешь, но… Шикарный подарок на пятидесятилетие от богатого человека. Конечно, чего церемониться с училкой?.. Яна вытерла набежавшие слёзы обиды. Хотела опустить косметичку обратно в пакет, но вместо этого, сама не зная для чего, раскрыла замочек и заглянула внутрь. Заглянула—и обмерла: в косметичке лежали деньги…

В первую секунду Яна подумала, что ей показалось. Не веря себе, осторожно вынула деньги из косметички. В растерянности пересчитала их. Боже мой… десять пятитысячных купюр! Пятьдесят тысяч!!.. С ума сойти!..

Яна перевела дух.

— Ох…—выдохнула она.—Ох… Вот это да!..

Пересчитала ещё раз. Да—пятьдесят! По количеству исполнившихся ей лет. Вот это подарок! И главное, так скромно положили и не сказали ничего. Ну, Светка! Это, конечно, её инициатива. Её бизнесмен сам никогда бы не сделал такого шикарного подарка. Нет, не решился бы. Ах, Светка!.. Ах, Светка!..

Сердце Яны радостно колотилось. Ей уже стало стыдно за то, что ещё минуту назад она плохо думала о сестре.

Яна вскочила с места и бросилась к своему мобильнику. Схватила телефон… нет… они ещё в дороге… за рулём… не надо отвлекать… чуть позже.

На радостях налила себе чашку чая и с удовольствием съела кусочек очень сладкого, безвкусного торта. После застолья есть не хотелось, но избыток положительных эмоций необходимо было истратить хоть на что-то.

Бесцельно полистав каналы телевизора, Яна отложила пульт и—снова к телефону. Сестра сразу взяла трубку.

— Алло, Света, вы дома?

— Да, уже приехали.

— Не хотела отвлекать тебя, пока ты за рулём.

— А что такое?

— Да хочу поблагодарить вас за подарок. Огромное спасибо, Светочка! Просто огромное!

— Да ладно, Яночка, чего там…

— Нет, нет, спасибо! Я даже не ожидала… А Сергей дома?

Светлана ответила через секундную паузу:

— Нет, он ещё с покупателем. По квартире разбираются. Он иногда и после десяти приходит.

— Пожалуйста, Света, передай и ему мою огромную благодарность.

Сестра на том конце связи опять помолчала.

— Хорошо,—как-то не очень уверенно пообещала она и добавила:—Ещё раз с днём рождения, дорогая. Обнимаю тебя.

— Спасибо. Пока.

Обе сестры одновременно отключили связь.

Светлана Туманова задумчиво смотрела на свой телефон.

— Кто звонил?—спросил из кухни ужинающий супруг.

— Хороший человек,—ответила из комнаты Туманова.

Подумав ещё секунду, она положила телефон на столик и прошла на кухню.

— Яна звонила.

— И что?

— Благодарила за подарки.

— А-а…

— Как-то… слишком благодарила. Странно.

— Что странного?

Туманова пожала плечами.

— Ничего. Просто.

— Как стол у юбилярши?

— Как обычно.

— Ясно.

— Она даже не пригласила никого. Только мы с Леной. Денег, говорит, совсем нет.

— Ну…—Туманов прожевал кусочек ветчины.—Как говорится, каждому… в своё время. Её время, значит, пока не пришло.

— Или ушло. Что ты хочешь—пятьдесят лет бабе. Если до этого времени ничего не нажила, то уже и не наживёт.

— Логично…—Сергей Туманов допил остатки чая из своей именной кружки.—Всё. Хватит жрать. И так уже сто пять килограммов. Прекращаю расти вширь. Надо—интеллектуально.

— Торт будешь, который она тебе отправила?

— Не буду.

— Куда его девать?

— Куда хочешь.

— Я тоже не буду.

— Выброси. Всё равно—дешёвка.

— Кстати, про день рождения…—спохватилась Туманова.—У Лены ведь тоже через неделю. Двадцать четыре девочке.

— Ты думаешь, я забыл об этом? Прекрасно помню.
— Что будем дарить?
— И помню, на что она намекает.
— Она не намекает. Ребёнок прямо говорит.
— Нет. С машиной пока повременим.
— Ну Серёжа… Она давно уже взрослый человек. Ты всё считаешь её ребёнком?
— По-моему, это ты ребёнком её считаешь… Купим. Я же сказал — купим. Но позже. На хорошую машину пока нет денег.
— Она хочет.
— Перехочет. Квартиру ей купили? Купили. Родители деньги зарабатывают, а не печатают. У меня нет печатного станка. Был бы — другое дело,— Туманов зубочисткой поковырял в зубах.— Денег ей подарю: деньги — лучший подарок.
— Ну и я — денег. Сложимся?..
— Нет. Каждый от себя.

Они помолчали. Туманов после плотного ужина расслабился и шумно выдохнул.

— Света, принеси журнальчик мой…— попросил он.— На столе лежит. В спальне. Полистаю его. Пока время есть.
— Иди сам,— ответила супруга.— Мне ещё со стола за тобой убирать.

Грузный Туманов, нарочито громко крякнув, поднялся, заскрипев резным деревянным стулом, и ушёл в спальню. Светлана начала прибирать со стола. Тут же вернулся Туманов, только не с журналом, а с пустой новенькой косметичкой.

— Слушай…— обратился к супруге озадаченный муж.— А ты почему Янке косметичку не отнесла?
— Как не отнесла?.. отнесла! — уверенно ответила Светлана.
— А это что? — он протянул жене косметичку.

Туманова недоумённо посмотрела на мужа.

— А где она была?
— На столе. Под журналом лежала. Я случайно журнал на неё положил.
— Но я подарила… — растерялась Светлана.
— Что ты подарила?
— Косметичку.
— Какую?.. — вдруг напрягся муж.
— Ты мне сказал, что купил Яне косметичку…
— Ну?..
— На столе я её не увидела, заглянула в шкаф — она лежала на одной из твоих полок, там, на свитерах, сверху.

Светлана заметила, как у мужа потемнел взгляд.

— Ты эту подарила ей?!..
— Да. Эту.

У Сергея Туманова забегали глаза. Он торопливо раскрыл косметичку, которую всё ещё держал в руках и заглянул внутрь.

— Точно… — упавшим голосом проговорил Туманов.— Света… ты отдала ей не ту.
— То есть как — не ту?..

По выступившей краске на лице мужа Светлана поняла, что произошло нечто экстраординарное, смысл которого ей пока неясен.

Туманов раздражённо брякнул косметичкой о кухонный стол. Перевёл взгляд на жену, и жена испугалась его взгляда.

— Какого… — он в сердцах трёхэтажно выматерился,— ты полезла в мои вещи и взяла то, что до тебя не касалось?!..
— Сергей… — вконец растерялась Светлана.— В чём дело?
— В чём дело? — рявкнул Туманов.— Я тебе сейчас объясню — в чём дело!.. Дело в том, что ту косметичку я купил Ленке на день рождения и вложил ей туда подарок — наличку, пятьдесят тысяч!.. Пятьдесят!.. Десять красненьких пятёрок!.. Света — ты дура?!..

Туманова, казалось, лишилась дара речи. Она побледнела и в состоянии немого ужаса смотрела на мужа. Туманов же распалился не на шутку.

— Ты что, внимательно не могла на столе посмотреть?.. Ну, бросил я журнал сверху… случайно… и что теперь?.. Я же сказал тебе утром: Янкина косметичка — на столе!.. Мне даже и в голову не могло прийти, что ты полезешь в шкаф, в мои вещи и возьмёшь то, что я купил для дочери!.. Света-а-а-а!!!..

Он в бессилии воздел руки к небу и зарычал, как зверь.

— Серёжа… — тихо произнесла Туманова.— Пятьдесят тысяч?..
— Да! Пятьдесят!

Супруга схватилась за сердце:

— Мне сейчас плохо будет.
— Ничего, не помрёшь,— грубо ответил Туманов.— А вот меня на пятьдесят косарей ты накрыла… И дочь, кстати, тоже. Молодец!
— Как же так?.. Сергей?.. Как же так?..
— А позвонить мне ты не могла?.. Если на столе не нашла, спросить меня не догадалась?.. Зачем в мои вещи лезть?..

Светлана, словно защищаясь от нападок мужа, выставила вперёд руки:

— Погоди, погоди… У меня в голове не укладывается…

Туманов ещё раз матерно выругался в адрес супруги, и эта грубость мужа привела растерянную Светлану в чувство.

— Ладно! — гневно сверкнув глазами, резко ответила она.— На себя посмотри!
— А я по пятьдесят штук на сторону не швыряю!
— Откуда я знала?!
— Оттуда!
— Будешь говорить в следующий раз!
— Следующего раза уже не будет. Теперь сама копи ей этот полтинник! А через неделю объясни дочери, как ты распорядилась моим подарком для неё!

— Сам виноват, а на меня теперь гонишь?!
— Это я виноват?!
— А кто ещё?.. Швыряешь вещи как попало, и это уже не в первый раз! Вот и дошвырялся! Дочь же свою и наказал!
— Света, прекрати орать! — попытался перекричать её муж. — Не выводи меня!
— Ты меня уже вывел! И надолго!.. Прикрыл журнальчиком!.. Я как могла догадаться, что она под журнальчиком?.. Спешила тем более. Ты бы тоже мог, кстати, поехать с нами... Брезгует с моей сестрой за столом посидеть... Смотрите, какой барин!.. Бедненько, видите ли, ему, невкусно... Забыл, как по молодости сам в этой же профессии мыкался да хлеб с маргарином на завтрак ел?!.. Забыл? Так вспомни!.. Вот и докобенился!.. А поехал бы с нами, ничего бы этого не случилось! И всё было бы нормально! И деньги были бы на месте!.. Ой...

Туманова поднялась со стула и подошла к холодильнику. Поискала на одной из полок, нашла флакончик валосердина, накапала себе в стаканчик, развела водой и выпила. Облегчённо выдохнула, приложила руку к сердцу и бережно опустила себя на стул.

— Плохо?.. — с долей сочувствия спросил распалённый супруг.
— Нет, хорошо. Давай добивай меня... Скорее сдохну.

Они замолчали оба, пытаясь успокоиться.

— Вот что, — наконец заговорил Туманов. — Сделаем так: сходишь к Янке, объяснишь всё и поменяешь косметички.
— Что?..
— Поменяешь подарки на изначальный вариант.
— И как ты это видишь?
— Обыкновенно. Скажешь, что произошла ошибка. Ошибки надо исправлять.

Туманова нервно усмехнулась:

— Нет, дорогой. Давай лучше ты поедешь и так ей всё объяснишь.
— Но виновата-то ты.
— Нет. Виноваты мы оба... Значит, ты предлагаешь мне пойти к сестре, которая уже поблагодарила нас за нечаянные пятьдесят тысяч, извиниться и попросить их обратно?.. Какими глазами я буду смотреть на неё, ты подумал об этом? Нет, пропади они пропадом, я никуда не пойду! Ты — пожалуйста!.. раз знаешь, как ей объяснить!

Сергею Туманову к ночи стало плохо — подскочило давление. Супруга вызвала скорую. Приехавшие врачи поставили укол и уехали.

Наутро, в воскресенье, оба возблагодарили Бога, что выходной и не нужно на работу: после вчерашнего и Светлана, и Сергей чувствовали себя совершенно разбитыми. Ясное, солнечное июньское утро не радовало, щебет птиц во дворе, слышимый через открытые окна, не умилял, вчерашний случай тяжёлым камнем лежал на душе.

Супруги не разговаривали друг с другом всё утро: она только спросила его о самочувствии, он сухо ответил. И завтракали в полном молчании. Когда Туманова открыла на кухне кран и загремела в раковине посудой, Туманов решил с ней заговорить. Выкурив сигарету на балконе, он решительно вернулся на кухню. Присел на стул.

— Свет... слышь?.. Я подумал... Хорошо, я сам к ней съезжу и всё объясню. Она поймёт. Умная ведь женщина. Думаю, она сама понимает, что такие деньги не дарят просто так. Она должна это понимать.
— Ой, Серёга, Серёга... — Туманова закрыла кран и склонилась над недомытой посудой. — Так не делается, конечно. Это моя сестра, и... нет, не делается.
— Да я понимаю, — согласился муж. — Но ради Ленки надо... Надо. Ради Ленки.

Светлана Туманова сокрушённо вздохнула:

— Ладно, Серёжа. Я сама с ней поговорю. Сегодня к вечеру поеду и поговорю, — она горько помолчала и ответила самой себе: — Конечно, поймёт, никуда не денется. Только... Ладно.

Обдумав за день предстоящий неприятный разговор с сестрой, Светлана вечером села в машину.

Яна удивилась её приезду.

— Что-то случилось? — спросила она.
— Нет, нет, всё в порядке, — успокоила её Светлана. — Всё в порядке, и всё хорошо.

Пошли на кухню пить чай. Яна выставила на стол остатки вчерашнего пиршества — печенье, пару кусочков торта, сделала нарезку из сыра и ветчины. Попили чая, поговорили, посмеялись, повспоминали.

— Знаешь, Света, — сказала Яна, когда они, переговорив, казалось, уже обо всём, ненадолго замолчали. — Я хочу поблагодарить вас с Сергеем ещё раз за ваш по-настоящему царский подарок. Я не ожидала, честно говоря, такого нужного, щедрого и к месту. Наташе ещё год учиться, теперь спокойно доучу её. Последний курс — диплом, сборы на то, на это, выпускной... я уже хотела кредит брать, в кабалу лезть. А теперь — спокойна: на всё хватит.

Светлана согласно кивнула головой, и скорая неловкая улыбка пробежала по её губам. Она ничего не ответила.

— Я знаешь что вспомнила?.. — продолжала Яна. — Помнишь, в середине девяностых — как бедно мы жили?!.. И я, и вы тоже... Зарплату не выплачивали, бесконечные отоварки вместо денег. В эти отоварки магазины сплавляли людям всякий неликвид, и приходилось брать — а что делать?.. Тяжёлое время было, что говорить. И я вспоминаю, как твой Серёга тогда нашёл пачку денег, совершенно случайно... помнишь, ты рассказывала?.. Вот и у меня сейчас такое ощущение, что я случайно нашла на дороге пачку денег. И они как нельзя вовремя.
— Налей мне ещё чая, — попросила Светлана.

— Подогреть?.. Он почти остыл.
— Нет, не надо. Просто пить хочу.

Яна налила сестре в чашку с остатками остывшего заваренного чая горячей воды. Светлана сделала несколько осторожных глотков. Потом поставила чашку на стол и, улыбнувшись, сказала:
— Ну, всё, Яночка, мне пора.

Она поднялась из-за стола, прежде чем сестра успела что-либо сообразить, и направилась к входной двери. Когда обувала босоножки, Яна, внимательно следившая за ней, спросила:
— Свет… чего приходила-то?

Туманова, обувая босоножки и не глядя на неё, отрицательно тряхнула головой:
— Ничего. Просто так.

Сестра, видимо, не поверила.
— А мне показалось…

Туманова, застегнув босоножки, выпрямилась и честно посмотрела в глаза сестре:
— Нет. Тебе показалось.
— Ну…— неуверенно пожала плечами Яна.— Смотри.

Светлана поцеловала сестру в щёку и крепко, искренне обняла её.
— Нет, нет, дорогая… Всё хорошо, всё — слава Богу… Тебя ещё раз с прошедшим юбилеем… Мы с Серёжей очень рады, что хоть чем-то помогли тебе… Вам с Наташей…

Светлана улыбнулась чуточку грустно, прощально кивнула головой, открыла дверь и вышла на лестничную площадку…

Дома её встретил измученный ожиданием супруг. Он появился из кухни, едва она вошла в квартиру.
— Ну?..

Светлана молча прошла в комнату и присела на диван.
— Ну!..— настойчивее повторил Туманов.— Говори.

Она ничего не ответила ему, и он понял правильно её молчание.
— Ты не сказала ей.
— Нет. Не сказала.
— Почему?
— Не смогла.
— Она сама не поняла?
— Думаю, нет.

Туманов раздражённо выдохнул и выругался.
— Я так и знал!..— зло потоптался на месте.— Ладно. Я сам к ней поеду.
— Никуда ты не поедешь,— тихо ответила ему жена и повторила по слогам: — Ни-ку-да.

В её спокойном тоне супруг услышал уверенность и внутреннюю силу, сразу сбившую его с решительного настроя.
— В смысле?..
— Без смысла, Серёжа. Не поедешь, и всё. Забудь про этот случай.
— То есть как — забудь?!..
— А вот так. Забудь.
— Интересно. И кто это так распорядился?
— Не я, Сергей. Не я. Точно — не я.
— А кто?

Туманова поднялась с дивана, подошла к растерянному, расстроенному супругу и ласково погладила его по голове.
— Вспомни, с чего начался твой бизнес. Тогда, в декабре девяносто третьего, мы жили в Нижнем Тагиле, у твоих родителей. Бандитское время. Помнишь, однажды ночью была стрельба в парке? Прямо под нашим окном, в центре города?.. Криминальные разборки. Утром ты пошёл на работу через этот парк и нашёл пачку денег. Огромная сумма по тем временам. Ты вернулся домой и плакал от радости. Сказал, что это — подарок судьбы и что ты теперь у судьбы в долгу. И тот подарок очень выручил нас. Очень выручил. Мы пережили то лихое время. Потом ты выкупил продуктовый ларёк, начал торговать. Ушёл из школы в бизнес. Потом мы уехали сюда, в Красноярск. Здесь дела у тебя тоже пошли. Потом ты стал заниматься недвижимостью… А началось всё с той потерянной кем-то пачки денег. Помнишь?..
— Да. И что?
— А то, Серёжа, что, наверное, пришла пора вернуть долг.

Игорь Голубь

Мелодия большого света

● ● ●

Всё в свете солнечном видней—
Пустая полка, пыль на ней
И грани пыльного предмета,
Где тоньше кажется примета,
И оттого она ценней;

Видна неровность потолка
И люстры глянцевость, пока
Мелодия большого света
Порывистей, чем тишина
На гранях пыльного предмета.

Но если света снова нет,
Сольётся с тишиной предмет
И с пылью медленно сольётся,
И потому всего важней
Мне в этом мире Солнце.

● ● ●

По окончании сезона,
Когда полотнами Сезанна
Накрыта простыня газона,
И эта простыня сползла на

Сырые спины тротуаров
(А вместе с ней—шаги на плитку),
И тянет из безлюдных баров
Теплом волнующих напитков.

О том, что сквер—сплошные раны,
Узнаем завтра из газеты.
Смотри, унылые каштаны
Внезапно догола раздеты.

И, хоть немного углубись я
В погоды свежие прогнозы,
Мгновенно полечу, как листья,
Над этим городом промозглым.

И ты недаром мне сказала,
Когда со мной вдвоём парила:
«Напоминаешь мне Сезанна,
Что пьян красотами Парижа».

Холодный ветер нас прогонит,
Но даже в этой свистопляске
Я рад, что город на Преголе
Разлил во мне такие краски…

● ● ●

Весь город—как огромный гироскоп…
Похожий на печальную телегу,
Я в белой канители городской
Несусь по утекающему снегу.

В извечной металлической тоске
Киоски прижимаются друг к другу,
Под каблуками чавкает чизкейк,
Костлявый город движется по кругу.

Шипит повсюду полиуретан,
Плывут, пренебрегая жизнью нашей,
И памятник, и клумба, и фонтан,
Покрытые растаявшею кашей.

Поёжился, нахохлился, промок,
Но дома ждут—и, словно Божья милость,
Над крышей черепичною дымок,
В котором всё на свете уместилось.

● ● ●

Вновь улицы роскошно выстелены,
До одурения белы,
Шаги мои глухими выстрелами
Ложатся в стены и углы,

И, новыми шагами ранена,
С пробоинами по бортам,
Заплачет площадь театральная,
Которую февраль взболтал

До состояния коктейльного.
И только видно из-за крыш,
Как позади пыхтит котельная,
Балтийский пачкая Париж,

Зима белеет непокорная,
И ночью всё запорошит.
Какими только непогодами
Мой город не был перешит…

Иду, одет не по погоде, я
Сквозь смёрзшееся молоко,
А сверху белая мелодия
Звучит красиво и легко.

• • •

Господи, вижу кошмар — немею.
Я помолюсь тебе, как умею.
Пусть мне достанется, будто ссуда,
Слово, пришедшее ниоткуда.
Глупости делал — одна заслуга,
Дай мне простить и врага, и друга,
Дай мне увидеть тропинку к раю
В боли и мраке, где я блуждаю.
Если заслужено и возможно,
Дай разглядеть, что на свете ложно,
В дружбе, в работе, в литературе
Не осудить никого по дури.
Дай же мне силы, готовясь к бою,
Брата по духу закрыть собою,
Сердце в меня помести стальное
И отсеки во мне остальное!

• • •

Тепло весеннее всё реже,
Его характер незнаком…
Вот выпал снег на побережье,
И он мешается с песком,

Вот чайки резкое сопрано —
Замашки радиозвезды,
И мы с тобой следы собрали,
Разбросанные у воды,

А там, где музыка погасла
И волны нас сожрать могли б, —
Кивки случайного баркаса
И тихие молитвы рыб,

Там солнце в серой куртке пляшет
И свежий ветер всё острей,
Но оттого, что мы на пляже,
Снег тает чуточку быстрей.

• • •

Лиха ошибочность вещей,
А иногда приятна даже.
Дыру внутри себя зашей —
И можно ошибаться дальше.

Всё это будет, и пока
Одна из чаш не опустела —
Скорее в путь, до тупика,
До сухости в колодце тела.

Всё это будет, а пока
Очередной ошибки ради
Пусть боль сорвётся с языка
И обоснуется в тетради.

И снова подведёт чутьё,
Ошибка будет неизменной —
Но кажется почти священной
Непреднамеренность её…

• • •

Когда проснёшься — в комнате светло,
И свет течёт сквозь сонное стекло.
Ко всем предметам, дремлющим в тени,
Холодные ладони протяни,

Оттенков и цветов скорей коснись,
Как кислород, как солнечная кисть.
Как маленький жучок в слепой смоле,
Останься на изменчивой земле,

Иди вперёд, большую грусть терпя,
Что мир рванёт куда-то без тебя.
Ну а пока вверху молчит радар,
И просыпаться — самый ценный дар.

• • •

Девчонку помню по соседству —
Фарфоровая словно вся,
Порою видел в ней невесту,
Руки ни разу не прося,

Но понимал всегда, хочу ли
Дышать, когда несла она
И апельсина, и пачули
Волшебные полутона…

Мне даже изредка казалось:
Она почти кинозвезда,
И всё, чего она касалась,
Фарфором станет навсегда.

Её, как куклу, раздевали.
Её, как куклу, разбивали.
А я со стороны смотрел —
И потому остался цел.

• • •

Ревели старые качели,
Когда до облаков летели,
И музыку цедил металл —
Я эту музыку впитал,

И ты до облаков летела,
И веса не было у тела,
А юбка прыгала твоя,
И неба морщились края…

Скажи, куда всё это делось —
Та красота и легкотелость?
И почему сейчас мертво
Тех детских игр волшебство?

Я вырос — пиррова победа…
Кому теперь могу поведать:
Во мне который год подряд
Качели старые скрипят?..

Кажется, вот же—бери, владей
(Выстоять, сохраниться!),
Я берегу тебя от людей,
Внутренняя столица.

Все переулки твои уча,
Строя дома и дамбы,
Я ни единого кирпича
Слабого не отдал бы.

Ты мне давно и отец, и мать
(Переросло в причуду),
Если придут тебя штурмовать,
К штурму готовым буду.

Будут повсюду слова стелить
(Слово горчит и вяжет),
Нету внутри у тебя столиц—
Друг безразлично скажет.

Что ж, мы секреты не выдаём,
Глупо беречь печали,
И не такое с тобой вдвоём
В прошлом перемолчали!

Часто дорога в тупик вела,
Выжил—и слава Богу.
Раз ты во мне до сих пор цела,
Значит, и я не дрогну.

А отец мне подскажет: притормози, сынок,
Это жизнь, и она очень часто сбивает с ног,
Даже если упал—сохраняй всегда гордый вид,—
Папа так говорит.

Он работал как вол, оттого и стальной хребет
Выручал его часто в минуты тоски и бед.
Рефлексирующих поглощает житейский ил—
Папа так говорил.

Навязала нам жизнь миллионы дурных узлов.
Кто же в том виноват, что не помню отцовских слов?
Даже в зеркале, там, где печальный овал лица,—
Не найти мне отца…

Только голос остался, в подкорку навечно вшит,
Я уже и не знаю, кому он принадлежит.
Ведь порою бывает: огонь, что в других угас,
Продолжается в нас…

Упаду—не подскажет и не спасёт никто,
Но всегда буду я благодарен тебе за то,
Что хоть так, громогласнейшей тишиной,
Ты остался со мной.

ДиН память

(1929–2011)

Георгий Граубин

Сахара

Вот если бы,
Вот если бы—
Я думаю украдкой—
Была б Сахара сахарной,
Была б Сахара сладкой!

К ней сразу устремились бы
И взрослые, и дети:
У многих жизнь несладкая
На голубой планете.

За круглый стол немедленно
Уселись бы все страны
И разделили поровну
Все лучшие барханы.

Пригнали б экскаваторы,
Бульдозеры и краны
И стали эшелонами
Возить домой барханы.

Понятно даже неучу,
Что чем крупнее тара,
Тем тает всё стремительней
Далёкая Сахара.

И вот уже там плоская,
Унылая равнина.
На ней ни сахариночки—
Один песок да глина.

Все ветры устремляются
Туда, все ураганы.
Метут песок, и вот уже
Рождаются барханы.

Скрипучие, песчаные…
Они стоят уныло.
Я думаю, я думаю,
Что так оно и было!

«ДиН» №1, 1993–1994

Мария Муравьёва

Колыбельная для ангела

Колыбельная для ангела

Спи, мой ангел белокрылый.
Ночь темным-темна.
Много душ людских сгубила
жёлтая луна—
не смогли мы им подставить
крепкое плечо.
В час, когда Рогатый правит,
душам горячо.
Не кори себя, мой славный:
ангел—не Стрибог,
не потушит ветром пламя
вдоль людских дорог.
Каждый волен сам решиться—
жить иль умирать.
Что же вновь тебе не спится?
Ночью нужно спать.
Пусть несёт тебя неспешно
Дрёма в свой предел.
Спи, мой ангел белоснежный,
завтра много дел.

Радуница

Словно на рассвете
Облетают стаи,
Улетают листья
Журавлей на юг.
Мама гладит плечи:
«Ты совсем большая…»
Жизнь быстра, как выстрел,
И дана не вдруг.

Кто-то бросит камень,
Улыбнётся криво.
Кто-то не заметит:
Жизнь—веретено.
Наши духи с нами,
Наши души с ними.
Мамин взгляд осветит
В небеса окно.

Когнитивный диссонанс

Она пела на улице и в подземельях метро.
Она знала все карты зыбучих коллекторных троп.
Собирала досужие сплетни и слухи в ведро.
На вопросы о личном—молчала, прищурясь хитро.
Он курил «Mackintosh» и «донашивал» папин «Renault».
Из искусств выделял кабаре и немое кино.
А когда во дворе от дождей становилось темно,
Он гулять выходил, вместо двери шагая в окно.
Если где-то в толпе вдруг мелькал её ношеный плащ,
Он глаза закрывал и боялся сорваться на плач.
А она прижималась щекой к ещё тёплым следам,
Что он в спешке забыл, проходя по её городам.

Обрубки

Когда уходят близкие от нас,
они частицу нас берут с собой:
погиб отец—и будто вы тотчас
лишились ног—пронзила сердце боль.
Уходит мать—и вы уже без рук,
без глаз… В душе зияет пустота.

Как много нас—обрубышей—вокруг,
не научившихся жить «с чистого листа».

Гимн свободе

Солнечным ветром врываясь в ладони,
В лицах прохожих себя отражая,
Мчались по улицам медные кони,
Трубоподобно заливисто ржали.
Сбив постаменты, разрушив границы,
Чёткие ритмы копыта стучали.
Медные гривы взмывали, как птицы,
Крупы в полёте вились обручами…
Им удалось превозмочь притяженье,
Тяжесть в телах от обветренной меди…
Бывшие статуи пили движенье,
Гимном свободы летя по планете.

Осень набросала листья под ноги дождя,
Растревожила ветрами сны усталых крыш
И, как будто не нарочно, мимо проходя,
Занавесила туманом утреннюю тишь.

Осень, добрая подруга, вечная сестра,
Напои меня прозрачной чистотой своей,
Отогрей меня дыханьем травного костра
И омой меня слезами проливных дождей.

Осень закружила листья у моих дверей.
Эти листья — лета письма к каждому из нас.
Эти листья — обелиски над судьбой моей,
Наблюдают, в лужах тают сотней жёлтых глаз.

Глупо

Глупо любить того, кому ты не нужен.
Напоминать о себе. Оставлять записки.
Это подобно тому, как горячий ужин
Вдруг превратился бы в сливочные ириски —
Сладко и вязко. И хочется рот почистить,
Прополоскать как следует мятным фрешем.
Ты напиши два слова и скомкай листик.
Выбрось. Но я пойму. И не буду нежной.
Стану чужой. Позабуду твои привычки.
Не позвоню сказать, что вчера скучала.

Глупо держать корабль под прицелом спички.
Лучше его спалить. И уйти с причала.

Поколение тополей

Их вырубали, а они росли,
тянули к солнцу раненые ветки, —
взлелеянные ласками Земли
не превратятся в плоть марионетки.
Их сил хватало, чтобы строить БАМ,
растить в тайге героев и пшеницу.
Они бензопиле не по зубам.
Но Время — Гавриилова труба —
одним щелчком перевернёт страницу.
И там, где крон шумели голоса, —
лежит щепа: безжизненна, как пепел.

Как хрупки тополиные леса,
подобные сплетенью тонких петель,
связующих людей и небеса.

Пустота

Когда тебе делают больно,
наверное, стать должно больно…
А если внутри стало пусто —
не горько, не тяжко, не грустно —
пусто,
как будто все чувства
выжгло палящим зноем,
словно траву на поле, —
скажите, что это такое,
когда не осталось боли?..

Елена Басалаева

Гены

Оренбург: «МВГ», 2022

Эта книга издана в рамках реализации социально значимого проекта «Всероссийский семинар-совещание молодых писателей «Мы выросли в России» с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов, Оренбургским отделением Союза российских писателей.

«Двадцать девять лет Ольга прожила, не зная родного отца и даже не пытаясь его искать. У неё были мама, отчим, бабушка с дедом, двоюродная сестра, позже появились муж и сын, и всех их Ольге вполне хватало для того, чтобы не страдать от отсутствия отца и особенно не интересоваться его семьёй. Были, конечно, вопросы о папе, естественное детское любопытство, но оно, кажется, вполне удовлетворялось скупым маминым рассказом о том, что кровный отец уехал в другой город и живёт далеко-далеко.

Только иногда бабушка, делая с маленькой Олей уроки, начинала ворчать на её рассеянность и невнятно намекала, что это „не в мать, не в мать“».

Елена Гусева

В земном полнозвучии

Автобус

Как врезалось в память: моя остановка — и вот он,
Автобусный улей, рязанский центральный вокзал.
Стареющий хит «It's my life» в сотый раз перемотан
И рвётся в мороз из палатки торговой. И в зал,

От грузных баулов скривившись, бредут пассажиры
И маются, бедные, на деревянной скамье…
Но вот объявление рейса, посадка, и цепкие шины
Печатают ромбы на тоненькой снежной кайме.

И вот уж сливается с ночью последний автобус,
Как чахлый декабрьский день устремляется вдаль.
Так было до нас, и так будет: вращается глобус,
И оживают в душе древнерусская лень и печаль.

Дрожим от мороза — дождёмся и таянья снега,
И грязных обочин, и брызг на стекле лобовом.
Ведь альфа — начало, конечная точка — омега,
Учи алфавит и не думай, что будет потом.

Ксеноновый конус — уверенный, ровный — фатально
Бежит впереди по асфальтовой ленте, и свет —
Он словно живой: дальнозорко включается дальний,
Когда путь свободен и встречного транспорта нет.

Водитель-флегматик в дорогу припас пачку «Явы».
Одна сигарета, другая — сжимается срок
И этого рейса. Нет в мире сильнее отравы,
Чем знать: есть конец у любой, у любой из дорог.

С блестящей подножки безвольно шагну в непогоду
И, отвернувшись от ветра, скупой подниму воротник,
Забуду шальную, наивную птицу-свободу
В салоне автобуса: слишком уж мал золотник.

Лишь чуткому сердцу сквозь мерно плывущие звуки
Откроется скрытый от гордого глаза подвох:
В потёртом салоне, свидетеле горькой разлуки,
Иные в ловушке, а кто-то свободен, как бог.

* * *

Сквозь опущенные ресницы
Пробивается тёплый свет.
Мне, несведущей ученице,
То ли семь, то ли восемь лет.

Тень причудливая на обоях
Охраняет постель мою.
Мама в кухне посуду моет,
Я же делаю вид, что сплю.

Завтра в школу: в портфеле — книги,
Пластилин и тугой пенал.
В сумке мамы — духи из Риги,
План урока, конспект, журнал.

Время, мудрый увещеватель,
Влажным светом бежит с ресниц.
В кухне щёлкает выключатель —
И ни времени, ни границ.

Чем измерить людские годы?
Чем их бешеный ритм унять?
Мне, прошедшей огни и воды
Беззаконнице, — сорок пять.

Замыкается круг до срока.
К счастью, к горю — не разберёшь.
В моей сумке — конспект урока,
На душе — канцелярский нож.

Тёплый свет всё такой же славный,
Пролетающий тьму насквозь.
Лишь бы время с ресниц усталых
Камнем в бездну не сорвалось.

Тень бесхитростная на обоях
Ненадёжный покой хранит.
Я на кухне посуду мою,
Мама — спит…

● ● ●

Город из плоти и крови, отравленной праотцами.
Здесь улицы матерятся детскими голосами.
Здесь молчаливый лес до шумного парка уменьшен.
Здесь ритуальный агент приходит быстрее, чем фельдшер.

Он предлагает свои услуги, вежливо улыбаясь,
Коллегам по цеху — наперехват, на зависть.
Он не согласен ждать, пока в потолочной глади
Душа удивлённая с трепетом первым сладит.

Душа озирается в поисках новых смыслов.
Ей предстоит дорога с проводником пречистым.
Ей посидеть бы незримо среди родных в отраду,
Но ритуальный агент вызвал свою бригаду.

Их космос хрустит аккуратной гранитной крошкой.
У их чёрных дыр запах пластика, звук застёжки.
Ещё не остывшее тело трогательно прогнётся,
Покорно исчезнет в чёрной дыре. Вернётся

Спустя пару дней — торжественное, ледяное,
Со скорбной складкой у рта. И только у аналоя,
При пении хора, свечах и кажденье сладком,
Лицо просветлеет и распрямится складка.

Под сводами старой, Богом хранимой церкви,
В молитвенно-благостной ладанной круговерти
Смиряются все: кто больше грешил, кто меньше,
И даже тот, кто приходит быстрее, чем фельдшер.

А в город вольются другие, новые люди.
И будет любовь, и ненависть тоже будет.
И до скончания века — как чёт и нечет —
Чёрные дыры и восковые свечи.

● ● ●

Тончайшие сферы не терпят фальшивых нот.
Неровный вздох, неоправданный нервный жест —
И мир отзовётся стенанием низких частот
За лобовым стеклом, за пределом чужих торжеств.

Молитвы о тишине прорастают тугим узлом
В тепло и дрожащий мрак потайных пещер.
А взмыть к небесам могли бы, пробив заслон,
И мир отозвался бы: он многолик и щедр.

В земном полнозвучии каюсь и вновь грешу.
И каждый шорох — набатом сквозь сон и явь:
Легко ли будет отправиться в белый шум,
Той самой ноты — той самой — так и не взяв?

Дмитрий Филиппенко

Ступени

Хорошая погода

Нине Ягодинцевой

В Челябинске хорошая погода.
Пельменная, и разговор с Дашко.
Не пьём вино, а пьём тархун с крем-содой,
Таков закон. А далее пешком

Мы доберёмся до метеорита,
И Сашка скажет: «Ни фига себе!»
Потом на семинаре деловито
Мы разберёмся в чьей-нибудь судьбе.

Грустить в Челябе, хныкать — не годится.
Стихи прочтём. Какие мы чтецы!
И улыбнётся Нина Ягодинцева,
И скажет: «Вы, ребята, молодцы!»

● ● ●

Идти по снегу — значит верить в снег,
Тащить рюкзак с ненужными вещами,
И убегать оттуда, где прощали,
И всем назло топтаться по весне.

Идти по свету, наступая в свет,
Не утонуть, слегка поджарить кеды,
И в рюкзаке ракетки и ракеты,
По-прежнему вещей хороших нет.

Идти по краю — значит верить в край,
Не строить из себя больного труса
И выбросить из рюкзака весь мусор,
Свободным и пустым пришлёпать в рай.

Мусор

Когда сжигаю мусор, на снегу
Нет признаков весны. Трещат пусто́ты,
Огонь опять не попадает в ноты
И подбирает щепки на бегу.

Клубится дым, похож на кенгуру,
Проглатывают семечки пространства,
И, нарушая ноты постоянства,
Он разрезает в темноте дыру.

Сгорает хлам. Дыхание огня
Сбивается, срывается на шёпот.
И начал таять снег, и хорошо так
На улице и в жизни у меня.

Ступени

В. Т.

Ты чувствуешь вибрацию ступеней?
Идём наверх, ведёт клубок из слов.
Так хочется по щучьему веленью
Призвать любовь из сказочных веков.

Сползает свет, и пряники двустиший
Мы кушаем и портим аппетит.
Шепчу тебе, Виктория, потише,
Ведь колокол нам шёпот не простит.

Финальный шаг, дрожат твои колени,
Снимаешь туфли. Таганай вдали.
Ты чувствуешь вибрацию ступеней?
— Да, чувствую, на цыпочках пошли.

● ● ●

Улица Тихая — тихая улица,
Где облепиха цветёт.
Дом ювелира гниёт и сутулится,
В доме никто не живёт.

Жители спали, соседи не видели,
Как убивали семью.
Шторы задёрнуты, холод в обители.
На подсудимых скамью

Прошлой весной никого не отправили,
Всем наплевать на беду.
Есть три могилы — отсутствует памятник,
Но облепиха — в цвету.

● ● ●

В старом небе новый пепел
Падает на школьный двор.
Снеговик солдата лепит,
Устремляя к солнцу взор.

Он успеет, он поставит
Памятник своей зиме.
Русский воин не растает,
Не погибнет на земле…

…Школьник спит, письмо в конверте,
Строчки бабушке своей:
Русский снеговик бессмертен
Вместе с Родиной моей!

• • •

Размешивая слёзы на холсте,
Малюю я грехи свои, пороки.
Не жду уже друзей и новостей.
Смерть преподносит частные уроки.

В моих глазах погашен дальний свет,
Не различаю «хорошо» и «плохо».
И воздуха в моих картинах нет,
И выдоха, а значит, нет и вдоха.

Похоже получается портрет,
Я зеркало рисую или жижу.
Но отражается живой скелет.
Художник я, а значит, я так вижу.

Джон Коннор

Когда Джон Коннор был здоров
И ездил на мопеде,
Мы с дедушкой пасли коров,
А после на обеде
С картошкой ели пироги.
Затем я шёл к невесте.
А Шварц наматывал круги
И заряжал винчестер.
Давно закончил институт,
Женат, пишу поэмы.
А Коннор жив и так же крут,
Решает все проблемы.
Проходит жизнь, как сериал,
Стара, как Роберт Патрик.
Когда Джон Коннор умирал,
Я спал в кинотеатре.

Туманы

Стелются туманы в голове.
Серый пепел лёг на тротуар.
По проспекту чёрный человек
Шёл опохмелиться в старый бар.

А в душе его гудит война,
А в крови брезентовый мороз.
С каждой рюмкой ёкает весна,
Расцветает медуница слёз.

И звенят колючие стихи,
На коленях пьяная форель
На крючке. Вчерашние духи
Соблазняют. И в глазах апрель.

Нежные туманы в голове.
Серый пепел лёг на гололёд.
Возвращался чёрный человек.
Завершался двадцать пятый год.

• • •

Полярное сияние ума
И Баренцево море ожиданий.
В Териберке прекрасная зима.
Не нужно мне египтов, турций, даний.

Луна на ледовитом рубеже
Висит, как будто бронзовая буква.
В воде дыхания морских ежей.
И в каждом шаге созревает клюква.

На ледоколе «Ленин» хорошо.
Любое судно перед ним—калоша.
И за рулём командует Коржов…
И охраняет Родину Алёша.

Покойник

Капли ржавые из рукомойника
Выползали в больничную тьму.
Вывозили из лифта покойника,
Но глаза не закрыли ему.

И смотрел он в тайгу потолочную,
А над телом жужжала пчела.
На рассвете с душою молочною
Улетела сквозь улей стекла.

И остался один в коридоре я,
Выпадали осадки из глаз.
Превратился в чесночное горе я.
Кто покойник и здесь, и сейчас?

Плесень

В плесени мои родные сени,
И в грязи испачканы пороги.
У меня повесился Есенин,
У меня повесился Ставрогин.

По моей квартире ходят сплетни,
Собирают строчки или спички.
И когда приходит ветер летний—
Улетают бабочки-синички.

Может, это ду́хи или души.
Разница видна и ощутима.
Я от страха закрываю уши.
Кто ты? Что ты, Филиппенко Дима?

По моей вселенной едут крыши.
Я замёрз до боли и до нитки.
Под моим окном гуляет Рыжий.
Турбина́ смеётся у калитки.

* * *

В Катаре солнце ползёт по росе.
Плачут Лукаки и Витцели.
Сборная Бельгии едет в Брюссель.
Красные дьяволы выцвели.

Штанги звенели, и чёрные львы
В шашки играли с хорватами.
Но уступили — и дамки мертвы.
Судьи опять виноватые…

Старый Ван Дамм оседлал карусель.
В городе пахнет ирисами.
Сборная Бельгии. Утро. Брюссель.
Мальчик встречает и писает.

Лиса

Зима в селе мороз вязала.
Мужик чем мог кормил семью.
У дров лиса пилу лизала
И поглощала кровь свою.

А рыжая жена пилила,
Что муж лентяй и лоботряс.
Лиса от голода скулила,
Снежинки падали из глаз.

Мужик не выдержал аврала,
Разбил стакан, ушёл в мороз.
Лиса у стайки умирала,
Но сытая до лисьих слёз.

ДиН ревю

Дмитрий Косяков

Смотреть в будущее

Статьи о политике. Красноярск: «Литера-принт», 2023

Противопоставление уходящей эпохи постмодерна и наступающей, новой, пока удачно не проименованной эпохи происходит по следующим пунктам. Постмодерн — это отсутствие всяческих, в том числе и эстетических, критериев, как следствие — отсутствие иерархии, представления об эстетической или иной ценности произведения и, следовательно, аморфность культурного поля, в котором нет разделения, но потому принципиально невозможно и объединение.

Постмодернизм — это пустота, пустота как принцип. Как верно отметил Роман Круглов, отсутствие критериев, принципов — это тоже принцип, и на этом непререкаемом принципе строилась предшествующая эпоха. Всякий текст хорош, всякая картина хороша, и Никас Сафронов ничем не хуже Леонардо Да Винчи. Постмодерн отказывается от каких бы то ни было ценностей и потому выдвигает на первый план принцип игры, то, что поэт и писатель Михаил Гундарин образно назвал «пересыпанием разноцветного песка».

Собственно, такая позиция подходит для коммерческой литературы, рассматривающей творчество исключительно как товар. Писатель — это лишь производитель товара, удовлетворяющий тот или иной спрос. «Любой каприз за ваши деньги». При такой установке писателю даже не полагается иметь какие-либо взгляды и убеждения: он должен быть достаточно «гибким», чтобы подстроиться под любой вкус, «удовлетворить» любого клиента.

Как протест, отталкивание от эпохи и принципов постмодерна начинает оформляться новая эпоха. Выступая на круглом столе «Существуют ли критерии хорошей литературы», поэтесса и педагог Нина Ягодинцева заявила, что принципами построения художественного текста были и остаются, в частности, иерархичность и «конкретная духовная функциональность», то есть сверхзадача произведения.

Роман Круглов добавил, что критерии возможны, «только если мы говорим о фундаментальном, всеобщем». «Мы все говорим серьёзно, нам жалко тратить время на несерьёзные разговоры», — сказал он. Итак, теперь мы говорим серьёзно, мы ведём разговор о моральных ценностях, о взглядах и идеях. «Пока мы будем стесняться идеологии, мы будем топтаться на месте», — подчеркнул Круглов.

Что ж, поговорим об идеологии.

Валерий Сухов

Родным повеяло издалека

Огонь рябины

Нет поэта без родины.
С. Есенин

Без родины—поэта нет.
Родного не понять чужому.
Так в сумерках заветный свет
Вдруг обожжёт тоской по дому.

Тогда по-волчьи впору выть
Сухому перекати-полю,
То вспомнив, что нельзя забыть,
Бродяжью проклиная долю.

Поэта русского судьба—
Врасти корнями в край родимый.
Здесь материнская изба
Хранит в окне огонь рябины,

Когда печально старый клён
Клин провожает журавлиный.
А ветер колокольный звон
Разносит, как напев былинный.

А за Окой такой простор,
Что сердце не захочет рая.
И, вспыхнув здесь, души костёр
Горит, как Русь, не угасая.

Яблоки счастья

Снова вижу я через годы,
Настежь в сад окно растворив:
Достаёт дед из ульев соты.
С яблонь падает белый налив.

Перепутал ветер бедовый
Всё, что август для нас припас.
Пахнет яблоком Спас Медовый.
Пахнет мёдом Яблочный Спас.

Чем богаты мы, тем и рады.
Под иконой пьём с мёдом чай,
Наблюдая за яблокопадом,
Что пошёл в саду невзначай.

Как у детства глаза лучатся!
Солнце брызнуло соком: «Ах!»
Сладко-кислый вкус яблок счастья
До сих пор на моих губах.

Холмы земные

Дохнул прохладой августа закат.
Устало стадо возвращается под вечер.
Коровы понимают русский мат
И пастухам покорно не перечат.

Бредут бурёнки тихо, как века.
Глаза полны какой-то грустью древней.
И оживает русская деревня,
Испив с устатку молока…

Звенит вечорошник. Коровы видят сон.
Им снится луговое разноцветье,
Жужжанье пчёл, кузнечиков трезвон,
Густой туман и росы на рассвете.

Вместилась жизнь в коротких три глотка.
И глиняная крынка запотела.
Сдувает ветер пену—облака
И к небу приникает то и дело.

Родным повеяло издалека.
Холмы земные солнышком налиты.
И запахом парного молока
Полны полынной родины молитвы.

Старый дом

Подкатил мне под горло ком.
Вновь я вспомнил родимый дом.

Покосилось его крыльцо.
Почернело для зыбки кольцо.

По-старушечьи сгорбилась матица.
И моя жизнь под гору катится.

Вспомнил я на закате дня,
Как гуляла моя родня!

Дом для праздников был не тесен.
Сколько спели в нём русских песен!

Годы шли… И в последний раз
Он собрал на поминки нас.

Смертным холодом печка дышит.
Оседает могилой крыша.

Умер дом, как родной человек.
И занёс его окна снег.

Печаль

Э. К. Анашкину

В родстве с природой я живу.
От злого зноя степью маюсь.
Я ливнем падаю в траву
И радугою поднимаюсь.

В зенит взлетаю в синеве
В разгар охоты соколиной.
И никну к матери-земле
Повинно головой полынной.

Печаль избыть я не могу.
Вздыхают, высыхая, травы.
Валки на скошенном лугу—
Как строки «Слова о полку»—
Хоругви сгубленной державы.

Русский дух

Эх! Топор да в две руки.
И в задоре русском
Рассыпались чурбаки
На морозце с хрустом!

Незабвенное то время
Нынче дорого до слёз…
В избу мёрзлое беремя
Со двора погреться внёс.

Мать топила чин по чину.
Занялась во тьме звезда.
Сухо вспыхнула лучина.
Затрещала береста.

Совершён обряд исконный.
Горяча поленьев речь.
Озарила лик иконный
В сумерках морозных печь…

Испечённым пахнет хлебом,
Потеплев, родимый дом.
Русский дух подняв до неба,
Дым седым стоит столбом.

Благословение

Проснусь в ожившем отчем доме.
Как в детстве, выйду на крыльцо.
И, воду зачерпнув в ладони,
Омою солнцем я лицо.

Оно из лона голубого
Скатилось—чудом из чудес,
Чтоб я по-детски верил снова
В благословение небес.

Чтоб на глазах преображался
В лучах зари родной простор.
И звон пасхальный разливался,
И куполами поднимался
С холма Архангельский собор.

Изба

Срубили новую избу.
Родня пришла на по́мочь.
Сложили печь, и дым в трубу
Пошёл уже за полночь.

Сидели утром за столом
И печники, и плотники.
Сосновой стружкой пахнул дом
И глиной, как работники.

По полной дед налил родне.
Запели—после третьей.
И были эти люди мне
Дороже всех на свете…

Из брёвен рубится изба.
Четверостишья—сруб.
За каждою строкой—судьба,
Боль обожжённых губ.

Конёк взметнётся до звезды!
Затопят печку в стужу.
Слова пронзительно просты,
А как согрели душу.

Вижу с холма я родное село

Дорога седая,
Время пришло.
Вижу с холма я
Родное село.

Незримо веками
Его Михаил-
Архангел крылами
Святыми хранил.

Здесь я родился, крестился,
И тут,
Как милость,
Последний найду приют.

Время настанет.
Не станет меня.
Крест на могиле поставит
Родня.

Последним дыханьем
Плывя над селом,
Мать—снежный ангел—
Махнёт крылом.

И на погосте
В седой пыли
Я стану горстью
Родной земли.

Елена Кириллова

Кто-то легко окликает меня

● ● ●

Подымается ветер,
Пустые дворы заметает
Рыхлым снегом февральским,
По лесу разбойно свистит.

Никого мы не встретим—
Земля в этот вечер пустая,
И в космическом вальсе
Она по орбите летит,

Увлекая в движенье
И ветер, и снег за собою,
Прихватив по дороге
Машины, людей, корабли,

И дома, и растенья,
И, в частности, дом наш с трубою—
Где, застыв на пороге,
Мы движемся в танце Земли.

Перед Рождеством

Пахнут руки лабрадором,
Свежим снегом пахнет стужа.
Погружусь в бездонный город,
Где мой взгляд кому-то нужен.

Корабли пустыни белой
Бороздят в снегу маршруты,
Подбирая то и дело
Граждан, празднично обутых

И одетых—слишком ярко
И легко, не по погоде:
Подходяще для подарка,
Что седой Зиме угоден.

Заметёт она, закру́жит,
Унесёт в чертог хрустальный.
Старый волк ей верно служит—
Домовитый, но печальный:

Обходя квадрат забора,
Откликается не сразу.
Он похож на лабрадора,
Белый и голубоглазый.

● ● ●

Мой мир постепенно уходит под воду,
А может—напротив—летит в небеса,
По зёрнышку памяти, по эпизоду.
Теряют объёмность холмы и леса.

Теряются звуки, стираются лица,
Меняется всё, на что падает взгляд.
И впору подумать, что жизнь наша снится
Кому-то из тех, что Вселенной рулят.

● ● ●

Снежная пыль подымается ввысь,
Крутит воронки, несётся навстречу.
Свой ли, чужой ли во мгле появись
Рядом—я точно его не замечу.

Ветер крупою лупит в лицо,
Лепит сугробы, спиралями вьётся,
Воет и чем-то гремит под крыльцом.
Дерево, листьев лишённое, гнётся.

Белая ночь обступает, звеня,
Сизое небо спускается крышей.
Кто-то легко окликает меня,
Кто-то оттуда—да слышу я, слышу!

● ● ●

То, что внизу,—подобно тому, что вверху.
Гермес Трисмегист

Падает слева естественный свет,
Падает справа на книгу листва.
Здесь исчисления времени нет—
Вечность и мудрость качают права.

Я выпадаю из возраста—вне,
Шарю потерянный ориентир
И нахожу—в угасающем дне,
Стабилизирующем этот мир.

Страшно без рамок, границ и опор—
Кожей почувствовать ветер Земли.
Не различаю я с тех самых пор
«Выше» и «ниже», «вблизи» и «вдали».

Августовская прогулка

По текущему августу ночью,
Поздно вечером — будет верней,
Каждый шаг по ухабам неточен
В перекрестье фонарных теней.

Фонарей золотистые чаши
Провисают в густую лазурь.
МЧС посылает всё чаще
Обещания ливней и бурь.

В тщетном поиске свежей прохлады,
Расслабления и ветерка
Мне по Киевской двигаться надо
На окраину — там, где река.

Пробираюсь вдоль стен новостроек,
Необжи́тых до этого дня.
Тёплый воздух с ближайших помоек
Настигает внезапно меня.

Поливает дорогу машина —
Будто не было утром дождя!
Прикурил сигарету мужчина
И отбросил её, уходя:

Догорая, весёлые искры
Оживляют пустой разговор.
Мы легки, только танки не быстры,
И броня не крепка до сих пор.

Опускается лета вершина
На ближайший к дороге обрыв.
Не кури сигарету, мужчина,
Не бросай её, не докурив!

● ● ●

Я устала от красного цвета,
Фейерверков и ярких витрин.
Где-то в сумерках знойного лета
Капибара — «травы господин» —

Бродит лесом, лежит у болота,
Прячет жирное тело в воде
Или скачет — вразвалку, галопом, —
Убегая. А может, к еде.

Хорошо ему всюду, комфортно:
Он хозяин, поэтому — прав.
Но при этом квадратная морда
Отражает доверчивый нрав.

Много чу́дных и ласковых тварей
Населяют леса и моря,
Но я думаю о капибаре
Тёплой ночью в конце сентября.

● ● ●

По лестнице вниз я спускаться боюсь —
Там холодно, сыро и очень темно.
Там бегает мальчик соседский, и пусть,
Но я не хочу, не пойду всё равно.

Тугие засовы тяжёлых дверей
Гремят в коридорах окрестных квартир,
Надёжно скрывая домашних зверей,
Теряющих в городе ориентир.

Я тоже теряю опору и цель:
По абрису выйти уже не судьба.
И падают двери входные с пете́ль,
И рёвом протяжным взывает труба:

Постой и опомнись — куда и зачем,
Какие сигналы тебе подают?
Стою. Серый кот у меня на плече,
На крыше архангелы тихо поют.

● ● ●

Здесь высоки по-кулацки заборы —
Видимо, есть что беречь и стеречь.
Сядь на крылечко, примкни к разговору:
Громкая, хором, бессвязная речь.

Тёмная улица, тёплое лето,
Бархатный вечер приглу́шит огни.
Голос знакомый послышится где-то.
Кто там? — Не видно. Беги, догони.

Тихо качнётся вишнёвая ветка,
Вишню блестящую тайно сорву.
Смутно белеет во мраке беседка,
Ветер колышет густую траву.

● ● ●

Время гречневой каши в брикетах
И варённых вкрутую яиц,
Раскалённого длинного лета
И галдящих под окнами птиц,

А весною — зелёного шума,
Непроглядных, густых вечеров
И товарищей — глупых и юных,
Наполнявших квадраты дворов.

Силуэты из прошлого тают…
Не вернуться, не встретиться — жаль.
Но былое сквозь дни прорастает,
Как побеги сквозь старый асфальт.

● ● ●

Я люблю эту осень с холодным дождём,
Гололёдом внезапным и снежной пыльцой.
На всех подступах город Зимой осаждён,
И ноябрь ступает ко мне на крыльцо,

Открывая период густой темноты
На пустых тротуарах с пяти до восьми,
По которым идут только эхо — и ты
(Телефон, бутерброды и пропуск возьми).

На ветру уцелевшие листья дрожат,
Разноцветьем играя сквозь снежную пыль,
И, не выдержав ветра, слетают, кружа.
…Кто-то булки печёт, добавляя ваниль, —

Верно, дух из кондитерской, что на углу,
Привлекает свободно текущий народ,
Непривычный противиться «сладкому злу»,
До которого только один поворот.

Но редеет толпа, и кончается день,
По Нахимова мерно машины снуют.
Я замёрзла, бродя среди каменных стен,
И по-зимнему тянет в тепло и уют.

Вечерами промёрзшими глянешь в окно —
Проясняется даль, и прозрачнее свет.
Я люблю эту осень холодную, но
Жаль, что солнца, по-летнему тёплого, — нет.

● ● ●

Фениксы-птицы сбиваются в стаи,
Стаи летают над нашим селом
Только сегодня, а завтра — растают,
Только сегодня, а завтра — облом,

Сказка закончится, быт повернётся
Воротом ржавым колодца-села.
Ветер расходится, деревце гнётся:
Сказка закончилась, быль умерла.

Деревце тонкое, печь с пирогами,
Реки глубокие — не переплыть.
Да по камням, да босыми ногами…
Помнить, надеяться, верить и жить.

● ● ●

По аллеям среди молчания
Забредя в золотое крошево,
Мы попали сюда нечаянно —
По пути из чужого прошлого:

Там, где осень следы оставила,
Паутину плетя непрочную,
А теперь поменяла правила —
Тишиною звенит полночною

И бросается в окна тёмные
И на шею — в неё смотрящему.
У печали глаза огромные
И объятия — настоящие.

Не гляди в темноту оконную:
Может, кошкам и разрешается,
Разгоняя тревогу сонную,
По балконам открытым шариться,

Проверяя своё везение,
И смотреть в невесомость истово.
…Золотая печаль осенняя
Рассыпается в небе искрами.

● ● ●

Серый день за моим оконцем.
Я смотрю на пустое небо —
Крокодилы сожрали солнце,
Златокудрого бога Феба.

Крокодилью слезу роняют:
«Как-то стало смеркаться рано», —
И затмением объясняют
Этот сумрак и холод странный,

Что людей настигает дома,
В час дневной, в середине лета…
Я не знала, что так весома
Эта горстка дневного света.

Татьяна Янковская

Три статьи о проблемах языка

Отпадение от языка

Для России отпадением от истории… от свободы и целесообразности было бы отпадение от языка. «Онемение» двух, трёх поколений могло бы привести Россию к исторической смерти.

О. Э. Мандельштам. О природе слова. 1922[1]

Русское безрубежье

В заметках о русском безрубежье Вера Зубарева, поэт, прозаик, литературовед, главный редактор журнала «Гостиная», президент Организации русских литераторов Америки (ОРЛИТА), к которой я имею честь принадлежать, пишет: «Русских писателей на всех континентах связывает нечто большее, чем язык. Это „большее" и заставляет оставаться в своей литературе, развивать её в слове и образе и чувствовать себя причастными к литературной родине… Это связь духовная, не всякому доступная. „Там русский дух" относится не к технике владения языком, а к таинству слова, настоянного не только на ароматах своей земли, но и своего неба. Именно незримым присутствием неба и пропитана русская литература в отличие от западной, где превалируют с давних пор ценности Просвещения и Возрождения», а начиная с середины девятнадцатого века, «упор делается на классовое неравенство, социальное устройство, бытовые коллизии и т. п.»[2].

По образованию я химик — десять лет стажа в России и двадцать в Америке, где живу с 1981 года. Будучи вполне вписавшейся в жизнь американского общества, я ощущаю ту связь с русским языком и русской культурой, о которой пишет Зубарева. Я автор шести книг, публикуюсь в периодике России, США и других стран. Довелось быть редактором, публикатором и переводчиком книг других авторов. В девяностые годы я организовывала выступления в США российских литераторов, актёров, бардов, а также была избрана вице-президентом по образованию в районном отделении общественной организации «Хадасса». В 2003–2004 годах работала в президентской избирательной кампании, писала заметки в газету Riverdale Press на темы, связанные с выборами.

Предлагаемое эссе продолжает серию моих статей и интервью на темы культуры и общества. Я пишу о языковых изменениях в России, которые вижу, живя вне её, но не теряя связи с ней, и сопоставляю их с моим американским опытом. Взгляд билингва-технаря позволяет мне предложить дополнительную «оптику». Судьба русского языка зависит от каждого говорящего и пишущего по-русски, и мне хочется надеяться, что собранный материал пригодится тем, кто болеет за неё.

В последние годы в России распространились многочисленные профессиональные, корпоративные и психологические тренинги, меняется подход к подбору кадров, к школьному и высшему образованию. При этом не всегда задумываются о последствиях, которые я давно наблюдаю в Америке, где это началось гораздо раньше. Как заведующая лабораторией в крупной корпорации, я эти тренинги проходила, а некоторые и вела.

Новые технологии и кризис нынешней модели экономики меняют мир на наших глазах, что отражается в культуре и языке. С этим связана и более общая тенденция: идёт выбор, пойдёт ли человечество по пути, условно говоря, развития или прогресса. Первое предполагает сохранение многообразия мира, возможности роста для каждого человека с сохранением его индивидуальности, родного языка, национальных традиций и культуры, будь то на родине или за рубежом. Второй путь — превращение народов мира в однородную массу, говорящую на одном языке, потребляющую общие «культурные продукты», с запрограммированными реакциями, наподобие смеха, который включают в нужный момент при трансляции мыльных опер. На пути «прогресса» упор делается на внедрение технологий в управление всеми сферами человеческой деятельности. Роботы будут становиться всё совершенней, человек всё примитивней. Этот путь ведёт к вырождению.

Для движения по пути развития необходимо сохранение языка. Часто цитируя, обычно не без иронии, слова Тургенева про великий и могучий

1. *Мандельштам О. Э.* Слова и культура: Статьи. — М.: Советский писатель, 1987. С. 60.
2. *Вера Зубарева*: Русское безрубежье // «Дружба народов» №5, 2014.

русский язык, забывают другие его определения — правдивый и свободный и то, что именно язык служил писателю поддержкой и опорой в трудную годину и вдали от родины. Русский язык переживает не лучшие времена, и решение возникших проблем требует комплексного подхода и игры вдолгую. Но многое можно делать уже сейчас[3].

Развитие или «наезд»

Колоссальные изменения в русском языке за последние тридцать лет — это часть естественного процесса его развития. Издержки при этом неизбежны — всё дело в их масштабе и последствиях, вплоть до забвения родного языка.

Засилье иностранных слов и возникновение новых языковых шаблонов — «ка́лек» с английского — ведёт к инфляции понятий. Легче становится плодить безответственность во всех сферах деятельности. Заменять укоренившиеся иностранные слова английскими — всё равно что сносить готические или неоклассические постройки, чтобы возвести на их месте современные многоэтажки. Случайно ли это, а если нет, то чем вызвано? Плохой подготовкой и ленью переводчиков? Использованием онлайн-переводчиков и компьютерной правки? Распространением англоязычной терминологии иностранными организациями и структурами, действующими в РФ? Популярностью песен, фильмов и сериалов на английском языке? Падением уровня образования и политикой правящей элиты?

Один из признаков того, что «наезд» на язык не случаен, — изменение русских географических названий. Ведь никто не заставляет американцев от привычных им Уорсоу, Москоу, Раша перейти к произношению, соответствующему языку оригинала, — Варшава, Москва, Россия. А русскому языку в последние десятилетия упорно навязывают новые стандарты названий, в первую очередь на территориях, которые многие века были единой страной, и тех, что тесно связаны с русской культурой.

На радио «Свобода» Иван Толстой обсуждал с экспертами произношение названия города на Лазурном берегу: Канны — Канн — Кан, а также новейший тренд не склонять названия вообще[4]. Виталий Костомаров посетовал, что «это ужасная тенденция современного русского языка. Есть и у нас, есть и зарубежные русские лингвисты», которые «очень хотят, чтобы русский язык развивал черты аналитизма, то есть отказывался от склонений». Максим Кронгауз заметил, что, кроме правил транскрипции географических наименований, есть культурная традиция. Этот город вошёл в русскую культуру как Канны. «Передача культуры ведь тоже выделяет культурных людей из массы некультурных, важно не только знать, как по-французски или на каком-то ещё языке, а… как это по-русски в течение века». О. М. Губарева поддерживает коллег, но отмечает ещё одну сторону проблемы — искажение смысла французских слов, внедряемых в русский язык: «Мне очень обидно, что с моей любимой Францией и с французским языком так жестоко поступают». А ИТАР-ТАСС настаивает на названии «Канн», привлекая в качестве эксперта студента-филолога из Франции, хотя непонятно, почему молодой француз считается специалистом по русскому языку[5]. Множественное число в названии города автор статьи называет «вульгарным» и объясняет это «невежественной любовью к истории» и «нашей всегдашней российской небрежностью». Однако самоуничижением вопросы языковых норм не решаются.

ООН недаром привлекает в качестве переводчиков носителей языка — человек, рождённый и выросший в другой стране, не может до конца прочувствовать все тонкости чужого языка. Всё более широкая замена родной лексики заимствованной ослабляет способность ясно мыслить и ясно излагать, что заведомо исключает возможность взаимопонимания. К тому же эти слова обычно не подчиняются правилам правописания, потому что не образуются по правилам русского языка. Ещё одно коварное следствие: работники СМИ и всевозможные публичные персоны в России, к месту и не к месту вставляя в свою речь английские слова и выражения, коверкают и уродуют их, тем самым продвигая не только безграмотный русский, но и безграмотный английский. Мне обидно за английский язык, как профессору Губаревой за французский.

Боль за родной язык звучит в комментариях к передаче Толстого:

— Возникает опасность не только потери культурных традиций, но и… выпадения из рассмотрения её пластов. Если, например, Чехов или Стравинский писали «Канны», а новые поколения привыкнут к «Канну», то они просто… до упомянутых гениев не доберутся.

— Хотелось услышать от маститых филологов: как долго, по их мнению, наш великий и могучий ещё сможет реально оставаться нашим государственным языком?.. Как простому русскоговорящему человеку… жить в стране, где любое русское слово заменяется непременно английским? Ну на кой нужны вместо нововведений — инновации, ноухау, неужто нет русского обозначения какомунибудь спичрайтеру, и чем общение и связь хуже коммуникации?

3. См. статью Татьяны Янковской «Оппозиционная грамматика», глава «Простые средства».
4. «Канны или Канн?», 19.06.11. svoboda.org
5. «Канн — это не Канны, поясняют каннские жители в ожидании россиян и других гостей „двадцатки“» // ИТАР-ТАСС, 01.11.11. https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/548803

— Почему повсеместное использование английских терминов? По одной простой причине: в эпоху всеобщего дилетантизма никто не знает русской терминологии. Они в глаза не видели отраслевых многоязычных словарей… Поэтому, к примеру, такие элементарные вещи, как приёмник и передатчик, стали теперь ресиверами и трансмиттерами. Легче написать английский термин русскими буквами, чем лезть в словари (а какие, и где их взять?) и искать соответствие.

Комментарий об отраслевых словарях особенно дорог мне: в Америке меня очень выручал англо-русский словарь нефтехимической промышленности[6]. К нефти я отношения не имела, но словарь включал основную терминологию, которая встречается в смежных отраслях, а также всевозможные таблицы, единицы измерения, общепринятые сокращения, топонимы, названия известных фирм и т. п. Настольными книгами у меня были «Общая химия» Глинки и «Краткий курс физической химии» Киреева для технических вузов, на которые студенткой химфака ЛГУ я смотрела свысока. Но ничто так не помогло мне в решении сложных проблем, возникавших на производстве, к которым мои коллеги не знали с какого боку подойти, как эти старые учебники, полно и сжато излагавшие основные принципы химии и физики и свойства химических элементов. Ничего подобного на английском языке не было. Знаменитая «Химия» Полинга, которая сохранилась со студенческих времён и приехала со мной в Америку, не содержала столь фундаментальных основ. Ко мне приходили с вопросами инженеры—электрики, химики, механики, экологи, и я помогала им разбираться, делать расчёты, исправлять ошибки и т. п. Я знала, когда начинается охотничий сезон, потому что каждый год в это время ко мне приходили рабочие из цехов с просьбой перевести граны в миллиграммы—они сами делали пули, а в рецептуре использовалась сия неведомая американцам единица веса. Мы же проходили это в школе.

В августе 2020 года объявили, что в России будет создана правительственная комиссия по русскому языку, которая проведёт экспертизу правил русской орфографии и пунктуации, определит единые требования к созданию словарей, справочников и учебников грамматики, содержащих нормы современного русского литературного языка. Руководитель Управления образовательных программ «Русского мира» Виктор Буянов так комментировал это событие: «Задумайтесь: кто сейчас словарями пользуется? Никто, это уже вне системы координат… Может быть, Пушкин последний это и делал! Они никому не нужны». Буянов замечает, что в описании функций комиссии речь идёт и о продвижении русского языка за рубежом: «Я бы сказал, что Министерство просвещения—последнее ведомство, которое должно этим заниматься… Всем русским языком за рубежом должно бы заниматься Россотрудничество. Но там сейчас невесть что происходит… А количество ошибок, которые делают журналисты с радио, с телевидения, в прессе, растёт в геометрической прогрессии. Новое поколение несёт что попало… Молодёжь словарями не пользуется, она считает, что и не должна, так как является носителем языка. И все действия комиссии, значит, будут всё равно в никуда и ни о чём». Как видно, человек, отвечающий за продвижение русской культуры и русского языка в мире, полон оптимизма и конструктивных идей.

В чём-то Буянов прав: и распил средств может иметь место, и количество ошибок в письменной и устной речи носителей языка зашкаливает, в том числе в СМИ, где ещё тридцать пять лет назад их почти не было. Но г-н Буянов категорически неправ в том, что словари никому не нужны. Они необходимы, как и хорошие учебники грамматики. За последние двадцать пять лет русско-английский словарь идиом Софии Лубенской[7] выдержал по два издания в США и в России. Я постоянно пользуюсь как множеством бумажных словарей, так и—всё чаще—интернет-сайтами, которые опираются на словари. Мой любимый учебник грамматики—«Русский язык» Д. Э. Розенталя 1988 года издания[8]. Очевидно, со мной солидарны многие россияне. Вот выдержки из комментариев к статье В. Буянова:

— Есть расхождения в словарях, и филологи сами не могут прийти к общему знаменателю. Я бы вообще оставила только Розенталя!

— Нужна унификация понятий, правил и т. п. в русском языке. Есть же унификация в технике.

— Что сделано для русского мира в Прибалтике? В Средней Азии? В Казахстане? В Европе?.. А как дела в самой России? С насильственным напихиванием в русский язык неимоверного числа англицизмов, блатного жаргона, разного рода «переименований» типа «Алматы» вместо Алма-Аты, «Орал» взамен Уральска, «Кыргызстан» вместо соответствующей нормам русской фонетики Киргизии… Мы же называем страну Германией, а не «Дойчланд», как сами немцы, и столица Италии у нас Рим, а не «Рома», как у итальянцев… Мы на вытеснение русского из исторической России никак не отвечаем и продолжаем позволять чужой культуре паразитировать на нашем внимании и рынке… Так и языка своего скоро не будет.

6. *Кедринский В. В.* Англо-русский словарь по химии и переработке нефти // М: Русский язык, 1979.
7. *Lubensky, Sophia*: Russian-English dictionary of idioms // New York: Random House, 1995 (1st edition).
8. *Розенталь Д. Э.* Русский язык. Пособие для поступающих в вузы // Изд-во Моск. ун-та, 1988 (издание второе, доп. и переработ.).

Сотрудник Института русского языка Ирина Левонтина считает, что «языковая инвалидность—это когда язык используется только в быту, а, например, в науке—нет»[9]. Такое в истории бывало: в 2009 году на экскурсии в боснийском Мостаре нам рассказывали, что когда Босния входила в Османскую империю, родной язык использовался исключительно в быту, в деловых же отношениях—турецкий, в науке и философии—персидский, а службы в мечети шли на арабском.

«Использование неканонических орфографии и пунктуации приобретает оппозиционный характер»,—цитирует «одного хорошего поэта» Игорь Караулов[10], демонстрируя при этом одно из самых заметных проявлений «оппозиционной грамматики» в согласовании прилагательных с существительными[11]. Караулов, как и многочисленные комментаторы, считает, что «государство не только вправе, но и обязано заниматься русским языком. По большому счёту это главное, что объединяет страну». Однако он уверен, что «язык—живой организм, в котором имеются органы самоочищения». В качестве примера он приводит, как практически исчез интерес к «языку падонков» и «преведскому языку», которые были популярны в интернете лет пятнадцать назад. Но игры молодых и мода не оказывают долгосрочного влияния на язык, в отличие от тех изменений, которые проникают в широко читаемые газетные и журнальные публикации, документы, рекламу, инструкции—от лекарств до бытовой техники, речь публичных персон на всех уровнях. Мода пройдёт, а то, что постоянно тиражируется в языковом пространстве, в том числе профессиональном,—не уйдёт без посторонней помощи.

Язык и менталитет

Однажды у нас в корпорации Honeywell провели «круговую аттестацию» (360 Degree Evaluation). Оценки были анонимные. Один из ответивших на мою анкету написал в графе рекомендаций: self-promotion. Я не знала, как это понимать,—думала, меня критикуют за самопиар, что не соответствовало действительности. Но оказалось, что мне как раз рекомендуют это делать! Как сказал мой шеф: you have to sell more Tanya. В Союзе нас не учили «продавать себя». Помню, в первое время после эмиграции многие были поставлены в тупик инструкциями по составлению резюме, где было рекомендовано, какими эпитетами себя описывать. Так, мы считали, что быть агрессивным плохо, а в Америке это считалось положительным качеством, скромность же здесь не котировалась. В России хоть и говорили: «нахальство—второе счастье»,—традиционное отношение к наглецам было отрицательным.

Язык отражает глубинное психологическое различие национальных архетипов: в русском языке «я», как охотно напоминали выскочкам, последняя буква алфавита, а в английском соответствующее местоимение I пишется с заглавной буквы. При этом в современном английском нет отдельной уважительной формы обращения к другому, как «Вы» в русском, Sie в немецком, vous во французском и т.п. Осталось одно обращение ко всем, кто не «Я»,—you. Это не хорошо и не плохо—так сложилось исторически. Но не нужно навязывать людям несвойственный им стиль поведения.

Отлучение от русского языка—угроза не только России: мир обеднеет без её великой литературы (многие американцы называют «Преступление и наказание» своим любимым произведением), без уникальных отношений, отражённых в русских пословицах и поговорках («сам погибай, а товарища выручай»; «не имей сто рублей, а имей сто друзей»; «ни стыда ни совести нет» и т.п.). Композитор Валерий Гаврилин писал, что «презирая, затаптывая, умерщвляя, стерилизуя духовное достояние одного народа, мы наносим непоправимый ущерб духовности всего человечества»[12].

Оппозиционная грамматика

Учат нас и грамоте,
И письму,
А не могут выучить
Ничему.

С.Я. Маршак.
Кот и лодыри

Йожик моет раму

Удивительно, что, осознавая важность языка для формирования личности, сегодня детей в России учат родному языку как иностранцев. Русский язык лишают простоты и логики, которые в нём заложены. Через схемы слов, предлагаемые в букварях до того, как ребёнок научился читать, с ранних лет закладываются будущие ошибки; неоправданная сложность обучения порождает нелюбовь к своему языку, поощряет замену русских слов иностранными.

9. *Ирина Левонтина*: Из любой вещи можно сделать дубину и кошмар // Интервью «Новой газете», 12.08.20.
10. *Игорь Караулов*: Грозит ли русскому языку реформа орфографии. «Взгляд», 13.08.20. https://vz.ru/opinions/2020/8/13/1054204.html
11. См. статью Татьяны Янковской «Оппозиционная грамматика», глава «Сколько в мире Голландий и Казахстанов».
12. *Гаврилин В.А.* О музыке и не только… Записи разных лет: Сост. н. Е. Гаврилина и В.Г. Максимов // спб: Композитор, 2003 (издание 2-е, испр. и доп.).

Звуковая запись слова в первом классе — зачем? Ведь русский ребёнок впитывает звучание слов родного языка с молоком матери! Здесь нет проблем с чтением, как в английском, где, как гласит шутка, пишется «Ливерпуль», а читается «Манчестер». Из дискуссии в сети: «В США так много дислексиков, потому что им трудно найти логику в произношении слов too, door, blood. Или почему в Pacific ocean все три буквы „с“ звучат по-разному?» Поэтому английскому языку необходима транскрипция. Я научилась читать в пять лет, спрашивая у мамы, как пишется та или иная буква, не различая букву и звук. В этом решающее отличие русского языка! В сам процесс чтения по-русски заложена логика, развивающая у ребёнка здравый смысл и предрасположенность к поиску простых решений — качества, полезные во всех сферах деятельности.

Судя по современным букварям, с самого начала обучения первоклассников чтению и письму много времени тратят на фонетические разборы по искусственно усложнённому алгоритму. Дети пишут «йожик», «салавей» и т. п. и запоминают это; столько раз повторяют, что в слове «рысь» три звука, что потом и на письме забывают про мягкий знак. Способ преподнесения материала должен быть максимально кратким, ясным и логичным. Именно так построен букварь 1956 года, созданный коллективом научных сотрудников Академии педагогических наук и учителей школ Москвы и Ленинграда, под редакцией академика И. Ф. Свадковского. «Исторической особенностью отечественного языкознания было единство академической науки — и средней школы. Начиная с А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, учёные-лингвисты были авторами школьных учебников и сами учили детей», — пишет лингвист, доктор наук Л. Б. Парубченко[13]. Куда это делось сегодня? «Почему уже 30 лет к этим проблемам не подпускают опытных практиков-педагогов, авторитетных учёных из МГУ, СПбГУ и пр., имеющих учёные степени и опыт работы в сфере педагогики, философии образования, физиологии, возрастной психологии, социологии образования, медицинской антропологии, когнитивной философии и др.?» — спрашивает кандидат философских наук, педагог И. Н. Каланчина[14]. Почему нельзя обновить и использовать букварь, по которому успешно учились дети в 1950-е годы? Потому что сегодня «мама мыла раму» будет расценено как гендерная дискриминация?

Большинство нынешних букварей основано на идеях развивающего обучения Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова и Л. В. Занкова. Здесь речь не о теории, а о воплощении её на практике.

Один из заявленных принципов — обучение на высоком уровне трудности. В мире, где всё взаимосвязано, это напоминает мне шоковую терапию, которую «капитализм катастроф» (определение Наоми Кляйн)[15] применяет для разрушения экономики конкурентов: природные, техногенные либо искусственно созданные катастрофы используются, чтобы сломать психику народа, а потом — «делай с ним что хошь».

Другой принцип — в изучении программного материала идти вперёд быстрым темпом. Из статьи Парубченко в «Учительской газете»[16]: «Ещё одно „достижение“ методики Занкова — т. н. „переслаивание“ материала, когда в 1-м классе сегодня изучается существительное, завтра — глагол, послезавтра — прилагательное, а послепослезавтра — опять существительное. В результате — ни того, ни другого, ни третьего… Спешка, лихорадочность дёргают ребёнка, разрушают его цельность, ломают психику». Это напоминает мне эксперименты в области корпоративного управления (КУ) — т. н. multitasking. Мой начальник в GE (General Electric) говорил мне: «Нас учили делать много дел одновременно, постоянно переключаться. Ничего, что не выполнишь работу на сто процентов, зато сделаешь больше». В результате сроки не соблюдаются, дело не доводится до конца. Получается не меньше, да лучше, а больше, но хуже и дороже. Это заведомая установка на брак и недоделки, а в школе — на недоучек.

Читаю в «Российской газете»: «Сегодня дети не выполняют все задания по очереди — они могут всё делать одновременно… Это своего рода управляемый хаос, в котором они привыкли жить, поэтому и выстраивать образовательный контент надо в соответствии с форматом мышления современных ребят»[17]. Сомневаюсь, что нынешние дети сплошь Юлии Цезари. Установка на хаос в головах школьников — куда уж откровенней! Но кто этим хаосом будет управлять?

Ещё один постулат развивающего обучения — осознание школьниками процесса чтения. «Младшие школьники с самого начала усваивают теоретические основы русского письма и овладевают орфографическими умениями. Они рассматривают букву как знак фонемы, а не звука. Буква выступает для детей как средство реализации при

13. Лингвистика и школа — IV. К 90-летию со дня рождения Михаила Викторовича Панова (1920–2001) [Текст]: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Л. Б. Парубченко. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011.
14. *Каланчина И. Н.* Личность в образовании: история и современность. https://www.fondaltai21.ru/2017/04/16
15. *Наоми Кляйн*: Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф // Добрая книга, 2015.
16. *Парубченко Л. Б.* Почему развивающее обучение не развивает и не обучает // «Учительская газета», 10 мая 2000. С. 9.
17. https://rg.ru/2021/02/19/uchitelia-brosaiut-vyzov-blogeram.html

письме, отношения между значением морфемы и её фонемной формы, которое в устной речи реализуется посредством звуков. Выделение и первоначальный анализ этого отношения… должны составлять *содержание первых учебных задач*, решаемых младшими школьниками»,—пишут на сайте «Инфоурок»[18]. Т. е. на старте запутывают детей, мешая успешному овладению языком, который окружает их с рождения! Навязанный реформаторами подход не только препятствует получению систематических знаний, но и подавляет интуицию, инициативу, выкорчёвывает задатки логического мышления. «Всякая теоретическая мысль, высказанная преждевременно, связывает ученика и лишает его свободного сознания, получая вид предрассудка»,—писал ещё Ф. И. Буслаев[19].

О букварях много написано специалистами и обеспокоенными родителями. Я просмотрела несколько букварей и учебников русского языка для первого класса. Специалисты скажут своё слово, но с точки зрения здравого смысла часть заданий кажется бессмысленной тратой времени—например, перечислить буквы, в названии которых есть звук «*э*», звук «*а*», и сосчитать, сколько их. В букваре Журовой есть хорошие тексты из русской детской классики, но многие упражнения воскрешают в памяти перекладывание Каем льдинок в чертогах Снежной королевы. Букварь Андриановой изобилует схемами для изображения звуков, слов, предложений, надуманными заданиями—чистоговорки, эхо и т. п. Зачем это первоклассникам? Задача школы на первом этапе—быстро научить детей читать и писать, благо русский язык это позволяет, и переходить к изучению грамматики и чтению лучших произведений русской литературы, что поможет не только с грамотностью, но и с воспитанием.

Вспомним, что мы читали в начальной школе. Вот стихотворение Сурикова о мальчике, катавшемся с горки на санках и оказавшемся в сугробе:

…И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.
Всё лицо и руки
Залепил мне снег…
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Вместе со стихами ребёнок впитывает здоровое восприятие ситуации, которых много будет в жизни каждого,—можно обойтись без похода к школьному психологу!

А знакомое всем: «Шалун уж заморозил пальчик: ему и больно, и смешно»,—мостик в уникальную русскую смеховую культуру, когда может быть смешно и страшно одновременно. Этот отрывок из «Евгения Онегина» особенно рьяно подвергается нападкам из-за строк: «Бразды пушистые взрывая, летит кибитка удалая». Детям непонятно? Ну так объясните! Приобщение к поэзии, хорошей литературе идёт через обучение.

Герой учебника Репкина робот Сам Самыч пишет: «знайу», «умейу», «думайу», «пробуйу». Детям предлагается работать с такими изображениями слов, как «т'от'а», «й'олка», «й'ест», «кл'ук-ва». Зачем? Кто-то думает, что ребёнок, знающий буквы, не сможет прочесть слово «тётя»? В отзывах—крик души репетитора: «Ни в коем случае не отдавайте детей в школу, где учат… по этому „учебнику“! Эта квазинаучная абракадабра не обеспечивает ребёнку грамотности и любви к языку, а главное—не стыкуется ни с одним другим учебником и справочником». А старый добрый букварь 1956 года легко и быстро обучал чтению и письму, хотя авторы не забыли ни йотированные гласные, ни роль мягкого знака, ни специфику правописания гласных после шипящих—но лишь настолько, насколько это необходимо первоклассникам. Информация, не погребённая в дебрях «инновационного» мусора, легко усваивалась.

Недавняя новость: «Счётная палата будет разбираться со школьной неуспешностью»[20]. Говорит директор Департамента аудита образования, науки и инноваций Счётной палаты Светлана Меркушина: «В первую очередь мы хотим оценить масштаб проблемы и определить основные факторы, которые способствуют школьной неуспешности… Наибольший интерес представляет применение эконометрических методов анализа данных—влияния отдельных факторов школьной неуспешности на те или иные критерии, выбранные как показатели неуспешности, и построение однофакторных или многофакторных моделей». Т. е. речь не идёт об обучении и воспитании—дети всего лишь служат базой данных для построения эконометрических моделей и оправданием для освоения фондов.

Куда это приведёт, могу предположить: двадцать лет назад большинство абитуриентов одного из нью-йоркских университетов, записавшихся на программу подготовки школьных учителей математики и информатики, не могли умножить десятичную дробь на десять. А в первые годы после переезда в США я, сдавая очередной отчёт начальству, слышала: «Ты пишешь лучше, чем девяносто процентов выпускников американских

18. https://infourok.ru/analiz-teorii-razvivayuschego-obucheniya-lv-zankova-i-db-elkoninavv-davidova-1140910.html
19. *Буслаев Ф. И.* Риторика и пиитика // Русская словесность.—М., 1997. С. 41–50.
20. *Наталья Аксёнова*: Счётная палата будет разбираться со школьной неуспешностью детей // «Учительская газета», 01.09.20.

школ (вариант: инженеров)». Позднее я входила в группу сотрудников (единственная не американка среди них), кто визировал документы, связанные с производством, и находила в них столько ошибок, что секретарша потребовала, чтобы мне приносили все тексты на проверку до их утверждения и введения в оборот. Мой английский не был совершенен, в Союзе я изучала немецкий и французский, но у меня были хорошие базовые знания и умение учиться.

С рынка на Bazaar

Любопытная закономерность: именно госчиновники, по должности своей призванные блюсти высокие стандарты в русском языке, зачастую выступают против любой попытки своих коллег и специалистов этому способствовать. Точно так же многие профессиональные филологи наиболее оптимистичны в отношении способности языка справиться с попытками его замусорить и грамматически переформатировать. Обоснован ли такой оптимизм?

Е. Л. Куксова и Ю. С. Блажевич пишут[21], что в силу меняющихся социолингвистических и политических ситуаций подавляющее большинство населения Земли вынуждено использовать для коммуникации более одного языка: родной и второй официальный в стране проживания, родной и государственный и т. д. *Тесный контакт между двумя языками может закончиться полным исчезновением одного из них*, отмечают они. Так что серьёзные изменения, произошедшие в русском языке в последние годы, отнюдь не безобидны! Переводчик, который много лет по заказу американской международной фирмы переводит тексты с английского и французского языка на русский и украинский, сказал мне, что из-за обилия англицизмов во французском языке сегодня невозможно переводить с него без знания английского. Это результат политики, приведшей к принятию в 2013 году закона Фиоразо, закрепившего использование английского языка в сфере высшего образования и научных исследований, что привело к потере функциональности французского языка в этих сферах[22].

Ошибочно частое сравнение современного нашествия английского языка с тем, что русские аристократы в девятнадцатом веке говорили по-французски,—ведь тогда подавляющее большинство населения продолжало говорить по-русски, а те, кто «знал грамоте», читали только по-русски, за исключением верхушки общества. Теперь же у всех есть телевизор и интернет, из которых несётся пиджин-инглиш вперемежку с исковерканным русским. Полноценная русская речь стала редкостью. Сегодня всё чаще можно видеть неуверенность в правильности произнесения слов у литераторов, историков, политиков, журналистов, причём это феномен недавний, раньше я таких колебаний не замечала. Сможет ли выжить язык, если грамотных его носителей не останется?

Язык—это рынок, инструмент регионального и мирового объединения в экономические кластеры, и как государства, так и мировые столпы экономики вкладывают большие деньги в распространение своего языка и искоренение языка конкурента. Он является также интегрирующим инструментом культуры и системы ценностей. Уверенность в том, что язык сам отбросит лишнее,—то же самое, что мантра «рынок всё решит» в экономике. Но рынком манипулируют те, в чьих руках деньги и власть. Эксперт по медиа Андрей Мирошниченко: «Многие издания сейчас пытаются получить как субсидии от правительственных программ, так и гранты от фондов, которые преследуют свои цели, требующие поддержки контентом. Борясь за эти альтернативные источники финансирования, издания могут нагнетать ужас или приукрашать действительность не из-за „рыночных“ требований подписки или рекламы, а потому, что таковы цели спонсоров». Совсем не случайно в странах СНГ планомерно вымывается русский язык, который объединял население Российской империи, а в СССР ещё и способствовал распространению и процветанию национальных культур. Учитывая, какая борьба ведётся во многих странах мира против использования русского языка (например, компания «Амазон» ограничила возможность продажи книг на русском языке)[23] и как мало заботятся о его выживании на родине (в библиотеке сервиса «Сторител» в России в 2020 году насчитывалось более двадцати тысяч книг на русском языке и пятьдесят тысяч на английском)[24], силы на сегодняшний день неравны. Без грамотного владения историческим региональным языком в странах бывшего СССР не будет необходимого уровня образования, а значит, не будет специалистов, способных развивать современные технологии. Потеряв русский язык, малые народности, населяющие традиционный российский ареал, могут лишиться и своего языка.

Согласно опросу фонда «Общественное мнение» в октябре 2020 года[25], опечатки в СМИ и ошибки в устной речи замечает двадцать один

21. *Куксова Е. Л., Блажевич Ю. С.* Проблемы Франкофонии: политика мультилингвизма // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки.—2019.—Т. 38, №2.
22. *Киселёв С. С.* Битва за национальную идентичность и многоязычие в контексте глобализации (на примере Франции) // Litera.—2019.—№1. С. 197–206.
23. https://tjournal.ru/tech/53889-amazon-russian-books
24. https://ru.wikipedia.org/wiki/Storytel
25. *Алексей Дегтярёв*: Россияне высказали отношение к «авторкам» и «организаторкам» // Взгляд, 27.10.20. https://vz.ru/news/2020/10/27/1067581.html

процент опрошенных, из них часто замечают сорок восемь процентов респондентов, а раздражаются из-за ошибок двадцать четыре процента. Значит, значительный сегмент «рынка» заинтересован в поддержке культуры речи! Журналист, филолог, телеведущая Марина Королёва много лет ведёт программы и рубрики, посвящённые русскому языку, издала три книги. О запросе на грамотность свидетельствует и популярность канала «Училка vs ТВ» Татьяны Гартман, хотя она и сама порой допускает ошибки. Нужен именно систематический подход для выработки программы преподавания и защиты языка. Это важно и для тех, кто волею судеб живёт в других странах, но связан с русской культурой.

Нередко эмигранты даже бережней хранят язык и традиции. Когда на концерте слёта «Синий троллейбус» в США, проходившего в большом частном кемпинге, владелец решил в качестве бонуса угостить публику попкорном, «наши люди» быстро потребовали выключить машину, от которой шёл раздражающий запах горячего масла, да и дети, до того смотревшие на сцену, начали шуметь и мусорить, получив пакетики с сомнительным лакомством. В России же теперь неизменно призывают народ «запастись попкорном»—и в прямом, и в переносном смысле. Знаковой для клуба «Синий троллейбус» стала песня Анны Гринберг на стихи Ирины Акс:

> Что стоит нам в жизни особо беречь,
> Ища в ней священной основы,
> Давай сохраним нашу русскую речь,
> Великое русское слово.

Сколько в мире Голландий и Казахстанов

Чрезмерное увлечение англицизмами, неправильные ударения—это раны не смертельные, они поддаются лечению. Но когда новые слова русского языка образуются с английскими суффиксами («нравибельность», «киргизинг», «улучшайзинг»), а из всего богатства русских суффиксов, о любви к которым писал Александр Генис[26], остаётся только «к»—«контролька», «домашка», «предложка», «фундаменталка» и т.п.—и коренным образом меняются правила согласования слов в предложении, языку наносятся серьёзные травмы.

Когда станет обычным делом говорить и писать «на Северном и Южном Уралах», «в Западной и Восточной Сибирях» и, Господи прости, «в Киевской и Московской Русях»—это может быть смертельным для русского языка, а значит, русской истории, о чём предупреждал Мандельштам[27]. Сегодня русский язык упорно толкают на этот путь.

Помните, как Стрекоза из басни Крылова кайфовала летом, когда «под каждым ей листком был готов и стол, и дом»? А потом—«с зимой холодной нужда, голод настаёт». Сегодня это исправили бы на «были готовы и стол, и дом» и «нужда, голод настают». Или строчка из шлягера пятидесятых годов «Сероглазая»: «Люблю твой взгляд, улыбку, звонкий смех». Сегодняшние редакторы изменят это на «твои взгляд, улыбку, звонкий смех». Но это противоречит речевым традициям и правилам русского языка!

Загляните в «Справочник по правописанию и стилистике» Розенталя[28], где есть разделы о согласовании сказуемого с однородными подлежащими, об определении при существительных—однородных членах, о двух определениях при одном существительном и т.д. и т.п. Правила просты, понятны и сопровождаются примерами, которые в прах разбивают все эти «мои авторские коллаж и графическая обработка», «низкие спрос и цены на газ», «сопровождается сильными удушьем и конвульсиями», «страдает маниями величия и преследования», «произошли несколько перестрелок», «жёлтые резиновые утка с утёнком», «так и не вошли в наши плоть и кровь» (примеры взяты из российских газет, журналов, сайтов). А ведь всегда говорили «вошли в мою (нашу) плоть и кровь»! Далее: «у него развились острая дыхательная и сердечная недостаточности», «годы, вобравшие в себя его и мою эмиграции», «восстановление половой, гендерной, расовой, групповой справедливостей», «игровую, продуктивные, познавательно-исследовательскую деятельности»—так в газетах. А в пьесе «Баня» Маяковского читаем: «Мы хотим отдохнуть после государственной и общественной деятельности». Значит, при переиздании это изменят на «деятельностей»? Или: «двух исторически наиболее развитых провинций страны—Северной и Южной Голландий» (газета «Взгляд»). Но в Википедии читаем: «Южная и Северная Голландия—это лишь две из двенадцати провинций нынешних Нидерландов». Так существуют ли единые правила согласования, как это было раньше? На практике ошибочный первый вариант уже становится приоритетным. Значит, «оппозиционная грамматика» вытесняет традиционную? Но когда грамматической нормой становится «между Восточной и Западной Украинами», «в Северном и Южном Казахстанах», русский язык перестаёт быть правдивым и свободным, а значит,

26. *Александр Генис*: Шибболет // «Новая газета», 07.12.12.
27. «Для России отпадением от истории… от свободы и целесообразности было бы отпадение от языка. „Онемение“ двух, трёх поколений могло бы привести Россию к исторической смерти». О.Э. Мандельштам: «О природе слова», 1922 (Цит. по: *Мандельштам О.Э.* Слово и культура: Статьи.—М.: Советский писатель, 1987. С. 60).
28. *Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию и стилистике // ИК «Комплект», 1997. http://rosental-book.ru/

утрачивает своё величие и могущество. Сегодня меня бы поправили: утрачивает *свои* величие и могущество.

Откуда взялось это насилие над языком? Возможно ли, что это связано с компьютерной правкой или с подгонкой под ЕГЭ? Упрощение и искажение норм повлекло за собой укоренение многих ошибок — например, теперь сплошь и рядом разбивают запятой составные союзы, такие как *прежде чем, потому что*, ставят запятую перед «как» в значении «в качестве», путая со сравнительным оборотом.

Сделаны первые шаги в сторону своеобразной политкорректности: глаголы «садиться» и «кончать» приобрели в последние годы негативную окраску и почти перестали употребляться. Есть множество пословиц и идиом со вторым глаголом: «кончил дело — гуляй смело»; «всё хорошо, что хорошо кончается»; «осталось начать и кончить»; «плохо кончит» и т. п. Теперь скажут: «закончит», «заканчивается». Но почему? Потому что у этого слова есть жаргонное значение и для кого-то оно затмевает все остальные? Вспоминается история с домработницей, которая отчитывалась перед хозяевами о покупках на базаре и под конец, потупившись и краснея, сказала: «И два десятка их». Точно так же теперь не принято говорить «садитесь», а только «присаживайтесь», потому что в чьём-то ущербном воображении сесть можно только в тюрьму (хотя и о приговорённом могут сказать, что он «присел» на два года). Почему люди с тюремным кругозором, извращённым воображением и неразвитой речью становятся законодателями стандартов языка? Читаем у Пушкина в «Моцарте и Сальери»: «Ах, Моцарт, Моцарт! Когда же мне не до тебя? Садись». Неужели сегодня это исправили бы на «присаживайся»?! А как насчёт песни «Я так хочу, чтобы лето не кончалось»?

На ум приходят апокалиптические прогнозы, но не хочется быть Кассандрой — тем более что по натуре я оптимистка.

Простые средства

Русскому языку нужно вернуть его правдивость и свободу. В первую очередь необходимо определить источники систематического, разрушительного «наезда» на язык. А иначе получится как с изучением проблемы продажи наркотиков в американских школах. Автор исследования пришёл к выводу, что дети покупают наркотики у других детей. «А те где берут?» — резонно поинтересовалась ведущая телеканала c-Span. «А это мы не изучали», — не моргнув глазом ответил грантоед.

На русском языке легче научиться читать и писать, чем на английском, но зато он готов «стерпеть» гораздо больше ошибок как в устной, так и в письменной речи — всё равно поймут. Английский менее склонен прощать ошибки — безграмотную речь зачастую понять невозможно. Поэтому при приёме на работу обычно требуются навыки общения (communication skills) — обязательно разговорные, а нередко и письменные. Работодатели, как и государство, в этом помогают. В 1980-е годы многим моим знакомым их фирмы оплачивали курсы английского языка, а мне — университетский курс Technical Writing[29], где все, кроме меня, были коренные американцы. Однако и в русском языке сегодня изменения происходят так стремительно, что люди перестают понимать друг друга.

Для поднятия грамотности носителей русского языка необходимо систематизировать типичные ошибки и предупреждать их, начиная со школы, а для взрослых создать систему их исправления. Важна правильная постановка задачи, тогда будет ясно, какими средствами её решать. Тренинги, школы и мастер-классы, повышающие уровень владения родной речью, принесли бы огромную пользу. Необходимо понять, что вызывает изменения русского словообразования, грамматики и повальное распространение англицизмов (речь не идёт о необходимой технической терминологии и обозначении новых понятий!). Нужны не запреты, а контрмеры, вроде курсов повышения квалификации работников СМИ. Для теле- и радиожурналистов, для политиков и чиновников, для всех, кто по долгу службы публично «работает языком», нужно проводить короткие языковые курсы, концентрируясь на наиболее распространённых ошибках — ударение, склонение числительных, степени сравнения прилагательных, основы согласования слов в предложении, наиболее часто употребляемая специальная терминология и топонимы. Это резко поднимет культуру речи! Как перед началом работы в лаборатории или на производстве проводится инструктаж по технике безопасности, так же необходим инструктаж для дикторов, лекторов, воспитателей, преподавателей, чиновников и т. п. Речевая «техника безопасности» должна стать обязательной частью их подготовки. Можно было бы выдавать лицензии на вещание при условии, что сотрудники пройдут обучение/тренинг по грамотной русской речи, снабдить их словарями и справочниками. И, конечно, сделать такое обучение доступным для всех желающих — как коренных жителей, так и иммигрантов.

Новое — это хорошо забытое старое. Был отличный словарь ударений для работников радио и телевидения. Почему бы не переиздать? Теперь приходится слышать неправильное ударение в самых простых и распространённых словах — «приня́ть», «нача́ть» и производных от них. Часто приходится слышать «гро́теск», «та́бу», «плодоно́сить», «ходата́йство», «кажи́мость», «пригóршня», «при́быть», «намере́ние», «вы правы́», «Сергий Радоне́жский»;

29. «Как писать технические тексты».

путают «шаба́ш» и «ша́баш», забыли, как изначально звучало выражение «в каждой шутке есть доля правды»,—список можно продолжить. Практически никто сегодня не говорит «флюорогра́фия», «церковно-прихо́дская», «на кру́ги своя», хотя словари по-прежнему дают традиционное ударение,—всё потому, что из-за отсутствия стандартов «сбит прицел», по выражению Максима Кронгауза. То же самое с правописанием. Самые образованные люди всё чаще пишут удвоенное «н» в словах «мороженое», «бешеный», «раненый», «квашеная», «жареная». А пресловутое «пироженое»? А «обезбаливать» и «узаканивать», когда все знают проверочные слова «боль» и «закон»? Недопустимо, когда чиновники высшего ранга говорят «НАТО сделало обещание», «ограничения в отношении России используются целыми рядами государств», «нежели чем» и т. п. Ведь их ошибки подхватывают миллионы! Сделать умение говорить грамотно модным и популярным было бы благодарной задачей.

Пренебрежение к языку проявляется и в отношении к дефектам речи. Резко выросло количество взрослых людей, в том числе профессиональных дикторов и занимающих высокие должности в разных сферах деятельности, которые картавят, шепелявят, не выговаривают «л» и т. п. Опытный логопед поможет быстро устранить эти недостатки.

Я упомянула, что мне приходилось исправлять ошибки в текстах моих американских коллег. Одна из типичных—путаница между множественным числом и притяжательной формой существительных. Оказалось, это компьютерная программа проверки орфографии регулярно исправляла identities на identity's и т. п. Подобные ошибки могут быть заложены и в русскоязычных программах, в том числе пунктуационные.

Среди русскоязычных иммигрантов в США хуже всего, как правило, говорят по-русски те, кто плохо владеет и английским. Безграмотные люди, сверх меры засоряющие речь иностранными словами, забывают родной язык. В США я встречала таких, кто после двадцати лет проживания здесь разучился писать по-русски. Но для них это не критично, они живут в англоязычной стране. А для России вопросы «как это по-русски» в публичном поле отнюдь не безобидны—забывание языка уже начало происходить.

Напутствие классиков

Писатели, педагоги, корифеи науки и культуры России много писали об образовании и первостепенном месте в нём русского языка. Я приведу высказывания двух из них, в чьей судьбе и творениях ярко проявилась национальная самобытность.

Валерий Гаврилин: «Наши русские гении дрались за русский язык, а тут появляются альмеи[30], корёжат его, и им аплодируют… Настоящий художник в своём народе выступает от имени всего человечества, и во всём человечестве—от имени своего народа».

Василий Шукшин: «Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами. Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание—не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком»[31].

Язык и воспитание

Язык по своему происхождению и употреблению тесно связан как с мышлением человека, так и с его физическим строением, а в своём историческом развитии… с историей говорящего на нём народа.

Д. Н. Ушаков. Краткое введение в науку о языке, 1928[32]

Язык, как зеркало, отражает то, что происходит в обществе, экономике, политике и культуре. В моих статьях «Отпадение от языка» и «Оппозиционная грамматика» речь шла о русском языке—о том, как на нём говорят и как его изучают в сегодняшней России. Отрицательные тенденции налицо: попирание речевых норм, резкое снижение грамотности, засилье заёмных слов и выражений, прежде всего английских. Одних это тревожит, другие уповают на то, что язык, как рынок, сам всё решит. Я сорок лет живу в Соединённых Штатах Америки, где ещё в 1990-е годы надежда на свободный рынок была нормой. Но сегодня всё больше говорят о том, что современный капитализм подавляет конкуренцию в пользу монополий, а принятие решений в экономике всё чаще связано с политикой и клановыми интересами. Это распространяется и на управление обществом, в первую очередь на образование и культуру. «Мягкая сила» направляется твёрдой рукой в интересах глобальных сил, которые борются за контроль над мировыми процессами, капиталами и ресурсами. Сегодняшние технологии предоставляют глобалистам невиданные раньше возможности.

30. Так называли проституток в Египте (прим. автора в книге: *Гаврилин В. А.* О музыке и не только… Записи разных лет: Сост. н. Е. Гаврилина и В. Г. Максимов // СПб: Композитор, 2003 (издание 2-е, испр. и доп.)).
31. https://ru.citaty.net/tsitaty/630231-vasilii-makarovich-shukshin-russkii-narod-za-svoiu-istoriiu-otobral-sokhranil-v/
32. *Ушаков Д. Н.* Краткое введение в науку о языке // 8-е изд.—М.: Работник просвещения, 1928.

В этой статье я привожу несколько примеров того, как государственная и частная — и отечественная, и иностранная — поддержка культурных, воспитательных и образовательных проектов для российской молодёжи способствует её отчуждению от родного языка, истории и традиций.

Людоедка Эллочка — предтеча сетевых людоедов

В «Записках об Анне Ахматовой» Лидия Чуковская приводит слова Тамары Габбе, что мещане — это «слой населения, который лишён преемственной духовной культуры. Для них нет прошлого, нет традиции, нет истории, и уж конечно нет будущего. Они — сегодня. В культуре они ничего не продолжают, ничего не подхватывают и ни в какую сторону не идут… У мещанина ж и языка нет, у него в запасе слов триста, не более; да и не основных, русских, а сиюминутных, сегодняшних»[33]. Ильф и Петров создали классический образ мещанки: «Словарь Вильяма Шекспира, по подсчёту исследователей, составляет 12 000 слов. Словарь негра из людоедского племени „Мумбо-Юмбо“ составляет 300 слов. Эллочка Щукина легко и свободно обходилась тридцатью»[34]. Современного грамотного потребителя, какого, по признанию бывшего министра образования и науки Фурсенко, растит российская школа, снабжают людоедско-мещанским набором слов, добрая половина которых имеет весьма смутное отношение к русскому языку.

Раньше говорили: бумага всё стерпит. Но интернет готов стерпеть ещё больше. В интервью порталу «Лента.ру» Максим Кронгауз говорит, что жизнь языка ускорилась, «перед нашими глазами проходит много речевых образцов, и они в среднем существенно менее грамотны, чем прежде»[35]. В результате «зрительная память фиксирует ошибочное написание, сбивается прицел». (То же относится и к устной речи.) Лингвист это принимает как неизбежность: «Писать нужно с той степенью грамотности, которая не мешает коммуникации. Так что если ничего не изменится в техническом смысле, нам не грозит в ближайшее время совершить откат к великому могучему русскому языку — языку (а точнее, нам) это просто невыгодно». Хотя он признаёт, что грамотность может повлиять на нашу оценку человека и желание с ним общаться. «Столкнулись две вещи, — утверждает он, — потребность в коммуникации и стыд за ошибку, который вдолбили нам в голову в советской школе… Либо мы… будем писать грамотно, но мало, проверяя каждую букву; либо мы будем свободны в своей коммуникации, но утратим стыд, потому что неизбежно будем часто делать ошибки. Причём все — и безграмотные люди, и, условно говоря, филологи и лингвисты». Кронгауз считает, что «престиж грамотности неизбежно уменьшится… И это, разумеется, влияет на речь СМИ. Журналист начинает „завидовать“ блогеру и тоже говорит свободно и весело». В то же время основоположник научной педагогики в России К. Д. Ушинский подчёркивал важность грамотного письма для развития речи, от которого неотделимо развитие мысли[36].

Сегодня молодые «живут» в интернете. Видеоблогеры, стендаперы, рекламщики гаджетов создают свои каналы и становятся законодателями мод во всех сферах. Их темы — лайфхаки, экстрим-видео, мистические видео, охота за привидениями и т. п. Журнал Glamour уже второй десяток лет формирует мнение своей аудитории, составляет российский рейтинг аккаунтов на «Ютубе», в «Инстаграме» и других соцсетях, подводит итоги работы инфлюэнсеров в интернете. Как пишет блогер Андрей Мирошниченко, «инфлюэнсеры, даже микроинфлюэнсеры — мощный, гибкий и влиятельный канал обращения к аудиториям». Лауреат премии Glamour Influencers Awards 2019 Дмитрий Масленников входит в топ-12 самых богатых блогеров «Ютуба» в России, имеет более миллиарда просмотров. Glamour отбирает «всех, на кого действительно имеет смысл подписаться» молодёжи России, — звёзды стритстайла, трэвел-блогеры, бьюти-авторитеты, социальные активисты, музыканты и кулинарные гении. Fashion-партнёр премии, итальянский бренд нижнего белья Intimissimi, выступил с номинацией #glam_proвдохновение, цель которой — «отметить успешных, сильных девушек, обладающих внешней и внутренней красотой»[37]. Их инфлюэнсеры дают советы матерям, чем и как заниматься с детьми. В инструкциях мамам читаю: «вдохновение, поставленное на поток»; «лепить, вырезать, клеить и разукрашивать вместе с детьми без напряга и мук творчества»[38]. Так с раннего детства выхолащиваются понятия, связанные с наивысшим духовным и творческим развитием человека. Героями становятся выпускники Школы блогеров Avon и Glamour. Пока облечённые властью

33. *Лидия Чуковская*. Записки об Анне Ахматовой: Т. 2 (1952–1962) // Paris: YMCA-PRESS, 1980. С. 61.
34. *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев // М.: Вагриус, 1997. С. 241.
35. *Максим Кронгауз*: Откат к великому могучему русскому языку нам не грозит. Почему россияне массово забыли про грамотность и перестали обращать внимание на ошибки // 03.02.21. https://lenta.ru/articles/2021/02/03/speech/
36. *Каланчина И. Н.* Личность в образовании: история и современность // https://www.fondaltai21.ru/2017/04/16
37. https://www.ok-magazine.ru/stars/chronicle/90485-ani-lorak-nastya-ivleeva-i-drugie-pobediteli-glamour-influencers-awards-2019#section0
38. https://www.glamour.ru/awards/influencers-awards/glamour-influencers-awards-2019/?page=glam_mama

прекраснодушные «инфлюэнсеры» в области социальной, культурной и образовательной политики слепо верят в свободный рынок, рыночные монополисты, преимущественно иностранные, планомерно растят в России свои кадры и успешно осваивают молодёжный рынок.

Школы, тренинги, рейтинги… Только наивный человек может поверить, что движение «секс—наркотики—рок-н-ролл» возникло в консервативных Соединённых Штатах само по себе. Социальная инженерия—часть организованного оглупления молодёжи. Это требует и максимального упрощения языка. Доктор Сьюз написал своего «Кота в шляпе» в 1957 году, используя двести двадцать слов, которые он заранее получил списком от заказчика[39]. Американский журналист Льюис Лэйпам вспоминал, как он писал текст телепередачи о внешней политике Америки в двадцатом веке. От него требовали «простые, декларативные предложения. Подлежащее, сказуемое, дополнение и больше ничего… Ни иронии, ни риторических приёмов… Слова длиннее, чем два-три слога,—враги государства»[40].

Одна из целей современной коммерции—опошлить всё высокое, что несёт в себе творчество и искусство. Молодая американка сказала мне, что классическая музыка у неё ассоциируется с рекламой. Каково: человек слушает музыку Бетховена или Шуберта и представляет себе гамбургер или мыло, духи или зубную пасту. Убита сама возможность потрясения великим искусством! Людей сознательно отвращают от классической музыки, потому что она возвышает, вдохновляет. А надо, чтобы возбуждала инстинкты и вызывала желание тупо потреблять. Оглупление населения ведётся по всем фронтам. В соцсети «Одноклассники» люди, ещё вчера писавшие интереснейшие письма вновь обретённым друзьям юности, теперь заваливают друг друга интернет-открытками и бездарными анонимными стишками. Адресаты их читают, отвечают, передают дальше—уйма времени тратится бессмысленно и бездарно.

Всё очевидней формализация и обюрокрачивание культуры, подчинение её бизнесу и политическим интересам. Продвигаются организации, которые не ставят целью поддержку и продвижение самобытных талантов и свободного творчества—эти термины и их смыслы исключаются из культурного поля. Взят курс на развитие компетентности, креативности, успешности. Таков, например, петербургский Фонд «ПРО АРТЕ». Его программы поддерживаются Комитетом по культуре Санкт-Петербурга, Фондом Президентских грантов, Фондом Михаила Прохорова, Благотворительным фондом Владимира Потанина и другими. Проводятся лекции, тренинги и мастер-классы—например, Школа музейного лидерства, Школа культурной журналистики и т. п. Цель этих школ—получение контроля над будущими работниками музеев и журналистами, пишущими о культуре. По словам Дины Годер, «идеолога и преподавателя» Школы культурной журналистики, «теперь у нас есть большая сеть культурных журналистов во всех больших городах России и некоторых небольших». Выпускница ШКЖ Мария Букова говорит, что «каждый выпускник сегодня—герой культурного поля в России… кто-то становится бессменным куратором литературной программы КРЯКК, кто-то—гениальным переводчиком комиксов, а кто-то—главным редактором интернет-издания»[41]. Лектор Школы, преподаватель СПбГУ Маша Данцис, окончившая аспирантуру в Берлине, «исследует воздействие массмедийной культуры на жизнь человека, его чувства и взаимоотношения с обществом». А через управление массовым человеком можно, благодаря новым технологиям и соцсетям, изменять направление развития, считает киевский философ Андрей Баумейстер.

Это происходит и у соседей России. Ассоциация «Культура и Креативность», крупнейшая в Восточной Европе сеть экспертов,—продукт программы ЕС «Восточное партнёрство», направленный на поддержку вклада культуры в социально-экономическое развитие шести стран: Армении, Азербайджана, Белоруссии, Грузии, Молдавии и Украины[42]. На их сайте появилась рубрика «Креативная экономика» и раздел «по формированию нового поколения профессионалов в секторе культурных и креативных индустрий». Член Ассоциации Наталия Склярская рассказывает про «культпросвет под открытым небом», про «весёлые муралы» на заборах: «Сейчас много говорится о продвижении потребления культурного продукта, популяризации культуры и творчества среди детей и молодёжи. Выделяются миллионные гранты, а тут в центре города (Киева.—*Т. Я.*) на Контрактовой площади годами стоит уродливый длинный забор, который может служить этим целям, а не просто площадкой для „творчества“ любителей писать на заборах. Так и возникла идея Галереи-на-заборе—превращения носителя „низкой“ уличной субкультуры в арт-объект».

Цели тренингов зачастую сомнительны. Перед моей презентацией в Музее Ахматовой в 2010 году иностранцы проводили мастер-класс по комиксам. А в Перми молодёжь учили рисовать граффити на стенах зданий. Каких результатов ожидают

39. https://www.biography.com/writer/dr-seuss
40. *Татьяна Янковская*: Искусство в потребительском обществе // «Нева», №2, 2009.
41. Как это работает: Школа культурной журналистики // 12.02.19. https://cultura24.ru/articles/13073/
42. https://www.culturepartnership.eu/page/about

в России от такого обучения? В США мой знакомый школьник «читал» пьесу Шекспира в комиксах, а в Праге несколько лет назад я с грустью увидела, что многие прекрасные исторические здания испохаблены уродливыми каракулями, которых не было сорок лет назад. На Губернаторском острове в Нью-Йорке поверхность белой часовни Богоматери «Звезда моря», построенной в 1942 году для американских военных моряков и не действующей в последние годы, испещрена абрисами полуабстрактных рожиц — работа художницы Шантель Мартин. Одно дело — изменение внутреннего декора помещения, в котором больше не проходят религиозные службы, другое — видеть церковь с историческим прошлым низведённой до уровня забора в бедном «цветном» районе. Нужно учить молодых ценить творения зодчих в их совершенстве и чистоте и с уважением относиться к историческому прошлому зданий, среди которых они живут, а не поощрять желание «метить территорию».

На совещании культурных журналистов в екатеринбургской библиотеке имени Белинского ещё в 2013 году говорили: «Мы пытаемся говорить о том, для кого мы пишем, но мы не говорим, почему мы не хотим воспитывать тех, для кого мы пишем. Чтобы им стало интересно. Почему мы стремимся опуститься на обывательский уровень… но не хотим поднять читателя до соответствующего уровня»[43]. За год до смерти Иосифа Бродского я была на его выступлении в Скидмор-колледже на севере штата Нью-Йорк. Чем меня поразила эта встреча: Бродский не опускался до аудитории, а поднимал её до себя, стараясь при этом как можно точнее выразить то, что хотел сказать. По-моему, это должно быть эталоном для всех публичных персон и образовательных программ.

Практика отлучения от языка и истории

Если в представлении популярного американского автора Камиллы Пальи слово и образ находятся в состоянии войны и не могут объединиться[44], то Осип Мандельштам, подчёркивая эллинистическую природу русского языка, ставшего «звучащей и говорящей плотью»[45], считал, что самое удобное и правильное — рассматривать слово как образ, то есть как сложный комплекс явлений, связь, систему (таких же взглядов придерживаются и многие современные учёные). И именно на эти свойства русского языка в последние годы ведётся атака.

Недавно в интервью с писателем Юрием Поляковым журналистка задала вопрос: «Тинейджер способен понять страдания Анны Карениной или очарование Пьера Безухова? Не превращается ли тогда изучение классики в профанацию?» Думаю, что при правильном преподавании сегодняшний подросток («тинейджера» оставим журналистке) поймёт даже лучше: в нашей юности нам и в голову не приходило, что к концу романа Анна стала наркоманкой. В вопросе журналистки отразились многие проблемы, которые обрушились сегодня на русский язык: замена русских и давно укоренившихся иноязычных слов английскими, углубление раскола между поколениями из-за резкой смены лексики, воспитание подрастающего поколения в отрыве от традиций и духа русского искусства и литературы, где «мыслить и страдать» было вплетено в саму их ткань. Андрей Баумейстер в лекции о призвании говорит, что «сейчас всех хотят сделать такими бодрячками», и убеждает «добавить немного светлой грусти» и не бояться страданий, которые могут быть даже полезны в нахождении своего пути в жизни.

Только ленивый не говорит сегодня о засилье англицизмов. Но дело не только в засорении языка: подсовывая человеку чужеродную лексику и новомодные клише, меняют его мыслительную и эмоциональную сферу. Журналист Андрей Перла пишет: «Узость кругозора современного человека не позволяет ему понять, как на самом деле устроено общество, в котором он живёт. А новояз заставляет его думать, что он… знает, как общество и государство должно быть устроено… „Гражданское общество“, „сменяемость власти“… вместо любви „отношения“, а вместо несчастной любви „токсичные отношения“»[46]. В статье «Культура шока и скандала»[47] я писала, как «более двадцати лет назад, будучи неофитом в Америке, я провела опрос среди знакомых: что самое главное в браке? Все без исключения русские знакомые ответили: „любовь“. Американцы говорили о чём угодно (дружба, взаимопонимание, секс, деньги), только не о любви. Один из них объяснил, что слово „любовь“ слишком затаскано. Подобные заявления попадаются теперь и в российских публикациях. Это тревожный симптом». Сегодня «слово на букву „л“» стало почти неприличным. Зато «любовь-морковь» — сколько угодно, как и повторение «я тебя люблю!» по десять раз на

43. http://book.uraic.ru/news_topic/2013/03/1743
44. *Camille Paglia*, «Sex, Art, and American Culture: Essays», Vintage 1992; *Monica Brzezenski Potkay*, «The New Dark Ages of Camille Paglia», Aestel (1, 1993); Александр Генис и Марина Ефимова в передаче «Бернар-Анри Леви об Америке. Новая книга Камиллы Пальи. Гость недели: звезда американской прозы Гари Штейнгарт». https://archive.svoboda.org/programs/ut/2005/ut.041905.asp
45. *Мандельштам О. Э.* Слово и культура: Статьи. // М.: Советский писатель, 1987. С. 58.
46. *Андрей Перла*: Новояз определяет за вас, о чём и как вы думаете // «Взгляд», 24.09.20. https://vz.ru/opinions/2020/9/24/1062044.html
47. *Татьяна Янковская*: Культура шока и скандала // «Нева», №5, 2008.

день в разговорах с детьми, супругами и партнёрами. Это калька с американского английского, где отказались от осознания важности любви в браке, но с лёгкостью пишут «love» в письмах многочисленным знакомым.

Несколько лет назад я узнала от профессора химии Платтсбургского университета, что они разработали онлайн-программу для студентов последнего курса вузов РФ, чтобы одновременно с российским бакалавриатом студент мог получить диплом университета в Платтсбурге. У них были «побратимы» в Москве и Казани, куда профессор ездил — видимо, отбирать студентов для обучения в магистратуре и аспирантуре. Цели университета понятны: кто из приличных американских студентов поедет в заштатный вуз на границе с Канадой? Но отвечает ли такой проект интересам России?

Посмотрите на программы, которые предлагают московские и петербургские музеи и библиотеки. Вот программа «Большие и маленькие герои русского искусства» в Третьяковской галерее для детей младшего школьного возраста. «Курс предполагает начальное знание английского языка… На экспозиции ребята знакомятся с лучшими образцами портретной и жанровой живописи. В мастерской они изучают английскую лексику и используют её для обсуждения увиденных картин». Выходит, россиян с детства отучают говорить об искусстве на родном языке! Не приведёт ли это к языковой «инвалидности», по терминологии лингвиста Ирины Левонтиной, когда на родном языке обсуждают только бытовые темы?

Научная артель Titanium натаскивает на международные стандарты научных публикаций. Это «цифровая платформа, на которой авторы, рецензенты, эксперты, редакторы, переводчики, наукометристы находят друг друга»[48]. В команду входят два социолога, консультант по цифровизации бизнеса и кандидат физико-математических наук. Если в стране будет развиваться наука, будут внедряться инновационные разработки, на них обратят внимание без наукометристов, но без полноценного изучения научных дисциплин на русском языке в России не будет ни учёных, ни инженеров, ни научных открытий, ни прорывных технологий. Мой знакомый химик Мортон Голуб, в прошлом сотрудник НАСА, в 1950-60-е годы работал в области синтетического каучука и специально выучил русский язык, чтобы читать статьи по этой тематике, не дожидаясь перевода на английский. А Джон Кеннеди в дебатах с Ричардом Никсоном в 1960 году говорил о преимуществах подготовки инженеров в СССР по сравнению с США. Достижения СССР в науке и образовании вызывали тогда большой интерес у американцев.

РИА Новости недавно опубликовало материал «Урок эмпатии: „Волонтёров инклюзии“ обучат с помощью специального костюма»[49]. Это повергло меня в шок. Что останется в голове у таких волонтёров, если тренинг соответствует заголовку? На каком языке он проводится? Недавно я перевела книгу польско-американского автора Миры Пек[50], отец которой спасся от уничтожения во время гитлеровской оккупации Польши благодаря бегству в Советский Союз. Он рассказывал дочери, как его в киргизском госпитале буквально вытащила с того света санитарка Паша. Она не была «инклюзивным волонтёром», а просто добрым, сердечным, отзывчивым и ответственным человеком. На таких всё ещё держится мир. Но самое печальное, что «инклюзивные волонтёры эмпатии» могут вытеснить из жизни сестёр милосердия вроде тёти Паши, а из русского языка слова, связанные с добротой и бескорыстием.

Подобные программы и тренинги, которых теперь много в России, напоминают мне внедрение в американских корпорациях в девяностые годы таких проектов, как Total Quality Management; Speed, Simplicity, Self-Confidence; Six Sigma и т. п. Имитация деятельности под прикрытием лозунгов съедала уйму времени и денег, не решая проблем на производстве и в управлении, но шумиха вокруг них помогала вздуть цены на акции. Я наблюдала это, работая в корпорациях AlliedSignal, General Electric и Honeywell. Эти игры искусственны, как бригады коммунистического труда и лозунги о светлом будущем, когда советское общество уже дышало на ладан. В первые десятилетия советской власти лозунги олицетворяли высокие цели: люди жили «буднями великих строек», совершали открытия, проявляли героизм и отстояли свою землю под натиском армии, которой не смогли противостоять другие страны, подвергшиеся нападению. В 1940-е–1960-е годы был искренний энтузиазм и в Америке, но в 1970-е начался спад. В последние тридцать лет модели управления обществом, возникшие на пути деградации, стали внедрять и в России.

Об отдыхе школьников и внеклассной работе

В организации досуга детей и молодёжи в России заметную роль играет Международное содружество лагерей ICF (МСЛ). Эта всемирная структура со штаб-квартирой в Канаде основана в 1987 году по инициативе Американской ассоциации лагерей. Бывший президент МСЛ канадец Джон Джоргенсон и сменивший его на этом посту Фахреттин Гозет из Турции активнейшим образом работают в России. Выступая на семинаре в Тюмени, одной

48. https://sciencedesk.ru/
49. https://ria.ru/20201107/volontery-1583252788.html
50. *Мира Пек.* История польской семьи: Сибирь, Киргизия, холокост. Авторизованный перевод с английского Татьяны Янковской // «Нева», №12, 2020.

из главных площадок, где обкатываются новейшие тенденции в образовании и детском отдыхе, Гозет подчеркнул, что только в России «правительство так сильно поддерживает лагерное движение»[51]. И правда, лишь в России МСЛ проводит свою работу на уровне заместителя министра образования и науки и заместителя министра просвещения.

В 1991 году в Тюмени открылся детский оздоровительно-образовательный центр «Ребячья республика»[52]. Он награждён «Премией Дружбы» МСЛ, дипломом победителя от Всероссийского бизнес-рейтинга в номинации «Лидер отрасли 2014» и ежегодно становится победителем «Всероссийских конкурсов профессионального мастерства педагогов и вожатых, программ и методических материалов в сфере организации детского и молодёжного отдыха». Центр реализует «профильные проекты и сквозные программы». Что они предлагают?

Проект «ДвижОК» изучает базовые показатели активности детей, используя мобильные приложения и фитнес-трекеры, чтобы «увлечь самого ребёнка процессом самоанализа и самооценки в проекте» — т. е. проводится сбор всесторонней базы данных о российских детях. Занимаются в «Ребячке» и «профилактикой в сфере социальных отношений», и тимбилдингом — ещё одна химера (я проходила тренинги такого рода в США), которая не имеет ничего общего с реальным командным духом, основанным на интересе к общему делу, ответственности и взаимоуважении.

Проект «В школе классно»[53] основан на современных методах обучения, включая геймификацию. Руководитель проекта Татьяна Никонорова рассказывает, что «образование адаптируется под современных детей, которым свойственно клиповое мышление», с активным использованием гаджетов. Для сравнения, в элитарных закрытых школах Англии у детей забирают гаджеты и придерживаются традиций как в воспитании, так и в образовании.

В странах-членах МСЛ есть Национальные ассоциации детских лагерей (НАДЛ). Александр Джеус, президент НАДЛ РФ, с 2001 года возглавляет лагерь «Орлёнок». «Артек» является членом МСЛ с 1995 года и признан лучшим детским центром среди ста тысяч детских лагерей из пятидесяти стран мира[54]. Бросается в глаза, что не «Артек» и «Орлёнок» делятся своим всемирно признанным уникальным опытом, а их вожатых вместе с тюменскими лидерами посылают перенимать опыт в Турцию и Америку. «Мы — часть мирового процесса»,— подчёркивает Джеус. Обычно иностранцы приезжают в страну, чтобы познакомиться с её традициями, но в «Артеке» на фестиваль «Новогодняя феерия» приглашаются «зарубежные команды, которые познакомят артековцев с традициями празднования Нового года и Рождества в разных странах мира»[55]. Россия всегда была открыта другим культурам, но это не должно быть в ущерб своей.

Подготовкой вожатых МСЛ не ограничивается: «В „Артеке“ проходят обучение советники директоров школ по воспитанию и работе с детскими объединениями. Они перенимают опыт специалистов Международного детского центра… Участники программы на практике освоили новые коммуникации и, объединившись в группы, создали свой TikTok»[56]. Медиаплатформы — сегодняшняя реальность, но к их использованию в обучении нужно подходить с осторожностью: идея, поставленная на поток, неизбежно ограничивает творческое начало и индивидуальное развитие, создавая при этом возможность паразитирования для карьеристов и манипуляторов.

Организованный в партнёрстве с европейскими НКО фонд «Содружество»[57] с 2003 года работает в Чебоксарах. Сюда приглашают волонтёров со всего мира, «независимо от их гендерной, культурной, национальной и религиозной принадлежности», для работы над долгосрочными проектами: летние и зимние лагеря для чувашских детей, еженедельные заседания межкультурного клуба в детских домах и в старших классах школ. В программе лагерей «мастер-классы, много спорта и веселья», а их «изюминка» — «международная команда вожатых… Они проводят уроки английского и второго языка, организуют интереснейшие презентации своей родной страны»[58]. Общение молодёжи разных стран — это прекрасно, но как на практике осуществляются подобные программы?

В апреле 2019 года в Пермском крае прошёл традиционный Вожатский круг, на котором активно «поработал президент МСЛ Джон Джоргенсон… Именно там был презентован видеоролик „Спасибо, лагерь“ из Канады»[59]. Заранее объявили

51. https://tumen.mk.ru/social/2021/03/24/prezident-mezhdunarodnogo-sodruzhestva-lagerey-prinyal-uchastie-v-tyumenskom-seminare.html
52. https://leto.admtyumen.ru/leto/organization/more.htm?id=10942779@cmsArticle
53. РИА Новости: В школе классно: проект Тюменской области расширит кругозор учеников. 26.11.20. https://ria.ru/20201126/shkola-1586220696.html
54. https://artek.org/ob-arteke/istoriya/novyy-status-arteka/, https://artek.org/ob-arteke/obshaya-informaciya/
55. https://artekfond.ru/portfolio/tematicheskaya-obrazovatelnaya-progam/
56. https://artek.org/press-centr/news/v-arteke-prohodit-vtoroy-ochnyy-etap-obucheniya-sovetnikov-po-vospitaniyu/
57. https://sodvo.ru/about/a_camp_with_sodrujestvo/
58. https://sodvo.ru/yazyikovyie-lagerya-shkolnikam/zimniy-mezhdunarodnyiy-lager-sodruzhestvo/
59. https://www.novoepokolenie.com/shownews/926/

конкурс видеороликов под эту песню с такой инструкцией: «Используйте наш готовый контент для публикаций! Анонсируйте кампанию с помощью наших картинок! Используйте графику акции, чтобы добавить изюминку к своим фотографиям или публикациям!» В 1961 году я была награждена путёвкой в «Артек», и у нас проводился конкурс на лучшую отрядную песню. Каждый отряд исполнял песню по своему выбору в собственном оформлении. Теперь же песню канадца Питера Каца на английском языке Thanks To Camp «спустили сверху» в российские лагеря, исключая инициативу и индивидуальное творчество детей.

Видеоклип прошлогоднего вожатского концерта в лагере «Восток», получившего «приглашение на членство в ICF лично от президента» Джоргенсона, вызывает оторопь: бессмысленные роботообразные движения под рэповый текст и непрерывный визг аудитории. Это не местная инициатива. «„Школа вожатской песни“ — проект, способствующий развитию традиции лагерной песни у костра, — пишут тюменские гуру. — „Школа вожатского танца“ — здесь через танец *закладывается определённая философия воспитания*, позволяющая посредством музыки, самовыражения обучить детей выглядеть красиво и дарить позитивное настроение окружающим»[60]. На видеороликах вожатских танцев, выражающих заявленную «философию воспитания», видим примитивную жестикуляцию, раскрашивание лиц, которое в Америке в последние годы внедрили через детские праздники. А ведь ещё в 1990-х разрисованные лица спортивных фанатов вызывали у образованной части общества насмешливое отношение.

Вот отрывки из популярных вожатских песен:

> мы терпеть это суждены,
> ведь дети немой страны,
> дети бесконечных дорог,
> бесконечных полей
> и бесконечной зимы…
>
> Утро холодное, дождик и ветер.
> Голосом хриплым объявишь: «Подъём!» —
> И, проклиная почти всё на свете,
> Крикнешь: «Отряд, на зарядку идём!»
> Кто-то опять начинает болеть.
> С кем-то подрался обиженный мальчик.
> Знаешь, вожатый, надо терпеть.
> Смена пройдёт, тогда и поплачем.

Какими вырастут дети, воспитанные на таких песнях? Ведь язык несёт творческую и воспитательную функцию! Подобная атмосфера не способствует ни физическому, ни умственному, ни нравственному и эстетическому развитию. Тем не менее Министерство просвещения и местные власти поощряют и финансируют эти проекты. Конечно, многое зависит от индивидуальных исполнителей на местах, но если система не заточена на подлинное духовное, нравственное и интеллектуальное развитие детей, как заявлено в законопроекте 2020 года, энтузиасты мало что смогут сделать.

Реформаторы и энтузиасты

В «Российской газете» в феврале появилась статья «Урок ведёт тиктокер. Учителя бросают вызов блогерам»[61]. Учитель истории устроил состязание: узнает ли подросток российских императриц по их портретам, а в ответ педагог должен угадать по фото звёзд TikTok. Или такой «баттл»: сможет ли школьница правильно поставить ударения в словах «каталог», «красивее», «туфля», а учительница — угадать пропущенные слова в популярных у школьников песнях. В обучении в таком формате смущает приравнивание необязательных знаний к тем, без которых не может быть образованного человека. Это профанация и движение под откос. Иерархия ценности знаний существует, и детей нужно учить это понимать.

Статья утверждает, что если детям нравится видео о чихающем котёнке, то и задачи надо давать о таком котёнке. А если им нравятся компьютерные «стрелялки», тогда что? Дети и так проводят слишком много времени в соцсетях и с компьютерными играми — огромные средства тратятся на то, чтобы их на это «подсадить». Должна ли школа этому способствовать? Вот если бы школьники предложили учителю назвать автора найденного ими малоизвестного стихотворения русского поэта, тогда другое дело.

Нужно учитывать интересы и психологию детей, но не ценой приведения всех к наименьшему общему знаменателю. Лучше поднять несколько миллионов на более высокий уровень развития, чем опустить десятки миллионов на дно, потеряв при этом тех, из кого может выйти толк. Не нужно лишать детей удовольствия, которое можно получить от решения нетривиальных задач! Помню, я принесла на работу книжку с занимательными задачами Мартина Гарднера для дочери одного из моих лаборантов, и взрослые дядьки сгрудились вокруг рабочего стола и с увлечением начали их решать. Школьниками они были этого лишены, а в Союзе книги американца Гарднера по занимательной математике были переведены, ими пользовались, «заставляли шестерёнки в голове крутиться», по выражению Николая Пака, лидера Федеральной секции робототехники «Лига роботов», тренера команды российских школьников — мировых чемпионов по робототехнике. Пак работает

60. https://leto.admtyumen.ru/leto/organization/more.htm?id=10942779@cmsArticle
61. https://rg.ru/2021/02/19/uchitelia-brosaiut-vyzov-blogeram.html

по методикам советской школы. «Мы стали первыми в мире на советском образовании»,—говорит он.

Издатель журнала «Лучик» Лев Пирогов вспоминает, что когда он «работал в подростковом журнале „BRAVO“, там информационный запрос был такой: „Сколько дырочек в теле у Бритни Спирс?“ (Ну, проколов для пирсинга.) А у нас наши дети спрашивают: „Как устроена бесконечность?“, „Что такое гиперпространство?“, „Чем шедевр отличается от обычной картины?“, „Зачем надо ходить в школу и там со всеми дружить?“» Пирогов считает, что произведение для детей «должно быть вдохновляющим. Духоподъёмным»[62].

Петербуржец Алексей Машевский создал сайт «Нефиктивное образование», продвигает творчество арт-группы «Безнадёжные живописцы», среди которых много талантливых современных художников, чьи картины согревают душу и радуют глаз. В своих лекциях он представляет лучшие образцы русской и мировой литературы.

Поэт, доктор филологии Светлана Кекова рассказывает: «Я веду историю мировой культуры в экономическом университете и даю задание студентам приносить понравившиеся им стихи. Мы вместе с ними начинаем их разбирать, читать, и им становится интересно. И тогда они уже приходят в музей, где я веду литературные гостиные. Нужно работать точечно, от сердца к сердцу. Только так можно сохранить слово»[63].

Композитор и исполнитель Тимур Ведерников, создатель глобального проекта #Музыкавместе, снял два сезона «10 песен атомных городов» с участием сотен исполнителей в возрасте от пяти до девяноста двух лет из разных городов России. А к серии «10 песен Победы» присоединились жители Казахстана, Узбекистана, Азербайджана. Эти видеоклипы собирают миллионы просмотров. Проект #Музыкавместе—аналог американского Playing for Change, но на русский лад. И как же здорово получилось! Звучат популярные песни русских и советских композиторов. «Каждый из участников этого виртуального совместного музицирования привносит в композицию что-то своё»,—пишут создатели проекта.

Четыре года назад директор Почепской библиотеки Лилиана Головченко писала мне, что «мало принимается во внимание сохранение народной и традиционной культуры в малых (провинциальных) городах. Много изменений в худшую сторону и там, но основы не разрушены. Это радует и вселяет надежду». Хочется верить, что очаги культуры, помогающие сбережению русского языка и традиций, без чего невозможно полноценное образование и воспитание новых поколений, не погаснут и найдут самую широкую поддержку.

ДиН ревю

Сергей Кузнечихин

Никола зимний

Москва: «Вече», 2022

Сюжеты повестей и рассказов Сергея Кузнечихина свежи и увлекательны, его Сибирь не исследована мастерами старших поколений. Ему хватает жизненного опыта, чтобы правдиво рассказать о людях, которые не умещаются в рамки «положительных» или «отрицательных» героев. Они далеко не праведники, но автор не судит их, а показывает в самых сложных жизненных ситуациях в борьбе за выживание.

Сергей Кузнечихин—сибирский писатель, член Союза российских писателей. Родился в 1946 году в рабочем посёлке Космынино под Костромой. После окончания Калининского политехнического института уехал в Сибирь. За двадцать лет работы инженером-наладчиком изъездил Сибирь от Урала до Дальнего Востока. Живёт в Красноярске. В книге собраны рассказы и повести разных лет.

62. *Лев Пирогов*: «Про слово негр, современных детей и дистанционное обучение», интервью. http://www.findglocal.com/RU/Moscow/1504992596461431/Журнал-«Лучик»

63. *Светлана Кекова*: «Миссия поэта—в противостоянии скверне языка», интервью на сайте dramteatr.ru, 19.06.2012.

Рустам Мавлиханов

Страсти по Европе

Триптих

Европа рождалась в мучительных поисках ответов на вопросы: «Как спастись? Если Четыре всадника, что воочию несутся по нашим городам и полям,— воздаяние нам, то где найти слова, что отвратят их от дома нашего?»—и ответы стоили не меньшей крови. Религиозные войны (не за веру—за выживание) и Первая Тридцатилетняя показали, какую цену приходится платить за монопольное право на истину. Так начался наш путь к отказу от какой-либо истины вообще—через, казалось бы, разумные идеи Просвещения и Революционные войны, через их отрицание, через веру в прогресс и через его итог—Суицид 1914 года.

Теперь, когда Европа, введя в оторопь своей беспокойностью весь мир, замыкается в себе, сбрасывая, как Рим когда-то и как Китай—неоднократно, балласт из окраин своей ойкумены, пришла пора оглянуться, всмотреться в глаза нашим предкам—насколько это возможно—и попытаться увидеть в них себя. Нет, не для того, чтобы призвать вернуться к истине—автор верует, что она относительна,—а для того, чтобы услышать весёлую жестокость Клио и смириться, по примеру Боэция, с неизбежным.

«В его прямом человеческом времени эти слова были лишними и бессмысленными—но он знал, что в змеином времени они уже прозвучали и послужили началом беседы. А потому он проговаривал их до конца, чтобы не разрушать связь встречнотекущих времён» *(сомалийская сказка)*.

Собирая плоды

Homo fugit velut umbra
(Человек исчезает как тень)[1]

Слова на входе в университетскую
часовню Св. Христа Доктрин
в Алькала-де-Энарес

В 2022 году культурная общественность нашего региона начнёт подготовку к столетию памяти нашего выдающегося земляка, занимающего видное место не только на литературной карте Нижегородской области, но и в плеяде замечательных звёзд Среднего Поволжья,—Василия Евграфовича Чешихина-Ветринского, историка русской и европейской литературы и общественной мысли, переводчика, публициста, краеведа, народовольца и журналиста. И хотя родился Василий Евграфович в Риге Лифляндской губернии, бóльшая часть его сознательной жизни связана с нашими краями—Удмуртией, в то время входившей в состав Вятской губернии, и Нижним Новгородом. Но главная загадка, которую он оставил своим потомкам, порождена далёкой Испанией…

Детство Василия Евграфовича прошло в интеллигентной семье. Его дед, Иродион Яковлевич, был профессором Санкт-Петербургской духовной академии, лингвистом (его перу принадлежит перевод первой песни «Энеиды» Вергилия) и поэтом; отец—краеведом, публицистом, издателем «Русского вестника», старейшего русскоязычного журнала в Прибалтике; брат—писателем, переводчиком (Гёте и Мюссе), музыкальным критиком (среди прочего он опубликовал фундаментальную «Историю русской оперы») и просветителем (чего стоит опередившая своё время на столетие статья «*О приспособлении китайской грамоты к роли всемирного письменного языка*», изданная в 1916 году). Неудивительно, что и Василий Евграфович продолжил стезю своей семьи. Наиболее известен он, кроме множества работ о русских литераторах девятнадцатого века, переводом комедии нравов англо-ирландского поэта Ричарда Шеридана «Школа злословия» (это название позаимствовали одни наши современницы для своего эпатажного ток-шоу). Намного менее известно о его интересе, переросшем в своего рода одержимость, к испанской поэзии позднего Средневековья.

Василий Евграфович окончил Рижскую Александровскую гимназию (с серебряной медалью) и физико-математический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета (примечательный факт: математический склад заставит его взяться за решение почти неразрешимой загадки; гуманитарная часть образования—найти ключи к ней). Как большинство образованных людей его эпохи, увлёкся революционными идеями

1. Homo fugit velut umbra (*лат.*), или Passacaglia della vita («Пассакалья о жизни», *итал.*),—известное вокальное произведение XVII в., авторство которого приписывают итальянскому композитору Стефано Ланди.

и за участие в народнических кружках был выслан сначала в Ригу, после — в Глазов Вятской губернии (ныне — город в Удмуртии), где у него завязалась активная переписка с одной стороны — с Максимом Горьким, с другой — с тем, кого Василий Евграфович в своих дневниках именует «отец С.» и кто познакомил его с псевдодионисийской традицией[2] общехристианской теологии (ещё один факт, чьё влияние скажется позже).

По окончании ссылки, после недолгого (с 1901 по 1903 годы) пребывания в Самаре, он осел в Нижнем Новгороде, где стал секретарём и фактическим редактором «Нижегородской земской газеты». Как земец, вступил в 1905-м в Партию народной свободы, многим известную под названием кадетской; написал бо́льшую часть своих трудов (среди которых «Герцен», «Отечественная война 1812 года в родной поэзии», «Чернышевский»), и в том числе монографию о выдающемся историке-медиевисте, заложившем основы научного понимания Средних веков в России, Тимофее Николаевиче Грановском. Работая над последней, Василий Евграфович, как человек энциклопедического кругозора, не мог не ознакомиться глубже со сферой научных интересов Грановского, среди которых были и история расцвета и упадка Испании при Габсбургах — «империи, над которой не заходит солнце», и Итальянские войны — первый конфликт общеевропейского характера, охвативший все страны от Шотландии до Турции. В своих поисках он встретил имя кондотьера, конкистадора и поэта, коими изобиловала та эпоха и которое было забыто в потрясениях бурного, под стать двадцатому, шестнадцатого века. Василий Евграфович отметил, что «первоначально не обратил на него внимания и предал бы его забвению вторично», если бы оно не всплыло в переписке с тем обществом, что сложилось вокруг Горького на Капри.

Здесь, в «литераторском центре богостроительства» (особого этико-философского течения в русском марксизме, развивавшегося Анатолием Васильевичем Луначарским и Владимиром Александровичем Базаровым), бывали Феликс Дзержинский, «цусимец» Новиков-Прибой, жили поэт и журналист Леонид Старк (Афгани; тот самый, кто в октябрьские дни 1917 года займёт телеграф и почтамт) и его жена, впоследствии — библиотекарь Ленина, Шушаник Манучарьянц. К ней и обратился другой гость виллы «Спинола» — Михаил Коцюбинский, революционер и классик украинской литературы, вновь создавший её из того, что Винниченко называл «невольницьким кладовищем». Широкой публике он известен по поставленным по его произведениям фильмам «Подарок на именины» и «Тени забытых предков» Сергея Параджанова («лучшая картина в мире, снятая до сих пор», как сказал Эмир Кустурица). Что занимательно — и, скорее всего, является случайным совпадением с судьбами тех, о ком идёт речь в этом эссе, — в финале картины Иван, главный герой, видит призрачные отражения Марички, своей погибшей возлюбленной, в воде и в лесу.

Коцюбинский много путешествовал. Он объездил едва ли не всю Европу — не только по зову души, но и из потребности в лечении: он медленно умирал от чахотки. И если Антон Павлович искал облегчения в ковыльных степях Башкирии, то Михайло Михайлович подался в просторы Иберийской Месеты — обширного, засушливого, малолюдного плоскогорья, покрытого замками (давшими имя стране — Кастилия) и полуразрушенными римскими виллами. В странствиях он познакомился с Мигелем де Унамуно, в ту пору — ректором университета Саламанки.

Последний, будучи баском по национальности, в одну из поездок на родину, в Бильбао, посетил долину Бастан на самом севере Наварры, у подножия Пиренеев, где, в местечке Арискун, родился Педро де Урсуа, «губернатор» Эльдорадо. Его личность привлекла внимание философа и как жертва «испанского Иуды» — «гнева Божьего» Лопе де Агирре (замечательно воссозданного Клаусом Кински в фильме Вернера Херцога), и как один из плеяды великих басков, лежавших в фундаменте славы Испании: Хуана Себастьяна Элькано, завершившего экспедицию Магеллана, Андре́са де Урданеты, открывшего самый безопасный путь через Тихий океан к берегам Филиппин, Хуана де Гарая, основателя «Города Пресвятой Троицы и Порта Святой Марии Добрых Ветров» (Буэнос-Айреса), Игнатия Лойолы, основоположника «Общества Иисуса».

«Если баски, этот малый и загадочный народ, помогли кастильцам построить империю, то не нужно ли в их национальных чертах искать то, что поможет спасти Родину?» — отметил Мигель в гостевой книге в маленьком отеле на Берегу Храбрых — Коста-Брава (сын хозяина отеля сберёг автограф, спрятав книгу во времена франкистского террора).

Тут нужно пояснить, что после катастрофы 1898 года Испания впала в глубочайший экономический, политический и — главное — моральный, чуть ли не экзистенциальный кризис, сравнимый разве что с кризисом, поразившим Россию в 1990-х. Как и СССР в холодной войне, Испания потерпела

2. Псевдодионисийская традиция: Псевдо-Дионисий Ареопагит — неизвестный богослов V–VI вв., чьи труды о естестве Бога и Его эманации оказали сильнейшее влияние на христианство (и православие, и католичество), особенно на исихастов на Востоке и таких мистиков Запада, как пантеистичные Иоганн Скотт Эриугена (IX в.) и Николай Кузанский, Пико делла Мирандола и др.

унизительное поражение в скоротечной войне с США — несмотря на отчаянную храбрость пехоты, неделями сражавшейся в окружении на пляжах Кубы и Филиппин. Это была первая война, развязанная прессой (красочное изображение подрыва крейсера «Мэн» в газете Джозефа Пулитцера New York World позже послужило вдохновением для пропагандистских плакатов «Помни Пёрл-Харбор!» и «Помни 11 сентября»), первая война, запечатлённая на киноплёнку (пройдёт всего девяносто три года, и технологии позволят нам наблюдать бомбардировки в прямом эфире — о значении чего замечательно рассказано в пророческом фильме 1997 года «Хвост виляет собакой»,— пока война окончательно, с началом Второй холодной, не превратится в самоподдерживающееся ток-шоу), и одна из первых схваток за передел мира в романтическую эпоху империализма, которая скоро закончится неромантической бойней 1914–1945 годов.

Нам в наследство от той войны достались коктейли «дайкири» (по имени местечка под Сантьяго-де-Куба, где янки высадились на остров) и стихотворение Редьярда Киплинга — поэта, искренне любившего и понимавшего Восток,— «Бремя белого человека». Испании же пришлось искать ответы на вопросы «что делать?» и «кто мы, откуда, куда идём?». И находить ответы: в возрождении поэзии, философии (что даёт и нам надежду на бронзовый век русской литературы), национализме, авторитаризме, анархо-синдикализме и социализме (что заставляет нас молить Клио: *пусть наши поиски не окончатся первой в истории ядерной гражданской войной*). Эти искания приводили пилигримов мысли на разные стороны баррикад, но чаще заканчивались смертью на чужбине, расстрелом (националистами или республиканцами), примирением или резким конфликтом с новым режимом.

Однако, как и нам, испанцам, которых Пио де Бароха, ещё один выдающийся представитель Generación del 98[3], изобразил в виде «пассажиров трамвая, входящих и выходящих из него, не знающих, куда и зачем они едут», гражданская война ещё казалась невероятной; Мигель де Унамуно ещё не мог знать, что всего через пару месяцев после начала мятежа правый генерал Хосе Мильян-Астрай заткнёт его возгласом «Смерть интеллигенции! Да здравствует смерть!» (как окажется, навсегда: философ умрёт под Новый год, во сне,— итог его жизни показан в испано-аргентинском фильме «Mientras dure la guerra» («Пока длится война»)); пока ещё над всей Испанией было безоблачное небо[4], и Мигель, верховный жрец храма разума[5], мог посвятить себя изучению эпохи испанской славы и её терций — такого же символа страны, как коррида и Саграда Фамилиа.

Терции родились в плавильном котле Реконкисты — восьмисотлетней эпопее войн за свою веру, окрашенных гордостью за своих пророков и свой народ и уважением к врагу (*странно, но именно на стыке религий рождается взаимоуважение*), воспетой, к примеру, в «Песне о моём Сиде» — одном из немногих эпосов, мало отступающих от исторической правды. Продолжившись естественным образом в конкисте, терции на полтора столетия стяжали славу непобедимых: невероятно стойкие в сражении, потрясающе упорные, с редким для эпохи терпением, «испанские дьяволы» наводили ужас на Амстердам, Париж и Лондон настолько, что это позволяло успешно снабжать войсками и припасами свои владения в Нидерландах сухопутным путём (море блокировалось английскими и голландскими пиратами) через далеко не дружественные земли в Альпах и Восточной Франции. Каждый солдат знал, что его жизнь находится в руках Господа, но его полк — бессмертен: его нельзя покорить, можно лишь истребить (известен эпизод, описанный в «Капитане Алатристе», когда французский офицер спросил умирающего испанского знаменосца: «Сколько вас было здесь?» — на что тот ответил: «Пересчитайте убитых — узнаете»).

Вот в таком соединении довелось строить свою судьбу на службе католическому королю и Хорхе де Урсуа — вышеупомянутому кондотьеру и поэту.

Хорхе приходился дядей (по другим источникам — кузеном) Педро де Урсуа, вероломно убитому своим заместителем, Педро де Агирре, в амазонской сельве. Значительная часть его жизненного пути связана с Итальянскими войнами; к тому же ещё в юности, отправившись пилигримом узреть новое чудо христианского мира — строящийся собор Святого Петра, он влюбился в Италию — эту жемчужину Европы, это средоточие искусства и порока, и не в последнюю очередь — в образ

3. Поколение 98 года (*исп.*).
4. «Над всей Испанией было безоблачное небо» (En toda España el cielo está despejado) — легендарный пароль к началу мятежа в Испании, переданный по радио утром 18 июля 1936 г.
5. «Верховный жрец храма разума» — из речи Мигеля де Унамуно 12 октября 1936 г. в Университете Саламанки: «Генерал Мильян-Астрай — калека. Давайте скажем об этом без обиняков. Он инвалид войны. Как Сервантес. К сожалению, сейчас в Испании слишком много калек. И если Бог не внемлет нашим молитвам, скоро их будет ещё больше. И мне доставляет боль мысль о том, что генерал Мильян-Астрай будет определять психологию масс. Калека, лишённый духовного величия Сервантеса, он испытывает зловещее облегчение, видя вокруг себя уродства и увечья. Здесь храм разума. И я его верховный жрец. Это вы оскорбляете его священные пределы. Вы можете победить, потому что у вас в достатке грубой силы. Но вы никогда не убедите. Потому что для этого надо уметь убеждать. Для этого понадобится то, чего вам не хватает в борьбе — разума и справедливости. Я всё сказал».

оказавшей ему покровительство в путешествии Катарины Сфорца, «львицы Романьи и тигрицы из Форли» (послужившей, кстати, реальным прототипом Моны Лизы), образ тем более прекрасный, что он не застал его носительницу в живых. Возмужав, Хорхе вернулся в Италию — сперва в качестве кондотьера (наёмника), в роли которого успел повоевать «за венгерское наследство» с янычарами Сулеймана Великолепного, а после перешёл на службу во вновь учреждённую в Ломбардии терцию, с которой прошёл поля баталий половины Европы — от войны Коньякской лиги до экспедиций в Тунис. Ему довелось как оборонять Ниццу от турок и Барселону от берберских пиратов, так и самому штурмовать города, крепости и корабли.

В перерывах между перемириями и кампаниями Хорхе с любознательностью apasionado[6] слушал лекции: юристов в Болонье, «князя гуманистов» Эразма Роттердамского при дворе своего короля (по совместительству — императора Священной Римской империи) Карла I (V), в чьей армии он охранял хирурга Филиппа Теофраста фон Гогенгейма (Парацельса) — и кто знает, не поделился ли с Хорхе этот великий алхимик секретом панацеи, полученным им в османском Константинополе от некоего Соломона Пфайфера (даже если последний и не дожил, как утверждают свидетели, до конца восемнадцатого века, то Хорхе и на шестом десятке лет отличался завидным здоровьем, позволившим ему совершить путешествие через океан).

Тянувшимся уже пятьдесят пять лет войнам, ставшим в итоге частью борьбы Испании и Германии с франко-турецким альянсом, не виделось конца. Все стороны выйдут из них ослабленными: король и последний настоящий император (то есть коронованный папой в Риме), разочаровавшись в идее объединить Европу, отречётся от всех престолов и уйдёт в монастырь, Франция покатится к религиозным войнам, а Италия останется разорённой и уже никогда не займёт место светоча мировой мысли. Однако все эти годы солдаты забирали из её горящих городов не только парчу и столовое серебро, но и жемчужины гуманизма, неся их за Альпы и высевая семена Северного Возрождения (*собственно, и сформировавшего тот мир, который знаем мы*).

Хорхе мог, как ветеран терции, продолжить службу во Фландрии, но предпочёл вернуться домой, взяв с собой трофей — Франческу Марию дель Васто, происходившую из боковой ветви пресёкшегося рода маркграфов Салуццо (для нас будет любопытно, что эта династия по женской линии берёт начало от правнучки Ярослава Мудрого, а история одного из маркизов легла в основу сюжета о Гризельде[7]).

Юная Франческа покорилась не столько силе, сколько молчаливой мудрости Хорхе, его верности и терпению — тем качествам, которые он унаследовал от своей терции. Он был очарован освежающим вольнодумством её мыслей — чего стоит только фраза из её письма: «О, если бы простые люди знали, как грешат мораль предержащие!..»

По свидетельствам современников, девушка была очень миловидна. Она запомнилась им настолько, что, когда на мосту Святого Ангела отсекали голову знаменитой Беатриче Ченчи (отомстившей за надругательство над собой и после воспетой Перси Шелли и Юлиушем Словацким), многие, подозревая Хорхе в обладании панацеей и знании пути к источнику Жизни, считали, что казнимая и есть Франческа Мария — так они были схожи.

«Эпиграммы Хорхе к Франческе напоминают мне стихи нашего великого Густаво Адольфо Беккера. Только вслушайтесь:

Когда коснулся Вашей тени,
Я вновь уверовал в спасенье,
Как в час безмолвия священный,
Предавший Богу новый день, —

и сравните с этим:

Сегодня мне улыбаются земля и небеса.
Сегодня в душе моей солнце, сегодня ушла тревога.
Сегодня её я видел —
Она мне взглянула в глаза.
Сегодня я верю в Бога.

И почему-то мне рисуется образ „Девушки с жемчужной серёжкой“, хотя я отдаю себе отчёт в столетии, разделяющем картину и Франческу. Ещё это зашифрованное ритмическое (?) посланье (?) из баскских, испанских, латинских и арабских слов, образующих кресты (?!) акростихов (?)», — делился мыслями Мигель де Унамуно с молодым Хименесом, издателем журнала «Глобус». Хуан Рамон показал письмо Хуану Валера, писателю и дипломату, который, вспомнив о выдающейся математической школе в России (он служил посланником в Петербурге в начале царствования Александра II), посоветовал Мигелю связаться с русскими.

Как говорится, на ловца и зверь: в ту пору довелось проезжать по Месете Михаилу Коцюбинскому. Так, через его руки, через ту самую Шушаник

6. Страстный (*исп.*).

7. Гризельда — образец супружеской покорности, послушания и преданности; она претерпевает жестокие моральные издевательства, которым её подвергает муж, но в итоге её терпение вознаграждается; фольклорный сюжет использовался многими — от Боккаччо до «Битлз» (песня «Golden Slumbers»); уже Лопе де Вега смягчал жестокость мужа, чтобы хоть как-то её объяснить.

Манучарьянц, через Капри, копия «стихотворения» (будем условно называть его так) с пояснительными материалами, дневниками, письмами, реляциями попала к Василию Евграфовичу Чешихину-Ветринскому. Он бегло ознакомился с ними и… забыл, будучи поглощён бурными событиями 1905–1907 годов; вспомнил, лишь когда «столыпинские галстуки» утихомирили стихию. В такие годы, отчаявшись искать справедливости на земле, обращаются к миру горнему. Вот и Василий Евграфович случайно (или нет) наткнулся в бумагах на гравюру из книги св. Иоанна Креста (Хуана де ла Крус) «Восхождение на гору Кармель», изображавшую путь души к высшему созерцанию как узкую тропу между делом, словом, славой, силой и т. д. и т. п., что сразу навеяло ему аналогии и с суфийскими мистиками, и с псевдодионисийской традицией («Превыше Божественного света лишь Божественная тьма»,—сказал Ареопагит в золотой век Византии), знакомой ему по переписке с упомянутым нами в начале статьи «отцом С.». Помимо прочего, слова о том, как «три добродетели усовершают три области души и как устраивают мрак и пустоту в этих областях», что «вера является для души „тёмной ночью“», как нельзя более перекликались с нынешним состоянием Василия Евграфовича, побудив его взяться за работу в надежде войти в «о воистину блаженная ночь, в которой соединяется земное с небесным, человеческое с Божественным!» (из поэмы, написанной Хуаном в заточении).

(Тут следует сделать небольшое отступление и помочь читателю вспомнить, откуда он знаком с именем Хуана де ла Крус, заслуженно названного Доктором Церкви. Когда святой был схвачен кармелитами, заточён в монастыре под Толедским алькасаром (и тем заново освятил его, что иносказательно отобразил на полотне Эль Греко[8]) и подвергнут пыткам (да, в любой церкви всегда идёт борьба, и далеко не всегда за материальное), один из охранников принёс, по просьбе Хуана, лист бумаги, и он нарисовал свой образ Христа—в необычном ракурсе, словно на Него смотрит Дух или Отец. В наше время этот рисунок лёг в основу картины позднего, «ядерного», Дали, которая так и называется: «Христос Хуана де ла Крус». Архив святого был спасён в начале гражданской войны южноафриканским поэтом Роем Кэмпбеллом, автором «Теологии Бонгви»[9]: он дал обет Иоанну перевести его стихи, если тот поможет защитить семью Роя.)

Тем более странным показалось Василию Евграфовичу то, что на оборотной стороне листа с гравюрой обнаружилась калька с какой-то карты с названиями поселений (Агуас Кальентес, Эль Энканте, Шкалаччецимин и др.), причём часть их была помечена как «здесь есть исконные воды», а от других тянулись стрелки к строкам написанного рядом стихотворения то ли алхимического, то ли «геологического» содержания. Ниже некто неизвестный оставил пояснение, что «как святой Хуан подсказал нам путь к спасению души, так эта карта поможет найти путь к источнику вечной молодости, в саду, на востоке», что она в точности, без искажений, за что комментатор ручается своей честью, срисована с карты, прилагавшейся к «Тринадцатому сообщению» Фернандо Альвы Иштильшочитля (автора фундаментальных трудов по истории тольтеков и других мексиканцев), составленной по приказу вице-короля Новой Испании Луиса де Веласко и прокомментированной «благородным доном Хорхе, сыном Хорхе, братом губернатора Эль Дорадо де Урсуа, да простит его Господь».

Загадки нарастали. Намечалась даже путаница в именах. После недолгих изысканий в публичной библиотеке Василий Евграфович понял, что на карту нанесена местность на Юкатане и в Петене (современная Гватемала), а под «исконными водами» подразумеваются, видимо, священные сеноты (природные колодцы в карстовых провалах), считавшиеся вратами в Шибальбу́, царство мёртвых. Но если связь молодости, жизни и смерти у краеведа, знакомого с мифологией поволжских финно-угров, удивления не вызывала, то содержание рифмованного комментария заставило его содрогнуться. Дело в том, что стихотворение оказалось одновременно и любовной лирикой, и… инструкцией: как увидеть тропы будущего в плоти настоящего. «Как в наших сказках ведунья смотрит в чашу с водой, так они смотрели в море крови в грудной клетке,—писал Василий Евграфович в Саламанку.—Они соединили ацтекские навыки извлечения сердца, европейские металлы—и получили ритуал-франкенштейн! Самая безобидная строка здесь—„Рдеющей (то есть раскалённой) медью целовать в губы“. Ужас!»

Мигель де Унамуно посоветовал не спешить с выводами и взглянуть на комментарий как на натальную карту: ту же медь на губах прочитать как Венеру в Тельце, семя, залитое оловом,—как Юпитер в Скорпионе и т. п. В ответном письме Ветринский выслал два варианта расшифровки, сохранив в обоих астрологическую составляющую. Первый вариант, «инструкцию», мы привести не можем по этическим соображениям, но со вторым, лирическим, подаренным Василием Евграфовичем своей возлюбленной Марии Дмитриевне, ознакомим читателя:

8. «…отобразил на полотне Эль Греко»—имеется в виду картина «Толедо в грозу» (1596).

9. Меня возьмёт Он в смертный миг
К себе из естества,
Чтоб до конца я Зло постиг
И Ловкость Божества.

Волос твой источает железо,
Медью рдеет искус твоих губ.
В терпкость влаги весеннего леса
Гулкой нотой вливается дуб.
Сердце рвётся куском красной ртути,
Предвкушая оплавленный год,
Звёздной бритвой раскроенной сути
Подносящий запретный нам плод
(Будто он отлучался на время,
Будто знал, закаляя булат,
Как под оловом скрытое семя
Вспыхнет ярче златых царских врат).
Пусть сурьмы мои мысли чернее,
Пусть свинцов в бронхах след от ребра,
Кто из вас возразить мне сумеет—
Крови, пьющей фонтан серебра?[10]

(Для облюбовавших курорты Канкуна читателей, если таковые здесь имеются, будет интересно пояснение Василия Евграфовича: «При наложении полученной натальной карты на карту Юкатана, с разворотом их на 180 градусов относительно друг друга, то есть так, чтобы Весы указывали на бухту Четумаль, искомый источник вечной молодости окажется в точке центра масс фигуры, обрисованной пересечениями медиан треугольников, образованных гармонично взаимодействующими (в астрологическом понимании) планетами обеих октав. Выделенный скобками фрагмент в построении учитывать не следует. Если мои вычисления верны, то „колодец жизни и смерти“ находится в глубине Петена, где-то там, где отмечен Тайясаль. Это же тот самый город, который испанцы сумели захватить лишь через 170 лет после Кортеса?»)

Для тех же, кто не готов отправиться в экспедицию в джунгли Гватемалы и Мексики, продолжим повествование.

Загадки Хорхе де Урсуа увлекли Василия Евграфовича, да и сам он разменял пятый десяток—пора было думать о роднике живой воды. Он даже стал искать по окрестным губерниям озеро, если не похожее на Петен-Ица, то заключающее в себе «мотив сенота». Очевидный вариант—Светлояр—его не удовлетворил, как и Морской Глаз в марийском краю, как и озерко цвета гривы сказочного татарского коня у Сергиевска в Самарской губернии. Впрочем, с последним понятно—оно серное. Наконец, поиски увенчались наградой: Вадским. Кристально чистая ледяная вода (что само по себе редкость в средней полосе), но главное—мощный поток, бьющий из бездны в центре и превращающий гладь в выпуклую линзу, подобную осколку гигантского хрустального шара, из глубин которого будто вглядываются в будущее неведомые племена.

Ветринский приобрёл дачу на берегу, где стал проводить много времени.

«Приезжал Мих. Мих. (Пришвин.—*Авт.*),—писал он в дневнике октябрьским днём 1909 года.—Путешествует по Заволжью. Показывал наброски книги о „граде невидимом“. Спорили о судьбах революции. Кажется, над Россией теперь навсегда „тень люциферова крыла“. Гуляли берегом. Разговор зашёл об ужасном конце Мессины, и тут он обратил моё внимание на необычное отражение и без того кровавого заката в озере: словно предки, сказал он, сулят нам неслыханные перемены, невиданные мятежи…»

Эта случайная фраза укрепила Василия Евграфовича в необходимости продолжать расследование. К тому же пришло новое письмо из Саламанки, в котором Унамуно сообщал, что картографическое чутьё не подвело «моего русского друга», что действительно в указанной точке находится древний город, только не Тайясаль, а Тикаль, не замеченный Кортесом во время похода 1524 года и открытый лишь в 1850-х годах, что Хорхе де Урсуа мог от индейцев слышать о нём и о замечательном символе, воплощённом в архитектуре Тикаля, и что данное открытие объясняет смысл эпиграммы «Когда коснулся Вашей тени…».

Сегодня, когда нам дано читать письмена майя, мы можем убедиться в верности догадки философа: эпитафия в заупокойном храме Хасав-Чан-К'авииля, правившего Тикалем в восьмом веке, гласит, что он страстно любил жену, Иш-Лачан-Унен-Мо, и построил в честь неё храм напротив своего. И теперь дважды в год, когда день и ночь равны друг другу, восходящее солнце окутывает тенью его храма храм его жены, а храм жены шлёт ответное прикосновение храму мужа на закате. И так—уже 1300 лет—влюблённые, оставив тени своих усыпальниц взамен собственных теней, ушедших из-под Солнца живых, касаются друг друга сквозь небытие.

Возможно, этот мотив навеял Хуану Рамону Хименесу знаменитое «Renaceré yo piedra, // y aún te amaré mujer a ti…» («Вернусь я на землю камнем // и вновь полюблю тебя женщиной… // Вернусь я на землю волною // и вновь полюблю тебя женщиной»)—поэт так же страстно любил свою жену, прожил с нею сорок лет, тоже не смог пережить её смерти и ушёл за возлюбленной в майский день 1958 года.

Так неужели Хорхе был первым европейцем, увидевшим город, поглощённый джунглями? Неужели он нашёл путь к Роднику Жизни сквозь гиблые

10. Астрологические соответствия: железо—Марс, медь—Венера, ртуть—Меркурий, золото—Солнце, олово—Юпитер и само Небо, свинец—Сатурн. Сурьма—«мирской» металл, Земля. Марс, Венера, Меркурий—планеты низшей октавы, Юпитер и Сатурн—высшей.

леса, между озёр, где находятся врата в Шибальбу — не только мистический потусторонний мир с Домом летучей мыши или Домом обсидиановых ножей, но и вполне реальное царство смерти, похожей, судя по описанию («владыки боли заставляют людей рвать кровью или сжимают их горло так, что их глотки наполняются кровью»), на переносимую рукокрылыми обитателями пещер геморрагическую лихорадку вроде Эболы?

Проследуем его тропой?

Франческа вдохновляла Хорхе. Иначе и быть не могло с такой разницей в возрасте, когда старость не использует молодость для самоутверждения, а поёт свою лебединую песню. Её советы были не по годам мудры, а поведение переменилось в разумную сторону — сдержанность на людях, смирение на мессе, тщательно подобранная исповедь (в этом сказывался итальянский опыт). Преобразился и он: из циничного боевого офицера, кутившего с братьями по терции (или терпевшего жажду и голод наравне с ними), причащавшегося и убивавшего, он стал — в церкви и при дворе — идальго «с жёсткой верхней губой» (англичане, когда придёт их черёд править миром, позаимствуют эту манеру у своих врагов, придумывая образ джентльмена). Ему хотелось одаривать её: ферроньера[11] с крупной жемчужиной, золотой жазеран[12] с «рубинами» из Альмадена[13]; когда Франческа, желая подарить наследника супругу (они обвенчались в Сантьяго-де-Компостелла, куда девушка давно хотела совершить паломничество), попросила зибеллино[14] из непорочного зверька (то есть рожавшего через рот, по представлениям того времени), Хорхе не поскупился на соболя из глубин Великой Тартарии.

Но больше того хотелось свершений. Того, что можно бросить к её ногам и наконец зажить спокойно и счастливо. Другой отправился бы на одну из бесчисленных войн во славу короля и веры, но и Хорхе, и Франческа всю свою жизнь видели, что чести в войне мало, а грязи и подлости — много. Она бы и не отпустила его в охваченную чумой, французской заразой[15] и ненавистью Европу.

Оставаться в Испании… было душно. Поток золота из Перу размывал здание государства, разорял ремесло и хозяйства крестьян и утекал дальше, к врагам веры (так изощрённо вершилась справедливость: Америка уничтожала завоевателей тем, что исполняла их мечту) и в аугсбургский дом Фуггеров, уже прибравших к рукам ртутные озёра Альмадена. Чем хуже шли дела внутри страны, тем больше инквизиция превращалась из органа исправления заблудших в приспособление для конфискаций, которое могло в любой момент припомнить общение с алхимиками и заинтересоваться слухами об обладании Хорхе философским камнем.

Новый Свет! Даже в названии этой части мира звучало что-то, напоминающее о Новом, небесном Иерусалиме. К тому же — золото… ласковое, как осенняя Месета, через которую гонят овец, манящее, как очертания родных берегов в рассветной дымке, совершенное, как перезвон колоколов кафедрала… Уехать, занять огромные, пустые, без печати греха земли, принести Благую весть дикарям, выстроить рай, как пытался отец Бартоломе сорок лет назад в Венесуэле, пока немецкие конкистадоры[16] не подняли против него на мятеж индейцев.

Такие картины рисовались Хорхе де Урсуа, когда он сопровождал Доминго де Сото, духовника императора, отпущенного последним домой, из Германии на хунту[17] в Вальядолид. Отец Доминго рассказывал о своём брате по доминиканскому ордену Бартоломе де лас Касасе, как тот, живя в Индиях, услышал проповедь другого брата, гневно обличающую обывателей в нехристианском отношении к индейцам, как он посвятил себя делам туземцев, как вопрос был вынесен на решение почившего в прошлом году папы Павла III и понтифик раз и навсегда буллой «Выше Господа» постановил, что «индейцы Запада и Юга» имеют неотъемлемое право на свободу, собственность и *мирное принятие истинной веры*. Но господин из гуманистов де Сепульведа, к несчастью — воспитатель инфанта Филиппа, сеет смуту: он, взывая к авторитетам Аристотеля и Анджело Полициано, придворного гуманиста Медичи, утверждает, что

11. Ферроньера — украшение в виде цепочки или ленты с драгоценным камнем, надеваемое на лоб.
12. Жазеран — золотая цепь с камнями, укладываемая вокруг стоячего воротника.
13. …«с „рубинами“ из Альмадена» — кристаллическая киноварь, минерал ртути; Альмаден — рудники в Ла-Манче, где ртуть добывалась как минимум со времён Рима.
14. Зибеллино — аксессуар из шкурки соболя (Martes zibellina — *лат.*).
15. Французская зараза — сифилис, одна из величайших эпидемий, сформировавших современную цивилизацию; главная причина смертей в эпоху Возрождения; была принесена моряками Колумба из Америки и вспыхнула в 1494 г., в самом начале Итальянских войн; французская армия, бежавшая от внезапной эпидемии из Неаполя, вынесла болезнь за Альпы; в 1497 г. достигла Литвы (Быхов), в 1512-м — Японии; лечилась (успешно) ртутью из астрологических соображений.
16. Немецкие конкистадоры — в 1528 г. банковский дом Вельзеров получил, в счёт долгов императора Карла, колонию Klein-Venedig («Маленькая Венеция», Венесуэла); спустя три десятилетия колония была конфискована по причине неэффективного управления, а также потому, что администрация колонии так и не крестила местных индейцев.
17. Хунта — собрание.

грешное поведение индейцев свидетельствует о порочности их природы и неспособности к человеческому мышлению, что города они строят, руководствуясь инстинктами, подобно муравьям, а потому должны быть обращены в рабство любой ценой, ибо это — единственный разумный выход.

Да, добавим мы, никогда конкиста не была единым валом, в одержимости и жажде сметающим цивилизации, — у неё были свои изверги и свои святые. И как часто, как мы сумели убедиться за прошедшие пятьсот лет, идеи гуманизма топтали человечность: что в эпоху Просвещения, что в двадцатом веке — столетии «двух крестов».

В дороге к ним присоединился отрок из Полонии, виконт какого-то княжества, с воспитателем и без охраны. Хорхе увидел в нём себя в молодости, тем более что Вацлав (так его звали) являлся протеже польской королевы Боны Сфорца[18], племянницы донны Катарины, тоже покровительствовавшей его паломничеству в Италию. Отец Доминго обратил внимание на свет неистовой, хранящей их от разбойников и прочих опасностей веры в глазах Вацлава: «Годы сделают из него или мудрого инквизитора, или жестокого ересиарха. Да простит его Господь!»

К возвращению домой у Хорхе созрел план: отправиться в Новый Свет, обосноваться там и вызвать Франческу Марию. Трудности не страшили. Напротив, вдохновляла слава великих аделантадо, первопроходцев, даже путь капитан-генерала Альвара Нуньеса Кабесы де Вака, после кораблекрушения прошедшего — в сопровождении трёх спутников, исцеляя больных и обретая почёт «сына солнца», — две тысячи лиг от Флориды до Сьюдад Мехико.

Он уладил дела, купил дом с имением в Гранаде, в местности со здоровым климатом, составил у нотариуса завещание, которое следовало привести в действие при отсутствии известий или получении условного послания, купил снаряжение — одежду, сбрую, колесцовый пистолет (кстати, единственное изобретение Леонардо, признанное современниками), другие мелочи — и нежно попрощался с женой в Севилье, указав ей в случае, если понадобится помощь и совет в ведении дел, обращаться к отцу Доминго. Как она вспоминала, в ночь перед расставанием на город обрушился ветер, и наутро все улочки, паперть собора и берег Гвадалквивира были усыпаны лимонными бутонами.

В ту ночь она зачала.

«Де Сото — представитель выдающейся школы католических экономистов, сложившейся при университете Саламанки, — выписал Василий Евграфович в дневник. — Они сформулировали теории паритета покупательной способности, свободного рынка, спроса на деньги как таковые и многие другие. Лишь потом их открытия переняли буржуазные экономисты Англии и Франции. Значит ли это, что в шифровке Хорхе де Урсуа содержится то самое „условное послание“ или иное предписание финансового характера? Или здесь снова три разных прочтения? А если разбить на строфы по три строки? И не „омыть пророчицу (сибиллу) кислотой“, не алхимия, а…»

«Да, этот ключ подошёл, — записал он через день. — Третья строка закрывает строфу и одновременно открывает следующую. Как будто бы любовная элегия:

Твой образ я вижу. Ты — утра опал,
Умывший Севилью лимонным дождём
Мадонны Небес в ожерелье глазниц. *(или зеркал?)*
Мадонны Небес в ожерелье зеркал
Алтарь, и пред ним — ты, рождённая сном *(рождённая во сне?)*
Наяда, чьи губы — ртутный рубин. *(?!)*

Мадонна в ожерелье… Странный для католика образ. Я чувствую, что вот-вот пойму его, когда вглядываюсь в зеркало Вадского — *моего* — озера. И порой мне кажется, что с той стороны, заглядывая в другое озеро, лежащее в „стакане“ грубых известняковых скал, стал вглядываться в меня он — Хорхе де Урсуа, пятый аделантадо Эльдорадо».

Отплыв из Сан-Лукара, к маю флотилия достигла Америки. По пути она заходила в лагуну Маракайбо — забрать забытых немецких колонистов из Нового Нюрнберга (тех, о ком лас Касас писал: «Немцы хуже самых диких львов. Из-за своей жадности эти дьяволы в человеческом обличье действуют гораздо кровавее своих предшественников»). Ночью небо на юге озарилось частыми вспышками света, началось светопреставление, продолжавшееся до рассвета. «Как маяк, зовущий к новой жизни, — писал Хорхе в первом письме Франческе с другого берега океана. — Это чудо зовётся молниями Кататумбо, поведал мне капитан дон Густаво, и бьют они постоянно. Воистину, нерукотворный маяк Господень, указывающий, что мне нужно на юг!»[19]

Мы не знаем точно, сколько времени он провёл в Нуэва-Испании[20] — но, по всей видимости, достаточно, чтобы поучаствовать в подавлении

18. Бона Сфорца — жена польского короля Сигизмунда Старого (1506–1548), королева польская и великая княгиня литовская в 1518–1556 гг.

19. «…молниями Кататумбо… маяк Господень, указывающий, что мне нужно на юг!» — если провести прямую линию от горловины лагуны Маракайбо через молнии Кататумбо и продолжить дальше, то она укажет точно на Серро Отаре (910 м) на северной окраине Чирибикете между реками Гуавьяре и Какета.

20. Нуэва-Испания — Мексика и окрестные страны.

мятежа конкистадоров, познакомиться с науатль (языком ацтеков) и с кодексами (книгами мезоамериканцев) с помощью брата-францисканца Бернардино из Саагуна (он заваривал пиноле из белого маиса, приговаривая, как заклинание, как молитву: «Я делаю пиноле. Я делаю пиноле из чиа. Я разливаю пиноле. Я готовлю пиноле»); и достаточно для того, чтобы совершить поход в Юкатан и составить лоцию к описанной выше карте. Где-то там же ему было видение, определившее дальнейший путь.

В Новом королевстве Гранада (в нынешней Колумбии) пришла радостная весть из Гранады Старой: у дона Хорхе родился наследник—татарский соболь всё же помог. Крестили, как и обговаривали когда-то, Хавьером—в честь Франциска Ксаверия, просветителя Китая, но не в последнюю очередь—в честь самой Франчески. Письмо успокоило и позволило с удесятерёнными силами заняться подготовкой экспедиции.

Хорхе сдружился с правителем страны Гонсало Хименесом де Кесадой (вероятно, на него намекал Сервантес, указывая, кто стал прототипом бессмертного идальго). Этот муж отличался добрым нравом, а потому пережил большинство покорителей Америк. Изумруды, собранные завоевателем земли чибча-муисков, изумляли и радовали сердце: казалось, в них, как комары в янтаре, увязли искры света Творения, а похожие на мельничные крылья trapiche[21] напоминали одновременно и о Любви, что движет солнце и светила, как если колесу был придан ровный ход[22], и о видении Иезекииля[23]. И это был знак—из тех, что открываются землепроходцам и никому другому.

Радовали и гости: как-то их посетили Родриго де Кирога с женою—выданной за него по приказу короля Инес де Суарес, любовницей Вальдивии и амазонкой, спасшей Сантьяго-де-Чили от дикарей-мапуче. Удивительно, но брак оказался удачным: прожив тридцать лет, супруги скончались в один месяц. Чили было небогатой страной, поэтому чета осторожно выразила заинтересованность в результатах похода.

Вот их троих (Гонсало, Родриго и Инес) Хорхе де Урсуа и назначил своими душеприказчиками—распорядителями нажитого в Индиях имущества: если он не вернётся или если его спутники не принесут известий от него по истечении трёх сезонов дождей, бумаги и деньги следует выслать его супруге Франческе и отцу Доминго де Сото.

Экспедиция должна была выйти из Санта-Фе-де-Богота, пересечь Пáрамо-Сумапас, спуститься в льяносы (прерии) по Рио-Мета до Ориноко, после чего повернуть на юг, в Лес. Официальной целью было объявлено Омагуа, Эльдорадо. Неофициально—с одобрения Кесады—Урсуа должен был проникнуть в страну плоских гор (тепуи) Чирибикете. Именно туда вело его видение.

Хорхе был энергичен как никогда. Он не сомневался в удачном—так или иначе—исходе предприятия и заражал уверенностью всех, изъявивших желание пойти с ним за золотом и самоцветами. Словно там, на Юкатане, он сбросил груз прожитого и вновь обрёл радость, не замутнённую мудростью.

В начале сухого сезона долину Боготы покинули пятьдесят испанцев и четыре священника в сопровождении трёхсот туземцев и восьмисот лошадей и мулов.

Больше их никто не видел.

Василий Евграфович закончил расшифровку 28 июня 1914 года[24] и написал в дневнике: «Срочно уезжать отсюда. Что-то ужасное чудится в озере. Словно вода жизни в одночасье превратится в свою противоположность. И закаты, отражающиеся в нём, всё багровее».

«Дорогой Мигель! Высылаю Вам предварительный итог нашей работы. Как я уже писал ранее, в ребусе известного Вам сеньора каждую строфу следует членить третьей строкой на две строфы. Похоже, это тоже карта—географическая? Или карта некоего тела, первопредка, которого следует принести в жертву, чтобы будущее стало настоящим? В любом случае её ключевые точки образуются пересечениями выделенных вертикальных и горизонтальных строк. Схему прилагаю».

Письмо успело пересечь Европу до начала Великой войны—«неслыханных перемен», так неосторожно напророченных Блоком и увиденных Пришвиным.

«В Великую среду, после мессы, я вышел к берегу озера, на котором стоит город, к развалинам храма злых язычников. Я присел на камень этого храма и смотрел на восходящую луну, отражавшуюся в водах. Внезапно я ощутил себя молодым, полным сил мужем. Я был спокоен, словно только что плотно поел мяса. Вдруг луна стала приближаться, увеличиваясь в размерах. Потом она превратилась в Деву Марию в огненных одеждах, как неопалимая

21. Trapiche («жёрнов»—*исп.*)—сросшиеся по шесть и более кристаллы изумруда.

22. «…Любви, что движет солнце и светила, как если колесу был придан ровный ход»—Данте, окончание «Божественной комедии» (неточная цитата).

23. Видение Иезекииля: «и вот, бурный ветер шёл от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из средины его—как бы свет пламени из средины огня… Вид колёс и устроение их—как вид топаза, и подобие у всех четырёх одно; и по виду их, и по устроению их казалось, будто колесо находилось в колесе. А ободья их—высоки и страшны были они; ободья их у всех четырёх вокруг полны были глаз».

24. Дата убийства эрцгерцога Франца Фердинанда.

купина. Она сказала, что у меня сердце ягуара,—и я почувствовал золотую шерсть, покрывающую меня. Я ощутил ловкость, спящую в руках и ногах. И тогда я понял, что я тот Ягуар, о котором рассказывал брат Бернардино и который съел четвёртое солнце, и потому я чувствовал сытое блаженство. И тогда, чтобы съесть меня, из огня луны вынырнула синяя Змея. Она поглотила меня, как кит Иону, и понесла сквозь вечность. Я видел много странного. Я видел двух змей, между пастей которых было озеро словно звезда. Я видел женщину, раскинувшуюся до края горизонта. Я шёл по ней и смотрел, как она порождает существ и ужасных, и прекрасных, и чистых, и нечистых. И все те существа были любимы ею, хотя некоторые из оных впивались в плоть её, и люди среди них. И женщина была Змея.

И в то же время я видел обычный мир. Он был сложен из жёстких, острых узоров. Глаза на листах деревьев смотрели в мир, как глаза Колесницы Иезекииля. И вновь меня поглотила Змея, и понесла, и изрыгнула к трону. На троне сидел человек в царских одеждах и с одной ногой[25]. Он говорил со мной. Я отвечал ему. Он предлагал всё золото страны. Я читал символ веры. Тогда он достал зеркало из радужного дыма и показал меня в нём. И я увидел себя, глядящего на себя с той стороны смерти, но не ужаснулся. И тогда из зеркала двумя языками полилась вода. И я понял, что муж на троне—это мой брат, близнец и противник. Я сражался с водой и был бы повержен, но тут вспыхнуло пламя, и я распался на четыре стихии-птицы. А пятой птицей было время.

И тогда я понял, что я распят, и распятие моё—весь мир. И что я—их главный бог, именем Кецаль-Змей, и что мною он принял Святое Крещение. И что я должен проникнуть в сад, что на востоке, и вынести семена древа. Потому что я, Человек, хранитель этого мира».

Франческа Мария дель Васто-и-Урсуа прожила долгую спокойную жизнь. Хавьер, зачатый в бурю сын, выбрал духовное поприще. Эпидемии, бунты, репрессии, бури, землетрясения словно чурались местности, в которой стоял её дом с видом на снежно-белую Сьерра-Неваду, откуда ветер порой доносил аромат алеппских сосен и неясные, похожие на «Ave» песни. После смерти крестьяне стали тайно почитать её как заступницу перед Царицей ангелов.

В 1923 году среди бумаг Василия Евграфовича было найдено стихотворение, посвящённое жене, Марии Дмитриевне:

Твой образ я вижу. Ты—утра опал,
Омывший Севилью лимонным дождём
....
Мадонны Небес в ожерелье зеркал
....
Алтарь, и пред ним—ты, рождённая сном
Наяда, чьи губы—альмаденский лал[26].
Твой образ—Мадонны небесный опал,
Отблеск зари у лимонных морей
....
Над чёрною водою бездонных зеркал
....
Утренней дымкой весенних дождей
Я, бриг без руля. Ты—девятый мой вал.
Солью покроет эспады металл
Пасынка Родины в дальнем пути
....
Ангелов грозных, дымящих зеркал
....
Снами в бутоны лимона вплети
И—облаков андалузских опал.

P. S. Несколько лет назад в джунглях Колумбии, к югу от Гуавьяре, было открыто гигантское двенадцатикилометровое панно с наскальными рисунками, которое за величие и красоту назвали Сикстинской капеллой древних. В 2019 году археологи обнаружили в узком, в метр шириной, проходе между скал останки человека в испанских доспехах шестнадцатого века. Он лежал на спине, погребённый лишь нанесённым песком и опавшей листвой. Его руки были сложены на груди, словно обхватывая и поддерживая растущее из её центра деревце сейбы. На вид будущему великану Леса не более семи лет.

Сея ветер

(Спасти Речь Посполитую)

Si more cantando,	*Так пой, умирая,*
si more sonando	*на цитре играя,*
la Cetra, Sampogna,	*на лютне, на флейте,*
morire bisogna.	*готовься ты к смерти.*
Si muore danzando,	*Встречай её миром,*
bevendo, mangiando;	*весельем и пиром;*
con quella carogna	*ведь всякий на свете*
morire bisogna.	*готовится к смерти.*

Стефано Ланди.
Человек исчезает как тень[27]

Недавно историки обнаружили в рассекреченных архивах Ватикана (конкретно—ордена св. Игнатия) один любопытный документ:

....

25. «На троне сидел человек в царских одеждах и с одной ногой»—Тескатлипока (мифология поздних майя и ацтеков).
26. Лал—рубин.
27. Homo fugit velut umbra (*лат.*), или Passacaglia della vita («Пассакалья о жизни», *итал.*),—известное вокальное произведение XVII в., авторство которого приписывают итальянскому композитору Стефано Ланди.

«Na chwałę Bożą. Wacław Przemysław Wituwiłł, z Bożey łaski Krol Polski, Wielkie Xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, etc. nakazał: Pani Dworu Lucinkę z Województwa Nowogrodzkiego wznieść do szlachetnego stanowi I obdarzyć zamkiem w Čachticach w kraju Trenczyńskiem…»[28]

К сожалению, далее текст обрывается, и причины этого станут скоро ясны.

Сам же документ любопытен по ряду причин. Во-первых, он показывает амбиции короля: Тренчинский край[29] с Чахтицким замком ещё предстояло завоевать, обосновав права на венгерское наследство,—то есть вступить в борьбу не только с цезарем Священной Римской империи, но и с султаном Блистательной Порты.

Во-вторых—и это главное,—как следует из текста документа, король велит произвести придворную даму (Pani Dworu) в благородное «шляхетское» достоинство (do szlachetnego stanowi). Другими словами, некая «Люцинка из Новогрудекского воеводства», из Всходних кресов[30], до того момента оставалась простолюдинкой! И это неслыханно для тех времён, когда социальные лифты законсервировались и редкий буржуа мог попасть в состав высшего сословия! К тому же из немногих документов его правления следует, что король массово раздавал дворянство представителям третьего сословия.

Кем же был этот проклятый и забытый польской дворянской историографией король?

Одни источники утверждают, что он потомок (или побратим—в этом вопросе ясности нет) рыцаря Ordo Teutonicus[31] по имени Манфред, происходившего то ли из Эгерсланда на границе Богемии и Франконии, то ли из фогта[32] Тодтнау в Швабии—владения вымершего ещё в Высокое Средневековье дома Церинген. Согласно другим, его предком является выходец из клана шотландских горцев McConaughey из области Atholl (одним из предков которых был Дункан I Добрый, король Шотландии, чья смерть описана Шекспиром в пьесе «Макбет»), приехавший по призыву гроссмейстера ордена накануне Великой войны 1409–1410 годов и принявший участие в Грюнвальдской битве. Так или иначе, этот рыцарь попал в плен к литвинам и по приказу великого князя Витовта женился на дочери одного из Витовтовых татар, войта Keturiasdešimt Totorių (Сорок Татар)[33] в Виленском крае. Вероятно, от неё у короля Вацлава Пшемыслава Витувилла было второе родовое имя Mawłiwiłł (если только оно не появилось в период увлечения Польши сарматизмом[34]).

Фамильный герб Трубы (Trąby) говорит о родстве предков короля с Радзивиллами (восхождение обоих кланов началось в одно время: основатель вторых Радзивилл Остикович умер в 1477 году), но если последним—этому мрачному магнатскому роду—удалось уцелеть и пробиться к вершинам власти, то интересующий нас род большей частью полёг в ходе феодальной и гражданской войны между Свидригайло Ольгердовичем и Сигизмундом Кейстутовичем и прочих бурных событий пятнадцатого и шестнадцатого столетий и в итоге перебрался из Великого княжества в Королевство, предоставив управлять имениями немцам и иудеям.

Возможно, отсутствие весомой клановой поддержки предопределило жестокость политики короля-реформатора, опиравшегося на третье сословие, в неменьшей степени, чем образование, полученное в Италии. И хотя на его мировоззрение, согласно заочному инквизиционному процессу, тайно проведённому по приказу папы, решающее влияние оказала философия генерального викария Церкви Николая Кузанского, но выплеснувшаяся из родины Ренессанса борьба философских идей, религиозные войны, охватившие половину Европы, привели короля к тем же выводам, что и его старшего современника Мишеля де Монтеня: к скептицизму, в том числе относительно человеческой природы. Останься он в Италии или даже во Франции (Варфоломеевскую ночь он видел воочию), Вацлав мог бы войти в плеяду поздних гуманистов, но рок, сводивший с ума целые народы, распорядился иначе: будучи патриотом приютившей его германо-шотландских и татарских предков родины, он вернулся в Польшу.

Вернулся и попал в самый разгар кризиса: межкоролевье. Многочисленные шляхетские партии, подпитываемые русской, шведской, имперской и—опосредованно, через трансильванскую,—турецкой агентурой, ветировали враждебных

28. «Во славу Бога. Вацлав Пшемыслав Витувилл, милостью Божией король Польши, великий князь Литовский, Русский, Прусский и др… приказал: придворную даму Люцинку из Новогрудской области возвести в дворянское достоинство и одарить замком в Чахтицах в Тренчинском краю» (*польск.*).

29. Тренчинский край—область в Западной Словакии.

30. Всходние кресы (Kresy Wschodnie—*польск.*)—восточные окраины.

31. Тевтонский орден (*лат.*).

32. Фогт—наследный лён (с XI в.) имперского чиновника (Reichsvogt); отсюда происходит слово «войт» (староста).

33. Сорок Татар—ныне деревня под Вильнюсом.

34. Сарматизм—идеология, возводившая шляхту к сарматам и тем самым противопоставлявшая её как холопам внутри страны (этнически обосновывая угнетение поляков, литовцев и восточных славян), так и окружающим народам—буржуазному Западу и деспотичному Востоку; впервые описана в варшавской газете в насмешливой форме (bałwany sarmatyzmu); внешнее выражение получила в характерной восточно-европейской одежде; в XIX в. сарматизм превратился в специфический «польский мессианизм».

кандидатов на элекционном сейме[35]. К столице стягивались войска феодалов, и поле между Варшавой и Волей грозило превратиться в поле битвы. В отсутствие господ по всей стране—от Познани до Смоленска, от Риги до Запорожской Сечи—поднимало голову bydło, крестьянство; чтобы привести их к покорности, часть дворян разъезжалась по поместьям и там, вдали от бездействующей власти, объединялась в конфедерации, а за Диким полем крымские и буджакские татары готовились идти в традиционный набег за ясырём[36]—и на этот раз они имели все шансы повторить успехи времён Менгли-Гирея[37] и опустошить от людей всё, вплоть до Люблина и Вильны.

В этих условиях великий коронный маршалок предложил компромиссную фигуру Вацлава Пшемыслава как не имеющего влиятельных связей кандидата. Сенаторы-резиденты и земские послы одобрили выбор, и, подписав pacta conventa, Вацлав был избран.

Коронационный сейм провести не удалось, так как к тому времени татарско-молдавско-казацкое войско[38] уже наводнило Волынь. Галицийское население массово бежало за Карпаты под защиту турецких гарнизонов. В условиях, когда шляхта затягивала сбор посполитого рушения (общего войска), король выступил в самоубийственный поход с одним лишь присягнувшим ему на верность регулярным четвертным войском, дополнив его ополчением—пока только городов, обладавших магдебургским статутом. Ему удалось совершить чудо: пройдя через болота Полесья, он сумел захватить врасплох самого сына хана, возглавлявшего набег, и принудить последнего к миру на два года в обмен на право забрать всё награбленное, кроме человеческого полона. От казаков он откупился, отдав им с правом перепродажи пленников, взятых в имениях волынской и галицийской шляхты,—тем самым подорвав её экономическую базу. Похоже, уже в то время король замышлял масштабные реформы.

Стремительный марш-бросок через болота вызвал растерянность магнатов, а среди полуязыческого православного населения Восточных кресов пошла молва о возвращении Всеслава Чародея[39].

Ввиду молниеносности событий неспешно собиравшееся посполитое рушение не успело оказать на них никакого воздействия, но зато дало повод королю обвинить явно уклонявшихся дворян в измене. Был обнародован привилей[40], по которому крепостные изменников были переведены в особый коронный фонд (założenie), а барщина сокращена до двух дней в неделю. Шляхта, почуяв смертельную угрозу, начала нескоординированный рокош[41], что повлекло новые конфискации и казни. Для осуществления этой политики король санкционировал создание поместного (miejski) войска, которое рекрутировалось из горожан. При этом все города, создавшие такое ополчение, выводились из подчинения феодалов и наделялись магдебургским правом, то есть широким самоуправлением. Одна эта мера могла бы создать базис для будущего экономического возрождения Польши и заложить основу для формирования национальной буржуазии.

Другим указом король нанёс превентивный удар по проискам московского царя. Было запрещено представителям одной конфессии обслуживать культовые здания другой. Это означало, что арендовавшие православные храмы иудеи более не могли взимать плату за пользование зданием с православных прихожан, а значит, и доходы литовской шляхты в очередной раз подрывались. Отдалённым последствием указа стало то, что вторгшийся с разведывательным набегом отряд князя Голицы был разбит под Оршей крестьянско-городским ополчением, и царь отказался от своих замыслов; ближайшим же последствием явились еврейские погромы, осады замков поместными войсками и великий рокош магнатов.

Витувиллов Потоп начался.

Были ли эти события—освобождение городов, ограничение кабалы крестьян, предоставление убежища немецким ремесленникам (равно католикам, лютеранам, анабаптистам и моравским братьям), бежавшим из городов, занятых войсками враждебной религиозной партии, созыв Великого Земского Сейма трёх сословий (некоего аналога Генеральных Штатов) обоих государств (Польши и Литвы), Потоп[42]—роковым стечением

35. Элекционный сейм—«выборный» ординарный (т. е. тот, на котором каждый шляхтич имел право veto, в отличие от конфедеративного) сейм, второй этап выборов короля.
36. Ясырь—человеческий полон в период степных набегов и войн (от распада Золотой Орды до завоевания европейских степей Россией).
37. Менгли-Гирей—крымский хан в 1469–1515 гг.; в союзе с Иваном III Московским воевал с Большой Ордой и Литвой.
38. «...татарско-молдавско-казацкое войско»—они часто воевали вместе, достаточно вспомнить гетманов времён Руины.
39. Всеслав Чародей—легендарный князь Полоцкий (1044–1101).
40. Привилей (przywilej—*польск.*)—особый указ, жалованная грамота.
41. Рокош (rokosz—*польск.*)—бунт, мятеж.
42. Опустошительные кризисы и гражданские войны в Польско-литовском и Русском государствах в XVI–XVII вв. получили ёмкие, уникальные (не встреченные автором нигде за пределами этого ареала) названия: Поруха, Смута, Руина, Потоп; единственным таким же ёмким аналогом выступает «фитна»—серия из пяти войн внутри Арабского халифата в 656–866 гг.

обстоятельств, вызванных крымским вторжением? Мы считаем, что нет. Набег лишь обусловил стремительность событий, но не их направленность.

Прожив многие годы в Италии — в то время культурно передовой, но клонящейся к упадку стране, — Вацлав наблюдал как ведущую роль городов — при наличии у них прав — в развитии страны (что было достаточно очевидно на примере соседней Германии), так и упадок олигархических республик — Венеции, Генуи и других (что в шестнадцатом веке было ещё не столь очевидно) и тенденцию к установлению тирании. А побывав во Франции, он убедился, куда смещается центр тяжести европейской политики и какие режимы этому способствуют.

Многие публицисты любят повторять, что Речь Посполитая (Rzeczpospolita, «Res Publica») была чуть ли не первым образцом демократии в Восточной Европе. Но какая то была демократия? На примере первого полугодия правления Вацлава Пшемыслава мы увидели, чем она грозила стране и народу. И если другие короли мирились с подобным положением вещей, когда они не могли даже собрать армию перед лицом нашествия соседей, то наш король не стал терпеть то, что любой гонористый (honor) горлопан мог выкрикнуть: «Nie ma zgody, veto!»[43] — и тем самым парализовать жизнь огромной страны. Тем более перед лицом того, что сарацины уже стояли у стен Вены, а вся Европа готовилась к большой религиозной войне. В других обстоятельствах он, возможно, сумел бы провести реформы не так кроваво (что, однако, сомнительно: в соседней стране при минимальном сопротивлении аристократии Иван Грозный был немногим более мягок), но суровые времена требовали суровых мер. В конце концов, их не избежали ни Франция, втянувшаяся в гугенотские войны, ни Англия, истребившая свою аристократию в Войне Алой и Белой розы.

Режим Вацлава имел, безусловно, популистские черты: его массово поддерживали горожане, значительная часть малоимущей загродной, чиншевой, панцирной и тому подобной шляхты, а также католического и православного крестьянства. В разгар борьбы король поднял на щит слова Николая Кузанского: «Бог во всём, и всё в Боге». Кроме пантеистической декларации, призванной примирить католиков и ортодоксов, данный девиз также индульгировал его сторонников: «Нет греха, если Бог во мне».

Пытаясь выработать новые законы для всей страны, король созвал вышеупомянутый Великий Сейм, но ситуация быстро выходила из-под контроля: завладевшая землями магнатов шляхта переметнулась в лагерь врагов, магнаты тратили огромные состояния на подкуп вассалов и наём европейских ландскнехтов, русских стрельцов и турецких янычар, немецкие беженцы разных конфессий устраивали побоища на улицах городов, шведские пираты парализовали торговлю на Балтике, казаки разоряли Поднепровье, а Вышневецкие — Сечь, и прочее, и прочее. Лишь Вацлав метался по стране, подавляя один мятеж за другим; он и его войско, которое прозвали «Дикой охотой воевод ужаса», практически не покидали седла, но, увы, в сёдлах сидели люди из плоти и крови, а не демоны, — в бесконечных сражениях число его соратников таяло, как снег под весенним дождём.

В разгар половодья он был в Гродно. Получивший аудиенцию английский посол записал его последние задокументированные слова: «Ale nawet najbardziej zażarta bestia odczuwa litość. Nie znam litości. Więc nie jestem bestią»[44]. Вскоре Шекспир (снова он всплывает в нашем повествовании) вложил их в уста своего героя, Ричарда III.

Вацлав Пшемыслав I был убит на исходе весны — как гласит современное белорусское предание, «когда одуванчики укрывают белым пухом землю». С ним закончилась и последняя весна Речи Посполитой: стране предстояло не одно столетие служить сельскохозяйственным придатком бурно растущих абсолютистских стран Европы, которые она кормила хлебом, добываемым нещадным барщинным рабством. А после была растерзана так же, как её правитель.

Король был доставлен в Краков, но в разгар панихиды в Вавельский собор ворвались магнаты, извлекли тело на площадь и провели «коронационный сейм»: надели на голову раскалённый обруч и сожгли на специально изготовленном железном троне.

И лишь в самых глухих деревнях полещуков и русинов до сих пор жива легенда о том, что однажды весной король Вацлав-Всеслав вернётся.

А для нас мораль этой истории заключается в том, что чем позже начато движение в будущее, тем большей крови оно потребует.

РАФАЛ ВИЛЬЧУР,
профессор Краковского университета, 1930

Appendix I

Из романа Габриеллы (Нарцизы) Жмиховской «Язычницы»[45]

«Любимый мой! Король мой!
В письме я позволяю себе то, что не смогла бы при встрече. Ты никогда не прочтёшь написанное, но я

43. «Нет согласия» (*польск.*).
44. «Но даже самый лютый зверь испытывает жалость. Не ведаю я жалости. И значит, я не зверь» (*польск.*).
45. Габриелла Жмиховская (1819–1876) — польская писательница, одна из зачинательниц феминизма в Польше; в 1849–1851 гг. находилась под следствием.

не могу не сказать тебе единственно важное для меня сейчас. Знай, я ухожу с мыслями о тебе, о том, каким тебя помню и знала. И мне уже не страшно.

Ты мой первый, ты мой единственный. Ты смог зажечь во мне страсть, и ты же не дал мне сгореть в ней заживо. И я твоя. Даже сейчас. Ты не представляешь, в какое чудовище я превратилась, но всё же та, кто сейчас к тебе обращается, она осталась прежней, преданной твоей Люцинкой, которая приходила к тебе ночами по первому зову. Ты помнишь те ночи? Пусть я тысячу раз ошибаюсь, но и ты тогда любил меня, пусть только на миг, пусть у тебя случалось не раз, до меня и после меня. Но для меня это было важнее всего, только тот миг и имел значение. И он был! Даже если нет, я продолжаю верить. И хранить память. Как самое ценное.

О тебе говорили много разного, много ужасного. Верила ли я тому, что слышала? Да. И нет. Все они знали только твои чёрные, пугающие бездной глаза. Но я видела и другие. Зелёные.

Ты отдал мне этот проклятый замок—ты отдал меня другому. О, как я ненавидела тебя в тот момент! Как ненавидела его. Но не смела ослушаться. Мне завидовали, смотрели свысока и—боялись. Лучше бы мне было умереть тогда, когда ты меня покинул, когда прощался со мной. И пусть бы этот твой взгляд—тёплый и родной—был бы последним, что запечатлелось в моих глазах.

Но вышло иначе. Вышло, что мне пришлось стать женой другого. Он приходил ко мне, а я видела лишь тебя. Внутри я хохотала над его потугами заполучить меня. Тело он получал… Но не меня. Потом я стала хохотать открыто, его это пугало, а я начала бороться за себя. Каждый раз оборачивался схваткой, а я сопротивлялась дикой кошкой насмерть. И порой выходила победительницей. Меня посещали его друзья. Это стало развлечением—прийти ко мне и не знать, уйдёшь ли целым и живым. Скоро я научилась делать по-другому: они появлялись, получали безучастное к происходящему тело, а я стояла рядом и смотрела. Это сработало, ко мне потеряли интерес.

Однажды тот, кто звался моим мужем, не вернулся. Говорили, погиб. Все зло смотрели на меня, но никто не посмел обвинить. Хозяйкой замка стала я. Отныне я вся принадлежала себе. И после случилось много такого, о чём я не хочу сейчас говорить. Это письмо—не исповедь. Но я была страшна в своём безумии.

А сейчас я в этой клетке. Они придумали, как всё устроить. Мне предстоит суд, то ли за предательство, то ли за ведьмовство. Это уже не имеет значения. Чувствуется, что там, за решёткой, близко—весна. В воздухе я слышу живительные токи, запахи… Новую жизнь. Дождаться бы, когда она развернётся во всю силу. Дожить бы до первого полнолуния. Чтобы воплотить древнее колдовство.

В углу моей темницы возится летучая мышь. Я стану ею. Я улечу отсюда. Единственное заклинание, которое когда-то выучила. Будто знала, что пригодится.

Странное предчувствие говорит мне, что, может быть, когда-нибудь мы найдём друг друга. Ты будешь рыскать тёмными пущами бесстрашным волком, а я—бесшумно лететь рядом. Сейчас так ясно представилось. Но мало ли что мне мерещится.

А помнишь одну ночь? Когда ты пришёл совсем уставший, едва живой, после чего-то страшного, а потом положил голову на мои колени, я перебирала твои волосы, а ты всю ночь говорил, говорил… Это я и буду вспоминать перед тем, как покину клетку.

Ты говорил что-то про лампу, которая никогда не погаснет. Лампа не погаснет, а вот моя лучина догорает. Но знай… услышь меня. Я любила и люблю тебя. Вопреки всему, что творится вокруг. И эта весна…»

На этом письмо обрывается.

Appendix II

Из неоконченной трагедии Юлиуша Словацкого «Витувиллов потоп»

АКТ V

СЦЕНА *3 (окончание)*

ВАЦЛАВ *(разламывает в пальцах жареный каштан)*
Как хороши каштаны в Ангулеме…
В Дижоне тоже, впрочем, неплохи.

ЛЮЦИНА
Мне география каштанов—темень,
Но суть знакома… В них звучат стихи.

ВАЦЛАВ
Имел привычку я, живя в Бергамо,
Ночь начинать с фалернского вина.

ЛЮЦИНА
Мне от себя самой настолько странно:
Шатает так, хоть вовсе не пьяна,—
Как будто я весны впитала соки,
И буковый в цветы укрылся лес…

ВАЦЛАВ
Люцина! Не боишься ты потомков
И злых речей подвядших баронесс!

ЛЮЦИНА
Что мне косые взгляды, пересуды,
Ведь вся перед тобою, мой король!

ВАЦЛАВ
Христа убил не Сотник[46], но Иуда.
И мы на раны самолюбия их—соль…

46. Сотник—Лонгин Сотник, пронзивший копьём бок Христа.

Но кончим о высоком речь! Оденься!
Я приказал подать нам каплунов,
Богемского кувшин. Потом к обедне.
Вернусь и разделю с тобой альков.
Хотя… ещё успею причаститься,
Покаяться—пора бы уж Сапег
Отправить в ад. Да, ты была в Чахтицах?

ЛЮЦИНА
Любимый, а ты точно человек?

ВАЦЛАВ
Да, человек. Ведь жалость даже к людям
Испытывает самый лютый зверь.
Но я могу подать врага на блюде—
Как человек. И значит, я—не зверь.

ЛЮЦИНА
Чахтицы где? И что это за место?
В Тренчинском крае? Нет, там не была.

ВАЦЛАВ
В Унгарии. Оно малоизвестно.
В лесах, где как слеза течёт смола.

ЛЮЦИНА
В заплаканных лесах? Звучит тревожно.
Но почему о нём ты речь завёл?
Люблю, как говоришь, пусть часто сложно…

ВАЦЛАВ
Купил имение тебе. Пора в костёл *(уходит)*.

ЛЮЦИНА *(в сторону)*
Костёл, имша…[47] Господь молитвы при́мет?
Но кажется, что нам уж не спастись.
Имение? Край дикий, нелюдимый?
Не жить там без тебя. Люблю. Прости.

Конец сцены

Appendix III

Войтко С., из материалов фольклорной экспедиции

Легенда о Волке и Летучей мыши

В деревнях у пущи древней
Вспоминают о легенде:
Будто ночью предвесенней
Мрачным лесом неизменно
Диких зарослей тропою
Сквозь туман, что лёг стеною,
Волк проносится могучий,
Рядом мыши тень летучей.
Их увидеть—то неясно:
Повезло или опасно?
Далеко не прост тот волк:
Вацлав Пшемыслав, король.
Смыт истории потоком,
Но остался вечным волком.
Ну а мышь—простолюдинка,
Неизвестная Люцинка.
Миг любви их—часть преданья.
Дальше было расставанье,
Путь жестокий, полный мрака,
Безысходности и страха.
Иль проклятьем, иль спасеньем—
Двое оказались тенью,
Привидением иль зверем,
Тайной древнего поверья.

Зажигая зелёную лампу

История дружбы мужчины и женщины

Посвящается дяде, который заменил мне деда

И плоть стала Словом, отвечая любовью
Слову, ставшему плотью.
Александр Мень

«Что нельзя рассечь ятаганом, то можно удавить золотом»,—писал Рашид-паша своей покровительнице Сафие-султан, матери Мехмеда III. Перед ним стояла грандиозная задача: Окончательное Решение Северного Вопроса—проблемы грабительских набегов запорожских и донских казаков на цветущие земли Малой Татарии (Крымского ханства) и Молдавского господарства. Это была программа-минимум. Программой-максимум же являлось восстановление суверенитета Белой Орды (под эгидой ханов Улуг Орды ве Дешт-и Кипчака, Крыма) над исконными землями Чингизидов—Казанским царством, Астраханским ханством и Диким полем (польской Украиной).

Вопрос: каким образом? Даже при намного более благоприятных условиях прямое завоевание становилось физически сложным: армия, выступившая из Стамбула весной, достигала театра военных действий—будь то Иран, Йемен или Австрия—лишь поздней осенью. А тут—кризис, равный которому случился в Великолепной Порте только без малого двести лет спустя (мы имеем в виду кырджалийскую смуту).

Зеркала

Османская империя—брат-близнец Русского царства (схожесть, обусловившая взаимную ненависть этих наследников Второго Рима). Они родились в одно время. Московское княжество выросло из жалкого осколка Древнерусского государства в борьбе с ханами Дома Джучи, власть которых в итоге унаследовало, став Белым падишахом для степных народов. Османский бейлик[48]—такой же осколок Великих Сельджукидов, объединявших

47. Имша—месса (*ст.-белорус.*).
48. Бейлик—феодальное владение, управлявшееся беем (баем).

под своей сенью народы от Европы до Мавераннахра (Средней Азии),—стал империей в борьбе с Византией, мамелюками Египта, крестоносцами и прочими.

Даже кризис у них наступил синхронно: Иван Грозный довёл своё царство до так называемой Порухи[49], когда в сердце страны было брошено от половины до девяти десятых (!) пашни (стоит ли удивляться, что вскоре пришёл подлинный царь—Великий Голод, а следом—Смута); на юге же началась эпоха «женского султаната», когда матери оказывали сильнейшее влияние на сыновей-повелителей.

Она

Одной из прекраснейших звёзд в этой плеяде была Сафие-султан, дочь Леонардо Баффо, губернатора Корфу (самого венецианского из греческих островов), выкупленная у пиратов Михримах-султан, дочерью Хюррем Хасеки-султан, законной жены—не наложницы—Сулеймана Великолепного, и подаренная ею своему любимому племяннику Мураду III. Родив последнему наследника, Сафие стала при сыне валиде-султан, а фактически—регентом Империи, правившей совместно с Газанфер-агой, капы-агой белых евнухов[50] и главой Эндеруна (дворца в Топкапы, где готовились управленческие кадры из «чужеземных мальчиков», набранных по девширме—налогу кровью—среди балканских христиан: *Порта была империей в том смысле, что пыталась инкорпорировать в государство все нации*). Сафие-султан вела активную переписку с королевой-девой Елизаветой I (той самой королевой Бесс, правление которой стало позже ассоциироваться с «доброй старой Англией»). «Женщина слова… лишь в ней одной нашёл я истину в Константинополе»,—докладывал Сенату Венеции Лоренцо Бернардо. Требуется ли иная характеристика?

Для нашего же времени будет интересен такой факт: когда муж её дочери Айше-султан, великий визирь Ибрагим-паша, начал топить городских блудниц в Босфоре, тёща его строго отчитала, указав, что он поставлен для управления столицей, а не для истребления женщин.

К описываемому времени власть валиде-и саадетпенах, «матери счастливого прибежища», пошатнулась. Её связь (возможно, любовная) с еврейкой итальянского происхождения Эсперансой Малхи послужила причиной всеобщего недовольства. Эсперанса, будучи кирой (бизнес-агентом между гаремом и внешним миром) и фавориткой владычицы, активно запускала руку не только в казну Харем-и Хумаюна (собственно имперского гарема), но и в казну государства. Положение усугубил её конфликт с Беатрис Михиль, шпионкой Венецианской республики. В итоге Эсперанса со старшим сыном была убита восставшими сипахами (аналог европейских кирасиров) прямо перед домом каймакама (губернатора) столицы Халиль-паши. Младший сын, спасая жизнь, перешёл из иудаизма в ислам. Влияние еврейской общины в Стамбуле было подорвано, и экономическая власть начала понемногу перетекать к грекам-фанариотам[51], впоследствии выдвинувшим «Мегали Идеа»—план возрождения Византии путём внедрения в администрацию Османской империи и перехвата управления ею.

Империи губят не варвары—их губят амбиции столицы.

В вилайетах также было неспокойно: на Дунае Михаил-ага (Михай Храбрый), потомок Влада Цепеша (Дракулы), сумел на короткий срок объединить все три княжества (скорее благодаря бездарности правителей соседних—Жигмонта Батори, позорно обменявшего свою Трансильванию на герцогство в Силезии, и Иеремии Мовилы в Молдове, платившего дань Польше, Крыму и Турции одновременно (!) в попытке преодолеть последствия правлений Александру Злого и авантюриста Петра Казака); в сердце Турции бушевала джелялийская смута—восстание крестьян, возглавленное курдами-алевитами (сродным бекташам[52] суфийским течением, чьим девизом было: «Важное дело—не религия, а человеческое существование»; в двадцатом веке алевизм сблизился с марксизмом).

К чести правительства Сафие-султан, с этими проблемами центральной власти удалось справиться. Дели Хасан, предводитель джелялиев,

49. Опустошительные кризисы и гражданские войны в Польско-литовском и Русском государствах в XVI–XVII вв. получили ёмкие, уникальные (не встреченные автором нигде за пределами этого ареала) названия: Поруха, Смута, Руина, Потоп; единственным таким же ёмким аналогом выступает «фитна»—серия из пяти войн внутри Арабского халифата в 656–866 гг.

50. Белые евнухи (ак-хадымы)—евнухи, которых набирали из европейских народов; кастрировались частично, т. к., в отличие от чёрных (из африканцев) евнухов, считались неспособными перенести операцию по полному удалению половых органов.

51. Фанариоты—греки, селившиеся в районе Фанар близ резиденции Константинопольского патриарха, главы Рум-миллета (общины, объединявшей всех православных империи); занимали высокие посты в османской бюрократии; после Греческой войны за независимость уступили влияние болгарам и армянам.

52. Бекташи—военно-суфийский орден, основанный в период монгольского завоевания Ирана и Ирака; главное отличие ордена—принятие концепции вахдат аль-вуджуд (Всеединства бытия, воплощающегося в Камиле аль-Инсане, Совершенном Человеке).

получил пост бейлербека[53] Боснии и увёл туда десять тысяч сабель. Михай Витязул был свергнут поляками и при попытке вернуться на трон убит итало-германским генералом Джорджио Баста.

При этом Порта унаследовала от Византии идею экуменизма (но под эгидой полумесяца, а не креста) и вела наступление во всех направлениях—пехота, сипахи, огонь артиллерии. Особенно затяжными выдались войны с Ираном, возрождаемым Аббасом Великим, и Священной Римской империей Габсбургов—именно они на протяжении столетий были непримиримыми врагами османов до того, как эта роль перешла к России.

Как для любой империи, расширение было залогом её выживания.

Эта борьба привела Турцию к естественному союзу с Францией и, как ни странно, но логично, к взаимопониманию интересов с папой римским.

В перипетиях этой политики, где меч был основным языком дипломатии, а религиозная непримиримость не мешала взаимовыгодному сотрудничеству (не ради золота, а ради выживания собственной веры), и сформировались государственные таланты нашего героя.

Его род

Рашид-паша происходил из рода мусульман аль-Андалуса, рассеянного по свету в «*Золотой век репрессий*». После издания испанским правительством очередного Прагматического эдикта, грубо нарушившего условия капитуляции Гранады (разрешения соблюдать ислам при лояльности власти), а на этот раз запретившего даже песни и танцы, его дед принял участие в восстании в горах Эспадан (в Кастельоне, регион Валенсия), подавленном с помощью немецких наёмников. И хотя король и император Карл, озабоченный проблемами с лютеранами в Германии и папой в Италии, разрешил мусульманам сохранить обычаи (но с переходом в христианство), дополнив это иммунитетом от инквизиции на сорок лет (*инквизиция занималась только делами единоверцев—на мусульман и иудеев её юрисдикция не распространялась*), часть рода, понимая тенденции, решила эмигрировать.

Дядя Рашида поступил на службу в армию, дослужился до капитана терции при Хорхе де Урсуа и отправился за золотом в Новый Свет. Двоюродные братья остались (суровость испанских законов компенсировалась коррупцией аппарата) и впоследствии вошли в контакт с французскими гугенотами—с ними крипто-мусульман объединила необходимость борьбы с тиранией Габсбургов. А Реза-ад-Дин бен Джаффар, отец нашего героя, предпочёл сохранить верность Пророку Владыки Вселенной и, с несколькими другими семьями, перебрался в Африку.

Позднее общность происхождения свела Рашида, в то время эфенди (лейтенанта), с Эстер Хандали—еврейкой родом из Хереса-да-ла-Фронтеры (морских ворот Севильи), фавориткой и кирой Нурбану-султан (свекрови Сафие).

Беженцы были приняты властями Алжира, им выделили земли на побережье и у руин старого нумидийского Сетифа, но мирная жизнь не наладилась—помешали регулярные набеги христианских пиратов. Поэтому бен Джаффар поступил во флот величайшего турецкого корсара Хайреддина Барбароссы, дослужился до капитана галеры, при Превезе участвовал в разгроме невиданного доселе в Европе флота Священной лиги (Венеция, Генуя, Испания, Папство и пираты ордена св. Иоанна) в полторы сотни боевых кораблей под началом знаменитого генуэзца Андреа Дориа, три года спустя оборонял Аль-Джазаир от армии вторжения, возглавленной самим императором Карлом и Железным герцогом Альбой.

После того как буря—какой-то рок Габсбургов—уничтожила половину флота, по сравнению с которым хвалёная Непобедимая армада[54]—небольшая флотилия, Карл отказался от экспедиций против мусульман, и Реза, остававшийся в душе мирным крестьянином, получил возможность вернуться к сельскому труду. Правда, перед этим ему пришлось принять участие в осаде Ниццы (совместно с французским флотом герцога Энгиенского) и перезимовать на оперативной базе, любезно предоставленной Франциском I[55] турецкому флоту в Тулоне—на тайной карте Европы нарождался «святотатственный альянс Лилии и Полумесяца», продержавшийся до египетского похода Наполеона.

Во время этой войны бен Джаффар сдружился с другим капитаном, сирийским туркоманом, происходившим из обедневшей боковой ветви дома Ак-Койюнлу (сильной династии, правившей Ираном в пятнадцатом столетии и на рубеже

53. Бейлербек (бейлербей) («бей беев»—*тюрк.*)—наместник области в Сельджукской державе и её наследниках—Османской империи и империях на территории Ирана при тюркских династиях 1502–1925 гг.

54. «...буря—какой-то рок Габсбургов—уничтожила половину флота, по сравнению с которым хвалёная Непобедимая армада...»—в Алжирскую экспедицию 1541 года отправилось 500 кораблей, в Непобедимой армаде было около 140 судов; оба флота уничтожены скорее бурями, чем действиями противников.

55. Франциск I—король Франции в 1515–1547 гг.; всю жизнь воевал за Италию; заключил стратегический союз с Турцией (1528–1798/1856); французы содействовали набегам берберских пиратов и старались совместить войны с Австрией с турецкими походами на Вену; на его правление приходится становление и расцвет французского Возрождения.

веков разгромленной жестокими кызылбашами[56] Исмаила Сефеви — ныне признанного *классика азербайджанской литературы*), и вскоре породнился с ним. От этой жены у бен Джаффара родился сын, наречённый, по настоянию хатун[57], Рашидом.

Последней войной, в которой поневоле пришлось принять участие бен Джаффару, была кампания картографа Пири-реиса (Пири Рейса, автора знаменитой карты, с высочайшей точностью показавшей очертания восточного берега Америки и Земли Королевы Мод в Антарктиде) по изгнанию португальцев с Бахрейна.

Он

Отец, питавший, благодаря жизненному опыту, отвращение к войне, прочил сыну административную карьеру, для чего, обучив на родине хадисам, пиитике и праву, отослал его учиться в аль-Карауин в Фесе — старейший постоянно действующий университет в мире. Там юный Рашид зачитывался книгами великих путешественников — «О чудесах странствий» Ибн Баттуты, объехавшего всю ойкумену от Танжера до Китая и от Булгара до Томбукту и Момбасы, Льва Африканского (Хасана аль-Ваззана), описавшего Борну, Нубию и берега Чада, — и познакомился с сочинениями знаменитого философа и социального мыслителя Ибн Хальдуна.

Ибн Хальдун за столетия до Адама Смита, Карла Маркса и Кейнса открыл огромное количество фундаментальных понятий экономики — вплоть до трудовой теории стоимости, — а идеи, изложенные в «Мукаддима», ныне воспринимаются как одна из основ нарождающейся клиодинамики. Воплощение этих теорий (таких как снижение налогов, расходов на бюрократию и армию, материальное стимулирование экономических агентов, организация общественных служб для создания рабочих мест и многих других), считал Рашид, могло бы сделать Блистательную Порту воистину драгоценным алмазом в поучительной сокровищнице человеческой истории.

Но для административной карьеры, тем более с такими возмутительными для госаппарата идеями, нужно было быть как минимум питомцем Эндеруна (выпускники которого, подобно современным птенцам оксфордов и принстонов, поддерживали друг друга в карьере — чаще в ущерб государству). Поэтому Рашид пошёл самым доступным и хвалимым бюрократической «богемой» путём — военным.

Узлы

Он участвовал в большинстве предприятий падишаха: ходил в набеги на португальский Занзибар, пережил катастрофу при Лепанто, где командовал абордажной командой на одной из галер бейлербея Алжира Улудж Аджи — спасителя чести османского флота, а в прошлом — несостоявшегося итальянского священника Джованни Галени, похищенного пиратами и принявшего ислам. Лепанто оказался воистину гордиевым узлом судеб: здесь сражались за новую родину — француз Джаффар и венецианец Хасан, за старую — дон Хуан Австрийский, Барбариго и Джованни Андреа Дориа, мстивший за позор дяди у Превезы. В этом бою будущий Кылыч («меч») Али-паша грамотно маневрировал и даже захватил флагман Мальтийского ордена, а при отступлении к Константинополю, собирая в море разрозненные корабли, увеличил свою флотилию вдвое — до восьмидесяти семи судов.

Следующий год прошёл в строительстве нового, вдвое большего флота. Рашид-эфенди много ездил по Болгарии и Анатолии в поисках корабельного леса. Конечно, в организации поставок приняли участие сефардская (еврейская) и греческая общины. Все стремительно богатели, что помогло Рашиду войти в круг общения киры Эстер Хандали (уже упоминавшейся фаворитки Нурбану-султан), а затем — завязать знакомство (разумеется, эпистолярное) с Сафие-султан.

Новый флот с армией Синан-паши (урождённого генуэзского аристократа Сципиона Чикале, тоже похищенного пиратами) отправился на освобождение Туниса от испанцев и покорных им Хафсидов. В этой кампании Рашид познакомился с Абу Марваном Абд аль-Маликом (который также участвовал в битве при Лепанто, попал в плен — его участь решал сам Филипп II[58], а после бежал из испанского Орана — города, воспетого Камю в «*Чуме*»). При штурме Голетты Рашид бен Реза был ранен и некоторое время лечился в Алжире, попутно скупая имения беднеющих сипахов и обустраивая их — в частности, назначая управляющими французских гугенотов, бежавших из Европы после Варфоломеевской ночи.

56. Кызылбаши («красноглавые» — *тюрк.*, по цвету тюрбана) — тюркские (туркоманские) племена, опираясь на которые, Исмаил Сефеви возродил иранскую государственность, утраченную в ходе арабского нашествия за 860 лет до этого.

57. Хатун («хатан» — *монг.*, «хатын» — *татар.*) — женский аналог титула «хан», соответствует европейскому «императрица»; в Османской империи началась постепенная профанация слова, в настоящее время означает «жена», «женщина».

58. Филипп II — король Испании в 1556–1598 гг.; его взгляды на свою роль (ответственность за страну, династию и народ перед Богом) и итоги правления чем-то напоминают Николая II; в то же время у соотечественников не было никаких сомнений в том, что его исключительная работоспособность и требовательность направлены на благо Испании.

Соседом бен Резы был грек-мусульманин, в плену у которого находился *Мигель де Сервантес*. Участие в судьбе земляка своего отца (Рашид-эфенди помогал Родриго, отцу будущего писателя, в переговорах о снижении суммы выкупа, а после неудавшегося побега Мигеля, когда его хотели казнить, ходатайствовал о милосердии как моряк за моряка—тот самый случай, когда золото спасло искусство) вызвало неудовольствие окружающих, и Рашид покинул Алжир, уехав к Абд аль-Малику, новому шерифу Марокко, вассалу Порты.

На стороне последнего он принял участие в «Битве трёх королей» при Аль-Ксар аль-Кабире («большой крепости»), на которой закончилась история Великой Португалии, совсем недавно воспетой Луишем де Камоэнсом[60] в «Лузиадах»—*самой национальной поэме планеты*. В сражении погиб не только цвет португальской аристократии, но и бóльшая часть опытнейших немецких и фламандских наёмников во главе с Томасом Стакли, незаконнорождённым сыном самого Генриха VIII Английского, а также и все «три короля»—Абу Марван, его соперник Абдалла Мохаммед и король Португалии Себастьян Желанный, который вполне мог стать *прообразом Дон Кихота*: Себастьян жил в вымышленном мире, наполненном рыцарскими идеалами. Тело короля найдено не было, и ещё в девятнадцатом веке в глухих лесах бразильской Байи и Параны крестьяне ждали, что *Себастьян Спящий* вернётся, чтобы сражаться с «атеистической республикой»,—как в других краях ждали Махди[61], Артура или Фридриха Барбароссу.

Так идеализм погубил жизнь, но подарил бессмертие.

Рашид-эфенди идеалистом не был—карьера в империи учит прагматизму. Оставшись на службе у брата погибшего друга, «Золотого» Ахмада аз-Захаби, он помог ему реформировать администрацию и гвардию по передовому для того времени османскому образцу, установить некий прообраз государственного монополистического протокапитализма, завязать союзнические отношения с Елизаветой (Англия, после утраты союзника в лице Ависской династии в Португалии[62], была жизненно заинтересована в коалиции против Филиппа Испанского), а для себя занялся опытами по интродукции «трёх сестёр», растений Нового Света—кукурузы, фасоли и тыквы,—а также табака и какао (которые распространял в своих имениях в долине Бекаа, у Трабзона и в других уголках необъятной, но в целом засушливой империи)[63]. Опыты эти были не всегда удачны, в том числе потому, что непосредственно управлять тимарами и чифтликами[64] ему было затруднительно—тот самый случай, когда коррупция надзирателей губит экономику.

Однако пошатнувшееся финансовое положение удалось восстановить, приняв участие в авантюре. Он присоединился к четырёхтысячному отряду Джудар-паши (мориска[65] Диего де Гевары, уроженца Альмерии в Испании, похищенного пиратами), который преодолел Сахару (!) и разгромил войско аскии (императора) Сонгаи Исхака II. Когда тот выпустил на марокканцев огромное стадо быков, Рашид-бей разогнал часть взбешённых животных сосредоточенным огнём аркебузиров и артиллерии (которая тоже была доставлена через пустыню!), а другая часть была перебита владевшими навыками корриды андалузскими наёмниками-морисками.

Марокканское войско захватило процветавшие города Дженне, Тимбукту и Гао (в современном Мали) и огромную добычу—более полутора тысяч тонн золота, с которым Рашид-бей отправился назад, в Марракеш.

Мориски нашли себе новую родину и стали народом арма (armas—«оружие»), который до сих пор помнит о своём происхождении и сохранил в языке часть испанских слов (из их среды происходит знаменитый африканский музыкант, входящий в сотню лучших гитаристов всех времён по версии журнала «Роллинг стоун», Али Фарка Туре, и его сын, «*Хендрикс Сахары*», Вьё Фарка Туре). Немалая заслуга в этом—милосердия Джудар-паши, часто беседовавшего с Рашид-беем во время бесконечного пути через Сахару: «*о пустыне, о месте Человека в ней, о закате, о невнятном шелесте, словно от тысяч пересекающих вечность караванов, падающем с медленно опускающегося на землю неба*».

В Марракеше Рашид-бей защищал интересы своего боевого товарища перед шерифом Ахмадом, прозванным «Золотым» именно за привезённую ему добычу. Джудар-паша не внял совету, не остался полунезависимым правителем на Нигере,

59. Магриб аль-Акса («дальний запад»—*араб.*)—Марокко.
60. «…совсем недавно воспетой… Камоэнсом»—относительно катастрофы 1578 г.
61. Махди—скрытый имам, своего рода масих (мессия), который явится перед Судным днём; будет соратником пророка Исы (Иисуса), когда тот вернётся, чтобы восстановить на земле справедливость.
62. «Англия, после утраты союзника в лице Ависской династии в Португалии…»—старейший стратегический союз в мире, существующий с 1373 г. и по сей день.
63. «…„трёх сестёр“… засушливой империи»—агрикультура, изобретённая индейцами Мезоамерики: фасоль вьётся по кукурузе и обогащает почву азотом, побеги тыквы загораживают почву от солнца, удерживая влагу, а её шипики отпугивают насекомых; вместе три культуры обеспечивают человеку сбалансированное аминокислотами питание.
64. Тимар—условное (за службу и на период службы) феодальное держание, чифтлик—наследственное.
65. Мориски—крещёные мусульмане Испании.

где пользовался огромным авторитетом, и погиб, убитый чернью, ненадолго пережив нашего героя.

В Блистательной Порте

Поссорившись с аз-Захаби, Рашид ушёл в хадж, унося с собой семена растений и списки книг из библиотеки Университета аль-Карауин. Вернувшись пешком через Хиджаз, Хайбар, Левант и охваченную джелялийской смутой Анатолию (посетив по дороге свои имения) в столицу Дома Османа, Рашид-хаджи оказался втянут в омут политических интриг—прежде всего в интересах Сафие-султан, ставшей, как ни странно для этого прагматичного человека—отнюдь не Маджнуна[66], его Лейлой. Его союзником был ходжа Сад эд-Дин-эфенди, учитель Мехмеда III.

Когда султан, защитник христиан и мусульман, лично выступил в поход против вторгшихся войск Великого магистра тевтонов и эрцгерцога Австрии Максимилиана, Рашид-хаджи получил, в ходе тяжёлой кампании в турецкой Венгрии (одной из многих кампаний так называемой Долгой войны), подразделение артиллерии. Под началом Синан-паши, с которым он был знаком ещё со времён Тунисской эпопеи, Рашид принял участие в осаде и штурме Хатвана, во взятии устоявшего в прошлый раз Эгера («мадьярского Сталинграда», воспетого в самом популярном венгерском романе Гезы Гардоньи «*Звёзды* Эгера»[67]) и, наконец, в Керестецкой битве, превратившей неминуемое поражение в триумф османов и символ верности крымских татар: в решающий момент, когда австрийцы окружили шатёр султана, татарские отряды под командованием калги[68] Фетих Герая ударили в тыл имперцам и спасли турок от полного разгрома. Габсбурги понесли такие потери, что эта местность до сих пор носит имя Мезёкерестеш—«*Поле крестоносцев*».

Правда, Фетих Гераю эта победа вышла боком. Юсуф Синан-паша, враждовавший с ханом Газы Гераем, убедил своего повелителя передать Крымский Юрт герою битвы. Фетих после некоторых уговоров согласился, но его младший брат Газы *в судебном порядке* вернул «престол Крыма и Великой Страны», вынудив старшего бежать к черкесам и в итоге поплатиться своей головой и головами своей семьи.

Юсуф-паша, получив благодаря своей хитроумной комбинации пост «*носильщика тяжестей*» (великого визиря), пробыл в должности всего сорок дней и был отправлен в почётную ссылку на должность бейлербея Дамаска, где натравил на Рашидов чифтлик в долине Бекаа ливанских друзов[69]—в отместку за участие Рашида-хаджи в его, Юсуфа, смещении.

Так или иначе, великим визирем стал Дамат («зять») Ибрагим-паша, упоминавшийся выше муж Айше-султан, дочери Сафие и тёти Мехмеда III.

В Эгере под покровительство Рашида-хаджи перешла бывшая фаворитка польского короля (умершего к тому времени), пытавшаяся бороться с кланом Батори за лён в Карпатах. Она стала его второй наложницей (первая была захвачена в набеге на Коста-дель-Соль). Когда известия об этом дошли до ушей Садеддина-эфенди, правительство Газанфер-капы-аги решило использовать Рашида, получившего ранг паши, в «*Больших шахматах*» на северной границе.

Сархад[70]

Так наш герой сравнялся почётом со многими конкурентами. Почётом, но не реальной властью.

Власть ему предстояло устанавливать самостоятельно, опираясь на небольшой янычарский корпус, татарскую и ногайскую конницу и тех, кого бы он смог завлечь на границы Дикого поля. Благо Османская империя того времени не только была экономически привлекательна для австрийских и польских крестьян, тиранизируемых своими возрождавшими барщину господами, но и часть горожан, храня верность покойному королю, стремилась за «нашей доброй пани», пившей кровь из одного с ними кубка войны.

Традиционно проблема набегов казаков с севера решалась силой: рейд по степям, разорение

66. Маджнун («одержимый джинном»—*араб.*)—герой истории о печальной и трагической любви к Лейле («Ночь»); это случилось в середине VII в. в Аравии с поэтом Кайсом, который удалился в пустыню и стал там писать стихи (почему и был прозван «охваченным джинном»); история была рассказана Низами Гянджеви в «Хамсé» («Пяти поэмах»), Джами, Навои и послужила мотивом для песни Эрика Клэптона «Layla».
67. «Звёзды Эгера»—под звёздами в романе Гардоньи подразумеваются женщины крепости.
68. Калга—второе после хана лицо в Крыму.
69. Друзы—замкнутая, не допускающая принятие своей религии этноконфессиональная община в Леванте, отколовшаяся от ультрашиитской на тот момент секты исмаилитов в период радикальных антисуннитских реформ фатимидского халифа Аль Хакима (XI в.); особенности религии, принадлежность исламу достоверно не известны; верят в реинкарнацию душ, что определило высочайшие боевые качества друзов (их кавалерия активно вербовалась даже англичанами в период Второй мировой); сейчас вовлечены в арабо-израильский и сирийский конфликты на всех сторонах.
70. Сархад («граница»—*фарси*)—как правило, под ним подразумевается обширная полоса с неясным, условным суверенитетом, как полоса пуштунских племён в Пакистане или другие территории на границах стран, расположенных в пустынях и степях; ближайший аналог—Дикое поле.

разбойничьих гнёзд, захват ясырей[71], обращение желающих в ислам и рекрутирование их в войско, а упорствующих — в рабство. Но всё это были временные меры: новые бедолаги, бегущие от своих сатанеющих дворян, пополняли Сечь и Дон и шли «за зипунами» в цивилизованные страны. *Османская империя унаследовала от Византии перманентную борьбу с натиском варваров.*

Ибо география определяет Историю.

Рашид-паша, соединив под своей властью силы эялетов[72] Силистра (от Болгарии до Днепра) и Кефе (Крым и Азак), выдвинул проект того, что мы сейчас назвали бы «программой реконструкции для *failed state*». Первым шагом к этому должна была стать «эффективная оккупация». Если ни Москва, ни Краков (а позднее — Варшава) не способны навести порядок на своих окраинах, то это следует сделать Империи — косвенно либо прямо. Второй вариант Турция попыталась осуществить в 1670-х, когда захватила Правобережную Украину, вмешавшись в *Руину* — борьбу пропольских, пророссийских и прокрымских «полевых командиров» между собой. Но Рашид-паша не был бы учеником аль-Карауина, если бы не попытался минимизировать человеческие потери в населении и без того пустого Дикого поля.

Он предложил создать полосу государств-лимитрофов (подобных Трансильвании, Молдове и Валахии), помочь элитам — казацким старшинам и гетманам — построить нормальный феодализм и тем самым (золотом!) привязать их к Блистательной Порте. Благо вопросы вероисповедания мало волновали и наследника халифа Владыки Вселенной[73], и верхушку казаков: так, в 1565 году запорожцы помогали туркам в L-Assedju l-Kbir — *Великой осаде Мальты.*

Проект «Вольный Дон»

Как поклонник Ибн Хальдуна, Рашид-паша понимал необходимость создания экономического базиса для гетманской надстройки. В первую очередь следовало закрепостить казаков и новых переселенцев (осуществлено царским правительством в восемнадцатом веке). Следующим пунктом шло создание товарного хозяйства: любой аристократ, даже низкого происхождения, предпочтёт получать деньги от стабильной торговли, а не от рискованной перманентной войны в его землях. Для этого планировалось давать убежище рабочей силе из Европы, бегущей от религиозных преследований (частично воплощено российским правительством в конце восемнадцатого века).

Не исключался вариант с налаживанием торговли рабами (с последующим посажением их на землю и переводом на барщину либо оброк) и одновременным развитием плантационного хозяйства американского образца (тут бы и пригодились плоды селективной работы Рашида) — польская шляхта, глаза которой слепили отблески вест-индского золота, была готова избавиться от части «быдла» в обмен на совместный грабёж владений московского царя и помощь в борьбе за власть внутри самой Речи Посполитой. Тайные переговоры об этом успешно шли с Радзивиллами и Сапегами при посредничестве вышеназванной фаворитки (которая, однако, планировала рекрутировать войско и совместно с татарами начать мстить за своего короля).

В случае осложнений на более освоенном Западном Кавказе племена, его населяющие, были бы выселены в Сирию (осуществлено в 1860-х годах).

Для контроля над новыми вассалами затевалась реконструкция старых городов (Хаджибея (Одессы), Бендера, Кэшэнэу, половецкой Шарукани (Харькова), Аккермана и др.) и строительство новых — примерно там, где при Екатерине II были основаны Николаев, Екатеринослав, Александровск и пр., заселить которые предполагалось самым ценным ресурсом — ремесленниками (будь то бежавшие добровольно или захваченные в набегах на Запад).

Московский царь Борис Годунов почувствовал угрожающую активность на Малой Руси, получив обрывочные донесения Василия Щелкалова, главы Посольского приказа (*именно он ведал сношениями с казаками*), и сделал встречный ход: отправил Богдана Бельского основать один из первых городов на Слободской Украине — Цареборисов. Историки до сих пор спорят о причинах, побудивших Годунова заложить острог так глубоко в Диком поле, в отрыве от Белгорода и Курска. Ведущей является версия, изложенная в «Новом летописце» (главной хронике времён Русской Смуты), что мотивом царя было отослать подальше воеводу Бельского.

Но стал бы такой прагматик, как Борис Фёдорович, рисковать? Что мешало ему избавиться от воеводы, сослав его, как Филарета Романова, на Урал? Тем более Богдан Яковлевич сразу начал проявлять «сепаратистские тенденции» («Борис в Москве царь, а я в Царёве-Борисове!»), за что и был всего через два года выслан в Сибирь с позором (телохранитель царя Габриэль выщипал Бельскому бороду по волоску, тем самым обесчестив бывшего опричника).

Так пошёл бы самодержец на риск мятежа на юге (который, кстати, и стал главным катализатором Смуты в самом скором времени)? Нет.

Какова же была цель Годунова?

71. Ясырь — человеческий полон в период степных набегов и войн (от распада Золотой Орды до завоевания европейских степей Россией).

72. Эялет (вилайет, вилайят и т. д.) — провинция в мусульманском мире.

73. «наследник халифа Владыки Вселенной» — султан.

Прозрачный, недвусмысленный намёк: «Я знаю, что ты что-то затеваешь. Если бы я хотел войны, моя рать уже осаждала бы Перекоп. Но я предлагаю мир».

С этого момента акценты имперской политики на севере сместились. Начались активные переговоры между Рашид-пашой с одной стороны и Щелкаловым с другой (а после опалы последнего — со сменившим его на посту дьяка Посольского приказа Афанасием Власьевым, видным дипломатом, пользовавшимся доверием и Бориса, и Лжедмитрия). При этом обе стороны сумели учесть не только интересы своих светских владык, но и духовную сторону вопроса.

Рашид-паша в переписке с Сафие-султан говорил о возможности внедрения в пограничье и на Балканах опыта Абуль-Фатха («отца Победы») Джалалуддина Акбара, величайшего падишаха в истории Индии, а конкретно — его эксперимента по созданию *Дин-и илахи, синкретической философско-этической доктрины* с Единым Богом разных религий. На практике это вылилось в секретные «меморандумы о взаимопонимании», выражаясь современным языком, между патриархиями Московской, Константинопольской в лице Рафаила II, а через него — с Римской курией, возглавляемой в тот период генеральным викарием Камилло Боргезе (будущим папой Павлом V).

Поддержку султана как халифа[74] обещала обеспечить Сафие.

Таким образом возник амбициозный план раздела Европы, который мы с полным правом можем назвать:

«Крест Европы в тени Полумесяца»

По образцу Тордесильясского договора 1494 года между Португалией и католическими королями Испании, проведшего «демаркационную линию» по «папскому меридиану» (49° 32′ 56″ з. д., 370 лиг западнее Азорских островов) и разделившего дикие земли и неоткрытые моря между этими монархиями, полным ходом шла подготовка к разграничению мелких европейских государств на сферы влияния.

«Высокие Договаривающиеся Стороны», а именно: «властитель Дома Османа, султан султанов, хан ханов, предводитель правоверных и наследник пророка Владыки Вселенной, защитник святых городов Мекки, Медины и Иерусалима, император Константинополя, Адрианополя и Бурсы и прочая, и прочая» с одной стороны и «Божиею милостию Государь Царь и Великий Князь всея России, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский и прочая» с другой, — приходили к соглашению о совместном разделе Европы по 50-й параллели, а кафоличные церкви — Римская и православные церкви пентархии — по меридиану Сирта (16° 36′ в. д.).

Таким образом, силой оружия двух великих держав планировалось вернуть мир в Европу, а Германию, Нидерланды и Англию (с мобилизацией для её покорения всего берберского и турецкого флота и союзной французской армии) — в лоно католичества, но под светское управление Севера. При этом мещане, как главные носители протестантской ереси, переселялись на восток, во вновь отстроенные города Степи. Россия в результате не только получала выход к морю (что было главным направлением её экспансии со времён Ивана III в конце пятнадцатого века — а отнюдь не южное, на котором она предпочитала обороняться), но и превращала Балтику в своё «внутреннее озеро».

Забавное обстоятельство: обе демаркационные линии пересекались в районе Тренчинского княжества, на которое претендовала польская наложница паши. Там планировалось проводить собрания дипломатов для мирного решения спорных вопросов — эдакие прообразы *Священного союза* Александра I или *Лиги Наций*. Это был своеобразный подарок Рашид-паши.

Нетрудно представить, что реализация этих планов изменила бы всё. Колонизация Нового Света проводилась бы в русско-османском стиле, *с сохранением культурной самобытности индейских народов*; простые немцы, голландцы и англичане, а следом — французы, русские, турки, балканцы не познали бы самых диких проявлений раннего и зрелого капитализма; на триста пятьдесят лет раньше сформулировались бы идеи *мирного сосуществования* сверхдержав; может быть, индустриальное развитие происходило бы и не с такой скоростью, но с куда меньшими страданиями простых людей; а о таких мелочах, как «Нью-Йорк мог бы быть Новой Рязанью», и задумываться не стоит.

Всё могло сложиться иначе.

Были сделаны первые практические шаги: Годунов наводнил Европу шпионами под видом посланных на обучение «детей боярских»; лидер джелялийской смуты Дели Хасан, воодушевлённый перспективой после личной встречи с Рашид-пашой, прекратил восстание и с десятью тысячами воинов принял под своё начало Боснию, где начал организацию тыловой базы для вторжения в Венецию и Австрию; в преддверии увеличения потока дел была проведена реформа *инквизиции* в сторону большей *гуманизации* процесса (отдалённым её последствием стал снисходительный приговор Галилео Галилею — в отличие от недавнего аутодафе Джордано Бруно); орден Иисуса (иезуиты) активизировал работу по устранению самых влиятельных европейских монархов — Якова I Английского (см. «Пороховой заговор») и Генриха Бурбона (ликвидированного в 1610 году).

74. Султан осуществляет светскую власть, халиф — религиозную.

Однако все эти мероприятия, связанные единым замыслом, потеряли смысл, когда был утрачен координирующий их узел.

Красное знамя османов так и не взвилось над львами Святого Марка…

Как раньше бури спасали Северную Африку от испанского завоевания, так и в этот раз в дело вмешалась Природа. На краю света, в далёком Перу, взорвался вулкан Уайнапутина, выбросив в атмосферу мегатонны пепла и изменив климат. Это было сильнейшее извержение за всю историю заселения Америки человеком, по силе подобное катастрофе на Кракатау в 1883 году. В России с десятью неделями проливных дождей наступил *«год без лета»*, повторившийся в следующем.

Затем пришёл Великий Голод. Рашид-паша предпринял доставку зерна, скупленного в Анатолии и Египте. Караваны каракк[75] стекались в Азов и под охраной казаков отправились на Москву. Но было поздно: русские увидели в Голоде истинного царя, восстания совсем недавно «безмолвствовавшего народа» слились в бескрайнее море бунта, плескавшееся у башен переполненных умирающими городов, и страна на годы погрузилась *в войну всех против всех*—такую, что полубезумный Грозный превратился в сознании населения в *«доброго царя-батюшку»*.

Русская Смута началась.

Вся семья Годунова, кроме дочери Ксении, была не только вырезана, но и похоронена без отпевания как «самоубийцы».

Казаки, увидев крах государственности, устремились за лёгкой добычей в Россию по тому *пути, которым когда-то ходили татары*. Ибо, повторим, география определяет бытие. Их дикий свист слышали даже стены Каргополя на *Русском Севере* и Костромы в 1614-м, а последний набег случился в самом конце, в 1618 году, через шесть лет после Минина и Пожарского.

Ещё можно было спасти если не династию, то царство, но к тому времени изменились и обстоятельства в своей столице. Новый султан, тринадцатилетний Ахмед I, начинает правление с нарушения этикета (что показывает его воспитание), а затем ссылает бабушку Сафие в Старый дворец в Эдирне. Рашид-паша лишается самой весомой поддержки в Топкапы. Пытаясь предотвратить возобновление джелялийской войны, он принимает сторону шейх-уль-ислама Сунуллаха-эфенди в конфликте с лало́й (воспитателем) владыки Дервиш Мехмед-пашой, боснийцем—фигурой, вызывавшей ненависть и новой валиде-султан, и простых горожан, чьи балконы Дервиш-паша обложил налогами, а в конце концов—и самого повелителя. В итоге лала был убит на заседании Дивана. *Но до того ангел смерти взял за руку душу Рашид-паши.*

Он был приглашён главою Дома Османа на весеннюю охоту. Чувствуя усталость и *предчувствуя отдых*, он уладил дела: первой наложнице и её детям выделил солидное содержание и дом в Бахчисарае, для второй нанял отряд секейских ландскнехтов (составленных из немцев Трансильвании, где как раз венгерский дворянин Иштван Бочкаи поднял восстание, *предпочтя покровительство мусульман-турок власти христиан Габсбургов*) и отпустил с татарами пытать удачи в польских Карпатах, «гатить болота телами врагов», а сам явился на казнь.

По приказу падишаха он выпил кофе с толчёным изумрудом и опием. Самоцвет, дающий, по поверьям, дар прорицания, символизировал насмешку над его ви́дением будущего империи; опий же был актом милосердия за заслуги перед отечеством. Ходили слухи, что последнюю чашку он получил из рук Сафие-султан, но у нас нет оснований с доверием относиться к этой легенде: без сомнения, они не встречались в этой жизни. Другая же легенда гласит о том, что вишнёвое вино с ныне утраченного мазара хаджи Рашида ещё долгие годы веселило сердце его возлюбленной.

Да, это была любовь—но та, которую не воспели европейцы. Любовь-сторге, любовь-покровительство, без лихорадки и мании, не удар выпущенной стрелы, но медленное прорастание корней души к сокам земли. И эта любовь пережила все тирании и вольности, сбережённая временем в письмах Сафие-султан и мауланы[76] Рашида-хаджи.

Поделимся малой их частью с нашими читателями.

Письма

«Свет разума моего, родник моего познания! Вестей от Вас нет дольше, чем дождя в Тихаме[77]. Каждый день, когда с моря дует ветер, жду, что его крылья письмо от Вас принесут.

Расскажите о *поясах* земных[78], в кои Господь путников стопы Ваши направил. Благополучен ли путь?

С., третий день джумады аль-уля 986 года[79]».

75. Каракка—большое (водоизмещением 500–2000 т) парусное судно эпохи Великих географических открытий; вытеснено галеоном.
76. Маулана (мавлани, мавлийя и т. д.) («защитник»—*араб.*)—слово с множеством значений, среди которых «друг», «господин», «хозяин», «благодетель», «путник» и др.
77. Тихама—пустыня в Аравии на берегу Красного моря; здесь: прямой намёк, что ожидание известия затянулось.
78. Поясы земные—географическая районизация, предпринятая учениками Идриси.
79. Даты—по календарю Хиджры. Заметно, что С. писала письма около новолуния, а Р.—ближе к полнолунию.

«О колыбель великого султана! Как коловращение времени и неподвижность полюса произошли от Господа, так сад бытия взращён для Вас и водою жизни напоён ради Вас, моя владычица.

Аллахумма, каким языком мне воздать Вам благодарность за сии великие благодеяния, осязаемые результаты которых подобны свету блистающего солнца? Какими словами воспеть Вас за великие дары и бесконечные милости, сверкающие подобно сиянию звёзд?

Если даже каждый мой волос станет языком и каждый станет восхвалять Вас, то и тогда я останусь в своём косноязычии, как упорствующий—в заблуждении.

Волею Господа людей, который сотворил поверхность земли для прогулок чистокровного коня человеческого бытия, той волею, что вложила в руки Ахмада Абу-ль-Аббаса аль-Мансура меч победы, сокрушающий удар которого поражает грудь ночи и заставляет разящий кинжал солнца прятаться в ножны мрака, вернулся я с дальнего Берега[80] Пустыни пустынь, где эмир Крайнего Запада на ристалище насаждения правосудия и распространения справедливости кафиров[81] *Билад* ас-Судана[82] рассеял и к покорности привёл.

Ибо лишь тот крепко сжимает в своих объятиях невесту-власть, кто целует в губы булатный меч.

<…>

Посреди Моря пустынь есть Тагазза[83], деревня, в которой нет ничего хорошего. К числу её удивительных вещей относится то, что её дома и мечеть построены из глыб каменной соли. В ней нет ни одного дерева, и земля её—лишь песок, и в нём находят огромные плиты соли, нагромождённые одна на другую так, как будто они были вытесаны высокомерным племенем ад[84] и сложены под землёй.

Мы провели в Тагаззе десять дней—в ней запасают воду, чтобы войти в пустыню, и мы вошли, и встретили на нашем пути караван, и нам сообщили, что несколько человек из каравана отделились от них. Одного из них мы нашли мёртвым под небольшим деревцем из тех деревьев, что растут в песках. На нём была одежда, а в руке—кнут. Вода же была всего в одной миле от него.

Так и у нас потерялся человек именем Ибн Мактуби из *бану* имраген[85]. Выйдя на поиски, проводник наш из *кель* адрар[86] нашёл его следы. Они шли то по главной дороге, то отклонялись от неё, но ни Ибн Мактуби, ни каких-либо сведений о нём найти не удалось.

Воистину, судьба Ибн Мактуби, „сына написанного“, вписана в Книгу Бытия теми же вечными чернилами, что наши судьбы. *И в Пустыне судьба моя стóит того, чего стóит моя вера.*

Но Аллах Велик. Так пусть Он будет Милосерден.

А того человека мы погребли без имени его и могилу его отметили палкой, укрепив её камнями. Великая честь—служить другим караванам вехою на пути, подобно фонарю маяка, пока ветер и песок не сточат твой минарет.

Р., *полнолуние* рабиу-ль-авваля 986 года, из Марракеша».

Тринадцать лет спустя

«Ноги воображения моего и руки мысленного представления далеки от испытываемого Вашими руками и ногами, эфенди. В тёмную ночь, когда луна показывает своё лицо, мир становится освещённым, а небо озарённым. Во мраке судного дня, когда печать молчания будет на языках и люди падут от ужаса и страха пред днём всеобщего восстания мёртвых и великим отчётом, их *печени* мучительно сожмутся, а глаза наполнятся слезами,—тогда внезапно появится на горизонте украшающей сердце красоты луна божественной мудрости, жемчужина избранного моря, и у людей истинной веры возникнет свет очей надежды на спасение и блеск предвидения вечного блаженства.

Так и сердце моё наполняется слезами надежды, когда очи мои читают Ваши написанные лёгким *насхом* строки, в которых Вы передаёте сделанные Вам ангелами откровения—тяжёлые, словно написаны они сульсом[87]. Но в пучинах глубоких, вдохновенных Книгой книг истин, всё естество Ваше благоухает, как амбра, будучи пропитана неизречёнными указаниями Неба.

Истинно говорят, что Аллах хранит путников, чей дух продолжает странствие и будучи разлучён с телом, как соловей—с розой.

С.»

«Капли, просачивающиеся из моря Вашего внимания и милости, повелительница, подобны воде райского источника Каусар. Солнце, при всём своём блеске и свете, повергает корону к праху Ваших ног.

Да не удалится счастье от изголовья Вашей постели, гюльбахрем![88]

....

80. Берег—Сахель; сахара—мн. ч. от «сахра»—«пустыня».
81. Кафир—иноверец (*араб.*); в османский период произошло отделение от этого термина слова «гяур», имевшего оттенок презрительности (аналогично возникшему в тот же период в Русском государстве слову «басурманин»—даже в словарной части обе империи стали друг другу зеркалами).
82. Билад ас-Судан—«Страна чёрных», примерно то же, что Сахель.
83. Тагазза—Тауденни в северном Мали.
84. Ад—племя великанов, упоминаемое в Коране.
85. Бану имраген—арабское племя Сахары.
86. Кель адрар—туарегское племя.
87. Насх, сулюс (сульс)—традиционные арабские почерки.
88. Гюльбахрем—«(мой) цветок весны».

Где бы ни пролегали следы моих ног, всюду я вопрошаю: *где же Кааба, Медина и Мекка* моя?[89] Каждым своим шагом я произношу: ляббейка[90], Аллахумма, ляббейка! Тысячи путников шли этими путями до меня—от зенита Сатурна до чрева Земли,—но все вехи, что они смогли оставить,—лишь написанные чернилами строки:

> Я распутал все петли вблизи и вдали,
> Кроме самой последней—смертной петли.

Да смилуется над нами Всемилостивый!

Сомнение разъедающей металл кислотой поселилось в сердце моём: шепчет оно, что в гордыне своей не уступил я дороги на мосту Хызыр Ильясу, и род мой будет принуждён дорогу уступать всякому. Но пусть лампа моей души перевернётся, *пусть сердце станет в голове и голова* в сердце[91]—о Милосердии молю: „да будет вычеркнуто вписанное из Книги Предопределения, да опадут грехи мои, как листья с деревьев в разгар лета!“[92]

Но я познание сделал своим ремеслом, и мой калам пьёт чернила крови и пишет по бумаге забвения думы, что и не снились фáльсафа[93] аш-Шама,—о том, что обвинять нас в День Суда будут сами наши сердца, потому что каждый человек суть шахид, „свидетель“ против себя самого и ближнего своего, испивающий чашу шахадата[94] собственной жизни и своего отчаяния, подобного отчаянью заблудившегося в самуме каравана. И се, он бредёт по степи жизни, оставляя за собою пустыню воспоминаний, и взывает к Творцу, оглашая бездну своей души воплем ужаса погибающей верблюдицы.

> Я—запятая в Книге Бытия.
> Меж звёздных строк я хвост коня, что блед.
> Мне Солнцем предначертано сиять,
> Как тишине над пустотой бесед.
> Мой всадник—Смерть, но не окончен текст,
> Где дрожь земли, людей и знак чумы.
> Мы формой полумесяц, духом—крест.
> И в перстне вправленный алмаз—то мы[95].

Но пусть пустыня иссушает дух и воспламеняет разум, как пропитанное смолою ладана дерево, однако под покрывалом ночи, усеянным колючей шерстью светил, осознающий свою ничтожность пред небесами раб Всевышнего воспаряет фениксом, и тогда на сына Адама ложится—словно от фонарей, поднятых с порогов домов обитателей Рая, которым, если на то воля Аллаха, мы тоже служим звёздами,—невыразимый отсвет всеединства.

Р., 14 шаабана 999 года».

«На исходе Ночи Могущества[96] бродила я аллеями парка Гюльхане[97] в ожидании предрассветного коралла вод Босфора, за которыми, где-то далеко, Вы, светоч разума моего. В сердце ещё звучали слова молитвы *времени* отдыха[98]: „Свят и Идеален Тот, Кто обладает земным и небесным владычеством[99]. Свят Тот, Кому присуще могущество и бесконечная мощь“,—как вдруг в турангах[100], словно отвечая чаяниям моим, пропела горихвостка. Песнь её подхватила другая, за нею—третья, и голоса их слились в возносящий хвалу Господу Миров хор:

> — Видите ль звёзды, что гаснут на небе?
> — Видим мы звёзды, они в небе тлеют.
> — Видите ль край жёлтого солнца?
> — Видеть не можем мы края солнца.
> — Ночь ли в разгаре, близок ли день?
> — Ночь полна влаги, день будет жарким.
> — Кто там идёт, Хызыр ли Ильяс?
> — Лик нам Зелёный жизнь несёт.
> — Завтра посмотрим, сёстры, на небо?
> — Ночь дня мудрее, завтра посмотрим!

И в их словах слышала я весть о Вас, излившуюся в эти строки из скромного источника моего вдохновения:

> Собранье птиц, едины что в Симурге,
> Поёт всю ночь, не ведая венца,
> Чтоб возродить, став ртутью[101] из свинца[102],
> Из пепла—первородного птенца[103].

89. «…где же Кааба, Медина и Мекка моя?»—строка из Вагифа.
90. Ляббейка—«Вот я пред Тобой [Господи]» (*араб.*).
91. «…пусть сердце станет в голове и голова в сердце…»—ср. с «переставить свечи» в легендах о Хадир Грюне, иудейском Хызыр Ильясе.
92. «…да опадут грехи мои, как листья с деревьев…»—цитата из Абу-ль-Касима ат-Табарани, известного мухаддиса (толкователя предания) X в.
93. Фáльсафа—философы вообще и неоплатонистическая философия в исламе (аль-Фараби, Ибн Сина, Ибн Рушд).
94. Шахадат—букв.: свидетельство.
95. «…И в перстне вправленный алмаз—то мы»—автор письма отсылает к рубаи Омара Хайяма (см. ниже).
96. Ночь Могущества—Лейлат аль-Кадр, почитаемая ночь, случающаяся в конце рамадана (в неопределённый день), которую принято проводить в молитве; её признаком является необычайная тишина в природе.
97. Гюльхане («дом цветов»)—парк у Топкапы.
98. Время отдыха—таравих («отдых», «передышка»—*араб.*), желательный ночной намаз в месяц рамадан.
99. «Свят и Идеален Тот, Кто обладает…»—молитва ханафитского мазхаба, одной из четырёх правовых школ в суннизме; этот мазхаб господствует за пределами арабского мира.
100. Туранг—евфратский тополь.
101. Ртуть—чрево всех металлов, растворяющая и возрождающая сила.
102. Свинец—символ «нездорового» состояния металла или души.
103. Первородный птенец—феникс.

Я приказала рабыне, подаренной Вами, зажечь зелёный фонарь. Увидьте его путеводный свет и придите, о день, не нуждающийся в солнце, ночь, не нуждающаяся в луне!

С., 27 рамадана 1012 года».

«Мне снился сон. В нём я впервые увидел Вас, так ясно, словно завеса тумана развеялась над фисташковой рощей, словно жемчуг вуали ночи заблистал, озарён светом луны. Когда потянулся я к тени Вашей, ладони мои коснулись коры кипариса, и тогда я увидел моего Создателя. Я спросил его: „Как мне найти Тебя?“ Он ответил: „Покинь себя и приходи!“

Се, гряду[104], прибегая к Господу людей, Царю людей, Богу людей[105].

Мы цель созданья, смысл его отменный[106],
Взор Божества и сущность зрящих глаз.
Окружность мира — перстень драгоценный,
А мы в том перстне — вправленный алмаз.

Р., 20 шавваля 1012 года. Науруз[107]».

Общее замечание: использованы мотивы из Гийас ад-Дина Али, Ибн Баттуты, Райнера Марии Рильке, Сент-Экзюпери, Абу Язида (Баязида) Бастами и др.

Хронология

Кырджалийская смута — 1789–1813 гг.
Восстание в горах Эспадан — 1526 г.
Битва у Превезы — 28 сентября 1538 г.
Оборона аль-Джазаира — Алжирская экспедиция 1541 г.
Осада Ниццы — август 1543 г.
Зимовка турецкого флота в Тулоне — 1543/44 г.
Кампания Пири-реиса по изгнанию португальцев из Персидского залива — 1552 г.
Третья битва при Лепанто — 7 октября 1571 г.
Тунисская экспедиция — 1574 г.
«Битва трёх королей» — 8 августа 1578 г.
Разгром империи Сонгаи — 1591 г.
Джелялийская смута Дели Хасана — 1595–1603 гг.
Долгая война — 1593–1603 гг.
Керестецкая битва — 25 октября 1596 г.
Цареборисов (Царёв-Борисов) — город основан в 1599 г.
А. И. Власьев возглавил Посольский приказ в мае 1601 г.

104. «Се, гряду…» — автор письма цитирует: «Свидетельствующий это говорит: да, гряду скоро», — из заключительной главы Библии.

105. «…прибегая к Господу людей, Царю людей, Богу людей» — стихи из последней суры Корана.

106. Из приведённых стихотворений: «Мы цель созданья, смысл его отменный», — принадлежит каламу Омара Хайяма.

107. Науруз — здесь: игра слов: «руд» — «река», «путь» *(фарси)*; «новый путь».

рисунки Ольги Сорочкиной

Марина Саввиных

Завещание «Минотавра»

Повесть-сказка[1]

Посвящаю сказку о «Минотавре» Вареньке Соловей, вдохновительнице и соавтору

Глава пятнадцатая,

в которой рассказывается, каково это — быть растением

Тесей был парень не из пугливых, но величие и красота Лабиринта смутили его. Он то и дело озирался, останавливался, рассматривая настенную живопись, цокал языком, вздыхал и даже время от времени издавал звуки вроде «о-го-го», «ух ты» или «вау»[2].

Ариадна вела его по коридорам, лестничным переходам, туннелям и галереям, а сама так и не решила ещё, куда именно доставит пленника и что с ним будет дальше.

Плащи-невидимки давно были сняты, свёрнуты в небольшой плотный свиток и путешествовали под мышкой у Тесея. Теперь — при свете зелёных огоньков-светильников — юноша и девушка могли свободно рассмотреть друг друга.

Ариадна знала, что Тесей — прямой потомок первых переселенцев с Тэрры. В этом смысле — родня и Миноса, и Дедала, и самой Ариадны. Но теперь она с любопытством рассматривала его, и он всё больше ей нравился — высокий, выше ростом её самой, — а ведь минойцы по сравнению с ней были низкорослыми и щуплыми. Большие карие глаза афинянина влажно блестели, выдавая чувствительную, вспыльчивую натуру. Густые чёрные волосы, остриженные по-спартански, упрямыми завитками кудрявились над ушами.

Царевна уже несколько часов водила его кругами — она не знала, что делать дальше. Честно говоря, после выпуска из Дома Волка она часто в душе критиковала Миноса, многие его решения находила неудачными, считала отца слишком мягкосердечным и недостаточно решительным правителем. Вот если бы она, Ариадна… да! Ей показалось, что Минос намерен всё-таки сдать Тесея Агамемнону — поэтому она и выкрала афинянина из Схоликона. Это нужно было сделать быстро, очень быстро. Вот она и сделала… но что теперь делать, когда Тесей наивно и бодро шагал рядом с нею по Лабиринту, она не знала.

Тем более она с ужасом почувствовала, что её связь с Верой прервалась. Она не слышала своё второе «я». Вернее, то, что она слышала, — сгусток переживаний, полных отчаяния, — вызывало в ней острое чувство вины и готовность мчаться на выручку сию минуту. Но Тесей…

В конце концов Ариадна приняла решение: пусть судьбой Тесея озаботится Дедал. Они соотечественники, земляки! Вот и пусть!

Конечно, в лаборатории, в мастерские, в виварий[3] она его не повела. Царевна не нашла ничего лучшего, как отвести «молодого афинского царя» в личные апартаменты Дедала, по местному выражению — в его покои.

Странная и тяжёлая это была встреча. Тесей видел в Мастере беглеца-убийцу[4] и считал, что у него, Тесея, имеются все основания ненавидеть его, а мудрый Дедал заранее знал, чем вся эта ситуация может обернуться, но не находил решения, поэтому вынужден был принять всё как есть. Это, собственно, и нужно было Ариадне. Хотя бы ненадолго. Пока она не найдёт Веру.

Обняв Учителя и что-то бессмысленно-ободряющее шепнув ему на прощание, Ариадна выхватила у Тесея драгоценный свёрток и со всех ног помчалась в Схоликон.

Но Вера в это время уже была далеко от Схоликона. Она чувствовала себя словно в каком-то расплывающемся по сторонам мерцающем куполе — сигналы доносились отовсюду: запахи, звуки, тепло и холод, цвет, свет, толчки, поглаживания… Она чуть было не кинулась в панику, но вдруг поняла, что надо просто сосредоточиться на самых

1. Продолжение. Начало см. «День и ночь» №№ 6/2022, 1/2023.
2. Некоторые всерьёз считают, что этот дикарский возглас вошёл в моду только тысячи лет спустя — во времена интернета и гаджетов.
3. Виварий — здание или отдельное помещение при медико-биологическом учреждении, предназначенное для содержания лабораторных животных, которые используются в экспериментальной работе или в учебном процессе.
4. По версии афинского мифа, Дедал был коренным афинянином, но был обвинён в убийстве и поэтому сбежал на Крит.

сильных сигналах. Это помогло. Она даже стала различать голоса и очертания предметов. Вот сверху потянуло теплом, что-то зажужжало, заверещало тонким протяжным голоском… и—ой!— больно царапнуло… Что же это?

Иногда ей казалось, что она слышит мысли Ариадны, но они проносились вокруг так стремительно, что она даже не успевала зацепиться за них—хотя бы на мгновение. Так прошло много времени… или немного—Вера не могла дать себе отчёт во времени, в том, что происходит с ней. Всё как-то затормозилось, остановилось, оцепенело.

Вдруг она ясно различила—в той точке, на которой ей удалось сосредоточиться,—что-то живое и подвижное. Ещё усилие, и—о радость!—Вера узнала маленькую наяду Лириопу. Да-да! Стоило ей вспомнить о Лириопе, как та появилась совсем близко.

— Не думай только,—сказала Лириопа,—что видишь сон. Это не сон. Но и не явь. Это инобытие.

«Я не думаю,—подумала Вера и тут уже усомнилась:—Если я это подумала, значит, всё-таки думаю… а если думаю, то—чем? И кто это думает, если не Я? А если это Я, то где же Я?

Действительно, чéм теперь думала Вера, если ни головы, ни ног, ни рук она не чувствовала?.. Вернее, чувствовала всю себя одновременно—везде, словно бы мысли возникали не где-то внутри, а, будто облако, окружали её—так, что она почти не различала, где кончается «всё вокруг» и начинается она, Вера. Вот и Лириопу она «видела» лишь очень условно—наяда мягко мерцала в поле её внимания, излучая какие-то мысли и настроения.

— Не расстраивайся, дитя,—наяда переливалась в полумраке тёплыми, прохладными, зеленоватыми и золотистыми тонами,—это всего лишь метаморфоза. Уж кто-кто, а мы-то, нимфы и наяды, хорошо знаем, что это такое. Хотя бы Дафну вспомни. Говорят, будто Аполлон в образе волка преследовал её, и она от страха превратилась в лавр. И будто бы Феб ничего лучшего не придумал, как обломать её веточки и сделать из них венок себе. Люди так наивны!—наяда рассмеялась, брызнув во все стороны розовым и пурпурным.—Дафну Паллада наказала за гордость. Арахну за мастерство. Лучшей ткачихой была Арахна—вот и превратили её в паука! А Сиринга, милая сестрица, превращена была в тростник. И с тех пор душа Сиринги живёт во всех дудочках и флейтах, какие только не встретишь в подлунном мире. А Нарцисс! Он превратился в цветок! Уж больно ему нравилось собой любоваться… И Гиацинт, и Кипарис. Все они были когда-то полубогами, людьми. И превратились. И не жалуются. Отчего же ты грустишь? А, Вера?

Вера хотела ответить, но только еле слышно зашелестела листвой.

— Я не знаю, как тебе помочь,—откликнулась Лириопа,—но я подумаю.

Если бы кто-то мог видеть их беседу со стороны, то умилился бы чудесной картинке: на ветке молодого деревца, утопая в его свежей густой листве, болтая перепончатыми лапками, сидит прелестная зеленовласка и напевает какую-то замысловатую негромкую песенку, в которой ни один человек не различил бы ни слова. Так только птички поют или стрекочут осторожные ночные зверьки.

Лириопа, изо всех сил стараясь утешить мирику-Веру, ласково перебирала её веточки, и вдруг пальцы наяды наткнулись на что-то твёрдое…

— Ух ты! Что это?—в руках Лириопы оказалось тёмно-красное коралловое ожерелье.

Да-да! То самое, что несколько дней назад Талло, девушка из Маталы́, надела на шею новой подружке.

Едва Лириопа прикоснулась к нему, как ей стало ясно, что нужно делать. Она так обрадовалась, что её радость тут же передалась деревцу-Вере.

Лириопа обняла Веру, прижавшись щекой к её тёплому стволу, и прошептала—вернее, подумала шёпотом, ведь Вере было всё равно, насколько громко или тихо звучат мысли: «Только человек может вернуть человеку его прежний облик. Узнать его среди прочих и позвать по имени. Как только это сделает кто-нибудь из твоих знакомых, Вера, ты снова станешь человеком. Не огорчайся. Потерпи ещё немного. Я помогу тебе».

Глава шестнадцатая,

в которой Вера с помощью старых друзей возвращается во Дворец, а Дедал и Тесей отбывают на Тиру

Укрывшись от свирепого послеполуденного солнца под развесистым старым ясенем, Талло перебирала в уме свои заботы и мечты, перекладывала их с места на место, собирала и разбрасывала. Время от времени ей приходило в голову таинственное исчезновение Париса. В деревне уже несколько дней обсуждали эту новость, спрашивали у Ликаона, куда приёмыш пропал. Но тот только качал головой: видно, кто-то из бессмертных проявил к мальчику интерес. Добрый, худой ли… как знать? Не нам, простым людям, вникать в замыслы богов. А Парис с младенчества был особенным. Так что следовало ожидать.

— От судьбы не уйдёшь,—вздыхали старики.

Но Талло догадывалась, что всё дело в странной девочке, с которой Парис вместе с ними—с ней, её братом и сестрой—отправился в Кносс. Может быть, они с Койной вообще последними видели Париса. Если не считать Веры. Но как считать Веру, если она… неизвестно кто и неизвестно откуда взялась?

Талло поёжилась—лёгкий холодок пробежал по её босым ножкам, словно откуда-то из-под

корней дерева потянуло сквозняком. Девушка огляделась по сторонам и вдруг услышала тихий голосок, похожий на журчание ручейка:
— Хорошо, что ты вспомнила о Вере, иначе мне труднее было бы разыскать тебя.

Талло поискала глазами: откуда доносится звук? Ах, вот оно что! На ветке платана, прямо над её головой, сидела маленькая наяда с огромными тёмно-зелёными глазами, влажно блестевшими в тени широких листьев, и ласково, но в то же время встревоженно смотрела на неё.

Не каждый день, конечно, так запросто, в лесу, встречаются наяды, но для жителей Маталы́ такая встреча чем-то невероятным не была, поэтому Талло только обрадовалась и подумала, как она всем в деревне станет рассказывать об этом.

Наяда рассмеялась её мыслям (как все разумные лесные обитатели, она легко читала мысли существ — живых, полуживых и неживых тоже), но сразу снова стала серьёзной:
— Вера попала в беду. Но ты можешь ей помочь. Я знаю как. Хочешь?
— Ещё бы не хотеть! — всполошилась Талло. — Что с ней случилось?
— Кто-то из бессмертных превратил её в дерево.

Талло только слюну сглотнула от страха и удивления.
— Я не нахожу, что это невыносимо и дурно, — продолжала Лириопа. — По мне, так жизнь дерева гораздо спокойней жизни человека, да и длинней, как показывает опыт. Но Вера страдает. К тому же от неё по-человечески так много зависит в развернувшейся игре богов, что было бы совсем неправильно, если бы она так и дремала тут деревом, пока во Дворце уже сходят с ума, разыскивая её. Веру надо найти и вернуть ей прежний облик.
— Но где же она?
— Здесь, недалеко. Я отведу тебя в мириковую рощу. Но там, среди множества деревьев, ты должна без малейшей подсказки узнать её, подойти, обнять, передать ей частичку своей человеческой силы и трижды позвать по имени. Сможешь?
— Не знаю, — Талло впервые почувствовала то, что взрослые называют огромной ответственностью. Она никогда прежде не знала, как это бывает, когда так много зависит от тебя. И растерялась. Но всего на несколько мгновений. — Я буду очень стараться. Очень.
— Вот и ладно. Я уверена, у тебя всё получится. Пойдём, — Лириопа соскользнула с ветки, взяла Талло за руку и потянула за собой в глубину леса.

Заросли дикого лавра простирались шагов на пятьсот во все стороны от того места, куда Лириопа привела Талло.
— Дальше я не могу с тобой идти. И помочь тебе больше ничем не могу. Ты должна сама — иначе ничего не получится.

Лириопа, подобно ящерке, взобралась на ветку самого высокого дерева, чтобы иметь достаточно широкий обзор. Помочь Талло она не могла, однако наблюдать за её действиями — вполне. И намеревалась воспользоваться этой возможностью от начала и до конца.

Талло стояла среди множества лавровых деревьев, деревцев и кустов — они были если и не одинаковые, то на человека ни одно из них никак не походило. Девушка растерянно озиралась по сторонам. Куда идти? Где искать ту единственную мирику?

Надо признать, у Талло никогда не было причин гордиться своим умом. «Талло? Та миленькая дурочка?» — с малых лет слышала она в родной деревне и давно смирилась с тем, что соображать — не её дело. А тут соображать приходилось. Да ещё солнце пекло так, что даже привычная к летней жаре критянка вспотела, разомлела, и больше всего ей хотелось вздремнуть где-нибудь в тени. Но мысль о несчастной Вере, душа которой томится в безликом и бессловесном дереве, заставляла её бодриться и усиленно размышлять.

«Ох, ну и жара, — думала Талло, — даже трава пожухла».

Действительно, несмотря на то, что в тенистой роще было прохладнее, чем на солнцепёке, трава под деревьями подсохла, пожелтела и поникла, словно обожжённая убийственным дыханием Гелиоса — палящего полуденного солнца. Только у самых ног искательницы влажно зеленел кустик заячьей капусты… и на расстоянии шага прямо перед ней — ещё пучок мокрой травы, чуть примятый, но свежий, зелёненький… ой — и дальше, дальше, как будто кто-то прошлёпал по траве мокрыми ногами, оставив след. И совсем недавно.

«Кто же тут прошёл? — озадачилась Талло. — Так, наверное, Лириопа! Кто бы мог, кроме неё, так мокро здесь наследить?»

Увидев с высоты своего наблюдения, что Талло пошла по намеченной для неё дорожке, Лириопа возликовала и даже подпрыгнула от радости. А Талло шла-шла и пришла, наконец, к озеру, по берегам которого мирика росла не так густо, и каждое деревце можно было обойти и рассмотреть в отдельности.
— Уф, — Талло села отдохнуть под одно из них, — как здесь приятно!

Она откинулась на траву, заложив руки за голову, и вроде бы даже задремала, время от времени всё-таки приоткрывая глаза и сквозь ресницы рассматривая листья мирики, которые тихонько шевелились прямо над её лицом. Полусонный взгляд девушки скользил всё выше, выше и вдруг споткнулся о… Талло вскочила, встала на цыпочки, потянулась всем телом и сняла с ветки, ласково щекотавшей её запястье, тёмно-красное коралловое ожерелье. То самое.

А в это время Ариадна, увлечённо беседовавшая с Тесеем в одном из самых засекреченных залов лабиринта, вдруг почувствовала присутствие Веры. Она едва удержалась, чтобы не вскрикнуть от радости. Нашлась! Нашлось её второе «я»! Она чувствовала, что Вера сейчас—где-то в деревне, среди людей простых и доброжелательных. Это немного успокоило её, но теперь надо было срочно доставить Веру во Дворец.

«Не беспокойся»,—Вера мгновенно откликнулась; она уже знала, как добраться до Кносса.

Конечно, жителей Мата́лы больше всего интересовало исчезновение Париса, но они со всей возможной деликатностью не докучали Вере расспросами. Сама история её превращения, которую умница Талло не смогла утаить от родственников и соседей, была такова, что и помыслить жутко. Поэтому Вера, не дожидаясь лишних вопросов, просто сказала Ликаону, что Париса, скорее всего, забрали учиться в Схоликон. Такие он во Дворце проявил ум и сообразительность. Этого оказалось достаточно, чтобы приёмная семья Париса поверила и успокоилась. Схоликон—это да! Значит, выйдет из мальчика толк. Значит, станет мальчик большим человеком!

На самом деле Вера понятия не имела о том, где теперь Парис и что с ним. Правда, каким-то глубоким и верным инстинктом она понимала, что друг её жив и занят чем-то важным. Но это не исключало опасности, которая всё сгущалась вокруг, не давая Вере ни дня передышки.

Вера заночевала в деревенской хижине—вместе с Талло, которая замучила её бесконечными расспросами о Дворце, о царской семье, о Схоликоне, о том о сём… А девочке, которая всего несколько часов назад была деревом, не то что говорить по-человечески—соображать по-человечески было трудно, поэтому разговоры в конце концов закончились быстро, и Вера провалилась в глубокий освежающий сон.

Утром—едва небо над верхушками леса посветлело и порозовело—Маврис, старший брат Талло и Койны, запряг вола в лёгкую двухколёсную тележку. Талло уговорила Веру взять её с собой—уж очень хотелось ей тоже попасть в недоступные для простых минойцев помещения Дворца, а Вера… не могла же она отказать в такой малости своей спасительнице? Так что в Кносс они отправились втроём: Вера и Талло—в тележке, Маврис—возницей.

Дорога была хотя и долгой, но неутомительной. Около полудня путешественники остановились возле южных ворот Дворца. Вера была уверена, что Ариадна выбежит ей навстречу. Но—увы.

«Пойми, я занята. Чрезвычайно. Ты прекрасно справишься без меня,—Ариадна была непреклонна.—Отправляйся к себе и жди. Как только освобожусь, увидимся».

«Но… как же?..»

«Так! Не сердись, Вера. Мне правда недосуг. Ты здесь не гостья, а хозяйка. Управляйся как-нибудь».

Ну-ну… Вера поджала губы. Ладно. Переживания Ариадны были теперь целиком связаны с Тесеем и очень даже понятны.

— Пойдём,—Вера взяла Талло за руку, и они отправились наверх.

Талло только взвизгивала и ахала, пока они поднимались по бесконечным лестницам, коридорам и галереям Дворца. Наконец—вот оно: Вера потянула кольцо, вставленное в пасть пантеры, и они вошли в комнату, покинутую Верой… кажется, целую вечность назад.

Вера ожидала, конечно, что, попав в помещение с невиданными предметами обстановки, Талло ещё больше разахается, начнёт восторгаться и лепетать глупости, но ничего подобного: девушка, видимо, приняла как данность, что во Дворце—чудеса, и только трогала и гладила вещи, принюхивалась и оглядывалась. Она не удивилась даже, когда перед ними с корзинкой еды и напитков явилась Зои собственной персоной. Впрочем, это как раз понятно: кентавры-охранники у ворот Схоликона, зеленовласые наяды с перепончатыми лапками… да каких только существ не встречала Талло—пусть не каждый день, но всё же,—чтобы падать в обморок при виде юной драгайны, расставляющей перед ней соблазнительные яства!

«Что же подарить Талло?—думала Вера, время от времени прикасаясь к спасительному ожерелью у себя на шее.—Что-то очень ценное для неё, небывалое, но такое, что не повредило бы ни ей, ни—как бы чего не вышло—возможному будущему?»

Наконец ей пришла в голову мысль, которую захотелось немедленно воплотить, и, поручив Талло заботам Зои, Вера уединилась в своей раздевалке у стола с волшебными карандашами.

Вот ведь фокус! Волшебный карандаш моментально «понял» её мысль, изображая плащ-невидимку. А простейший фонарик на солнечной батарее у него никак не получался. Рисуя, Вера загромоздила стол кучей всевозможных поделок—столь же похожих на мысленный прототип, сколь и совершенно бесполезных. В какой-то момент ей даже показалось, что волшебные карандаши потеряли силу—предупреждал же об этом Гермес! Но потом она сообразила, что такая вещица, как электрический фонарик, должна быть сначала правильно «разобрана» у неё в голове, а потом столь же правильно «собрана»—тогда карандаш «поймёт», чего она от него хочет.

Вера стёрла ластиком нарисованный ею хлам и принялась мысленно «разбирать» фонарик, который—там, дома,—всегда на всякий случай был при ней в кармане ветровки. Так-с. Вот это—плоская солнечная батарея, соединённые между собой

кремниевые ячейки... солнечный свет их нагревает... и эта энергия... э-э-э... ну да! кажется, именно так... эта энергия превращается в электрический ток. Это провода... это аккумулятор, накапливающий электричество... это снова провода... а это лампочка, которая будет давать свет... В общем, как-то так. Вера напрягла всю свою зрительную память и воображение. И снова начала рисовать. Так, так—и вот так... надо же! Нарисовать техническое устройство оказалось труднее, чем живую птичку! Но карандаш наконец-то её «понял»! И—о радость!—настоящий электрический фонарик на солнечной батарее лежал перед ней на столе.

—Старайся держать его на солнце, Талло! При любом удобном случае, как можно чаще. Тогда в темноте у тебя всегда будет свой свет. Вот так, смотри!

При помощи специального колпака, прикреплённого к длинной палке, Вера погасила газовую лампу—и включила фонарик. Его свет в тёмной комнате—яркое круглое пятно—привёл Верину спасительницу в восторг. Девочки ещё долго забавлялись чудесной вещицей, пока, наконец, Вера не напомнила Талло, что пора прощаться. Конечно, Талло не хотелось уходить, но она ведь знала, что и с Верой, и с Дворцом ей придётся расстаться. Вера обняла Талло на прощание, и Зои повела девушку на площадь, где уже нервничал томившийся в ожидании Маврис.

Между тем исчезновение Тесея и в Схоликоне, и во Дворце уже вызвало переполох: царская гвардия—кентавры—прочёсывала окрестность; драгайны—метр за метром—исследовали лабиринт и все тайные уголки, закутки и подземелья. Минос не находил себе места и посылал гонцов к Агамемнону, которого, как назло, тоже не могли разыскать. Но, разумеется, никому не приходило в голову, что «молодой афинский царь» скрывается в покоях царевны.

Да-да! Как только Ариадна поняла, что розыск Тесея принимает совсем не шуточные обороты, ей стало ясно, что пребывание афинянина у Дедала неминуемо закончится позором и для неё, и для Дедала. Что же ей оставалось? Только спрятать Тесея у себя.

Но что же дальше?

—Чего ты ожидал, Тесей, на Крите? Неужели на самом деле—встречи с Минотавром?—спрашивала царевна своего нового друга, к которому действительно с первого взгляда почувствовала симпатию.

—Чего я ожидал?—Тесей смущённо потёр переносицу.—Драки ожидал, конечно. Какой-то драки. Вместо этого нас всех поместили в чудесный сад и стали всячески любить и баловать. Я так и не понял—зачем.

—Зачем?..—усмехнулась Ариадна.—Тебе не приходит в голову, что не всё в мире—зло, не всякую напасть исцеляют мщением? И если уж мстить за обиду и боль, то не лучше ли обезоружить противника добром, чем множить гнев и злобу?

Тесей хмыкнул. Его недолгая жизнь пока что непрерывно доказывала обратное. Ну разве что Минос оказался необъяснимо добр к нему и его спутникам. Так ведь в этой доброте, скорее всего, и кроется подвох. Что же это за хитрость? Чего он добивается?

—К тому же,—продолжала Ариадна,—представь, что здесь, в Лабиринте, ты и вправду один на один встретился бы с кровожадным чудовищем... Неужели ты способен убить его?

Тесей пожал плечами и, вытянув руки перед собой, выразительно посмотрел на свои ладони.

—Так ли?—улыбнулась Ариадна.—Высокого же ты мнения о себе, молодой афинский царь! Впрочем, сколько бы ни придумывали афиняне чудесные истории о собственных царях и царевичах, реальности это не меняет. А реальность такова, что...

—Что?—недоверчиво подхватил Тесей.

—А то,—Ариадна строго наморщила лоб,—что оставаться тебе здесь больше нельзя. Соглядатаи аргивские повсюду рыщут. Ты им нужен. Пленить тебя или убить—самая заманчивая цель для них. Гордись! Будь ты так себе птица, не стали бы они тревожить волны Срединного моря и топтать с враждою благодатную землю родины богов. Боюсь, для Миноса дипломатические выгоды ценнее твоей жизни, Тесей. И сдаст он тебя Микенам, чует моё сердце. Если найдёт, конечно. Но он тебя не найдёт.

—Бежать?—вздохнул Тесей.—Чтобы я вернулся один, без наших парней и девушек, которые доверились мне?

—Но ведь им ничто не угрожает! Разве Эгей не знает об этом? Лета через два-три спроси каждого из товарищей своих: хочет ли он вернуться? Хотя бы один или одна согласится бросить Крит? Ты сам—не появись в Кноссе Агамемнон—разве согласился бы добровольно покинуть Схоликон?

—Всё равно. До конца дней своих я буду чувствовать себя виноватым... не выполнил поручение...

—Какое поручение?—встрепенулась Ариадна.—Говори: что ты должен был сделать?

Тесей замялся.

—Найти Дедала и выведать у него тайну предсказаний. А лучше самого Дедала склонить к возвращению и с его помощью вернуться в Афины. Вместе с пленниками, конечно.

—Ну... по крайней мере, к решению половины этой задачи ты близок как никогда. Я наняла лодку, которая завтра же утром отвезёт тебя и Дедала на Тиру. Вы друг за другом приглядите, если что. А там, на Тире, договоритесь, если сможете. Да и есть там кому с вами разобраться и в случае необходимости оказать посильную помощь.

«Нельзя на Тиру!»—мысленно закричала Вера. Откуда она это знала, ей и самой было непонятно,

но она почему-то в этот момент знала наверняка: куда угодно, только не на Тиру!

«С какой стати?—несколько даже высокомерно возразила ей Ариадна.—Во Дворце Тесею оставаться никак нельзя. А представляешь, что будет, если он объявится вне Дворца где-нибудь на Крите? Отправить его в Афины я пока не могу. А на Тире—клянусь!—есть кому всё это уладить. Ну? Согласна?»

«И Дедал с ним? Зачем?»

«Затем. Не могу же я отпустить Тесея одного! Без охраны и надзора. Дедал из любой ситуации выкрутится—уж я-то знаю».

К сожалению, Вере скрепя сердце пришлось согласиться, хотя всё её существо протестовало против этого. Вера чуяла неладное, но сделать ничего не могла.

Ариадна, разумеется, тоже это чувствовала, но она не привыкла отказываться от принятых решений—царевна была упряма, не склонна к сомнениям в собственной правоте. И рано утром после бессонной ночи, полной отчаянных споров, уговоров и сборов, парусник с Тесеем и Дедалом на борту покинул Кносс и направился к острову Тира, над которым уже сгустились тучи недоброй судьбы.

Глава семнадцатая,

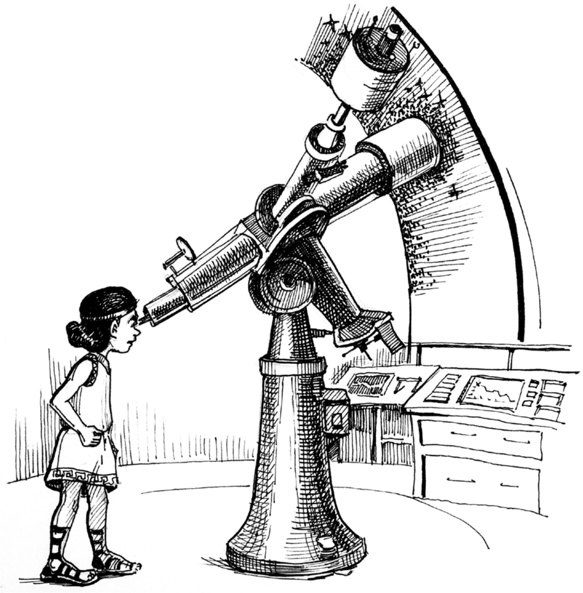
в которой Тесей и Парис заключают договор вечной дружбы, а во Дворце начинается Восхваление Цветов

Муза Урания отвела Париса в свою обитель—пещеру в подошве высокой-превысокой горы. На вершине горы находился храм Созерцания, башня с полупрозрачным куполом. Здесь Парису было показано множество непонятных предметов. В их устройстве новому ученику Урании предстояло разобраться—да так, чтобы свободно пользоваться ими и правильно истолковывать их состояние, знаки и прочие сообщения. На всё это отведено было семь дней и семь ночей. А ведь Парис никогда ничему толком не учился. Немного умел разбирать по слогам минойские и финикийские письмена. А тут… ему предлагали в невообразимо короткий срок стать настоящим знатоком! Учёным!

С вершины горы Корфа—за время обучения Парис несколько раз поднимался туда и вместе с Уранией, и один—впереди, справа и слева, видны были бесконечные воды Срединного моря, и только позади простирались холмы, покрытые кудрявым лиственным лесом.

— Мы на острове Тира, мальчик,—объяснила Урания.—Вот, посмотри, здесь видны его очертания,—она развернула перед Парисом папирус.—На что похоже?

Парис вгляделся в рисунок—в карту, составленную Уранией много сотен лет назад.



— На бычьи рога. Они повсюду на Крите.

— Да, это важнейший символ,—подтвердила Урания,—он указывает на связь каждого человека и всех людей с небесными явлениями.

Ночи—как нарочно—стояли ясные, небо над Корфой скоро стало казаться ученику музы-звездочёта открытой книгой, в которой каждый знак—большой или едва заметный, маленький,—говорил столь о многом, что мальчик едва успевал запоминать и связывать новое с огромной разветвлённой сетью знаков, уже отправленных Уранией в его молодую пытливую голову. Жизнь Париса теперь была похожа на увлекательное путешествие в неведомые миры: инструменты Урании позволяли видеть небесные тела так близко, что Парис разглядел даже горы и долины на Луне, даже моря и реки на четвёртой от Солнца планете (спустя сотни лет люди назовут её Марсом)… а уж Солнце—Гелиос… Парис видел пятна в огненном океане, протуберанцы, похожие на раскалённые добела гигантские щупальца… Но самое главное—ему удалось понять, каким образом расположение звёзд и планет указывает на события мира, в котором он живёт. Возвышение и падение царств и правителей. Судьбы людей. Парис чувствовал, что его сознание, его собственное «я» как бы раздвигается, захватывая всё больше и больше сущностей, пространств и времён, и были минуты, когда ему становилось страшно!

Тогда он, тайком от Урании, уходил на берег моря и там, сидя под скалой, напомнившей ему профиль Ястреба-Аполлона, предавался мечтам и воспоминаниям. То ему виделось милое лицо незнакомой девушки, которую несколько дней назад показала ему Афина, то в памяти всплывало бегство от человека в чёрном плаще, когда они с Верой, не помня себя, прыгали по ступеням

дворцовой лестницы, а потом неслись напролом в лесную чащу… Вера, Вера! Где же ты, Вера? Что с тобой?

Парис не помнил, сколько времени прошло с тех пор, как боги забросили его на Тиру, в таинственный подземный чертог, где он познакомился с музами. Похоже, время для них, богов, совсем ничего не значило. Но теперь, когда он приблизился к познанию великих истин звёзд и планет, многое из того, что он прежде знал, стало видеться ему совсем в другом свете. Он чувствовал, что ему предстоит скромная, но незаменимая роль в игре, в которой его судьба непременно пересечётся не только с Верой, но и с Тесеем, афинским царевичем, о котором звёзды так много ему рассказали.

Но он не ожидал, что это случится так скоро!

Следуя уже приобретённой здесь привычке, Парис бесцельно бродил по берегу моря недалеко от пещеры Урании. День клонился к вечеру, темнело… С востока, постепенно закрывая розовеющее на закате небо, тянулись серые тучи. Они становились всё толще, тяжелее, набухали, синея, чернея, и, словно поленья в костре, начинали потрескивать и отсвечивать красным. Но Парис обратил на это внимание только тогда, когда почерневшее небо рассекла гигантская молния, и громыхнуло так, что сотряслась земля под ногами. Парис едва успел укрыться под козырьком нависшей над тропинкой скалы, как на остров налетел шквалистый ветер, поднявший на море огромные волны, и, наконец, хлынул такой ливень, что, казалось, на скалу, под которой прятался Парис, обрушились все хляби небесные. Мальчик нашёл неширокую щель в каменной стене, пробрался по ней куда-то вглубь, нащупал в темноте более или менее сухое место — и устроился, как сумел, чтобы переждать грозу.

Когда Парис проснулся, расщелина, в которой он задремал, была вся пронизана мерцающим лунным светом. Не слышно было ни ветра, ни дождя. Парис протёр глаза и быстренько выбрался наружу. На берегу было тихо и свежо. Взбитый дождём мокрый песок и ещё не успевшие подсохнуть камни влажно поблёскивали под круглой белой луной, чуть подёрнутой туманом. После бури и в лесу, и на море всегда наступает короткая пора безмятежности и покоя. И Парис потеплел и размяк было всей душой, как вдруг услышал в тишине слабый, прерывающийся, но всё-таки ясно различимый среди шороха волн и шелеста листьев человеческий стон.

У самой кромки воды ничком, уткнувшись в песок, лежал человек, обессилевший в борьбе с бурей. Парис перевернул его, попробовал привести в чувство… Наконец ему это удалось… И первое слово, которое потерпевший произнёс, разлепив наконец глаза, было:

— Пи-и-и-ить…

Парис сбегал в пещеру, взял первую подвернувшуюся под руку плошку, набрал воды из ближайшего родника и напоил страдальца, вернув его наконец окончательно в бодрствующее состояние.

— Ты кто? — незнакомец уставился ещё полуслепыми глазами в склонившееся над ним лицо.

— Человек, — увильнул от ответа Парис, — не бойся.

Он помог парню подняться и, приняв на себя бóльшую тяжесть тела спасённого, отвёл его в пещеру Урании.

Утром Урания, обведя строгим взглядом пространство своей скромной обители, громким шёпотом осведомилась у Париса:

— Как это понимать?

— А что? — насупился Парис. — Надо было бросить его погибать на берегу? Он едва дышал.

— Это Тесей, — смягчилась Урания, вглядевшись в лицо спасённого, который хотя и пришёл в себя, но не имел сил даже внятно что-либо говорить. — Ах… ну, чему быть, того не миновать. Пойду — раскину карты. А ты, мальчик, позаботься о молодом афинском царе. Видно, так надо.

С этого момента занятия Париса с Уранией стали гораздо реже, потому что, по всей вероятности, бессмертные придавали большое значение разговорам троянца с молодым афинским царём.

Парис ухаживал за Тесеем со всем усердием, на которое только был способен, и спустя время спасённый царевич окончательно пришёл в себя и мог уже более или менее связно рассказать, что случилось с ним во время путешествия с Крита на Тиру, которое меньше всего предполагало смертельное кораблекрушение. Но таково уж Срединное море! Как бы ни был проторён и короток путь, судьбы мореплавателей — во власти Посейдона. А он-то умеет организовать крах и гибель на море. Как, впрочем, и на суше. Но море — мир его безраздельной власти. Значит, всё дело — в нём.

— Чем провинился я перед Энносигеем, земли сотрясателем? — недоумевал Тесей. — Ведь ни разу я не отступил от его предначертаний!

— Каких предначертаний? — насторожился Парис, за время обучения у музы-звездочёта набравшийся всё-таки ума-разума.

Ему было только двенадцать лет, а Тесею не меньше двадцати, пожалуй. Но в силу сложившихся обстоятельств Тесей не мог ощущать своего превосходства над мальчиком, поэтому старался быть с ним на равных — ведь этот мальчик спас его от неминуемой гибели и теперь вёл себя так, будто ему известно, от чего зависит судьба и самого Тесея, и его друзей и недругов, а может быть, и всего подлунного мира.

Тесей вздохнул и решил начать с самого начала.

— Мать отправила меня к отцу, потому что вокруг царского дома в Афинах страсти до того

накалились, что Эгею надобно было разрешить окончательно вопрос с наследником. Что было делать? Я собрался и отправился в Афины.

— И по пути… все эти подвиги…

Тесей сдвинул брови и… рассмеялся:

— Какие подвиги? Я ехал верхом от Трезены до Афин с рассвета до вечера с коротким полуденным отдыхом. Почти до середины пути меня сопровождал мой друг и учитель, кентавр. Но в Афины я прибыл один, и Эгей встретил меня со всеми причитающимися почестями. Всё, что уже успели придумать о моём путешествии в Афинах… это, Парис, — пропаганда…

— Зачем? — удивился Парис.

— Зачем… — хмыкнул Тесей. — Чтобы придать наследнику вес!

— Да ты и так, — Парис обвёл взглядом могучий торс Тесея, — не худенький…

— Это не тот вес… — Тесей снова нахмурился. — Эгею нужны были доказательства, что я — единственно достойный наследник Афинского царского дома, молодой афинский царь. И, как видишь, ему это удалось. Но всё же для богов этих фантазий, видимо, оказалось недостаточно. И Эгей решил отправить меня на Крит. Я должен был во что бы то ни стало… — Тесей тоже понизил голос и потупил взор, — найти Дедала и выманить его в Афины. Как видишь, в этом я почти преуспел.

— Да. Почти, — Парис поёжился. — Кто же из бессмертных встал у тебя на пути? Уж точно не Афина. Посейдон? Но он-то чего от тебя хочет?

— Вот и я не пойму… жду ответа.

— Будет ответ, — Парис посмотрел на вечереющее небо, по которому расползались розовые перья облаков. — А пока тебе надо просто набраться сил. Так?

— Мальчик! — воскликнул Тесей, которого вдруг охватила волна незнакомого ему прежде воодушевления. — Клянусь, если судьба поставит тебя на край пропасти, как сейчас поставила меня, — тот, кто, невзирая на опасности и угрозы, ринется тебе на помощь, будет Тесей Афинский!

У Париса — он был дитя и мог ещё себе это позволить — слёзы хлынули. Он обнял Тесея, как старшего брата, и сердце его отозвалось такою же клятвой.

Ночью, когда Тесей уснул беспокойным сном в пещере Урании, Парис поднялся на вершину Корфы — в храм Созерцания[5]. Там, в полукруглом зале с такими же зеркальными стенами, как в чертоге «Тауруса», где Парис разговаривал с богами, он уже мог самостоятельно, без помощи и надзора Урании, обратиться к звёздам и получить ответы на свои вопросы. Правда, чтобы получить ответ, нужно было правильно составить вопрос. А это уже не просто наука. Это высокое искусство. Как, впрочем, и толкование ответов. К этому нужно иметь склонность и способности.

Урания убедила Париса, что этими качествами он наделён от рождения, так что ему следует доверять собственному чутью.

Над храмом Созерцания и днём, и ночью мерцало огромное голубоватое облако в виде чаши, но в темноте, когда работали все храмовые приборы, оно сияло так, что в небо поднимался широкий сноп лучей, которым юный звездочёт управлял, как всадник управляет умной лошадью. Перед ним, над чёрной доской, испещрённой светлыми письменами, стояло большое прямоугольное зеркало. На нём, по воле Париса, возникали и исчезали всевозможные образы[6]. Для того, чтобы они появились, надо было определённым образом настроить четыре уходящие сквозь потолок в чашу над храмом узкие трубы, в смотровые отверстия которых были вставлены круглые прозрачные кусочки какого-то чудесного материала. Глядя в такую трубу, Парис мог приблизить изображение, например, Луны настолько, что ему были видны камешки на её поверхности — так, словно они были разбросаны прямо у него под ногами. Это было чудо! Но ведь Парис уже понял, что значит иметь дело с богами!

5. Мы с тобой, читатель, сейчас назвали бы это сооружение обсерваторией — сооружением, используемым для наблюдения и слежения за различными объектами и явлениями на Земле и в космосе.

6. Мы с тобой, читатель, назвали бы это экраном монитора.

Чтобы распознать кое-что о судьбе конкретного человека, нужно было составить известного свойства текст из букв и картинок, при помощи твёрдо выученных Парисом действий вывести этот текст на экран и настроить трубы так, чтобы их показания соотносились с данными, которые заранее были обработаны и введены. Честно говоря, читатель, я сама в этом не очень-то разбираюсь. Но ведь меня не обучала муза звездочётов Урания, а Парис овладел её искусством если и не в совершенстве, то, по крайней мере, в роли талантливого успешного ученика. Но даже ему теперь было невдомёк, с какой глубокой, не постижимой его разумом тайной он соприкасается, пытаясь понять, что за судьба ожидает «молодого афинского царя» в ближайшее время. Лучи всех четырёх труб, сканирующих (прости, читатель, этот анахронизм![7]) звёздное небо с севера на юг и с востока на запад, наконец пересеклись в одной точке, и на экране перед изумлённым Парисом замелькали изображения, смысл которых он не в состоянии был истолковать. Он видел Тесея в каких-то невероятных облачениях среди странно одетых людей и сооружений — при этом рядом с ним, с Тесеем, что-то постоянно горело, рушилось, воздвигалось и снова рушилось. Мир, в котором обнаруживался Тесей, был всякий раз другой, незнакомый, то чудовищный, то манящий своей красотой и благоустроенностью, только сам Тесей всё время был один и тот же. Но то, что ждёт «молодого афинского царя» завтра или послезавтра, по-прежнему оставалось загадкой. Ответа не было.

«Наверное, я неправильно спрашиваю», — опечалился Парис, покидая храм Созерцания.

По едва заметной тропке он спустился с вершины Корфы к пещере Урании и присел отдохнуть на замшелый валун под ореховым кустом недалеко от входа. Ночь была тихая, с моря тянул солоноватый вечерний ветер, и Парису больше всего хотелось отвлечься — хотя бы на час-другой — от сложных соображений, касающихся всего того, что он только что увидел в храме. Парис даже, кажется, задремал, но тут рядом с ним послышался шелест тяжёлых шёлковых одежд, и муза-звездочёт опустила на его голову свою тёплую, но почти невесомую ладонь.

— Не расстраивайся, мальчик, не всё, что надобно знать, звёзды открывают сразу.

Парис вздохнул, а Урания продолжала:

— Позавчера Тесей отправился из Кносса вместе с Дедалом. Как думаешь, где теперь Дедал?

— Даже подумать страшно, — поёжившись, признался Парис.

— Ничего не страшно. Он жив, — Урания и бровью не повела.

Парис взглянул на её спокойное приветливое лицо, поднял глаза к небу, отыскал взглядом Сириус (так мы называем теперь эту яркую звезду) и незаметно для Урании сжал кулаки.

Ну что ж, читатель, оставим на время остров Тиру. Ведь пока Парис ведёт учёные беседы с покровительницей звездочётов, в Кноссе начинается праздник Восхваления Цветов.

Рано-рано утром, когда небо над Срединным морем только стало светлеть, все ворота и двери Дворца распахнулись, и к нему со всех сторон потянулись процессии и повозки, украшенные зелёными ветвями, цветочными гирляндами и венками. На площадях и галереях Дворца расставлены были помосты и скамьи с кувшинами и чашами, наполненными фруктовыми и ягодными соками, нектарами, взварами и другими напитками, названия которых Вера так и не удосужилась узнать. Здесь же на подносах и в бесчисленных мисках призывно благоухали всевозможные кушанья: лепёшки, сыр, сладкие шарики из творога и теста, яблоки, вяленый виноград… И всюду-всюду — цветы: крупные и мелкие розы, лилии, маргаритки… белые, розовые, бордовые, лиловые, голубые… Смешанный аромат цветов и яств был настолько силён, что кружилась голова!

Шалея от любопытства, Вера перебегала среди весёлой разномастной толпы, разодетой по последнему писку здешней моды, от одной повозки к другой, от одного шатра к другому и не могла надивиться изобретательности и смелости стихийных художников Крита.

Вот по дороге, ведущей от пристани к южным воротам Дворца, движется лёгкая тележка, вся обвитая виноградными лозами с широкими разлапистыми листьями, в тележке — юноша в венке из таких же листьев и накидке из пятнистой шкуры. Ой! А что это? кто это? Тележку тянут… звери — не звери… птицы — не птицы… «Это грифоны», — слышит Вера насмешливый голос Ариадны… Выступают важно мощными львиными лапами, слегка приподнимая полушерстистые-полупернатые крылья, кивают клювами направо и налево, чуть кося огромными чёрными глазами… Тележка окружена целой толпой девушек в полупрозрачных платьях из какой-то тонкой ткани («Похоже, неземного происхождения», — предположила Вера, потому что не могла сообразить, из какого материала можно было сделать такую ткань здесь, в царстве Миноса, за тысячи лет до того, как люди научились изготавливать искусственное волокно). Девушки на ходу поют и пританцовывают, а парень благосклонно улыбается и машет — им и попутчикам-зрителям, которые приветствуют его криками и тоже радостно пританцовывают.

7. Распространённая писательская ошибка, когда понятия одной исторической эпохи без всякого объяснения переносятся в эпоху другую.

— Ах! Ах! Ах! — кричат девушки, а между возгласами бьют ладошками в бубны, издающие сухие дребезжащие ритмичные звуки.

«Что же они ахают-то?» — Вера не могла взять в толк, почему эти «ахи» сочетаются с неудержимым весельем, пока не расслышала ясно…

— Вакх! Вакх! Вакх!

Так это они Вакха чествуют, то есть Диониса — бога веселья! Теперь понятно!

Какая-то девчонка, вся обвитая лианами хмеля и виноградными листьями, подскочила к ней и, громко смеясь, надела ей на голову пышный венок из трав и мелких, пахнущих мёдом белых цветов.

— Пойдём с нами славить Вакха!

«Не поддавайся! — услышала Вера насмешливый голос Ариадны, свой „внутренний голос“. — Иди к северным воротам. Жду тебя там».

Вера быстро, насколько ей это удавалось в толпе, побежала к северным воротам, краем глаза отметив для себя, что туда же несколько взрослых мужчин гонят здоровенных белых и рыжих быков с позолоченными рогами и в упряжи, украшенной оливковыми ветвями и жёлтыми лилиями. Звуки флейт и барабанов становились всё громче. Вера почувствовала, как всеобщее веселье овладевает ею, а ножки всё резвее несут её туда, где уже начинаются главные события Восхваления Цветов.

Глава восемнадцатая,

в которой Вера поневоле переживает приключение Европы и попадает в темницу

Сразу за северными воротами начиналась обширная сосновая роща. На большой поляне, надёжно укрытой хвойными ветвями от палящего полуденного солнца, толпились нарядные минойцы. Они смеялись, разговаривали, подтрунивали друг над другом, кто-то пел, кто-то насвистывал. Под опахалами широченных сосновых лап стоял равномерный праздничный шум. Посреди поляны виднелось сооружение, напомнившее Вере школьный самодеятельный театр: собранные из деревянных щитов высокие ширмы, две из которых немного прикрывали третью справа и слева. Перед ними — хорошо утоптанная и даже кое-где присыпанная песком площадка, границы которой собравшиеся добросовестно соблюдали. Очень похоже на сцену с кулисами.

Вера сразу увидела Ариадну. Та стояла в окружении разновозрастных родственниц возле высоких корзин с цветами и лепестками. Время от времени к ним подбегали разные детишки — двуногие, четвероногие и на гусеничном ходу (так Вера иногда — про себя — называла драгайнов), наполняли корзинки лепестками и убегали, чтобы разбрасывать эти письма цветов в шумной пёстрой толпе, ожидающей представления.

«Где ты была?» — с деланной строгостью осведомилась Ариадна.

«Будто не знаешь…» — весело отозвалась Вера.

Обе мысленно рассмеялись, и Вера почувствовала такую огромную, вселенскую любовь и к своему второму «я», и к этим цветам, и к странным существам, которые её окружали, и к этому чудесному миру, и ко всему миру — *вообще*… к миру, в котором десятки тысяч лет спустя есть её мама, и папа, и Красноярск, и двухэтажный дом на улице Ленинградской, где она, бездельничая на балконе, пыталась нарисовать воробья…

Пока Вера переживала все эти сложные чувства, издалека донеслись звуки флейт и бубнов. Они становились всё громче и громче. И вот из-за деревьев показалась праздничная процессия. Впереди уже знакомой Вере тележки, запряжённой двумя грифонами, которые нет-нет да порываются взлететь, бегут вприпрыжку какие-то лохматые дядьки — с рогами во лбу и копытами вместо ступней, а по сторонам столь же резво пританцовывают на бегу девушки с бубнами. Бьют в бубны и, задыхаясь от возбуждения и смеха, кричат:

— Вэй! Вэй! Вакх! Вакх! Вакх!

В тележке — под навесом из сосновых ветвей — восседает сам Дионис-Вакх в пятнистой барсовой шкуре и с жезлом, увенчанном сосновой шишкой.

Вот Вакхова свита приблизилась, грифоны остановились, высокомерно, вполглаза, разглядывая неистовствующую от восторга толпу. Дионис — как шоу-звезда, — благосклонно раскланиваясь, сошёл с повозки и, раскрывая на ходу объятия, направился к Ариадне. Но тут же опешил, разглядев наконец Веру прямо перед собой.

— Не беспокойся, Эван[8], — улыбнулась Ариадна, — предначертание сбылось!

Дионис расплылся такой всепобеждающей улыбкой, что у Веры защекотало между лопатками и почему-то захотелось плакать.

Однако пока они так взаимно раскланивались, над поляной взревели трубы — и повсюду мгновенно воцарилась тишина.

Со стороны Дворца — из-за поворота неширокой, но плотно утоптанной дороги, высоко завешенной тенистыми ветвями («Это священные платаны», — беззвучно подсказала Ариадна), — показалось новое шествие. Впереди плавно выступали семь девушек в белых и сиреневых одеждах. Девушки на вытянутых руках несли пышную гирлянду из хмеля и плюща, перевитую красными лентами и усыпанную розовыми и белыми цветами. Следом шагали в два ряда четырнадцать дворцовых стражниц, вооружённых копьями и щитами, но вместо боевых шлемов их кудрявые головы украшали маковые венки, тоже перевитые разноцветными лентами, которые

8. Эван — прозвище Диониса.

свободно спадали девушкам на плечи. Затем — явно возвышаясь над свитой — рука об руку шли царь и царица, прекрасные и величественные, как всегда. За ними — ещё два ряда стражниц, а дальше — разномастной жизнерадостной толпой — родственники и приближённые царской семьи, всевозможные вельможи, придворные, служащие Дворца и гости — с цветами в руках и на головах, с гроздьями ягод в корзинах и сосудах. Замыкали процессию несколько быков — тех самых, которых Вера видела по дороге. Рядом с великолепными животными, упитанными, но в то же время тренированными — мускулы так и играли у каждого под кожей, — резво бежали кентавры с кнутами и верёвочными лассо, а также смуглые юноши в набедренных повязках. Это были акробаты, участники тавромахий[9], которые, как обычно, должны были венчать всё празднество. Длинные чёрные и русые волосы юношей были заплетены во множество косичек, которые, словно змеи, шевелились на загорелых плечах и спинах.

«Как на фресках в Лабиринте», — подумала Вера, но снова грянула музыка, и её внимание переключилось на происходящее вокруг «театра».

Пока царская чета и свита, отдав должные почести Дионису, устраивались на скамьях, расставленных на поляне, остальные рассаживались кто где успел, нетерпеливо переговариваясь в ожидании зрелища.

Наконец всё было готово к праздничному представлению. Царица Пасифая встала и взмахнула алым платком.

Как тысяча сердитых дятлов, застучали маленькие барабаны, и на площадке перед «кулисами» появился закутанный в чёрное человек, лицо которого было закрыто белой маской с чёрными прорезями для глаз и рта. Его фигура была неестественно вытянута, и он казался чрезмерно высоким. Гиперборейцы — так между собой называли друг друга представители царского рода, Минос и его ближайшие родственники, — были очень рослыми, значительно превосходили ростом обычных жителей Крита, но они выглядели вполне себе натурально, а тут было видно, что рост человека нарочно подчёркнут.

«Он стоит на котурнах, — пояснила Ариадна, — чтобы зрители могли лучше видеть его и чтобы показать, что это герой, важная персона!»

«Красивое слово!»

«Котурны-то? Да. Очень красивое. Это такие деревянные штуки вроде сандалий на большущих подставках-платформах. Двигаться на них почти невозможно. Так ведь по орхестре — по площадке, на которой происходит действие, — и не двигаются почти. Так — шаг влево, шаг вправо… — она засмеялась. — Кстати, и маска на нём для того, чтобы чувство, которое по ходу действия должно быть на лице, видели зрители даже издалека, и само это чувство — скорее символ чувства, а не весь тот букет, который испытывает в разных ситуациях обычный человек. К тому же маска действует как рупор. Чтобы все всё слышали».

И правда — воздев руки к небу, человек взвыл так, словно каждое его слово, прежде чем достичь слуха зрителей, прошло через длинную трубу. Вера даже не сразу смогла различить в этом гудении отдельные слова. Но потом привыкла и стала следить за представлением с возрастающим любопытством.

Зачем, о Неизбежность,
Змею вложила в сердце ты моё? —

протрубил лицедей. —

Я знал, кто мне приятель, кто мне враг,
Кому доверить я могу все тайны
И разума, и сердца моего,
А кто, когда опасность приключится,
Против меня их тут же обернёт,
А значит, нужно сохранять молчанье…
Теперь же… о!!! как быть мне? Как мне быть?
Друзей отныне нет у Прометея!
Лишь паства неразумная… а друг,
Мой друг, мой брат — врагом оборотился
И требует отречься от того,
Чему я участь посвятил земную!

9. Тавромахия — игра человека с быком. Тавромахии были широко распространены на Крите и часто бывали смертельно опасными.

Тут лицедей прижал руки к груди и зарыдал столь энергично, что сосновые лапы над его головой вздрогнули, как от ветра, а у самых чувствительных зрителей закапали слёзы. Вера оглянулась, чтобы отметить для себя, как на всё это реагирует Дионис, поэтому и не поймала момент, когда на орхестре появился второй лицедей. Вакх чуть-чуть шевелил уголками пухлых розовых губ, так что непонятно было — засмеётся он сию минуту или заплачет. Между тем второй лицедей затянул своё:

Не знал ты разве истину, отец,
Что хуже всяких бед — и вместе взятых —
Препятствовать превосходящей силе?
Смирись! Не то, гляди, и слабых нас —
Твоё едва прозревшее созданье —
Суровейшая не минует кара
За злую неуступчивость твою!

(«За жестоковыйность!» — Вере немедленно пришло на ум трудное слово, которое она услышала от Гермеса.)

Первый лицедей ответил жестом, который Вера так и не смогла истолковать, и возопил ещё громче:

С бесчестием мириться и обманом?
Терпеть несправедливость? Для чего
В нас ум вложил и дал пути познанья
Творец начал, несотворённый разум?
Я сделал вас, мой сын Девкалион,
Соравными бессмертным — что ж теперь
Подобно стаду жалкому влачитесь
Вы, гордость позабыв, во тьме земной?

Лицедей, названный Девкалионом, в ужасе прижал руки к лицу (то есть к маске, изображавшей страдальческую гримасу), и загудел:

И себя, и нас погубишь!
Обнаружит Зевс пропажу —
Кто от гневного Кронида
Нас, несчастных, защитит?

Первый горестно покачал головой:

Всё, что я намерен сделать,
Людям делаю во благо,
Смертным людям — во спасенье,
Но — увы! — назло богам!
Порицанья ли достоин
Тот, кто, жертвуя собою,
На земле другие жертвы
Навсегда предотвратил?

Тут с левой стороны орхестры появились девушки в чёрных плащах и в чёрных головных накидках. Они медленно двигались к середине площадки, нестройно причитая нараспев:

Для чего нам испытание такое?
Покоя хотим, только покоя.
Дерзость к погибели ведёт.
Послушание защиту даёт.
Верни, что взял, Прометей.
Своих защити детей.

— Ой-ё-ёй… ай-я-яй… — вопили плакальщицы, а с противоположной стороны им навстречу уже шли другие девушки — в белых плащах — и громко восклицали:

Не сдавайся, сопротивляйся!
Помни, кто ты и кто твой отец!
Человек! Творенья венец!
Помни, кто ты, земли и неба дитя!
Будь собою, страдая или шутя!
К звёздам, к воле веди, Прометей,
Сильных, верных своих детей!

«Прометей… — подумала Вера. — Ну да… как же!» Этот миф она как раз прекрасно помнила. Прометей украл у Зевса огонь и за это был наказан — прикован к скале навеки.

«Это позднéе так назвали — „огонь“, — тут же отреагировала Ариадна. — На самом деле никто не знает, из-за чего Прометей поссорился с Зевсом. Уже третье лето подряд Мельпомена разыгрывает во время Восхваления Цветов именно эту драму. Что она хочет этим сказать царю и народу?»

«Кто-кто? Мель… по…»

«Мельпомена! Помощница Феба Аполлона. Муза. Устроительница представлений, — Ариадна обвела глазами поляну вокруг орхестры и взглядом указала Вере на высокую тёмную фигуру у правой ширмы. — Мельпомена никогда не упускает случая показаться людям на представлении, но всегда держит своё участие в секрете. Немногие способны узнать её среди гостей».

Вера попыталась получше рассмотреть Мельпомену, и какое-то смутное предчувствие кольнуло её сердце.

Девочка перевела взгляд на царскую чету. Минос явно нервничал. По мере того как на орхестре развивалось действие: Прометей и Девкалион препирались относительно гордости и смирения, а хор — справа и слева — бурно поддерживал то того, то другого, — Минос становился всё мрачнее. Казалось, он был близок к тому, чтобы встать и удалиться. И тем самым прекратить представление.

«Что с ним?» — Вера подумала, что Ариадна, скорее всего, постарается уклониться от ответа, но та ответила моментально:

«Это ведь ему послание. Очень жёсткое… Напоминание и предупреждение. Но Минос слишком непоследователен в своей политике. Ни с кем не хочет ссориться. Ни с Зевсом, ни с Прометеем. Увы… терпению бессмертных приходит конец. Они дают понять. Вот отец и сердится. Вернее, делает вид, что сердится, а на самом деле — просто не знает, как быть».

«А ты знаешь?»

«Я?—Ариадна мысленно усмехнулась (мысленная усмешка никак не отразилась на её прекрасном лице, но Вера всё поняла, не сомневайся!).—Конечно. На месте отца я сделала бы всё возможное и невозможное, чтобы найти Прометея… Заметь, никто не знает, где он—то ли скрывается, то ли в плену… Найти Прометея и договориться с ним».

«Против Зевса?»—изумилась Вера.

«Почему—против? Скорее всего, когда всё закончится по-хорошему, он и сам признает, что правда была на нашей стороне».

«Что—всё?»—не унималась Вера.

«То всё,—невозмутимо парировала Ариадна,—из-за чего они поссорились. А это, Вера, и для меня загадка. Минос, конечно, знает, но никому не говорит. Это—такая тайна, что даже спрашивать о ней—великая дерзость. А тут Мельпомена уже третий раз намекает. Придёшь от этого в ярость!»

За увлекательной мысленной беседой они обе совершенно перестали следить за представлением, как вдруг где-то позади—там, где только что смирно стояли быки и акробаты,—раздались отчаянные вопли, визг, стук и грохот переворачиваемых скамеек и опрокинутых сосудов с цветами.

— А-а-а-а-а… О-о-о-о… У-у-у-у-у… Держи! Хватай! Лови!

Вся поляна моментально пришла в движение. Люди вскочили с мест: что случилось? где? почему?

Прямо на орхестру, с разбегу раскидав по сторонам лицедеев и хор, влетел здоровенный золотисто-пегий бык. Остановился, покрутил высоколобой рогатой головой, ударил о землю копытом и—ринулся прямо на зрителей. Те, конечно,—врассыпную.

— Держи его!

Два кентавра пытались заарканить быка, забегая то справа, то слева, но у них ничего не получалось—тот уворачивался всякий раз, как верёвка свистела у него над ухом. При этом видно было, что бык вовсе не разъярён, чтобы всё крушить и ломать на своём пути. Он… играл. Да-да! Он просто играл, веселясь от избытка сил и отваги. Правда, опасной была эта игра, но разве в сфере… э-э-э… «высоких достижений» бывает что-нибудь безопасное? Участники Восхваления Цветов, убедившись в реальности Игры, перестали бояться и—наоборот!—моментально разделились на фанатов быка и фанатов кентавра, который пытался его заарканить.

— А-а-а-а… О-о-о-о… У-у-у-у… Давай-давай… справа… слева заходи… Берегись, тельче…[10]—неслось со всех сторон.

Но Минос, похоже, не разделял общего веселья. Он раздражённо поднялся со своего места, кивнул сидевшим рядом гостям и молча удалился в сопровождении расстроенной Пасифаи и ближайшей свиты. На вечереющее небо вдруг набежала мохнатая синяя туча, вдалеке громыхнуло. Над головами разгорячённых зрителей пронеслась колесница Диониса, увлекаемая невозмутимыми грифонами. Вакх смотрел вниз, на ликующую толпу, и хохотал, опрокидывая над головами кувшины с вином и разбавленным водою мёдом.

— Вера, бежим!—вдруг в голос закричала Ариадна и схватила Веру за руку.

Тут только Вера заметила, что бык на всех парах несётся прямо к ним. Она бы и хотела отскочить, но, будто заворожённая, не могла двинуться с места. Дальше всё происходило как в замедленном кино. Бык резко затормозил прямо перед ней и уставился ей в глаза совершенно осмысленным, игриво-призывным взглядом…

— Вера!!!—кричала Ариадна и за руку тянула её к себе.

Но Вера словно остолбенела. Бык приблизился почти вплотную, широко расставив передние ноги, низко опустил голову и в одно мгновение поддел позолоченным рогом шёлковую ленту, которой в несколько рядов было перепоясано Верино платье. Ариадна попыталась удержать своё второе «я», обхватив её за талию, но бык—без малейшего усилия—подбросил Веру над собой, так что она тяжело и нелепо шмякнулась ему на спину, уже почти не соображая, что происходит, и—рванул прочь с такой скоростью, что все предметы вокруг ошалевшей от неожиданности пленницы слились в монотонный расплывчато-разноцветный фон. Вера зажмурилась и—уже в который раз—решила довериться существующему порядку вещей.

«Ве… ра… пры… гай…—Ариадна у неё в голове заходилась истерическим криком.—Ве… ра…»

Но Веру так прижало к спине быка, что она и пошевелиться не могла. Ариадна, театральная поляна, Дворец… да и сам остров Крит, пожалуй, остались далеко позади…

«Лечу со скоростью звука…—Вера боялась открыть глаза.—Или даже… со скоростью света…»

Бык мчался так, словно действительно собирался в ближайшее время переместиться вместе с Верой на другую планету. Его горячее тело жутко и в то же время с электрической надёжностью вибрировало и гудело под Вериными ладошками и коленками. Но самое скверное было в том, что Вера не только перестала чувствовать присутствие Ариадны, но и утратила никогда прежде не прерывавшееся ощущение связи с родным миром. За всё время пребывания на острове она никогда не теряла смутного, сомнительного, но всё-таки очевидного присутствия границы… как будто было какое-то положение её тела относительно имевшихся рядом предметов, благодаря которому она могла находиться одновременно в двух мирах: и в своих дворцовых покоях, и в собственной

10. Тельче—звательный падеж от гиперборейского «телец», то есть бык.

комнате в Красноярске… и в мастерской Дедала, и у себя дома на балконе… Даже когда она была деревом, это чувство—где-то далеко-далеко, на краю сознания, но всё же трепыхалось в ней. А теперь она его утратила. Словно скорость, прижавшая её к спине быка, насильно оторвала и отодвинула от неё родной дом. Словно кто-то грозный и всесильный дал ей понять, что игры и шутки кончились. Словно её, поводив вокруг да около, поставили перед настоящим испытанием. Вот что было страшно. И Вера чуть не заплакала.

Но тут бык со всего размаху бухнулся в воду. Веру смыло волной с его спины, и она стала тонуть, захлёбываясь солоновато-горькой влагой, размахивая руками и пытаясь кричать «спасите-помогите». Когда она изнемогла настолько, что была уже готова смиренно пойти ко дну, откуда-то снизу, прямо у неё из-под ног, поднялся огромный воздушный пузырь. Вера не заметила, как оказалась внутри всего этого воздуха и, подобно невесомому пёрышку, повисла посередине, продолжая медленно опускаться вместе с пузырём.

Теперь она могла дышать, и приобретённый на острове инстинкт «ничему-не-удивляюсь-просто-наблюдаю» вернул ей способность рассматривать и обдумывать то, что происходит вокруг. Ей по-прежнему было страшно… ужасно страшно… но когда прямо перед тобой из полупрозрачного зеленовато-голубого пространства выплывает огромная рыбья морда с четырьмя парами серебристых усов по бокам ритмично открывающегося и закрывающегося беззубого рта… выплывает и таращится на тебя круглыми жёлтыми глазами… или стайки красных и синих рыбок сопровождают твоё движение затейливым хороводом… или вдруг совершенно человеческие лица и совершенно человеческие ладони облепляют со всех сторон твой неожиданный батискаф, и ты не сразу замечаешь, что от человеческих рук эти ладони отличаются лягушечьими перепонками между пальцами, а от человеческих тел эти тела—рыбьими хвостами вместо ног… впрочем, после кентавров, драгайнов, грифонов и дактилей—сирены, дюгони и морские нимфы вовсе не воспринимались как нечто невероятное… скорее, морские обитатели изумлялись Вере, тихо опускающейся в воздушном пузыре сквозь привычную для них среду обитания.

Вот из тёмно-зелёной глубины поднялся громадного роста косматый дед, похожий на лешего, с рыбьим хвостом, игольчатым спинным плавником и шевелящимися жабрами на морщинистой шее. Оглядел Верино плавательное средство справа и слева, нахмурился огорчённо, покачал головой и—р-р-раз… взмахнул хвостом и в одно мгновение снова скрылся внизу.

Неизвестно, сколько времени продолжалось бы это умиротворяющее погружение, но вдруг совсем близко впереди что-то ярко вспыхнуло, раздался

резкий хлопок, в лицо Вере снова хлынула вода, и непреодолимой силы водоворот втянул её в узкую каменную трубу…

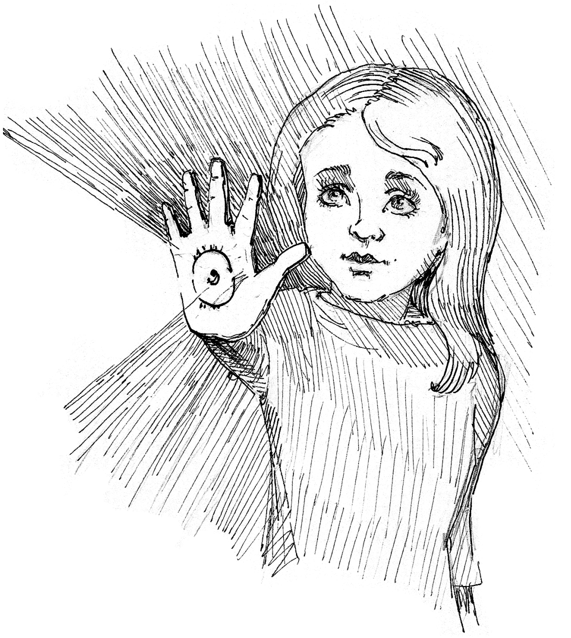
Бац… бац… хлоп… ой!.. о-ё-ёй!..

Вера больно ударилась лбом и коленками обо что-то холодное и твёрдое—и на несколько секунд даже потеряла сознание. Открыла глаза и тут же поняла, что могла бы их и не открывать. Всё равно ничего не было видно. Совсем ничего. Непроглядная тьма. В буквальном смысле слова. Вытянув перед собой руку, Вера не смогла разглядеть даже собственные пальцы. Дышать было можно, хотя воздух, тяжёлый, сырой и какой-то… затхлый, не вызывал желания вдохнуть полной грудью. Вера попыталась сесть, неловко повернулась, и тут что-то пребольно кольнуло её в бок.

Ах вот оно что! Нашарив в складках ленты, опоясывающей платье, крошечный остаток карандаша, Вера вскрикнула от радости. Ну конечно! Видимо, Зои, всегда и везде предполагавшая возможную неприятность, помогая Вере одеться к празднику, спрятала карандашик в её наряде.

Но чем же теперь он может помочь? Нет ничего, на чём можно было бы рисовать… Да и как рисовать в полной темноте?

Вере снова захотелось плакать. Но она взяла себя в руки… подумала-подумала… и решила нарисовать что-нибудь у себя на ладошке. На ощупь. Да-да… Смешно, конечно. Но попытка—не пытка.



Что же нарисовать-то?.. что сейчас самое необходимое и в то же время самое простое? Конечно, свет!

Но как нарисовать… *свет?*

Не придумав ничего лучшего, Вера обвела карандашом середину левой ладошки и в центре невидимого овала поставила жирную точку. Чтобы получился глаз.

И—чудо! Карандашик «понял» её замысел! Глаз на Вериной ладошке сначала сам просветлел, моргнул пару раз, а потом из него прямо вверх ударил яркий луч света. Вера наконец-то смогла осмотреться.

— Ничего себе,—невольно вырвалось у неё.—Теперь понятно, что такое… застенок… темница… тюрьма… узилище… а я, значит, узница… «Сижу за решёткой в темнице сырой…»

Правда, никакой решётки в этой темнице не было. Не было ничего, что хотя бы отчасти напоминало окно. Высоко-высоко над Вериной макушкой нависал тёмный каменный свод. Вера рассматривала стены, влажно мерцавшие под световым лучом, исходящим из её ладошки, и её пробирала дрожь. Да. Действительно, каменный мешок. Узкий, безвыходный и безнадёжный. Наша храбрая путешественница замурована в камень. Не больше и не меньше. Темнота и полная тишина. Кажется, Вера слышала только удары собственного сердца. К тому же становилось всё холоднее и холоднее. Вера сжалась в комочек, упёршись лбом в коленки и крепко обхватив их руками. Она изо всех сил старалась сосредоточиться на собственных мыслях, чтобы уловить хотя бы слабую ниточку связи с Ариадной… но—нет. Её только сильнее трясло от страха и холода. Всё, что у неё было теперь,—крошечный глазок на ладошке, единственный источник света и… да!.. и тепла! Когда Вера сжимала кулачок, огонёк на ладошке, конечно, закрывался, но зато начинал ощутимо греть. Значит—что? Значит, Вера всё равно—не одна! Кто-то явно заботится о ней даже в таком безвыходном положении. Эта мысль немного успокоила её, и она, чтобы хоть чем-то занять себя, стала при помощи негасимого огонька на ладошке камень за камнем методично исследовать своё «узилище».

И вот—в пятнышко света попал еле заметный движущийся объект. Это был серый паучок-косиножка. Он еле-еле перебирал тоненькими лапками, под которыми слабо мерцали ниточки паутины.

Надо ли говорить, что Вера обрадовалась ему, как старому знакомому?! Чужое, странное, но ведь живое существо!

Однако… Вере стоило бы насторожиться! Змейки, собачки, птички… даже листики… в этом удивительном мире, к которому Вера почти привыкла, не попадают в поле зрения просто так.

Паук вместе с паутиной стал расти-расти, расползаясь по стене и приобретая форму огромного лица с белёсыми космами взлохмаченных волос, крючковатым носом, чёрными провалами глаз и длинным извилистым ртом.

— Наигралась, голубушка?!—пророкотала голова и нахмурилась, сдвинув к переносице сизые, словно пеплом покрытые брови.

— Что вам от меня нужно?—Вера вскочила, сжав кулачки.

Свет в её ладошке сразу сморщился и погас, но от лица на стене исходило мертвенное холодное сияние, так что выражение его Вера ясно различала.

— Не притворяйся! Ты знаешь—что. Перестань вмешиваться в наши дела! Они тебя не касаются.

— Что значит—перестань? Очень нужны мне ваши дела! Вы все—непонятно кто—ворвались в мою жизнь, перевернули всё в ней с ног на голову, ничего не объясняя, втянули в какую-то драку, а теперь, оказывается, я вмешиваюсь в ваши дела!

В ответ лицо медленно сползло со стены на каменный пол, свернулось в клубок, и вот уже серебристый единорог… или, скорее, тень единорога стоит перед Верой.

— Непослушная девочка!—единорог покачал головой.—Тебе уже не раз предлагали покончить с недоразумением раз и навсегда. С недоразумением, слышишь? То, что ты сюда попала,—нелепая случайность, произошедшая по вине недобросовестных служащих Лабиринта. Но ты давно уже могла всё исправить одним лишь изъявлением желания. Исчезнуть отсюда и всё-всё-всё забыть. Раз и навсегда! Пойми! Сейчас тебе даётся последний шанс вернуться домой. Только скажи—честно, искренне!—что ты этого хочешь.

Вера молчала, по-прежнему стиснув кулачки.

Единорог раздражённо топнул копытом, тень его снова склубилась в бесформенное облако, и Вере в лицо зашипела огромная кобра с раздувшимся от ярости капюшоном:

— Так с-слуш-ш-шай, упрямая девчонка! Или ты сейчас-с-с же отправиш-ш-шьс-ся домой по с-с-собственному желанию, или ос-с-станеш-ш-шьс-с-ся здес-с-сь навс-с-с-сегда… Без еды, воды, тепла и с-с-света. И мы тут ни при чём. Ни при чём. Ну?! Что с-с-скажеш-ш-ш-шь?

Вера, потупившись, молчала и чувствовала только, как маленький горячий огонёк щекочет её ладошку. Да уж. Добро не бывает таким страшным. Правда ведь? А если бывает? Если сейчас ты совершишь ошибку, цена которой — жизнь? Вера представила, каково это — замерзать в темнице… в полном одиночестве… её передёрнуло от ужаса и возмущения… но горячий огонёк в кулачке отдавался теплом в её сердце. Ровно и уверенно…

— Ну-у-у? Да-а-а? Yes-s-s? — кобра нависла над ней вопросительным знаком.

Вера подняла голову, нашла взглядом мерцающие зеленоватым блеском узкие змеиные глаза, собралась с духом и громко, отчётливо сказала:

— *Нет!*

Глава девятнадцатая,

в которой Ариадна ищет Тесея, Икар и Тесей ищут выход из сложившейся ситуации, а Парис попадает на «Таурус»

Тем временем во Дворце вот уже несколько дней подряд царил переполох, граничащий с паникой. Похищение Веры укрепило Миноса в подозрении, что его дела в последнее время находятся под неусыпным контролем бессмертных. Причём с разных сторон. Это не могло не вносить в размеренную жизнь Дворца огорчительное беспокойство и даже тревогу. К тому же соглядатаи обшарили всю округу — вдоль и поперёк и снизу доверху, но никаких следов Тесея не нашли. А то, что примерно тогда же остров покинул Агамемнон, наводило сыщиков на вполне объяснимые подозрения.

«Вот и ладно. Вот и пусть», — думала Ариадна, сердце которой буквально разрывалось между пропажей Веры и отсутствием вестей от Дедала, который так часто подолгу пропадал в мастерских Лабиринта, что его исчезновения никто и не заметил.

До Дворца, конечно, дошли известия о страшной буре, разыгравшейся над Срединным морем в ночь, когда Дедал с Тесеем отплыли на Тиру, но Ариадна не позволяла себе даже предположить, что эта буря могла погубить критский кораблик. Лодочник — опытен. Дедал — мудр. Тесей — силён и вынослив. Нет-нет! Погибнуть они не могли. Почему же до сих пор не вернулась почтовая птица, которую Дедал должен был выпустить по прибытии на Тиру?

А Вера? Ариадна не сомневалась, что её второе «я» — под надёжной защитой. Да, игра ещё не выиграна. Но и не проиграна. У Веры — могущественные покровители. Жаль, что связь с нею прервалась. Но ведь как-то жила она без этой связи! Что же теперь так ноет сердце? Чего ему не хватает? Ариадна кое-что знала о мире, из которого так внезапно явилась Вера. Это был мир того будущего, которое всегда присутствует и в настоящем, и в прошлом. Ведь все времена одновременны. В этом-то Ариадна ничуть не сомневалась. Но тот далёкий мир представлялся ей всегда, как говорится, в самых общих чертах, а Верины мысли делали его таким близким и понятным, словно она действительно переживала каждую минуту её жизни — вместе с ней.

«Наверное, точно так же и Вера чувствует мой мир, мои переживания как свои собственные. Хотя она ребёнок… а я…» — у царевны слёзы навернулись, но уж чем-чем, а излишней сентиментальностью она не страдала, поэтому в конце концов, вместо того чтобы перебирать в голове свалившиеся на неё печали и горести, начала придумывать план.

Ариадна сидела на полу в своей опочивальне, поджав под себя ноги, и раскладывала перед собой на ковре цветки шафранов, целая охапка которых плавала рядом в бассейне.

«Это Кносс, — Ариадна положила рядом два шафрановых венчика, — а это, — в сторону был брошен другой цветочек, — это Тира. Вот здесь, — она бросила на ковёр ещё несколько шафранов, — острова… А это, — на ковёр полетела целая горсть цветочных головок, — царство Афины. Допустим, Тесей и Дедал добрались до Тиры. В городке Акрос они должны были найти кого-нибудь, кто имеет доступ к местным нимфам. А те наверняка знают, как договориться с бессмертными. Если же не добрались до Тиры… Значит, они сейчас на одном из островов…»

— Икар здесь, — прошуршала Зои за её спиной.

Ариадну озарило: Икар!!!

Так вот и получилось, что спустя несколько дней во время своей обычной вечерней прогулки по берегу Парис увидел над скалами фигурку крылатого человека, которая быстро удалялась в сторону Акроса. Он, конечно, удивился, испугался, поэтому и поспешил — по уже приобретённой привычке — в храм Созерцания: спросить звёзды о прошлом, настоящем и будущем.

Звёзды, как и прежде, не отвечали на вопросы, которые он задавал, но показывали некий чертёж, подлежащий истолкованию. Из него же выходило, что неожиданное событие, случившееся сегодня, имеет прямое отношению к Тесею. Это событие требовало немедленного действия от него, Париса, иначе весьма ухудшатся дела не только у Тесея, но и у множества людей, которых Парис не знал; но — главное! — в звёздных рисунках Парис увидел символы, указывающие на Веру. Ей грозила опасность! Страшная, смертельная опасность.

Ну, раз так… Парис недолго думал. Тесею не нужно было подробно объяснять, зачем они отправляются в Акрос. Молодой афинский царь, вполне оправившись после кораблекрушения, был готов к путешествиям и подвигам. Летающие люди? Мало ли какие бывают люди и нелюди! Найдём и допросим! Хватит валяться на мягкой перине у гостеприимной Урании. Пора и за дело приниматься.

Друзья отправились в путь на рассвете, постаравшись скрыть от хозяйки пещеры незапланированный уход, но она, конечно, знала всё и без предупреждения. Ведь это «мероприятие» как раз вполне соответствовало целям Феба Аполлона, а значит, и её, Урании, целям. Поэтому она только терпеливо наблюдала за молодым афинским царём и его юным приятелем.

А они—с утра пораньше—принялись бодро шагать по дорожкам и тропинкам Тиры, скрашивая недолгий и нетрудный путь приятной глубокомысленной беседой. Выяснилось, что о Вере Тесей почти ничего не знает. Он познакомился с Ариадной, и о ней у него сложилось, скажем так, двойственное впечатление. Девушка умная и красивая. Но какая самоуверенность! Порядочные девушки так себя не ведут! В Афинах такую осмеяли бы и выгнали из города!

«Ого!—подумал Парис.—А как же Вера? Уж Вера-то, Вера…»

Он не посмел даже продолжить…

— Скажи, Тесей, ты бывал… в Лабиринте?

— Да…—молодой афинский царь пожал плечами, как будто прогулки в Лабиринте для него—дело обычное и повседневное.

— И как там?

— Жутковато было поначалу. Но со мной были надёжные спутники. Сперва Ариадна сама, потом—Икар, сын Дедала… Подозреваю, кстати, что как раз его-то и предстоит нам разыскать. Обычное, конечно, дело—летающие люди, но… думаю, кроме Икара и Дедала, больше и нет таких никого.

— Расскажи про Дедала, Тесей! Про Дедала, про Икара и про Лабиринт.

— Да я ничего толком-то и не знаю. Когда я прибыл из Трезены в Афины, Дедала там давно уже не было. Говорили, что он из зависти к успехам убил собственного ученика и, спасаясь от кары за преступление, бежал и спрятался у Миноса, на Крите. Тот—ясное дело!—принял беглеца как родного! Ещё бы! Среди учёных, строителей и волшебников до сих пор нет равных Дедалу в хитроумии и мастерстве. Ходили ещё разговоры, будто бы Дедал посвящён в секреты первородных… и даже вроде бы он сам—из тех, из первородных, так что у кого Дедал на службе или в дружбе, тому никакие враги не страшны!

Парис поёжился, но всё же повторил вопрос:

— Ну а… что там, в Лабиринте?

— Там?—Тесей вздохнул.—Там всё очень—ты не поверишь!—но там всё настолько красиво, что я дух не мог перевести! Там есть пещеры, и лестницы, и переходы, и прекрасные залы, расписанные охрой и киноварью… И храмы! И башни! И зверинцы, полные невиданных существ… и кипарисовые рощи, и лавандовые поля… Там заправляют всем хозяйством невозмутимые змеедевы. И там… там—царствует Ариадна. Прекрасная, как богиня.

Парис понял: молодой афинский царь сейчас снова пустится в рассуждения о красоте и скромности,—и поспешил сменить тему разговора:

— А Минотавр?

Тесей споткнулся на последнем слове:

— Что—Минотавр?

Парис молчал, всем своим видом показывая, что не настаивает на продолжении. разговора.

Но Тесей, замявшись на несколько мгновений, вдруг сам—полушёпотом—произнёс:

— А ведь я его и взаправду… видел…

— Кого?—Парис сглотнул слюну и остановился от неожиданности.

— Минотавра… видел. Вот как тебя сейчас.

Парис, на мгновение утратив дар речи, уставился на старшего друга, а тот, почему-то оглядевшись по сторонам, продолжил быстрым шёпотом, словно боялся, что кто-нибудь подкрадётся и услышит:

— Когда нас—афинских юношей и девушек—высадили на критском берегу, мы некоторое время сидели на камнях у кромки воды, дожидаясь посланников Дворца, которые должны были решить, куда нас дальше отправить. День клонился к вечеру, всех, особенно наших спутниц, донимала усталость. Голоса моряков и грузчиков, стук и грохот досок, корзин и ящиков, рёв и блеяние скота—обычные звуки пристани—слились для нас в однообразный шум, но этот звук—он доносился из-за небольших холмов, поросших кустарником,—был настолько странным, что я вскочил и навострил уши. Мои товарищи тоже встрепенулись, но я велел им оставаться на месте, а сам, прячась в кустах, пошёл за источником звука.

— Неужели вас никто не охранял? Тебе так вот запросто позволили уйти?—недоверчиво молвил Парис.

— Охрана?—Тесей поморщился.—А вот послушай, что было дальше! Я обогнул пригорок и тут же упал плашмя за мириковый куст, надеясь, что не буду обнаружен: прямо на меня двигалось оно… чудовище… Огромное—в два… нет, в три человеческих роста высотой. С огромными руками и ножищами, обутыми в медные сапоги. Голова у него была бычья—с рогами и красными немигающими глазами, которыми чудовище водило кругом, как никогда не смогут ни человек, ни животное. И ещё—в разных местах на теле у него то вспыхивали, то гасли белые, зелёные и красные огни. При этом чудовище издавало тот самый звук,

больше всего похожий... да!.. на гул потревоженного пчелиного роя. И этот звук исходил не из пасти чудовища, а от всего тела, которое, помимо этого, скрипело, скрежетало и звякало, с ужасной равномерностью бухая ножищами по камням.

— Оно,— Парис едва не задохнулся от удивления и страха,— заметило тебя?

— Нет,— Тесей качнул головой.— Я скрылся за мирикой и только наблюдал, стараясь не шевелиться и даже не дышать. Представь, что́ такое страшилище может сделать с человеком! С каким угодно множеством людей... как угодно вооружённых... А ты говоришь — охрана. От такого не убежишь! Но, знаешь, Парис, самое главное — даже не его огромная сила и зоркость. Нет! Главное — он *неживой*. Не человек и не зверь.

— А кто? — Парис, не отрываясь, смотрел на Тесея, словно тот собирался открыть ему тайну мироздания.

— Не знаю, как это назвать... но он весь сделан из меди, золота и драгоценных камней. Может быть, внутри этого устройства сидит кто-то и управляет им, но мне показалось тогда, что он движется сам собой. Уж такая это... максана...[11] устройство, понимаешь? Не обошлось здесь без волшебства Дедалова. Я как это понял, так сразу перестал бояться, но решил, что надо быть начеку, с тем и вернулся к своим, чтобы успокоить их.

— Ты им всё рассказал?

— Зачем? Они бы только больше испугались. Я просто понял, как Минос охраняет свой остров. Полагаю, такой Минотавр у него не один. Жители Крита, конечно, об этом знают, но предпочитают помалкивать. А чужакам знать и вовсе ни к чему. Тем более — болтать направо и налево,— Тесей нахмурился, но тут же продолжил как ни в чём не бывало:— Когда я вернулся, за нами уже прислали из Дворца, и мы вскорости прибыли в Схоликон, где нас уже ждали, можно сказать, с распростёртыми объятиями.

За разговорами дорога показалась друзьям недолгой. К полудню они были уже в Акросе, маленьком приморском городке, где, несмотря на часто пристающие к берегу корабли, любой неместный сразу оказывался на виду. Первый же встречный рассказал Тесею и Парису, как разыскать Икара, а тот и сам рад был, что цель его рискованного полёта над Срединным морем сама его нашла.

Тесей не смог объяснить Икару, что случилось с Дедалом. Буря накрыла критский парусник у самого острова Тира, иначе Тесею не удалось бы выжить. Да и не выжил бы он, пожалуй, если бы не Парис.

Икар бросил на Париса испытующий взгляд, и глаза его потеплели. Может быть... нет, скорее всего, Дедал тоже спасся. А если так — он здесь, на Тире. Надо искать!

— Он жив,— Парис вспомнил, что говорила об этом Урания,— и мы его обязательно найдём!

Тут он замялся, не зная, как спросить, но наконец решился:

— Скажи, не видел ли ты при дворе девочку... странную, не похожую на критских... но очень похожую на Ариадну? Как младшая сестра на старшую...

— Откуда ты знаешь Веру? — в свою очередь удивился Икар.

— Судьба свела,— вздохнул Парис.

— Они не сёстры,— Икар помедлил, но всё-таки решил не погружать мальчишку в глубины науки и магии,— но действительно очень близки. Вера пережила во Дворце и в окрестностях такие приключения, каких любому воину-мужу хватило бы на всю жизнь! А что ей ещё предстоит... никто не знает, Парис! Вера исчезла в тот самый день, когда на Крите праздновали Восхваление Цветов.

— Как — исчезла? — у Париса сжалось сердце.

— Так. Похоже, её похитил Посейдон.

Тут уже Тесей спохватился:

— Разбушевался что-то владыка! То нас с Дедалом едва не погубил, теперь девочек, на Ариадну похожих, ворует... Боги жаждут! Ох, к большой беде судьба!

— Бессмертные беду готовят, но бессмертные и от беды ведут,— глубокомысленно изрёк Икар.— Тебя очень в Кноссе ждут, Тесей.

— Вот как? — Тесей даже порозовел от удовольствия.

....

11. Μαχανά — дорийское слово, от которого, как считают учёные, произошло наше слово «машина».

— Знал бы ты, как Ариадна переживает,— Икар давно понял, конечно, как зацепить Тесея.— Теперь опасность в Кноссе для тебя миновала: дорийцев там больше нет. Скрылись в неизвестном направлении. При желании можно и возвращаться.

Ещё бы не хотеть Тесею снова увидеть Крит! Там остались его товарищи по счастью и несчастью — афиняне и афинянки. Без них Тесей не мыслил вернуться в Афины. К тому же Ариадна… Ах, Ариадна! При мысли о ней у Тесея начиналось учащённое сердцебиение, хотя он и не решался себе признаться в причине. И Минотавр! Неужели ему, Тесею, суждено до конца распутать клубок слухов о Минотавре? Но ведь зачем-то Посейдон привёл молодого афинского царя на Тиру… Что, если, поддавшись искушению и пустившись на поиски приключений в Кносс, он снова нарушит волю бога-покровителя и будет наказан? Ещё страшнее наказан, чем кораблекрушением, в котором едва выжил… К тому же Дедал… Что с ним стряслось? В Афинах ждут не столько отправленную на Крит молодёжь, сколько волшебника Дедала. А Дедал-то, если он жив, конечно, обретается здесь, на Тире. Да и как отправиться теперь на Крит? Снова искать судёнышко для морского похода? И чем расплатиться с перевозчиком? Таким неимущим, как теперь, Тесей никогда ещё не был…

Так думал Тесей, а Икара терзали другие мысли. Где отец? Как его найти? О том, чтобы отказаться от поисков Дедала, не могло быть и речи.

Парис же мечтал об одном: как можно скорее попасть в храм Созерцания, ввести в приборы Урании новые данные и спросить звёзды о Вере.

В комнатушке, где Икар поселился у знакомого рыбака, становилось темно и душно. Икар поднял решётчатую ставню, закрывавшую окно, и подставил лицо вечернему ветру, тянувшему с моря.

— Что будем делать?— сын Дедала, может быть, впервые в жизни был в замешательстве.— Я надеялся найти на Тире и тебя, Тесей, и отца. Пока не разыщу его, не успокоюсь. Но Ариадна… Как представлю себе, в какой она тревоге… Сколько ей предстоит ещё маяться в неизвестности?

— Нас двое — можно разделиться: один останется здесь и будет искать Дедала,— Тесей в задумчивости потёр переносицу,— а другой отправится в Кносс, чтобы успокоить Ариадну. И я даже знаю, кто он, этот другой.

Тесей уставился на Икара и расплылся в улыбке. Действительно. Крылья-то — у кого? Только у него, у Икара. Вот и решение. Всё просто. Икару поручили узнать. Он узнал.

— Крылья?— усмехнулся в ответ Икар.— Есть крылья и для тебя.

Он достал из-под лавки уже знакомый нам заплечный мешок и во всю ширину, насколько позволяли размеры каморки, развернул перед опешившими собеседниками серебристые изогнутые плоскости, собранные из кусочков неизвестной ткани и костяных пластинок, скреплённых маленькими бронзовыми скобками.

— Эх! Тонкая работа!— восхитился Тесей.— Но я же… не умею…

— В том-то и дело,— Икар озадаченно сдвинул брови,— без меня тебе до Крита не добраться.

— Нас трое!— Парис обиженно вмешался в разговор.— И из нас троих лучше всех искать и находить способен я! Не буду справляться — мне сама Урания подскажет. Если Дедал на Тире, я его найду! А потом он сам решит, как дальше быть.

— Мальчик!— изумился Икар.— По силам ли ношу берёшь?

— О! Ты не знаешь его, Икар! Он мал, да удал!— Тесей одобрительно похлопал Париса по плечу.

— Если так…— Икар всё ещё сомневался, но Парис, хотя и выглядел вполне по возрасту — худеньким большеглазым кудрявым подростком, смотрел так по-взрослому уверенно и серьёзно, что сын Дедала сдался, развёл руками и кивнул.

— Но как сообщить в Кносс, что я его нашёл?— Парис уже привык, решая задачу, по возможности не оставлять неизвестных.

— Птица,— Икар снял с угловой полки клетку, накрытую платком, и поставил её перед Парисом.— Это Свирл. Почтовая ласточка Ариадны,— платок упал на пол.— Выпустишь его, когда убедишься, что отец жив и здоров.

Свирл, покачиваясь на жёрдочке, казалось, уставился на мальчика вполне разумным проницательным взглядом, отчего Парису стало даже не по себе.

— Береги его,— сказал Икар, с сожалением оглядев клетку.— Я нёс эту клетку над морем, обеими руками прижав к сердцу.

— Не беспокойся. Я не подведу.

Парис представил себе крылатого человека, летящего над морем с запасными крыльями в мешке на ремне, переброшенном через плечо, и клеткой, обеими руками прижатой к сердцу, и весьма посочувствовал Икару. Путь неблизкий, силы не бесконечные. Икар, конечно, герой! Герой настоящий!

Грустно было Парису смотреть, как Икар и Тесей удаляются от него в темнеющем над Тирой небе… Две огромные чёрные птицы. Однако — хлопот у него прибавилось, и, переночевав в хижине рыбака, на рассвете он пустился в обратный путь — к храму Созерцания.

Он почти вприпрыжку бежал по еле заметной стёжке, протоптанной поутру им и Тесеем в густой траве между седыми оливами и кустами мирики. Клетка, которую он держал в правой руке, покачивалась и вздрагивала, но Свирл, казалось, не обращал на это внимания: сидел себе, нахохлившись, на жёрдочке и в ус не дул. Но вдруг он встрепенулся, заметался по клетке и заверещал

дурным голосом. Что такое? Что случилось? Парис поставил клетку на землю и огляделся. А-а-а… вот в чём дело! Из кустов на краю ближайшей полянки тяжело взлетал молодой коршун, в когтях которого трепыхалась полузадушенная добыча.

— Па-ма-ги-и…— донеслось до Париса.— Па-ма… кха-кха… ги-и-и…

Свирл голосил так, что у Париса заложило уши.

— Понял, понял… прекрати!

Парис пошарил в траве, нашёл камень побольше (камни в изобилии валялись кругом), прицелился как следует и метнул камень в коршуна. Зоркий и ловкий, он не промахнулся! Хищник беспомощно захлопал крыльями, жалобно запищал и выпустил жертву, которая, кувыркаясь и дрыгая конечностями, рухнула в траву прямо перед спасителем.

Парис опустился на корточки, пошарил в траве и, к изумлению своему, извлёк на свет дактиля — измученного, грязного, покрытого какими-то зелёными лохмотьями, с всклокоченной шевелюрой и спутанной бородой.

— Ты кто?— Парис прежде видывал дактилей, но такого матёрого, кажется, впервые.

Дактиль лежал у него на ладони, громко кряхтя и стеная.

— Пап я,— дактиль, с трудом подтянув под себя ноги, сел у Париса на ладони и неопределённо мотнул головой куда-то в сторону.— Мерзавец преследовал меня от самого святилища. А… нет ли у тебя чего-нибудь съестного?

— О каком святилище речь?— Парис пошарил свободной рукой у себя за поясом и вытряхнул из складок одежды немного хлебных крошек.

Дактиль с жадностью набросился на еду, словно и вправду голодал немалое время.

— Как это — какое? На Тире одно святилище. «Таурус»,— Пап удовлетворённо икнул, обвёл мальчишку оценивающим взглядом и в свою очередь вопросил:— А ты кто?

— Я?— Парис рассмеялся.— Наследник Троянского дома. Так что не советую со мной шутить.

— Так и знал,— насупился Пап.— Впрочем, это к лучшему. Ведь я теперь должен отблагодарить тебя за спасение. Таков уж закон пайдитигис[12]. Чего же ты хочешь, большое дитя?

Парису не надо было долго думать. Он точно знал, чего хочет.

— Можешь провести меня на «Таурус»?

Пап замялся, попытался соскользнуть с Парисовой ладони. Но тот предусмотрительно сдвинул пальцы, и дактиль оказался взаперти. Некоторое время он ещё барахтался, пытаясь высвободиться, но быстро понял, что ничего не получится, и обречённо распластался на тёплой коже благосклонного, но не слишком доверчивого гиганта, каковым был для него Парис.

Тут снова Свирл подал голос. Он что-то щебетал на своём птичьем языке, и Парис поклялся бы, что ласточка и дактиль прекрасно понимают друг друга.

— Ладно,— Пап, наконец, смирился со своей участью,— я тебя отведу. Я знаю даже, как попасть внутрь. Бывал… да-да… бывал в святилище не раз. Там много такого, во что и не поверишь, пока сам не увидишь.

Парис благоразумно промолчал о том, что тоже однажды побывал в святилище, однако его любопытство от этого только многократно возросло. Ведь побывал-то он там не по своей воле. А теперь вот — побывает по своей!

— Отпусти меня, не убегу,— дактиль поскрёб ладошку Париса ногтями, длинными и острыми, как когти.— Я — твой должник. Сказано — сделано. Иди за мной. И ласточку выпусти — легче следить будет.

Парис покрутил головой: как же выпустить Свирла? Ведь он — единственная связь с Кноссом.

— Думаешь, он дурак? Или — предатель?— возмутился Пап.— Поверь, он знает, что делать. Не хуже, чем ты или я.

Парис приблизил ладонь к земле, Пап спрыгнул с руки и тут же указал на клетку. Мальчик повернул щеколду, открыл клетку, Свирл выпорхнул и стал кружиться над ними, что-то настойчиво щебеча.

— Идём же,— Пап засеменил кривыми ножками в траве с такой неожиданной быстротой, что Парис сразу оценил его предложение насчёт Свирла.

За передвижениями дактиля без ласточки, летящей над ним, следить было бы невозможно.

Ох… как в русской сказке, долго ли, коротко ли они так бежали и летели, но Пап наконец остановился. Перед ними возвышалась плоская скала, уходящая вправо и влево насколько хватало глаз,— пожалуй, в три человеческих роста высотой.

— Ну, теперь смотри.

Чтобы разглядеть, что показывает Пап, Парису пришлось лечь животом на землю, и то, что он увидел, вполне укладывалось в его представления об устройстве всевозможных приборов и аппаратов, которые он успел почерпнуть в храме Созерцания.

Это была вертикальная серебристая плашка размером как раз, пожалуй, с человеческую ладонь. На ней мерцали белые, красные и зелёные огоньки. Для кого бессмертные устроили такое? Может, как раз для дактилей, которые им служат?

— На вход — два зелёных, белый и красный,— Пап весь сморщился, говоря это. Видно было, что он нарушает какое-то, очень важное правило, и это его смущает.— На выход — в обратном порядке, только и всего.

Недолго думая, Парис потрогал пальцем огоньки, и… Каменная стена перед ним раздвинулась,

12. Пайдитигис — дети земли, самоназвание племени дактилей.

и мальчику открылся туннель со сводчатым потолком, озарённый рассеянным, неведомо откуда исходящим светом.

— Вот,—дактиль вздохнул, развёл руками,—ты получил что хотел. Я свободен. И я пошёл.

— Стой, стой!—закричал Парис.

Но было уже поздно. Дактиль исчез.

И всё бы ничего, но вместе с ним исчез и Свирл. Парису оставалось лишь надеяться, что мудрая птица сама знает, что делать. И всё сделает правильно.

А Парис, не колеблясь более ни секунды, вошёл в святилище и зашагал по туннелю, предварительно закрыв за собой вход.

Долго шагать ему не пришлось. По мере движения своды туннеля становились всё выше и выше и, наконец, потонули в сизом сумеречном тумане.

Парис шёл, шёл и оказался в зеркальном зале, похожем на тот, в который перенесла его Афродита, когда он нечаянно разгневал её бессмертных соперниц и расстался с Верой. Сейчас, вместо того чтобы паниковать, как тогда, он дождался момента—и, вытянув руку, попытался совместить растопыренные пальцы с протянутой к нему рукой собственного отражения. Это не сразу ему удалось, но он уже видел подобные штуки в храме Созерцания и, сосредоточившись на своих ощущениях, набрался терпения. Но вот зеркальные стены стали затягиваться белой мутью, и теперь Парис был уже в помещении совсем знакомом: такие же экраны, панели, пульты, как в башне Урании. И всюду—мигающие огоньки: красные, белые и зелёные.

Парис прекрасно помнил, что посреди Белого зала находился чёрный столб с доской управления наверху и что бессмертные входили и выходили из зала прямо сквозь стены. Без видимых усилий: приближались к ним—и всё. Были—и нет.

Чёрного столба здесь не наблюдалось. Парис решил исследовать стены. Он пытался и так, и этак соприкасаться с веществом, из которого они состояли,—стены мягко пружинили под его прикосновениями, толчками и ударами, но оставались стенами. Непробиваемыми и непроходимыми.

Тогда Парис встал на четвереньки и стал искать что-нибудь для входа и выхода, предназначенное для дактилей. Видимо, дактили давно и специально служат бессмертным на «Таурусе». Надо понять, как они перемещаются здесь... внутри...

А-а-а... вот... в самом низу у стены он обнаружил точно такую же серебристую плашку с огоньками, как у входа в святилище. Так... два зелёных, белый и красный...

Париса выбросило в соседний зал, и он тут же зашёлся неукротимым кашлем, прижав руки к горлу и вытаращив глаза.

— Дурное дитя! Как ты сюда попало?—из стены напротив, прихрамывая, вышел седовласый великан в серой робе.

Теряя сознание, Парис успел подумать, что у великана руки кузнеца—жилистые, мозолистые, с въевшейся под ногти ржавчиной.

Кузнец топнул, хлопнул—перед ним тут же вырос чёрный столб с панелью управления. Раз-два... Парис судорожно вдохнул... задышал... и—уже привычно—увидел, как лицо кузнеца исчезает под шлемом в виде головы быка—могучего, но добродушного.

Окончание следует...

Светить всегда!

Произведения учеников
Красноярской гимназии №13

Мария Клейн

8 класс

● ● ●

Потрёпанный город, где вечно темно,
Где призраки детства шагают в кино,
Где снегом седым окутан весь город,
Где кошки холодные лезут под ворот.

В городе том были страсти, победы,
Бессилие, слабость, ужасные беды.
Но сколько бы нам ни пришлось пройти,
Я верю в то, что мы не собьёмся с пути.

И какими бы ни были трудности,
Сколько б в нас ни было трусости,
Мы дойдём до награды по тонкому льду
И руками в перчатках ухватим мечту.

● ● ●

Темнота полуночная песни поёт,
Колыбельными манит и в сказку зовёт.
Но включается свет, и мы щурим глаза,
От чудеснейших снов не осталось следа.

Спальники мягкие не хотят отпускать,
Котики плюшевые тащат в кровать.
Взявшись за руки, мы тихо сопим,
Сладкие сны снятся нам двоим.

● ● ●

В обшарпанных стенах живёт вдохновение,
В ночи оно бродит, как будто видение,
И вместе с тенями танцует во мгле,
Баллады свои все поёт в тишине.

И пишет прекрасные письма пером
О том, что уж было и будет потом.
Узоры на окнах распишет к утру,
Стихами заполнит всю ту пустоту.

Но птица запела, за ней остальные,
Захрустели на холоде балки стальные.
Вдохновение уходит до следующей ночи,
Напоследок прикрыв свои красные очи.

Дарья Похабова

8 класс

Светить всегда

Вот казалось бы: моё единственное предназначение в этом мире—светить. По словам некоторых людей, светить—это смысл жизни человека, и я как бы невольно его исполняю, хоть всё же я и не совсем человек. А что, если мне не хочется освещать комнату тем людям, кто живёт в этом доме? Что, если я вообще не хочу светить? Я не хочу, чтобы кто-то видел мою вольфрамовую нить, молибденовые держатели, штигель, да даже цоколь, мою ногу, на которой держится моя стеклянная голова,—я не хочу, чтобы её видели. Я не хочу висеть кверху ногой, не зная, насколько надёжно меня вкрутили. И ведь если я начну падать, то мне только и останется, что смотреть вниз с широко распахнутыми глазами и помирать уже не от разбитой головы, а от осознания собственной беспомощности. Я хочу иметь защиту, череп как у людей обтянутый жирной кожей, и знать, что я останусь жива после того, как упаду на твёрдый пол. Я говорила вам в начале, что не хочу светить, но теперь, перед страхом смерти, я готова одна освещать хоть королевский бальный зал, лишь бы жить, потому что, несмотря ни на что, умирать уже как-то не хочется. Я надеюсь, что я не начну моргать или не лопну, как моя соседка, но знаете, её смерть—это ещё не самое страшное. Самое страшное—это то, что её меньше чем за пять минут смогли заменить…

Двое на корабле

—Замечательно, дверь не поддаётся, ах, какая прелесть! Даже сдвига нет! Хорошо, очень хорошо…—перед тяжёлой дверью суетился весьма и весьма коренастый мужчина в зелёном камзоле.

Он колдовал над чем-то, пытался сделать хоть что-нибудь, но у него ничего не получалось. Но, судя по голосу, он вовсе не унывал, наоборот, был очень лёгок и даже весел.

—Где я?—грустно и недоуменно раздалось за широкой спиной.

— Мы, мой хороший мальчик, тонем на судне под именем «Испаньола»,—доктор захохотал в своей привычной, немного безумной манере.

Только что поднимавшийся с мешков Пьеро снова упал на них. Он запрокинул голову, приложил ко лбу ладонь и, изображая тяжелейшие страдания, проныл:

— Ах, Мальвина!

— Здесь нет никаких женщин, успокойтесь,—уверил Дэвид и подошёл к Пьеро.—Дорогой мальчик, что-то ты бледно выглядишь!—подметил он неестественную бледноту его кукольного напудренного лица.

— Ах, я умираю!

— Ох, и отчего же?—мужчина взял куклу на руки.

— Я умираю от любви,—мальчик буквально расплывался на чужих руках.

— От любви к Мальвине?

— От любви к жизни.

— Ах, не умирайте у меня на руках!—любезно попросил его доктор.—Вот, посидите пока тут, я заделаю пробоину.

Он посадил Пьеро на полку, а сам принялся латать дыру. Доктор метался из стороны в сторону, хватал то бочки, то мешки, то ещё что-нибудь большое, но вода выбивала всё из его рук и относила к проклятой двери.

— Слово «потоп» и слово «смерть» для нас означает одно и то же!—вывел он сам для себя.

Мужчина уже не мог было найти то, чем можно было бы заткнуть дыру, но тут наткнулся на свой медицинский саквояж. Его прихватил Пьеро ещё тогда, пред тем как его подняли и усадили под потолок, просто на тот момент доктор не обратил на это должного внимания. Сейчас же он мигом подлетел к полке, раскрыл саквояж, выудил оттуда хирургическую иглу, нитки и принялся зашивать бедную «Испаньолу».

— Ах, мы спасены!—воскликнул мальчик и чуть было не уронил вещичку с медикаментами.—Могу ли я узнать имя моего спасителя?—немного встрепенулся он.

— А-ха-ха-ха-ха! Зови меня доктор Ливси!—улыбчиво произнёс Дэвид.—А ты, мой мальчик? Как твоё имя?

— Пьеро, господин Ливси. Доктор Ливси, да,—запинаясь, ответил он.—И ведь подумать только, мы чуть не погибли!—Пьеро, который начинал расцветать и раскрываться на глазах, снова скукожился и стал по-прежнему грустным и беспокойным.

— Не принимай всё близко к сердцу!—доктор Ливси потрепал его по чёрной макушке.—Не померли ведь! Да и, в конце концов, если бы и померли, то с кем не бывает, Пьеро!

Мальчик напряжённо застыл, будто бы соображая что-то, а затем опять откинулся, расплылся и снова простонал.

— Ну, ну, мой мальчик! Держи себя в руках! Если б ты не схватил мой саквояж, то мы бы потонули вместе со шхуной!—похвалил его Дэвид.

Пьеро немного повеселел и сел по-прежнему ровно. И вот, казалось бы, на этом должна была закончиться их удивительная история, вот только лицо Пьеро стало бледнее его грима, словно он только что увидел привидение.

— Доктор Ливси,—обратился он с неподдельным беспокойством,—а как же мы выберемся отсюда?

Дэвид немного потупил взгляд, затем осмотрелся и ничего не нашёл, кроме своего лечебного сундучка.

— Я свяжу нам подводные костюмы,—отшутился он и потянулся за новой порцией ниток…

Ульяна Косякова

1 класс

Где был мяч?

А мяч был у Ули и Алисы! Они играли в мяч и веселились! Но настал вечер, и пришла пора спать, и они просили разрешения у мамы ещё немножко поиграть. Но мама сказала:

— Никаких играть! Ночь на дворе.

Девочки очень огорчились. Но делать нечего, пришлось ложиться спать. А среди ночи Алиса поднялась и разбудила Улю:

— Вставай, Уля! Пока мама спит, можно поиграть.

Они тихонько вышли на улицу и стали играть в мяч. Но вдруг мяч укатился в ночную мглу.

— Ты видишь мяч?—спросила Алиса Улю.

А Уля ответила:

— Нет. А ты?

— Я тоже не вижу,—сказала Алиса.

Они стали искать мяч и не заметили, что вышли за калитку. И Уля сказала:

— Алиса, мне кажется, что эти места мне не знакомы.

Но тут стало светать, и встающее солнце было так похоже на их мячик. И девочки заметили, что идут по главной дороге, а мяч валяется в канаве. Они подняли мяч и побежали домой.

Когда они вернулись, мама уже встала. Она сказала:

— Ох, шалуны вы мои! Ну кто ночью играет?—но простила их.

Анна Шпенглер

5 класс

Лес

Иду по лесу тёмному,
Широкому, высокому.
Деревья лишь колышутся,
Мне разговор их слышится.
И шепчет ель сосне:
«Наш дуб подрос, весь в силе».
И шепчет ива ниве:
«Замёрзну я к весне».
Задумались немножко—
И снова за гармошку.
Трещат, трещат, ломаются,
От ветра наклоняются.
И кажется прохожим:
Лес на людей похожий.

Юный поэт

Сочиняла я стихи.
Ну, скорее посмотри!
Бегали, скакали,
Пели, танцевали,
Ожидали мышки,
Встречали их малышки.
Ну а мысль где же?
Сочиняй пореже.

Сибирь

Карусели родимой метелицы
Да тропинка в могучем бору,
Медвежата в берлоге медведицы,
Белки и зайцы в лесу.
Белоснежным покровом застелена,
Как невеста, свежа и чиста.
Ну а летом прекрасна и зелена
И, как ребёнок, проста.
Под обрывом стоит монастырь,
Это матушка наша Сибирь!

Буквы

Буквы—дружные ребята,
Им везде и всё им надо.
Разбегутся по порядку,
Начинается зарядка.
Так сойдутся—слово «галка»,
Разбегутся—слово «палка».
Получаются слова,
Тут «палатка», там «вода».
В школе прозвенел звонок—
Буквы мигом на урок.
Дети пишут и читают,
Буквы в том им помогают.
Не ленись, открой букварь
И науки познавай!

(1947–2002)

Виталий Шлёнский

Нагулял козлёнок волчий аппетит

Ну и кот!

У бабушки Кати
Лежит на кровати
Любимый откормленный кот.
А бабушка Катя
Сидит под кроватью,
Бедняга не ест и не пьёт.

Давно старушонка
Мечтает мышонка
Поймать для кота на обед.
А бабушке Кате
Лежать на кровати
Пора бы на старости лет.

Быль

Травка зеленеет,
Солнышко блестит.
Нагулял козлёнок
Волчий аппетит.
Козлику навстречу
Серый волк идёт,
Только не голодный,
А наоборот.
Волк проблеял что-то,
Козлик прорычал,
И у сказки вышел
Жизненный финал.

«ДиН» №1, 1993-1994

Красноярский литературный лицей: *Сны и мечты*

Рита Данилина

10 класс

Пришелец

Уже несколько десятилетий идёт война с пришельцами… Много лет они бомбят наши города, выжигают поля, рушат горы. Но мы до сих пор не сдались. Я участник первых сражений этой войны, на поле боя меня контузило, и я отправился в тыл. Комплектую легионы, помогаю раненым. Всё ради того, чтобы отомстить пришельцам за мой дом и семью!

До сих пор мы не могли взять никого из пришельцев в плен. Все они или умирали от попадания снаряда, или задыхались, как только с них снимали скафандр. Наконец мы поняли, что они дышат каким-то кислотным газом[1], которого мало в нашей атмосфере, поэтому перестали снимать с них шлемы.

И вот—к нам попал тяжелораненый пленник. Мне, как единственному военному в нашем лагере, поручили провести допрос, так как до ближайшего населённого пункта его не довезли бы. С него сняли скафандр, нацепили маску, по которой ему подавался необходимый для его жизнедеятельности газ. Наконец-то всё было готово. Меня предупредили, что времени мало, поэтому я действовал быстро.

Пленник сидел перед мной. Он был огромного роста, с длинными задними конечностями и худыми—передними, очень маленькая голова наполовину скрыта маской, под неё провели микрофон. Маленькие глаза смотрели на меня с ненавистью.

Я надел наушники, включил переводчик и начал допрос.

— Итак, с какой целью вы прилетели на нашу планету?—не стал медлить я.

— Ресурсы,—раздался в наушниках каркающий голос, чуть искажённый переводчиком.

— На вашей планете не хватает ресурсов? Мы могли бы наладить торговые отношения…

— Не считай себя умнее других. Уж не знаю, насколько развита ваша цивилизация, но нам не хватает не просто ресурсов, а территории. Вся планета покрыта городами, на орбиту выведено множество обитаемых станций, но жить всё равно негде, да и не на что, так как не хватает еды, воды, не говоря уже о металлах. Ваша планета—ближайшая к нам в зоне Златовласки[2]. И тут—вы!—голос стал злее и громче.—Вы! Жалкие насекомые! Наслаждаетесь благоприятным климатом, ресурсами. Счастливчики!

— Не волнуйтесь, вам вредно,—обеспокоился я.

Но было уже поздно. Судя по всему, рана вскрылась, и пришелец стремительно бледнел.

Терять было уже нечего, и любопытство взяло верх.

— Последний вопрос. Как вы называете свою расу? Свою планету?

Тихий, сиплый голос прошелестел в наушниках:

— Люди. Земля.

1. «Кислотный газ»—кислород, название которого переводится как «рождающий кислоты».
2. Зона Златовласки—в астрономии, зона, в которой могут находиться планеты с условиями, похожими на земные, пригодными для жизни.

Люба Турусина

11 класс

Пять стадий принятия неизбежного

Стадия первая: отрицание

Я сижу за столом. Руки скрещены на груди. Ноги скрещены по-турецки. Голова опущена вниз. Глаза закрыты.

— Нет.

Я говорю это громко и твёрдо. Ничего и никого не боясь. Всем видом выражаю свои уверенность и негодование.

— Нет. Никогда. Ни за что.

Растянувшаяся на полу кошка смотрит как на дуру. Сидящая неподалёку Женька, впрочем, тоже не одобряет.

— Ты чего?

Я смотрю на неё, поджав губы. Отвечаю слегка сердито:

— Я про-тес-ту-ю. Протестую!

Сестра пожимает плечами и отворачивается к себе.

Стадия вторая: гнев

— Да что б тебя!

Услышав мой вопль, кошка, уже уютно устроившаяся на Женькиной кровати, вскакивает и смотрит на меня дикими глазами. Сама Женька тоже поворачивается ко мне, уставившись своим самым скучающе-осуждающим взглядом, который у неё был.

А я не успокаиваюсь:

— Нет, ну ты видела? Видела?! — я машу руками, пытаясь во всей красе показать ей свою проблему.

Женька смотрит на мою беду. Потом на меня.

Судя по всему, пока что моя проблема в её глазах занимает куда более привилегированное положение, чем я.

Я надуваю губы. Сестра фыркает и отворачивается, оставляя меня наедине с моей проблемой и вконец упавшим настроением.

Стадия третья: торг

— А может, завтра попробовать? — философски спрашиваю я себя спустя два часа бессмысленных попыток.

Сестра, уже надевшая наушники, меня явно не слушает. Зато кошка, снова растянувшаяся пузом кверху посреди ковра, смотрит на меня самыми печальными глазами. Жалость в них не прочитал бы только слепой. Только вот кого она жалеет — меня, не первый час страдающую ерундой, или себя, вынужденную на это смотреть?

С видом глубокой задумчивости, от которого и сам Мыслитель позеленел бы от зависти, я пытаюсь прикинуть свои шансы разобраться со всем на завтрашний день. Тяжело вздыхаю. Пасьянс отчаянно не складывается, упираясь всеми ногами и руками.

— Ну, может, тогда перерывчик? Хоть на полчасика…

Стадия четвёртая: депрессия

— Какая это кружка чая по счёту? — интересуется Женька, едва я появляюсь на пороге комнаты.

Я рассеянно пожимаю плечами и иду к своему столу. Кошка, сидящая на нём рядом с ноутбуком, встречает меня самым подозрительным взглядом.

Я смотрю на неё в ответ, подняв бровь. Нашу безмолвную баталию за право сидеть за столом в одиночестве прерывает повторный вопрос сестры:

— Так какая?

Я сгоняю кошку со стола и отвечаю ей самым тоскливым голосом:

— Оставь меня, старушка, я в печали.

— Значит, пятая, — удовлетворённо кивает сестра и снова надевает наушники.

Я опять устраиваюсь на стуле, скрестив ноги, и принимаюсь за чай. Кошка, скинутая на пол, смотрит с сочувствием. Или с недоумением, тут сложно понять.

За дверью доносится голос мамы, зовущий ужинать. Коротко мяукнув и взмахнув хвостом, кошка вскакивает на лапы и, смешно тряся объёмным боками, бежит на кухню. Тяжело вздохнув, я направляюсь за ней.

Стадия пятая: принятие

Я снова сижу за столом. Ужин был съеден, чай допит, а проблема всё ещё не решена. С этим надо что-то делать.

Женька снова в наушниках, снова за соседним столом. Кошка снова лежит на её кровати и сопит так, что её слышно с другого конца квартиры.

Часы негромко тикают.

Ноутбук стоит передо мной. На экране высвечивается белый лист Word с одной-единственной строчкой в самом начале.

Я решительно встаю и иду на кухню. Пошаманив несколько минут с кипятком и заваркой, я возвращаюсь к столу со свежезаваренным чаем и сажусь на стул, по-турецки скрестив ноги.

Пора приниматься за сочинение.

Лиза Царегородцева

Сны и мечты

Когда меня спросили, чувствовала ли я любовь, я сразу же подумала: «Нет, точно нет». Но позже в голове всплыло одно странное воспоминание.

Однажды мне приснился сон. В нём было много света, солнце разливалось повсюду. Помню ещё движение глаз, край улыбки и чьи-то рыжие кудри, обжигающие меня.

С тех пор я несколько раз просыпалась вся в слезах и никак не могла вспомнить. Целыми днями меня преследовало жгучее чувство утраты. Я постоянно что-то или кого-то искала, вглядывалась в каждого прохожего.

Кто же? Кто он? Как твоё имя?

стр. 78 Ахметов Сергей Сергеевич
Алматы (Казахстан), 1988 г. р.

Окончил Казахстанский институт менеджмента, экономики и прогнозирования (бакалавр экономики), а также Казахский национальный университет (магистратура факультета журналистики). В данный момент является директором транспортной компании. Публикуется в интернете. В 2021 году проза опубликована в литературном альманахе «Unzensiert» (Германия) и в литературном онлайн-журнале «Дактиль» (Казахстан). В 2022 году — публикации в журнале «Сибирские огни» (Новосибирск), в журнале «Автограф». Вошёл в шорт-лист литературной премии Qalamdas, посвящённой памяти Ольги Марковой, в номинации «Детская литература».

стр. 96 Бутусова Светлана Владимировна
Абакан, 1993 г. р.

Родилась в Донецке. В августе 2021 года переехала в Хакасию, в город Абакан. По образованию филолог, литературовед (окончила Донецкий национальный университет в 2015 году). Работала корреспондентом в республиканской газете «Макеевский рабочий ДНР». Публиковалась в сборниках «Русская история чародейства» (2020), «Антология русской литературы XXI века» (вып. 11/2020), «Сказки на ночь» и «Все на маёвку» издательства «КУБиК». Серебряный лауреат Международного литературного конкурса «Большой финал» (2020–2021). Победитель Всероссийского литературного конкурса «История для Алисы». Финалист открытого заочного международного литературного конкурса «Зимняя история». С книгой «Игра в человека. Сага о Виннфледах» вошла в лонг-лист литературной премии «Электронная буква 2022».

стр. 105 Герман Игорь Викторович
Минусинск, 1964 г. р.

Окончил Кемеровский государственный институт культуры. С 1985 года работает актёром в театрах Красноярского края, с 1996 года — в Минусинске. Публикации в журналах «Истоки», «День и ночь», а также в коллективных сборниках.

стр. 112 Голубь Игорь
Калининград, 1984 г. р.

Поэт, прозаик, член Союза писателей России, руководитель Совета молодых литераторов Калининградской области. Редактор и издатель всероссийского молодёжного литературного журнала «Веретено», составитель и издатель антологии молодёжной поэзии России «111». Автор пяти поэтических сборников (2015–2020), сборника рассказов «Жить» (2020). Публиковался в журналах «Подъём», «Бельские просторы», «Наш современник», «Симбирскъ», альманахах «Образ» и «Арина». Лауреат литературной премии «Молодой Петербург» (2018).

стр. 117 Гусева Елена
Рязань, 1976 г. р.

Родилась в городе Касимове Рязанской области. Окончила факультет иностранных языков Рязанского государственного педагогического университета. Долгое время жила в Ухте (Республика Коми), работала преподавателем английского языка в техническом университете. В настоящее время живёт в Рязани, преподаёт латынь студентам медицинского университета. Публиковалась в коллективных сборниках, альманахе «Литературная Рязань», журнале «Приокские зори». Вошла в шорт-лист всероссийского конкурса «Хрустальный родник-2018», лонг-лист IV международной поэтической премии «Фонарь-2022». Финалист рязанского городского конкурса «Свободный микрофон-2019». Член Рязанского отделения Союза литераторов России.

стр. 29 Ерёмин Николай Николаевич
Красноярск, 1943 г. р.

Родился в городе Свободном Амурской области. Окончил Красноярский медицинский институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Автор ряда поэтических сборников и книг прозы: «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья» и др. Лауреат премии «Хинган». Победитель конкурса «День поэзии Литературного института-2011» в номинации «Классическая лира». Дипломант конкурса «Песенное слово» имени Н. А. Некрасова. Публиковался в журналах «День и ночь», «Новый Енисейский литератор», «Истоки», «Бийский вестник», «Вертикаль» (Нижний Новгород), «Огни Кузбасса», «Провинциальный интеллигент», «Интеллигент» (Санкт-Петербург), «Русский берег» (Благовещенск), «Флорида» (Майами), «Лексикон» (Чикаго) и др. Член Союза писателей СССР, Союза российских писателей.

стр. 17 Карпов Гений Павлович
Красноярск, 1926 г. р.

Родился в Читинской области (ныне — Забайкальский край). Служил в действующей армии, после окончания Великой Отечественной войны был

демобилизован в октябре 1950 года и поступил на шестимесячные курсы при управлении «Красноярскгеология». К тридцатилетию окончил вечернюю школу, в тридцать шесть — получил диплом горного инженера-геолога, в пятьдесят — диплом кандидата геолого-минералогических наук по специальности «вулканолог». В шестьдесят ушёл на пенсию и продолжил заниматься геологией трапповой формации Сибирской платформы как независимый исследователь. Награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Японией», «За заслуги в разведке недр», «Ветеран труда», а также юбилейными наградами. Автором опубликованы 24 статьи и одна монография «Трапповая формация Сибирской платформы и другие проблемы геологии». Написаны книги «Геологические были», «Тайна исчезновения вулканов Эвенкии раскрыта» и «Древние вулканы Эвенкии».

стр. 124
Кириллова Елена Николаевна
Томск, 1959 г.р.

Родилась в Хабаровске. Окончила Томский государственный университет (физический и психологический факультеты), колледж социально-культурных технологий (педагог дополнительного образования: хореография). Кандидат физико-математических наук. Член Союза журналистов России (1995). Автор пяти поэтических книг и многочисленных публикаций в литературных журналах. Член Союза российских писателей (2005). Председатель регионального представительства СРП с 2017 года.

стр. 61
Кузичкин Сергей Николаевич
Красноярск, 1958 г. р.

Родился в Тайшете Иркутской области. Первый рассказ «Совсем простая история» был напечатан в местной газете «Заря коммунизма» 2 января 1980 года. В 1979–1983 годах входил в состав литературного клуба «Бирюса». Печатался в центральных газетах, в городских, районных и многотиражных газетах Иркутской области, Красноярского и Алтайского края; в коллективных сборниках столичных издательств, в журналах «Енисей», «День и ночь», «Новое и старое», «Луч», «Мир Севера», «Соотечественник», в еженедельниках «Литературная Россия», «Обзор». Автор проекта нескольких литературных альманахов. Автор трилогий «Избранники Ангела» и «Времена и бремена», а также сборника стихов и нескольких книг повестей и рассказов. В 2005 году окончил Высшие литературные курсы в Литературном институте имени А. М. Горького в Москве. В 2006 году в московском издательстве «Амадеус» отдельной книгой вышел роман «Андрей + Наташа». Лауреат «Московского Парнаса» за 2006 год в номинации «Проза». Лауреат Всероссийского конкурса литературного творчества «Золотой листопад-2008», дипломант международного литературного конкурса по детской литературе имени А. Н. Толстого (2009). С 2006 года — автор проекта и редактор альманаха прозы, поэзии и публицистики «Новый Енисейский литератор», детского альманаха «Енисейка» и ряда приложений. Член Союза писателей России. С 2023 года — председатель Красноярского регионального отделения организации.

стр. 36
Кучерова Инна Сергеевна
Донецк, 1988 г. р.

Поэтесса. Автор четырёх сборников: «Да блаженны Свет нашедшие» (2012), «В эпоху великих» (2020), «Пьесы» (2020), «Письмо солдату» (2022, издан при полной финансовой поддержке читателей из Китая). Также публиковалась в коллективных сборниках и периодических изданиях: «Родная Кубань», «Иван-да-Марья» и др. Стихотворение «Донбасский характер» вошло в книгу «100 великих людей Донбасса» (серия «Сто великих»), изданную московским издательством «Вече» в 2019 году.

стр. 7
Ломтев Александр Алексеевич
Саров, 1956 г. р.

Родился в селе Пузо (ныне Суворово) Нижегородской области. После окончания школы работал инструктором служебного собаководства, киномехаником, мастером по сложной бытовой технике, электромонтёром. Окончил Арзамасский педагогический институт (факультет русского языка и литературы). Основал несколько газет: «Саров», «Саровская пустынь», «Знай наших». Являясь их учредителем и главным редактором, как журналист, специализирующийся на «горячих точках», побывал в Чечне, Приднестровье, Абхазии, Косове, Боснийской Сербии, Южной Осетии; во время кризиса был у стен Белого дома, позже освещал происшествие в «Норд-осте». Публиковался во многих федеральных СМИ России, в том числе в литературных журналах «Роман-журнал XXI век», «Сибирские огни», «Север», «Южная звезда», «Дальний Восток» и др. Автор книг «Путешествие с ангелом», «Ундервуд». Повесть «Ичкериада» стала победителем конкурса «Имперская культура» Союза писателей России. Лауреат нескольких журналистских и литературных премий. Председатель общероссийской медийной организации «Клуб главных редакторов региональных СМИ России». Член правления Нижегородского отделения Союза писателей России.

стр. 144
Мавлиханов Рустам
Салават, 1978 г. р.

Родился в городе Салавате (Башкирия). Учился в Башкирском госуниверситете. Работал в заповеднике, сюрвейером в инспекционной конторе, инструктором по туризму в экотуризме. Публиковался в изданиях «Журнал ПОэтов», «Изящная

словесность», «Нижний Новгород», «Дальний Восток», «Крещатик» и др.

стр. 32
Макеева Наталья Владимировна
Москва, 1975 г. р.

Родилась в Москве. Окончила Литературный институт имени Горького. Автор двух сборников прозы и одного — поэтического. Член Союза писателей России и Союза писателей Донецкой Народной Республики, журналист, общественный деятель.

стр. 115
Муравьёва Мария Витальевна
Дивногорск

Родилась в городе Дивногорске. Стихи писала с детства. В школе стала заниматься в клубе авторской песни, где начала осваивать гитару. В 14 лет стала членом литературного объединения «Потомки Ермака» под руководством Владлена Николаевича Белкина. Неоднократно принимала участие в литературных форумах в разных городах России. Стихи печатались в коллективных сборниках, газете «Огни Енисея», еженедельнике «Аргументы на Енисее», журнале «День и ночь» и других изданиях. В 2004 году выпустила книгу под названием «Живи…», в 2016-м — «Девочка-осень», в 2018-м — «Игры с прошлым». Является постоянным членом жюри конкурса молодых авторов «Проба пера» (Дивногорск).

стр. 38
Наговицын Вадим Николаевич
Красноярск, 1963 г. р.

Прозаик, драматург, публицист, поэт. Член Союза журналистов России. Родился в Норильске. Окончил в 1987 году Норильский индустриальный институт. Работал инженером-строителем на сооружении промышленных объектов Норильского горно-металлургического комбината, затем в райкоме комсомола. С 1991 года — в предпринимательских структурах. В 1994 году создал частную телерадиокомпанию и запустил первую в Норильске частную УКВ-радиостанцию «Наго-радио». Затем издавал журнал «Норильск», газету «Норильские ведомости» и другие. С 1998 года работал генеральным директором телерадиокомпании «Полюс», вёл общественно-политические, философские и литературные передачи на одноимённой радиостанции и на ТВ. Выпустил несколько десятков радиопрограмм. Имеет много публикаций в печатных и интернет-изданиях. С 2002 по 2017 год жил в Калуге. Работал главным редактором епархиального журнала «Православный христианин». Учредитель и директор Калужского фонда русской словесности, главный редактор журнала «Золотая Ока». Автор нескольких книг стихов и прозы. Публикации в журналах «Золотая Ока», «День и ночь» (Красноярск), «Новая Немига литературная» (Минск). Три пьесы автора — «Меценат», «Последняя исповедь» и «Одноклассники» — поставлены Калужским экспериментальным театром Анатолия Сотника в 2011 и 2013 годах. Победитель V Международного литературного фестиваля «Славянские традиции» (номинация «Проза»). Сочинил около ста песен на стихи калужских и известных русских поэтов. С 2020 года — главный редактор литературного журнала «День и ночь» (Красноярск).

стр. 101
Назарова Дарья Геннадьевна
Красноярск, 1991 г. р.

Детский поэт. Детство провела в городе Уяре Красноярского края. В 2008–2013 годах училась в Сибирском федеральном университете по специальности «Журналистика». С 2014 года работает пресс-секретарём в Красноярском краевом Дворце пионеров. За серию репортажей об Олимпиаде 2014 года в краевой газете «Красноярский рабочий» взяла второе место на Всероссийском конкурсе молодых журналистов «Вызов — XXI век» в СФО. Участник Всероссийской школы писательского мастерства с участием молодых писателей СФО (2022). Участник длинного списка XII открытого межрегионального молодёжного литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй» (2022). Член Совета молодых литераторов при Красноярском отделении Союза писателей России.

стр. 102
Нескоромных Вячеслав Васильевич
Красноярск, 1958 г. р.

Родился на Алтае, вырос на Камчатке. Окончил Иркутский политехнический институт, где проработал 30 лет. Окончил аспирантуру (заочно) Московского геологоразведочного института. В данный момент работает в Сибирском федеральном университете, профессор. Лауреат литературных конкурсов и конкурсов на лучшую научную книгу. В 2020 году вышел исторический роман «Сны командора» об истории Русской Америки и участии в этих событиях камергера Николая Резанова. В 2021 году вышел роман «Завет Адмирала».

стр. 170
Саввиных Марина Олеговна
Красноярск, 1956 г. р.

Родилась в Красноярске. В 1978 году окончила с отличием факультет русского языка и литературы Красноярского педагогического института (ныне — университет имени В. П. Астафьева). Стихи, проза, публицистика, начиная с 1973 года, печатались в краевой периодике, а позднее — в журналах и альманахах «Юность», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Москва», «Дети Ра», «Крещатик» и многих других российских и зарубежных изданиях. Несколько стихотворений переведены на польский, французский, испанский, осетинский языки. Музыкальные произведения на стихи М. Саввиных создали известные российские композиторы, в том числе О. Проститов, Э. Маркаич, В. Пономарёв

и другие. Издано более десятка книг стихов, прозы и публицистики. Лауреат Фонда Астафьева (1994), газеты «Поэтоград» (2010) и журнала «Дети Ра» (2011). Обладатель Красноярского краевого Губернаторского гранта за заслуги в области культуры. (2008), ордена Достоевского I степени, главного приза Международного всеславянского литературного форума «Золотой Витязь» и других наград за литературную и общественную деятельность. Автор проекта и первый директор Красноярского литературного лицея. С 2007 по 2019 год — главный редактор журнала «День и ночь». Заслуженный работник культуры Красноярского края. Член Союза писателей России.

стр. 87 **Смирнов Михаил Михайлович**
Москва, 1953 г. р.

Родился в селе Есаулово Красноярского края. В 1975 году окончил Ленинградский финансово-экономический институт. Сорокалетнюю трудовую и служебную деятельность проходил в Иркутской области, Липецке, Нижегородской, Московской и Мурманской областях и Москве. Участник боевых действий в Республике Афганистан в 1981–1983 годах. Работал в промышленной, финансовой и банковской сферах, являлся государственным военным и государственным гражданским служащим. С 2004 года живёт в Москве. В настоящее время пенсионер, полковник в отставке. Имеет государственные и общественные награды. Прозаик, член Союза писателей России с 2014 года, состоит на учёте в Московской городской организации СП России. Автор 24 романов в 34 томах, изданных в Москве, Уфе, Южно-Сахалинске и Екатеринбурге. Наиболее известные из них — «Сокровища Белого моря», «Жертва», «Набат тишины», «Венский узел», «Конечный бенефициар», «Тайны Сахалина».

стр. 122 **Сухов Валерий Алексеевич**
Пенза, 1959 г. р.

Родился в селе Архангельском Пензенской области. Окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института имени В. Г. Белинского и аспирантуру при Московском педагогическом университете (1997, тема диссертации: «Сергей Есенин и имажинизм»). Работал учителем в сельской школе, преподавателем педагогического училища, с 1988 года — на кафедре литературы и методики Пензенского государственного педагогического университета, доцент. В сфере научных интересов — история русской литературы XX века, русский имажинизм, творчество С. Есенина и А. Мариенгофа, автобиографическая и мемуарная русская проза XX века. Автор монографии «Очерки о жизни и творчестве Анатолия Мариенгофа» (2007), шести поэтических книг: «Вербное воскресенье», «Благословение», «Неопалимая полынь», «Родное Архангельское» и др. Стихи публиковались в журналах «Сура», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъём», «Русское эхо», «Странник», «Простор», «Нижегородская провинция», в «Литературной газете». Лауреат Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова (2009), Международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами…» (2010). В 2015 году награждён памятной медалью «Сергей Есенин». Член Союза писателей России.

стр. 3 **Ульянова Галина Андреевна**
с. Сростки (Алтай), 1945 г. р.

Окончила филологический факультет Бийского государственного педагогического института и исторический факультет Горно-Алтайского государственного педагогического института. Работает старшим научным сотрудником Всероссийского мемориального музея-заповедника В. М. Шукшина. Член Союза журналистов России.

стр. 119 **Филиппенко Дмитрий**
Ленинск-Кузнецкий, 1983 г. р.

Основатель и руководитель литературного цеха «Образ». С 2013 года — главный редактор литературных альманахов «Кольчугинская осень» и «ОБРАЗ». Стихи пишет с 15 лет. Автор четырёх книг стихотворений: «На ладонях берёзовых рук», «Небо на подоконнике», «На побережье пульса», «Зайди за мною жить». Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «Наш современник», «Берега» и др. Член Союза писателей России.

стр. 127 **Янковская Татьяна**
Нью-Йорк (США)

Окончила химический факультет Ленинградского государственного университета, работала и училась в аспирантуре во ВНИИСКе. С 1981 года живёт в США, работала в университетах и частных фирмах, 12 лет заведовала лабораторией в корпорации «Honeywell». Литературной деятельностью занимается с 1990 года. Проза и эссеистика публиковались в ведущих периодических изданиях, в т. ч. в «Литературной газете», журналах «Нева» (Россия), «Слово/Word», «Панорама» (США), «Континент» (Франция), «Время искать» (Израиль), а также в сетевых изданиях и альманахах. Лауреат фестиваля «Славянские традиции» и нескольких международных литературных конкурсов. Книга прозы «М & М. Роман в историях» в 2009 году была номинирована на премии «Русский букер», «НОС» и «Русская премия», а книга «Детство и отрочество в Гиперборейске, или В поисках утраченного пространства и времени» вошла в длинный список премии «Ясная Поляна-2013». Рассказы переводились на английский и французский языки. Член Общества русских литераторов Америки (ОРЛИТА) и Клуба писателей Нью-Йорка.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. Н. Наговицын

РЕДАКТОРЫ

Марина Наумова-Саввиных

Дмитрий Косяков

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК

Олег Наумов

КОРРЕКТОР

Андрей Леонтьев

Журнал издаётся с 1993 года.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Учредитель:

Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издатель:

Краевое государственное автономное учреждение «Организационно-методический Медиацентр»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александр Астраханцев
Красноярск

Наталья Ахпашева
Абакан

Юрий Беликов
Пермь

Михаил Бондарев
Калуга

Елена Буевич
Черкассы

Лидия Довыденко
Калиниград

Вера Зубарева
Филадельфия

Александр Кердан
Екатеринбург

Сергей Кузнечихин
Красноярск

Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург

Евгений Минин
Иерусалим

Миясат Муслимова
Махачкала

Александр Орлов
Москва

Олеся Рудягина
Кишинёв

Анна Сафонова
Южно-Сахалинск

Лидия Сычёва
Москва

Андрей Тимофеев
Москва

Владимир Шемшученко
Санкт-Петербург

Нина Ягодинцева
Челябинск

В оформлении обложки использованы картины Валерия Кудринского.

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя: 660049, г. Красноярск, ул. Мира, 57; Медиацентр т. +7 950 991 4349

Наш сайт: krasdin.org

Подписано к печати: 10.04.2023
Дата выхода в свет: 30.04.2023
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

Журнал выходит 6 раз в год

Отпечатано ИП Азарова Н. Н. в типографии «Литера-принт» г. Красноярск, ул. Гладкова, д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340 эл. почта: 2007rex@mail.ru

16+

Валерий Кудринский | Таёжное озеро, стынет вода | 2008

Валерий Кудринский | Прощальный осени наряд | 2011

Валерий Кудринский

Ноябрьская стужа | 2004

Перевал | 2010

На обложке:

Российская земля | 1994